ДЖОН ХЕЙВУД

ЛЮДИ СЕВЕРА

ИСТОРИЯ ВИКИНГОВ 793-1241



Annotation

Цивилизация викингов – уникальное явление в истории. Не было до них европейцев, которые бы так широко раздвинули границы своего мира. Их завоевательные походы, поиски новых земель и легендарная отвага привлекают наше внимание спустя много веков. Книга Джона Хейвуда – увлекательная история древних скандинавов, а также рассказ об их мифологии, согласно которой путь людей Севера начался в Асгарде при сотворении мира.

Автор помещает эту цивилизацию в широкий исторический контекст, от ее языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Такой подход помогает увидеть, что в разных странах эпоха викингов пришлась на разные периоды. Это был особый мир, родившийся в первые века нашей эры в Западной Европе, а окончательно исчезнувший лишь в XV в. в Гренландии.

- Джон Хейвуд
  -
  -
  - Предисловие
  - Введение
    -
    - Сотворение мира
    - Асгард, дом богов
    - Милость богов
    - Слава – единственное настоящее посмертие
  - Глава 1
    -
    - Плаванье Пифея на остров Фула
    - Скандинавия в каменном и бронзовом веке

- Петроглифы
- Происхождение драккара
- Жертвоприношения в Нюдамском болоте
- Парус и Скандинавия
- Руны и магия
- Римское влияние на севере
- Эпоха «Беовульфа»
- Первые скандинавские королевства
- Залы и хёрги
- Старая Уппсала и королевство шведов
- Формирование государств в Норвегии
- Викинги: канун

◦ Глава 2

-
- Святой остров
- Божественное возмездие
- Угроза усиливается
- Норманнская тактика
- «Великая языческая армия»
- Даны и Альфред Великий
- Альфред отыгрывается в Этелни
- Перелом
- Сколько же их было?
- Вторжение Хастейна
- Данелаг
- Норманнское королевство Йорк
- Викинги в Северо-Западной Англии
- Объединение Англии

◦ Глава 3

-
- Пределы власти
- Великий эмпорий
- Империя в опасности
- Оборона франков рушится
- Вопрос приоритетов
- Угроза Парижу

        - Строительство мостов
        - Разорение Фландрии
        - Викинги осаждают Париж
        - Конец осады
        - Основание Нормандии
        - Норманнская Бретань
        - Обращение и ассимиляция
        - Конец эпохи викингов во Франкии
    - Глава 4
        -
        - Остров Святого Колумбы
        - Мученики от викингов
        - Захватчики превращаются в поселенцев
        - Норманнская ДНК
        - Скотты и пикты
        - Рождение Шотландии
        - Экспансия скоттов
        - Оркнейское графство
        - Кровавый орел
        - Расцвет графства
        - Королевство Мэн
    - Глава 5
        -
        - Первый лонфурт
        - Королевство Дублин
        - От лонфурта до города
        - Норманнская работорговля
        - В разделении – сила
        - Викинги возвращаются
        - Викинги в Уэльсе
        - Кашелский утес
        - Битва при Клонтарфе
        - Остманский Дублин
        - Конец норманнского Дублина
    - Глава 6
        -

- Аль-Андалус
- Аль-маджус
- Разорение Севильи
- Великий поход Хастейна и Бьорна Железнобокого
- Ошибка Хастейна
- Посольство к королю маджусов

- Глава 7
  -
  - Из шведов в русы
  - Основание государства русов
  - Речные дороги руси
  - Булгария на Волге
  - Норманнское корабельное погребение
  - В Хазарский каганат
  - Серкланд
  - Русь на Каспийских берегах
  - Дорога в Миклагард
  - Киев
  - Град Константина
  - Ассимиляция и обращение
  - Варяжская гвардия
  - Ингвар Путешественник
  - Угасание связей
- Глава 8
  -
  - Поселения на Фарерских островах
  - Открытие Исландии
  - Захват земель
  - Учреждение альтинга
  - Тингведлир
  - Крещение
  - Камни Гуннбьорна
  - Братталид
  - Навигация у викингов
  - Навигационные инструменты

- Путешествия в Винландию
- Л'Анс-о-Медоуз
- Викинги и скрелинги в Арктике
- Торговля или кораблекрушение?

- Глава 9
  -
  - Битва при Молдоне
  - Этельред откупается от викингов
  - Резня в день святого Брайса
  - Торкелль Длинный
  - Убийство архиепископа Элфиджа
  - Лондон обороняется от данов
  - Эдмунд Железнобокий
  - Кнуд становится королем Англии
  - Внешняя политика Кнуда
  - Битва при Стэмфорд-Бридже
  - Конец эпохи викингов в Англии
- Глава 10
  -
  - Даны и Карл Великий
  - Хедебю: город на пустоши
  - Непрочное королевство
  - Укрепление королевской власти
  - Дания становится христианской
  - Королевский Еллинг
  - Изгнание и смерть
  - Харальд Прекрасноволосый объединяет Норвегию
  - Тирания Харальда
  - Язычество торжествует
  - Норвегия переходит под датское владычество
  - Крещение или смерть
  - Битва в море
  - Годы под властью данов
  - Битва при Стикластадире

        - Норвежский святой король
        - Последний датский король-викинг
        - Королевство шведов
        - Бирка
        - Объединение шведов и гётов
    - Глава 11
        -
        - Нормандская Италия
        - На Иерусалим
        - Венедский крестовый поход
        - Ливонские походы
        - Шведские крестоносцы
    - Глава 12
        -
        - Наследие Магнуса Голоногого
        - Святые графы
        - Последний викинг
        - Скандинавы и гэлы
        - Битва при Ларгсе
        - Тяжелые времена в Исландии
        - Рейкхольт
        - На Гренландию опускается тьма
        - Свадьба в Хвалси
    - Хронология
    - Норманнские короли и правители ок. 800–1100 гг.
        - Короли Дании
        - Короли Норвегии
        - Короли шведов
        - Короли Дублина
        - Короли Йорка
        - Короли Мэна
        - Ярлы Ладе
        - Графы Оркни
        - Герцоги Нормандии
        - Князья Киевской Руси

- Список иллюстраций
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

Джон Хейвуд
Люди Севера: История викингов, 793–1241

Переводчик *Николай Мезин*
Редактор *Наталья Нарциссова*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *С. Чупахина, М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Фото на обложке *iStockphoto.com*

* * *

СКАНДИНАВИЯ



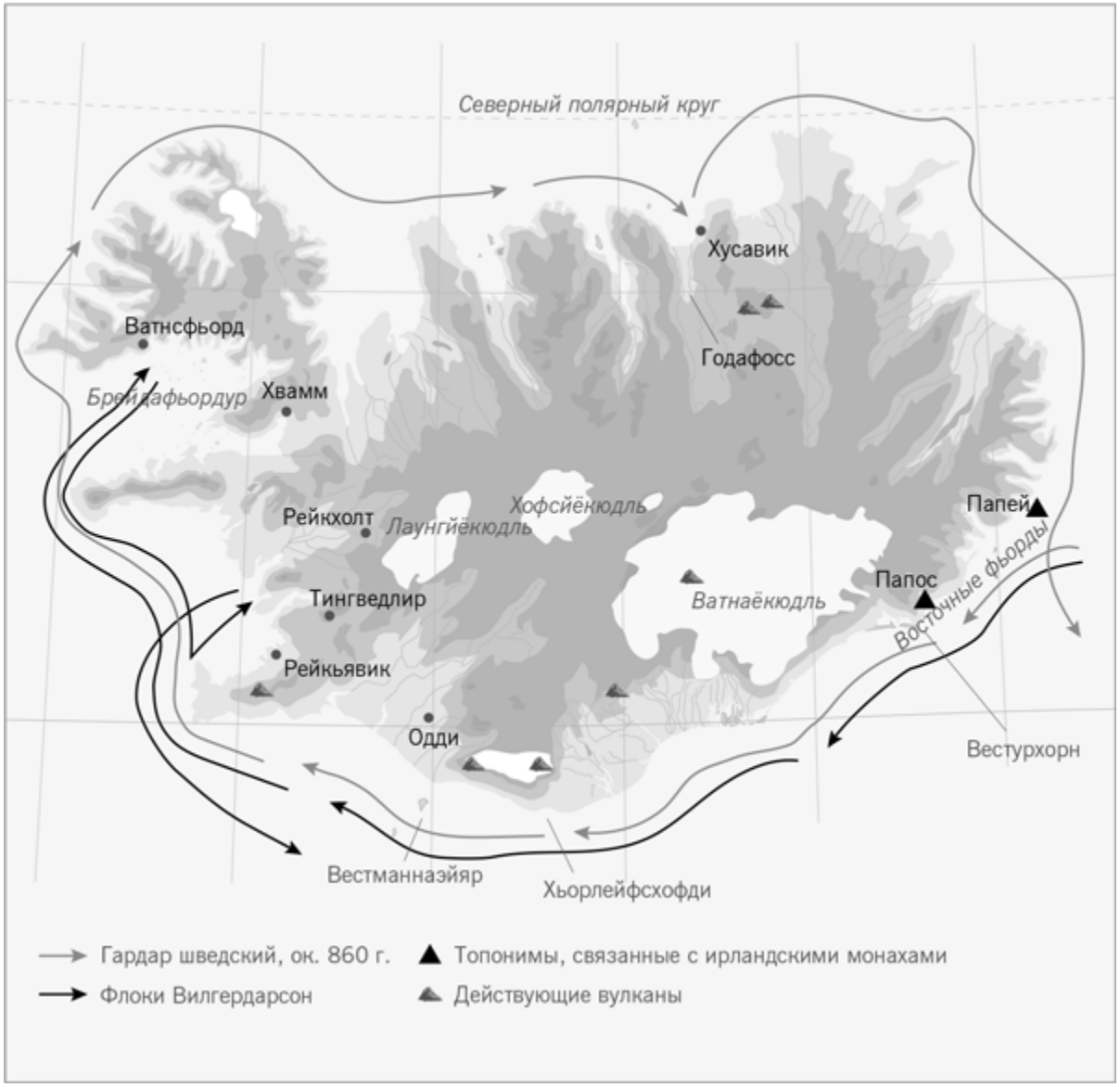
АНГЛИЯ И ИРЛАНДИЯ



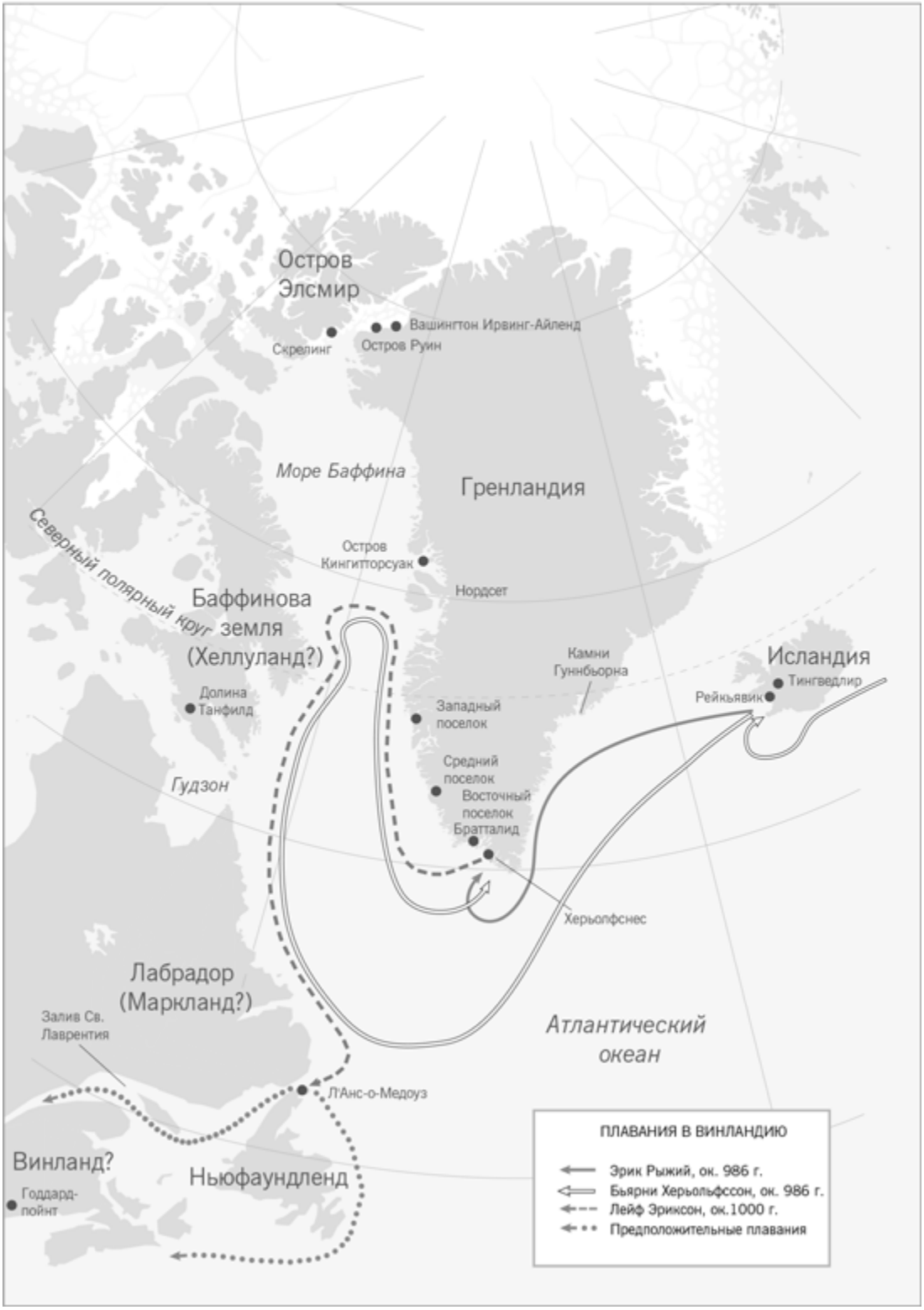
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ок. 800 г.



ИСЛАНДИЯ


Северный полярный круг
Хусавик
Годафосс
Ватнсфьорд
Брейдафьордур
Хвамм
Рейкхолт
Лаунгйёкюдль
Хофсйёкюдль
Папей
Восточные фьорды
Папос
Ватнаёкюдль
Тингведлир
Рейкьявик
Одди
Вестурхорн
Вестманнаэйяр
Хьорлейфсхофди
Гардар шведский, ок. 860 г.
Флоки Вилгердарсон
Топонимы, связанные с ирландскими монахами
Действующие вулканы

ПЛАВАНИЯ В ВИНЛАНДИЮ



ИСЛАНДИЯ


Белое море
Земли, подвластные Руси ок. 900 г.
ФИННЫ
Карелия
Онежское озеро
ФИННЫ
Ладожское озеро
Финский залив
Старая Ладога
Белоозеро
Таллин
Волхов
Чудское озеро
Новгород
Псков
Изборск
Ярославль
Ростов
Волга
Болгар
ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ
Двина
РУСЬ
Гнездово
Днепр
СЛАВЯНЕ
Чернигов
Искоростень
Киев
Дон
Волга
Днепровские пороги
Саркел
Итиль
ПЕЧЕНЕГИ
Азовское море
Каспийское море
Остров
Березань
Дунай
Переяславец
Кавказские горы
ГРУЗИЯ
Доростол
Черное море
Преслав
Сасирети
ДУНАЙСКИЕ БУЛГАРЫ
Барда
Амастрис
Ардебиль
Константинополь
Аркадиополь
АРМЕНИЯ
Абаскун
Мраморное море
Никомедия
Манцикерт
ТАБАРИСТАН
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Тигр
АББАСИДСКИЙ ХАЛИФАТ
Горы Загрос
Багдад
Сидон
Акко
Иерусалим

Предисловие
Как менялись представления о викингах



Поистине уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации – во многих отношениях это были малоразвитые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными, – а то, как широко они раздвинули границы своего мира. Не было до них европейцев, которые повидали бы так много чужих стран. От родной Скандинавии викинги совершили плавание на восток по великим рекам России и дошли, переплыв Черное и Каспийское моря, до Константинополя и Багдада. На западе освоили все побережье Западной Европы, основав колонии в Шотландии, Англии, Ирландии и Франции. Вторгались они и в Средиземноморье, высаживаясь на берегах Италии и Северной Африки. А параллельно с этим пересекли Атлантику, по пути заложив поселения на Фарерах, в Исландии и Гренландии, и стали первыми, насколько мы сегодня знаем, европейцами, ступившими на землю Северной Америки. Именно эти далекие путешествия и отвага первопроходцев привлекают наше внимание к викингам спустя столько веков.

В разные времена к ним относились по-разному. Главными летописцами средневековой Европы были монахи, а поскольку они часто становились жертвами викингов, то много писали о чинившихся ими грабежах, разорении городов и захвате пленников (не особо

распространяясь об изнасилованиях, видимо, потому, что для них, мужчин, хотя бы в этом смысле викинги не представляли опасности). Дикими варварами, сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим, норманны оставались до XIX в., когда наступила эпоха национального романтизма. Именно тогда средневековый образ викингов – непобедимых морских разбойников – получил новую трактовку. Превратившись в европейское захолустье, скандинавские королевства утратили влияние на международной арене и не принимали участия в построении империй, которым занялись Великобритания и Франция. В результате у скандинавов возникло непреодолимое искушение обратиться к героической эпохе, когда они правили миром. Именно тогда смысл слова «викинг» изменился. Средневековые авторы, используя его, подразумевали всякого, кто занимается морским грабежом, то есть пирата, и вовсе не обязательно скандинавского. Считается, что этимологически «викинг» – это «человек из бухты», возможно, потому, что именно в бухтах разбойники прятались, подстерегая торговые суда. Однако под влиянием национального романтизма слово «викинги» стало синонимом «скандинавов раннего Средневековья», и такое употребление закрепилось. Тогда же викингов «оснастили» варварскими рогатыми шлемами, что выглядит романтично, однако исторически недостоверно (заблуждение родилось из-за неверной атрибуции шлемов бронзового века как викингских). И эти шлемы также закрепились в массовом сознании.

Во второй половине XX в. этот воинственный образ подвергся пересмотру. Археологи обнаружили, что у викингов были и мирные занятия – ремесла, торговля, географические исследования, колонизация, – что позволило лучше представить образ жизни этих людей.

Вместе с тем возникла тенденция преуменьшать их жестокость, считая описания монахов-хронистов преувеличением. Отчасти это было гиперреакцией на устоявшееся представление, но, кроме того, после двух кровопролитных мировых войн ни завоевания, ни строительство империй больше не казались европейцам героическими деяниями. И все же эпоха викингов была полна насилия: их торговля питалась военными трофеями, особенно пленниками, а основанию мирных колоний предшествовали кровавые завоевания. Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать всеобъемлющую картину жизни викингов: здесь почти не рассказывается об их достижениях в искусстве, о быте или, например, о положении женщин. Ее цель – поместить норманнскую цивилизацию в широкий географический и исторический контекст, начиная от ее доисторических языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Этот подход помогает увидеть, что эпоха викингов в разных странах началась и окончилась в разное время. В англоговорящем мире ее принято отсчитывать примерно от 793 г. (разграбление Линдисфарна) и заканчивать 1066 г. (битва при Стэмфорд-Бридж), но история не столь скрупулезна. В Скандинавии и Балтии эпоха викингов началась на добрую сотню лет раньше и в ряде отношений длилась еще на век дольше. На островах Шотландии последнее упоминаемое хрониками нападение норманнов произошло в 1240 г. В исландских и гренландских колониях государственные структуры и общественные институты эпохи викингов жили еще в XIII в. Викинги не явились ниоткуда, и закат их цивилизации был долгим. Это длинный путь, начавшийся в Асгарде при сотворении мира и окончившийся свадьбой в Гренландии в XV в.

Введение
Асгард
Мировосприятие викингов

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.
Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет –
никто от нее
не сыщет защиты[1].

Речи Высокого



В эпоху викингов обычный удел скандинава был таков: тяжелый труд на земле, постоянно подстерегающие опасности и смерть на четвертом или пятом десятке. Того, кто решил стать викингом в буквальном смысле этого слова, то есть пиратом, смерть зачастую настигала еще раньше. Опасность утонуть в море была повседневной реальностью для каждого: в непогоду хрупкие скандинавские суда шли на дно или в щепки разбивались о скалы. Купцы постоянно рисковали подвергнуться нападению морских разбойников, а на каждого викинга,

вернувшегося домой с мешком серебра или добывшего себе надел земли на завоеванных территориях, приходился по меньшей мере еще один, изрубленный на куски в битве или умерший от болезни в зимнем лагере. Ясно, что в стремлении стяжать добро, землю и славу викинги охотно шли на отчаянный риск. Идеология этого дерзкого и предприимчивого сообщества всячески порицала уклонение от опасности. Мир, в котором жили древние скандинавы-язычники, не предполагал стремления к какой-либо высокой цели, и если людей и вправду создали боги, они сделали это лишь для собственной выгоды: чтобы было кому приносить им жертвы. Если человеческая жизнь в этом мире могла иметь какой-то смысл, то лишь тот, который ты придашь ей сам, совершив деяния, за которые тебя будут помнить.

Сотворение мира

Скандинавы считали, что в центре Вселенной находится исполинский вечнозеленый ясень Иггдрасиль, ветви которого объемлют небеса и соединяют миры богов, ледяных великанов, огненных великанов, эльфов, гномов, людей и царство мертвых. О происхождении Иггдрасиля и его будущности в мифах ничего не сказано, его существование разумелось само собой и полагалось, по-видимому, вечным. Однако при этом Иггдрасиль не упоминается в скандинавской космогонии, где мир творится в результате взаимодействия враждебных друг другу сил. В начале времен было всего два мира: огненный Муспель на юге и ледяной Нифльхейм на севере. Между ними лежала зияющая бездна Гиннунгагап. Там, где жар Муспеля встречался со льдом Нифльхейма, лед таял и капал. От тепла в каплях пробуждалась жизнь, и они превратились в великана, имя которому было Имир. Пока Имир спал, из пота у него подмышкой образовались еще два великана, мужчина и женщина, а одна его нога родила от другой сына. Таким образом Имир положил начало расе ледяных великанов. Лед продолжал таять, и появилась корова. Ее звали Аудумла. Она насыщалась лизанием соленого льда, а четыре молочные реки, текшие из ее сосцов, питали Имира.

От тепла ее языка изо льда появился еще один великан по имени Бури. Огромный, сильный и прекрасный, он произвел на свет сына по имени Бёр: о матери не сообщается ничего, но ею была, по-видимому, ледяная великанша, поскольку тогда в мире только они и жили – не считая Аудумлы. Бёр взял в жены Бестлу, дочь ледяного великана Бельторна, и у

них родились три сына: Один, Вили и Ве – первые боги. Один с братьями убили Имира и сделали из его тела землю, а из крови – океан и установили над землей его череп, создав таким образом небо. Затем боги поймали несколько искр и горячих углей, вылетевших из Муспеля, и поместили на небо освещать небеса и землю. Также они посадили на небо темную великаншу Нотт (ночь) и ее прекрасного светлоликого сына по имени Даг (день), чтобы они друг за другом объезжали мир раз в 24 часа, и прекрасных брата и сестру по имени Мани (луна) и Суль (солнце). Теперь по их передвижениям можно было исчислять дни, месяцы и годы.

Боги сотворили мир в виде огромного круга. Область по периферии они отдали великанам. Это страна звалась Йотунхейм, и там великаны строили планы мести за убийство Имира. В середине боги из ресниц Имира построили для защиты от враждебных йотунов крепость, окруженную водами океана. Назвали ее Мидгард, то есть «Срединная земля». Наконец, боги взяли мозг Имира и разбросали по небу – так получились облака. На этом с утилизацией Имира покончили. Гуляя по берегу только что созданного океана, Один, Вили и Ве нашли два древесных ствола и вырезали двух первых людей, назвав мужчину Аск (ясень), а женщину Эмбла (вяз), и от этих первых произошло все человечество. Аску и Эмбле отдали на жительство Мидгард. Создав людей, боги занялись строительством собственного царства – Асгарда – небесного города высоко над Мидгардом, к которому присовокупили огненный радужный мост Биврёст, соединивший два царства, чтобы боги могли ездить к людям. О том, давно ли, по верованиям викингов, происходили эти события, мифология не сообщает. Как большинство дописьменных народов, викинги не имели точных методов датировки, и любые события,

произошедшие не на памяти живущих, вероятно, существовали в некоем подобии Времени сновидений австралийских аборигенов.

Асгард, дом богов

В стенах Асгарда находились десятки восхитительных храмов и дворцов, где боги пировали и держали совет. Один, сидя на троне в Валаскьяльве, чертоге с серебряной крышей, озирал весь мир и каждое утро на заре отправлял своих воронов Гугина и Мумина собирать новости. Как любой норманнский вождь, Один имел личную дружину воинов, эйнхериев, набранную из числа храбрейших героев, павших в бою. Эйнхерии обитали в Вальгалле («чертоге убитых»), огромном дворце с 540 входами, каждый из которых был столь широк, что пропускал 800 воинов, идущих плечом к плечу. Вальгалла сияла золотом, вместо стропил там были копья, а крыша сделана из щитов и лат. Каждое утро эйнхерии покидали свой дворец, чтобы провести день в битве. Вечером убитые чудесным образом исцелялись, и все возвращались в Вальгаллу, чтобы ночь напролет пировать, есть свинину и пить мед. Прислуживали героям валькирии («выбирающие убитых»), прекрасные женские божества, облаченные в броню и носившие щиты и копья. По приказу Одина валькирии слетались на поле боя, чтобы решить, кому достанется победа, и выбрать, кому придется пасть, а храбрейших из павших проводить в Вальгаллу. Там героев встречали чашами хмельного меда, а эйнхерии в их честь громко стучали по столам. Норманнские воины знали, что должны заслужить гостеприимство Одина. Платой за него было участие на стороне Одина в Рагнарёке, великой битве, которая предстояла в конце времен и в которой боги и их непримиримые враги великаны должны были уничтожить друг друга огнем и потопом и разрушить саму Вселенную. После этого начинался новый цикл творения.

Милость богов

В скандинавских мифах боги никогда не представали образцами добродетели, достойной подражания. Они стояли выше человеческой морали и, если нужно, легко лгали и обманывали, особенно в отношениях с великанами. Законы в Скандинавии также не были освящены авторитетом богов: за поддержание общественного порядка отвечали люди, и относились они к этому предельно серьезно, несмотря на те бесчинства, что творили в чужих землях. Среди богов лишь Один обладал мудростью. Он принес людям знание рун, поэзию, ярость берсерков и опасную магию под названием сейд, наделявшую даром предвидения и другими, более зловещими способностями. Мудрость Одина записана в «Речах Высокого» – созданном в эпоху викингов анонимном собрании афористичных стихов, которые приписываются Одину и сохранились в единственном исландском манускрипте XIII в. «Речи Высокого» не затрагивают метафизических материй, они целиком посвящены прагматичной житейской мудрости, ценимой практичными людьми. Заводи друзей, не воспринимай радушие как должное и отдаривай полученные дары. Не ссорься без нужды, не затевай драки по глупости. В походе держи оружие под рукой. Не пей много пива и меда, они отнимают разум. Если не знаешь предмета беседы, молчи: слушать полезнее. Будь осмотрителен в делах и всегда опасайся обмана. Сам всегда будь честен, но только не с врагами: их, если сумеешь, обманывай. Советы подчас бывают противоречивы. Автор «Речей» порицает труса, который думает, что, избежав схватки, будет жить вечно, но в то же время заявляет: лучше быть живым псом, чем мертвым львом.

Как и все доиндустриальные аграрные общества, скандинавы были беззащитны перед превратностями стихий и в борьбе за выживание уповали на помощь богов. Тех нужно было умилостивить, и в этом помогали только молитва и жертвы. Главной культовой практикой были праздники с жертвоприношениями, называвшиеся блот («приношение крови»), которые устраивались осенью, в середине зимы и весной. В скандинавском язычестве не было жрецов, поэтому совершал жертвоприношения местный король или вождь. Чаще всего на алтарь приносили свиней и лошадей. Кровь жертвенных животных, которую разбрызгивали на идолов, на стены святилищ и участников праздника, как считалось, укрепляла и людей, и богов. Мясо животных после этого варили в огромных котлах и съедали на священном пиру, где, по верованиям скандинавов, присутствовали и боги. Возносились молитвы и провозглашались тосты за плодородие, здравие и процветание. Иногда практиковались и человеческие жертвоприношения (обычно путем удушения), особенно в честь Одина, который пожертвовал собой, провисев девять дней на Иггдрасиле, чтобы познать тайну рун.

Хладнокровный и расчетливый Один особенно почитался королями, воинами и поэтами, но его скорее боялись, нежели любили. А самым популярным богом был, вероятно, сын Одина, могущественный громовержец Тор. Он был довольно вспыльчив и не особенно сообразителен – в большинстве сюжетов о Торе присутствует ирония по поводу его ограниченности и грубой силы, – но зато дружелюбен по отношению к людям. Тор защитил людей от великанов, желавших хаоса, разбив тем головы волшебным молотом Мьёльниром. Крестьяне и мореходы молили Тора о хорошей погоде. Путешественники носили миниатюрные молоты как

защитный амулет, подобно тому как христиане – образки святого Христофора.

Бог плодородия Фрейр управлял солнцем и дождем, и ему молились и приносили жертвы те, кто хотел мира и доброго урожая.

Из женских божеств самыми популярными, вероятно, были сестра Фрейра Фрейя, богиня секса и любви, и жена Одина Фригг, которую призывали женщины в родах. Жертвы приносили также дисам, безымянным сверхъестественным существам, связанным с плодородием и смертью. Дисы могли споспешествовать в деторождении, и у каждой семьи была своя диса-защитница. Однако, если их прогневать, дисы становились опасны, так что раз в году их умилостивливали жертвами на празднике, называвшемся дисаблот, который в Норвегии и Дании устраивали в начале зимы, а в Швеции – в конце. Случалось, кровавыми жертвоприношениями задабривали и эльфов, так как и они могли досадить человеку множеством способов.

Слава – единственное настоящее посмертие

Обещание Вальгаллы не означало, что викинги были безрассудны в бою. Да, оно могло утешить воина, встретившего на поле боя смерть, но чего викинги хотели на самом деле, так это жить и пользоваться плодами победы. Только для берсерков, фанатичных приверженцев Одина, гибель в сражении бывала действительно желанна. Перед боем берсерки, воя и кусая щит, вводили себя в яростное исступление (berserksgangr, что означает «становиться берсерком»), в котором становились нечувствительны к боли и ранам. Берсерки не носили доспехов, и такое пренебрежение собственной безопасностью устрашало противника, однако большинство из них неизбежно находили свою смерть, которой так жаждали.

За исключением Вальгаллы, в остальном скандинавские представления о загробной жизни были довольно туманными и мрачными. Распространенная практика погребения вместе с умершим даров и принесенных в жертву животных и даже рабов подсказывает, что скандинавы представляли загробную жизнь похожей на земную, вплоть до сохранения социальных различий, и что умершие для них оставались рядом, некими призрачными сущностями, обитающими в могилах. Наряду с этим бытовало поверье, что умершие от болезни и старости, то есть почти все, попадают в наполненный ледяным туманом Нифльхейм, где их ждет безрадостное посмертие и дележ скудной снеди, раздаваемой разлагающейся богиней Хель. Души незамужних дев забирала Фрейя, которая помещала их в своем дворце Фольквангe: Один разрешил ей забирать туда же часть его воинов, чтобы

девы не скучали в одиночестве. Души утопленников собирала Ран и доставляла на остров Хлеси во дворец своего мужа, бога моря Эгира. Проводившим загробную жизнь у Эгира повезло по крайней мере в том, что среди богов он был лучшим пивоваром.

Возможно, как следствие христианского влияния в эпоху викингов в скандинавском язычестве возникла концепция посмертного воздаяния, хотя в виде судилища без судьи. Души праведных попадали в Гимле, дворец с золотой крышей в Асгарде, или в другой гостеприимный чертог, Синдри, на горе Нидафьёль в подземном царстве. Клятвопреступники и убийцы принимали заслуженные страдания в Настрандире, страшном дворце в Нифльхейме, построенном из переплетающихся змей, каплющих ядом. Самые черные души низвергались в Хвергельмир, колодец в подземном царстве, где их пожирал дракон Нидхёгг, трупоядец. Для большинства людей варианты посмертного жребия не обещали ничего такого, что было бы лучше их земного существования: даже самым славным воинам предстояло сгинуть в битве, которой им не суждено было выиграть, так что разумнее всего было жить сегодняшним днем.

Сознание конечности всего, даже богов и посмертной жизни, формировало у скандинавов фаталистический взгляд на жизнь и безразличие к смерти. Считалось, что воин должен встречать ее пожатием плеч и мрачной усмешкой, чтобы показать, что он сохранил самообладание и не поддается страху. Жизнь не стоила того, чтобы за нее особенно цепляться, и, если выпало погибнуть, ты все равно не мог ничего с этим поделать.

Язычники-скандинавы верили, что при рождении каждого человека присутствуют норны – женские божества, определяющие его судьбу. Предуказание судьбы выглядело как сучение пряжи или нанесение

зарубок на дерево, и раз указанную судьбу изменить было невозможно. Норны были высшей силой во Вселенной, и даже боги не смели оспаривать их приговор. В иных культурах подобные воззрения могут воспитывать апатию. В Скандинавии, однако, они питали дух авантюризма и предприимчивости, без которых никогда не случилось бы эпохи викингов. Добрую или злую, норны предписывали судьбу человека, но они не могли предписать, как он примет свою участь. Человек мог осторожничать и избегать малейшей опасности, но это не уберегало от рока: в назначенный час он умирал, в уютной ли постели или в гуще сражения. Человек, понимавший и принимавший такую картину мира, сознавал, что, идя на риск, мало что теряет. Смерть приходит к каждому, а все, что остается от человека, – это слава, которая, таким образом, куда важнее жизни. Когда викинг насмерть стоял за своего господина и товарищей, он делал это не потому, что хотел попасть в Вальгаллу, а чтобы оградить свою честь от малейших подозрений в трусости. Человек без чести становился «нидингом», в буквальном смысле никем, его забывали – и поделом – даже родные. Тот, кто не рисковал ничем, достигал меньше, чем ничего. Лучше было проявлять храбрость и стяжать славу, богатство и почести дальними опасными походами и подвигами на поле брани. Тогда можно было умереть спокойно, зная, что и в следующих поколениях скальды (придворные поэты) будут петь тебе хвалу за пиршественным столом: вот единственная несомненная посмертная жизнь, на какую стоило надеяться.

Глава 1
Фуле, Нюдам и Старая Уппсала
Происхождение викингов



Эпоха норманнских вторжений стала итогом нескольких веков общественного и политического развития, создавших в Скандинавии агрессивное и хищническое общество. Викинги не появились невесть откуда в конце VIII в., хотя именно так могло казаться их перепуганным и потрясенным жертвам. Но в остальной Европе эту эволюцию едва ли заметили, и не только по причине географической отдаленности. Глубокое культурное предубеждение образованного греко-римского мира против «варваров» означало, что народы Северной Европы почти не изучались и редко становились предметом описания. Предубеждение сохранилось до христианской эпохи, когда скандинавов стали порицать не только как варваров, но и как язычников. А поскольку книжная культура в Скандинавии вполне сформировалась только после прихода христианства, на закате эпохи викингов, то о предпосылках этой эпохи письменных свидетельств почти не осталось: доисторический период в Скандинавии получился долгим.

Плаванье Пифея на остров Фула

Первым автором, описавшим посещение Скандинавии, был греческий путешественник Пифей из Массалии, который совершил плавание по северным морям около 320 г. до н. э. Вернувшись, он опубликовал путевые записки под названием «Об океанах». Увы, это сочинение до нас не дошло и сегодня известно лишь по цитатам, приведенным у более поздних греческих и латинских авторов. Эти цитаты показывают, что Пифей был не чужд наук и вычислял широту посещаемых мест по высоте солнца над горизонтом в полдень и по продолжительности дня. Современники, однако, считали, что Пифей выдумал свои приключения, настолько фантастичным казался его рассказ.

Родной город Пифея, Массалию (современный Марсель), основали в 600 г. до н. э. греки из Фокеи. Закрытая удобная бухта не могла не привлечь мореплавателей, к тому же недалеко находилась долина Роны, которая в те времена была важным торговым путем, по которому в Средиземноморье везли британское олово и балтийский янтарь. Фокейцы славились как самые предприимчивые из греческих мореходов. Вскоре после основания Массалии они отправились за знаменитые Геркулесовы столпы – Гибралтарский пролив – в Атлантику налаживать торговые связи с иберийским царством Тартесс, которое изобиловало рудами. По легенде, один из этих греков, Мидакрит, уплыл еще дальше и вернулся в Массалию с грузом британского олова. Где-то около 500 г. до н. э. выход в Атлантику фокейцам закрыли: Геркулесовы столпы захватил Карфаген, могущественный город на побережье Северной Африки. Карфаген жил торговлей и не собирался терпеть чужих купцов на своих морских

дорогах. Таким образом, целью Пифея был, скорее всего, поиск новых торговых путей через области, не подвластные Карфагену.

Выйдя из Массалии, Пифей, вероятно, обошел земли враждебного Карфагена по суше и добрался до побережья Бискайского залива, где арендовал у одного из местных кельтских племен корабль до Британии. Особенно славились крепкими парусными кораблями бретонские венеты, которые активно возили на них олово с Британских островов. Пифей высадился на мысе Белерион (ныне Лэндс-Энд) и прошел всю Британию. Дотоле знания об этом острове у греков основывались на легендах и молве. Пифей первым добыл достоверные факты. Его оценка длины побережья острова в 40 000 стадий (то есть приблизительно 7400 км) удивительно близка к реальной цифре, которая составляет около 7560 км. Следующий этап путешествия увел Пифея далеко за границы известного мира. Отплыв с какого-то из островов у северного побережья Британии, он на шестой день пути достиг земли, которую называет Фулой. Его свидетельство о том, что солнце там в середине лета скрывается за горизонтом всего на два-три часа, позволяет определить местонахождение Фулы на 64° северной широты. Однако Пифей не располагал методами определения долготы. Очевидно, что Фула находилась где-то далеко на севере, но где именно? Невозможность определить точное местонахождение сделала ее скорее символом самых дальних северных земель, чем реальным объектом.

Эту землю пытались отождествить и с Исландией, и даже с Гренландией, но, как ясно показывает комментарий греческого географа Страбона (63–64 гг. до н. э. – 24 г. н. э.), Фулу населяли земледельческие народы:

«[Пифей], по-видимому, достаточно хорошо использовал бывшие в его распоряжении факты в отношении людей, живущих вблизи холодного пояса, говоря о крайней скудности и недостатке домашних животных и плодов, о том, что люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них приготовляется и напиток. Что касается хлеба, говорит он, то, так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях; ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

Страбон. География, кн. IV, 5.5[2]

Гренландию в те времена только начали осваивать охотники-собиратели иннуиты, а Исландия оставалась безлюдна, поэтому ни та ни другая на роль Пифеевой Фулы не подходит. А значит, высадился он, скорее всего, где-то неподалеку от Тронхеймс-фьорда, на западном побережье Норвегии. Несмотря на северные широты, климат норвежского побережья относительно мягок из-за Гольфстрима, теплого атлантического течения, и потому земледелие здесь возможно даже за Полярным кругом. На защищенных южном и восточном берегах Тронхеймс-фьорда почвы одни из самых плодородных в Норвегии, и земледельцы селились там уже в 2800 г. до н. э. Затем Пифей двинулся дальше на север, и его наблюдения явно свидетельствуют о том, что он пересек Северный полярный круг. Пифей утверждал, что в одном дневном переходе к северу от Фулы море сковано льдом, хотя неясно, видел ли он это своими глазами или пересказывал сообщения других мореплавателей.

Посетив Фулу, Пифей двинулся на юг исследовать Балтийское море, в которое, скорее всего, прошел через Скагеррак, Каттегат и какой-то из проливов между островами Датского архипелага. Пифей посетил некий остров Абалус, на берегах которого собирали янтарь. Камень огненного цвета, полупрозрачная окаменевшая смола, янтарь тысячелетиями высоко ценился в Средиземноморье не только за красоту, но и за электростатические свойства, казавшиеся волшебными: по-гречески янтарь назывался *электрум*, это он подарил нам слово «электричество». О происхождении янтаря ходили разные мифы, и Пифей был первым, кто установил истину. В Абалусе опознавали датские острова Зеландию и Борнхольм, Земландский полуостров возле современного Калининграда (ныне самый богатый источник янтаря) и остров Гельголанд в Северном море. Последняя версия кажется маловероятной, так как, по словам Пифея, Абалус лежал в одном дне морского пути от страны готов, которые в то время жили на побережье Балтики. По водам Балтики Пифей дошел до устья Вислы, а может быть и дальше, а затем двинулся домой в Массалию вниз по Танаису (Дону) на юг до Черного моря, где в одной из многочисленных греческих колоний без особого труда нашел корабль, который доставил его в родной город.

Цитата из Пифея, приведенная у Страбона, при всей ее краткости представляет собой первый отчет очевидца о том, как жили предки викингов, хотя и мало что сообщает об этих людях сверх того, что они пили мед и эль и сушили злаки в амбарах. Если Пифей и рассказал что-то о языке, обычаях и общественных институтах обитателей Фулы, читатели не сочли это достойным сохранения. Чтобы узнать о ранних предках викингов что-нибудь существенное, придется обратиться к археологии.

Скандинавия в каменном и бронзовом веке

Предками викингов были, вероятнее всего, земледельцы каменного века, пришедшие в Скандинавию около 6000 лет назад и вытеснившие либо ассимилировавшие местных охотников-собирателей, чьи предки оказались здесь в конце последней Ледниковой эпохи, приблизительно еще на 6000 лет раньше. Новые пришельцы-аграрии принадлежали к культуре шнуровой керамики (названной так по способу украшения глиняной посуды путем отпечатывания в сырой глине плетеных шнуров), которая зародилась на Северо-Германской низменности. Хотя связь едва ли возможно установить абсолютно точно, культуру шнуровой керамики соотносят с областью начального распространения германских, славянских и балтийских языков. Если эта теория верна, то пришельцы-аграрии, вероятно, уже говорили на языках, которые предшествовали современным скандинавским и принадлежали, наряду с немецким, английским, голландским и фризским, к германской языковой семье. Близкое генетическое сходство современных датчан, норвежцев и шведов с современными северными немцами – еще одно подтверждение этой версии. Никаких свидетельств других сколько-нибудь массовых миграций в Скандинавию вплоть до конца XX столетия не обнаруживается. Эта земля оставила след в истории скорее как экспортер населения.

Около 1800 г. до н. э. в Скандинавии появляются первые бронзовые артефакты. Бронза – это сплав меди и олова, которые в ту пору в Скандинавии не добывали (богатые залежи меди в Швеции открыли только в Средние века). Поэтому скандинавы целиком зависели

от импорта. Поначалу ввозились готовые бронзовые изделия, но, когда местные кузнецы освоили искусство бронзового литья, они, вероятно, стали закупать бронзу в чушках, что широко практиковалось тогда в Европе. В тот же период на континенте развернулась широкая торговля янтарем, и, возможно, именно им скандинавы оплачивали поставки бронзы. Янтарь высоко ценился, и это гарантировало, что дефицита бронзы на севере не случится. Установление торговых связей с дальними землями помогло создать в Скандинавии более сложную общественную иерархию, о чем свидетельствует появление небольшого числа особенных захоронений, содержавших ценные предметы и отмеченных погребальными курганами. Камень, годный для изготовления орудий, встречается всюду, но бронза была экзотическим продуктом, а ее изготовление и обработка требовали особых умений, так что торговлю бронзой монополизировала немногочисленная знать, чем существенно усилила свою власть и повысила статус. В самых плодородных областях на юге Скандинавии хутора стали объединяться в небольшие деревни. Типичным жилищем был длинный дом – узкое строение, где люди делили кров с домашним скотом: в одном конце помещения жили хозяева, а в другом был загон для животных. Зимой присутствие скотины помогало обогреть дом. Наличие в деревне одного большого дома среди множества меньших свидетельствует о том, что деревенской общиной управлял один старейшина или вождь. В Норвегии и части Швеции рассеянный тип расселения оставался нормой до конца эпохи викингов.

Бронзовые орудия были несравнимо эффективнее каменных, но не менее, а даже более важным применением бронзы стало изготовление символов статуса, таких как оружие, украшения, бритвы, рогатые шлемы, луры (рога-сосуды), оснащение для колесниц и

предметы культа типа великолепной «Солнечной повозки» из датского Трундхольма – скульптурного изображения запряженной лошадью четырехколесной телеги, в которой едет искусно позолоченный солнечный диск. Рогатые шлемы, неверно датированные антикварами XIX столетия, вызвали к жизни романтическое, но ложное представление, будто именно в таких сражались викинги. Увы, норманны никогда не носили рогатых шлемов.

Знать бронзового века, вероятно, также распоряжалась распределением и использованием янтаря. Янтарные бусы и другие украшения – распространенные погребальные дары в скандинавских могилах каменного века, но они почти не встречаются в погребениях бронзового века. Янтарь так легок, что не тонет в соленой воде (еще одно свойство, делавшее его в глазах древних людей особенным камнем; кроме того, он горит), и волнами выносится на пляжи Балтики и Северного моря, где его можно собирать. Однако скандинавская знать, судя по всему, объявляла весь выброшенный на берег янтарь своей собственностью и, успешно запрещая простому народу его оборот, использовала главным образом для заморской торговли.

Петроглифы

Именно в бронзовом веке (ок. 1800–500 гг. до н. э.) обитатели Скандинавии впервые осознали важность мореплавания. Судов, относящихся к этой эпохе, археологи пока не нашли, но их изображения встречаются повсюду: высеченные на скалах, гравированные на бронзовых сосудах и утвари, например, на бритвах, а самые заметные – каменные ладьи. Это погребальные сооружения из крупных камней, имитирующие внешние очертания корпуса корабля. Бывало, что на концах такого каменного судна устанавливались высокие стелы, как бы обозначавшие нос и корму; реже высокие камни устанавливались и в том месте, где у настоящего корабля находится мачта. Длина каменных ладей варьируется в основном в пределах от 1,8 до 15,25 м, однако самая длинная, ныне в значительной степени разрушенная, ладья в Йеллинге имеет длину около 335 м. До нас дошло более 2000 таких монументов, и больше всего их на шведском острове Готланд, но, вероятно, это лишь небольшая часть того, что было построено. Из сохранившихся ладей многие полуразрушены: крестьяне использовали камни в постройках или просто убирали их с пахотной земли, и, скорее всего, многие ладьи таким образом были уничтожены полностью. Первые каменные ладьи датируются второй половиной бронзового века, и строить их продолжали почти до конца эпохи викингов, то есть без малого 2000 лет. Какие верования связывались с этими символическими кораблями, оставались ли они неизменны на протяжении стольких веков, неизвестно, но, вероятно, ладьи должны были доставлять души умерших в загробный мир. Практика погребения в настоящих кораблях, которая появилась в

столетия, непосредственно предшествовавшие эпохе викингов, видимо, была дальнейшим развитием тех же представлений.

Еще более многочисленны, чем каменные ладьи, петроглифы, изображающие большие, похожие на каноэ суда, в которых плывут воины с копьями и топорами, а также повозки, животные и солнечные диски. Они всегда изображены силуэтом и имеют выгнутые нос и корму. Впрочем, никаких иных деталей конструкции петроглифы не показывают. Как правило, эти изображения располагаются в скалистых руслах, так, чтобы дождевые или талые потоки создавали живую картинку. Маловероятно, что эти петроглифы люди бронзового века вырезали только потому, что им нравились изображения ладей. Скорее всего, они иллюстрируют какие-то сцены из мифологии или имеют ритуальное назначение. Нарисованным ладьям часто сопутствуют петроглифы солнечного диска, которые наряду с артефактами типа «Солнечной повозки» из Трундхольма, вероятно, следует считать признаками солярного культа. В позднем бронзовом веке солярные культы широко распространились в Европе, что указывает на возросшую важность небесных богов, которые, разумеется, доминировали в скандинавском пантеоне эпохи викингов. Другой переменой, затронувшей в те времена верования большей части Европы, было введение в обиход кремации как законного способа погребения. Ему сопутствовал отказ от прежней практики погребальных даров. Ясно, что эти перемены должны отражать коренной сдвиг в представлениях о загробной жизни. Ценные металлические изделия, которые прежде клали в могилы, стали погребать как вотивные клады в болотах. Болота, где смешиваются миры воды, земли и воздуха, считались по этой причине особенно таинственными местами. Вместе с тем вотивные клады были не просто

способом задобрить богов: искусственный дефицит металла помогал элите сохранять высокий статус.

Вследствие природных изменений мы не можем оценить большинство петроглифов бронзового века в их оригинальном контексте. Хороший пример дает объект всемирного наследия ЮНЕСКО Танумсхеде, в Бохуслене на западном побережье Швеции, где на площади в 51 га разбросано около 600 петроглифов. Когда их вырезали, место было берегом неглубокого фьорда, но сейчас оно далеко от моря и поросло сосновым лесом. Во время последнего оледенения под колоссальной тяжестью Скандинавского ледового щита земля просела на 610 м. Когда ледники растаяли, поднялся уровень океана и эта обширная низина заполнилась водой, образовав Балтийское море. Но, освободившись от бремени, земля стала медленно подниматься, и это будет продолжаться еще не одно тысячелетие. В геологии этот процесс называется изостатическим поднятием, и из-за него береговая линия Скандинавии постоянно меняется на протяжении всей истории человечества. Торговым и рыбацким поселениям, зависевшим от моря, не раз приходилось менять место, когда из-за поднятия они оказывались далеко от берега. Балтийское море постепенно высыхает, и приблизительно через 2000 лет его северное крыло, Ботанический залив, по большей части станет сушей.

В течение железного века (500 г. до н. э. – 800 г. н. э.) скандинавское общество постепенно приобретало те особенности, которые напрямую обусловили экспансию викингов. Скандинавский железный век принято делить на три периода: ранний или доримский железный век (500 г. до н. э. – 1 г. н. э.), римский, железный век (1–400 гг. н. э.) и германский железный век (400–800 гг. н. э.). Изобретение железа вызвало в Скандинавии немедленные и значительные перемены. Бронза для изготовления орудий и других артефактов

была полностью привозной, но болотное железо – бедная, легко обрабатываемая руда, накапливающаяся в болотах и топях, – имеется здесь в изобилии. Наступившая экономическая независимость привела к упадку торговли с дальними странами, которая обеспечивала незыблемость элит в бронзовом веке. Утратив контроль над распределением металла, элиты лишились влияния и статуса, и лишь пять веков спустя мы обнаруживаем признаки нового формирования общественных элит.

Широкая доступность металлических орудий обеспечила распространение земледелия и рост населения, что сопровождалось нарастанием социальной напряженности. В конце второго столетия демографическое давление выплеснуло из Скандинавии первую из многих в ее истории миграционных волн. Ввиду острой нехватки пахотных земель около 120 г. до н. э. два племени из Северной Ютландии, кимвры и тевтоны, отправились на поиски новой родины. Эти поиски вылились в кровавые набеги на территории Центральной и Западной Европы, в 102 г. до н. э. докатившиеся до Италии, где, наконец, кимвров и тевтонов уничтожили римляне. Эта миграция, хотя и окончилась катастрофой, была лишь предвестием грядущих событий. Многие из германских племен, вторгшихся в V в. в Римскую империю, по преданиям, имели скандинавские корни. Готы считали, что происходят из Гёталанда на юге Швеции; бургунды – с острова Бургундархольм, ныне датский Борнхольм; вандалы – из Ютландии. Точно из Ютландии вышли англы и юты, которые вместе с саксами колонизировали Британию. Готский историк Иордан около 550 г. назвал Скандзу колыбелью народов за то, что она дала начало столь многим племенам. Экспансия викингов, по сути, была лишь последним этапом продолжительного периода северных миграций.

Происхождение драккара

Важнейшая археологическая находка раннего железного века – военная: почти целое «боевое каноэ» и оружейный клад, погребенные вместе в болоте близ Хьортспринга на датском острове Альс приблизительно во времена плавания Пифея. Само судно – старейшая на сегодня дощатая ладья, обнаруженная в Скандинавии, и это наиболее ранний из известных предков норманнского драккара. У хьортспрингской ладьи сразу бросаются в глаза выгнутые поднятые концы, точно как у судов, изображенных на петроглифах бронзового века, так что она, вероятно, представляет собой образец давно утвердившейся технологии. Ладья 17 м длиной и 1,8 м шириной построена всего из пяти липовых досок: одна широкая доска – днище и по две доски внахлест – борта. Именно этот метод сборки корабельного корпуса из досок, скрепленных внахлест, известный как клинкер, обшивка край на край или скандинавская конструкция, и обнаруживается в хьортспрингской ладье самого раннего из известных предшественников норманнского драккара, корпус которого строился таким же способом. Оканчивался корпус хьортспрингской ладьи двумя резными балками, которые служили штевнями. Назначение выступающих клювов, если оно было, нам неизвестно. Возможно, они должны были цепляться за борт вражеского судна, чтобы перевернуть его, а возможно, это просто реликт ранних этапов скандинавской кораблестроительной традиции и его назначение лишь в том, чтобы придавать кораблю воинственный вид. При постройке ладьи не использовали металлические детали: доски скреплены между собой и привязаны к ребрам каркаса веревками из липового лыка. Гребцов на ладье было

20 – хорошее число для разбойничьей ватаги, – и сидели они на банках на уровне фальшборта. Рулевое весло было и на носу, и на корме, чтобы ладья могла идти в любом направлении. Это удобно для разбойничьих нападений: ладья причаливает к берегу, и ее не нужно разворачивать, если возникает необходимость поскорее отплыть. Умелые строители сделали ладью насколько можно легкой, а ходовые испытания точной реплики показали, что судно было быстрым, остойчивым и с неплохой мореходностью. Вместе с ладьей в болоте затопили оружие на небольшую армию: 138 копий с железными наконечниками, 31 копье с роговыми или костяными наконечниками, 11 железных мечей, от 60 до 80 щитов и около 20 кольчуг, которые, за исключением одной, дошли до нас в виде ржавых отпечатков на торфе. Также в погребении обнаружены фрагменты бронзового котла и кости лошади, собаки и щенка, ягненка и теленка. И ладья, и оружие сохранились благодаря кислотной и безкислородной среде торфяного болота, где органические материалы типа дерева, ткани и кожи консервируются за счет «маринования», а отсутствие кислорода замедляет ржавление железа.

Хьортспрингский клад – один из самых ранних примеров приношения в жертву военных трофеев, которое в начале железного века стало обычной практикой в Скандинавии и соседних территориях Северной Германии. По масштабу, однако, с хьортспрингским кладом несравнимо ни одно из известных жертвоприношений, и, видимо, он увековечивает какое-то крупное сражение. Вероятнее всего, ладья и оружие принадлежали большому войску, которое вторглось на Альс, но было разбито местными жителями, которые и пожертвовали военную добычу богам в благодарность за дарованную победу. Оружия в кладе хватит, чтобы снарядить по меньшей мере 80

воинов, так что пришельцам понадобился бы флот не меньше чем из четырех ладей, аналогичных хьортспрингской, но, конечно, мы не знаем, какой части агрессоров удалось бежать. Во всяком случае ясно, что морским разбоем в Скандинавии занимались уже в раннем железном веке.

В приношениях болотам встречаются не только оружие и лодки, но и люди. Ни в Швеции, ни в Норвегии человеческих останков в болотных кладах не обнаружено, но более 200 тел найдено в Дании и соседних областях Северной Германии. Хотя кости многих жертв без следа растворились в кислой среде болота, волосы, кожа и внутренние органы во многих случаях сохранились так хорошо, что анатомирование позволило многое узнать о прижизненном здоровье этих людей, их питании и причинах смерти. Неожиданно было, например, что в начале железного века в рационе датчан не занимали заметного места морепродукты. Большинство болотных тел имеет признаки насильственной смерти: например, человека из Толлунда повесили около 400 г. до н. э., а человеку из Гроболла столетием позже перерезали горло. Некоторые из болотных тел обнаружены под гнетом тяжелых сучьев. В «Германии», трактате римского историка Тацита, написанном в 98 г., говорится, что таков был у германцев один из способов казни преступников.

Войнолюбие скандинавского общества усилилось в годы римского железного века. В вотивных кладах, особенно в Дании, обнаруживается немало римского оружия – свидетельство того, что скандинавы, вероятно, часто воевали с жившими южнее германцами, которые имели прямой доступ к римскому оружию. О том, как возросла важность войны для жизни общества, свидетельствуют погребения воинов с оружием – признак того, что в Скандинавии роль элиты перешла к

военным. В некоторых таких погребениях обнаруживаются привозные предметы роскоши: римская серебряная посуда, украшения и стекло. Из этого можно заключить, что среди военной элиты возник класс вождей или князьков. Обычные римские изделия, например керамика или монеты, также в каких-то количествах обнаруживаются в Скандинавии, то есть торговый обмен с Римом не ограничивался предметами роскоши. Возможно, торговля с Римской империей шла напрямую по морю, но более вероятным представляется, что римские товары попадали в Скандинавию через германских посредников. Неудивительно, что римских изделий больше всего в Дании, но по территории страны они распределены неравномерно. Заметная их концентрация обнаруживается в коммуне Стевнс на острове Зеландия, из чего можно заключить, что в этом месте находился центр сильного вождества или небольшого королевства, способного вести широкую торговлю. Другой яркий пример, относящийся к более позднему времени железного века, – Гудме на острове Фюн, где обнаружены остатки 47-метрового длинного дома: самое просторное из известных помещений того периода, оно получило название «королевский дворец», и, безусловно, появление дворца таких размеров подразумевает существование сильной центральной власти. Еще в Гудме найдено более 1000 римских монет, включая 20 золотых денариев. Гудме означает «дом бога», и, возможно, здесь находился культовый центр. С ним был тесно связан сезонный порт и ярмарочный центр в Лундеборге, где найдены римские монеты и другие привозные изделия, а другие находки указывают на то, что там строились суда. Эта связь религии и торговли также прослеживается в другом ярмарочном центре железного века, Уппокре, невдалеке от Лунда, Южная Швеция, где раскопаны

остатки деревянного храма. Скорее всего, ярмарки устраивались во время религиозных праздников, когда можно было ожидать много приезжих.

Жертвоприношения в Нюдамском болоте

Ни одна другая группа археологических находок не демонстрирует воинственность скандинавского общества в римском железном веке так наглядно, как Нюдамское болото на юге Ютландии. Сегодня лежащее чуть севернее датско-немецкой границы, в железном веке это место предположительно находилось на земле англов, германского племени, от которого получили свое название англичане. В наши дни болото превратилось во влажный луг, но в римскую эпоху это было озеро, поросшее камышом. В 1830-х гг. местные крестьяне, добывая из заболотившегося к тому времени озера торф, стали находить старинное железное оружие и щиты. Эти находки в конце концов привлекли внимание антикваров, и с 1859 по 1863 г. на болоте работал датский археолог Конрад Энгельхардт, поднявший оттуда много разного оружия, две целые ладьи, обшитые внахлест, дубовую и сосновую, и еще одну дубовую ладью, которую перед затоплением намеренно разломали. Раскопки остановила разразившаяся в 1864 г. война между Данией и Пруссией, после которой местность оставалась под немецкой властью до 1920 г. Во время войны сосновую лодку разобрали на дрова немецкие солдаты. Новые тщательные раскопки в 1984–1997 гг. обнаружили еще несколько тысяч артефактов.

Недавно возникшая наука дендрохронология – исследование годовых колец в старых образцах древесины – с высокой точностью датирует постройку дубовой ладьи 310–320 гг. К моменту захоронения она была уже не новой, так что предположительно затопили ее где-то около 350 г. Бóльшая из двух ладей,

дубовая, имела 21,3 м в длину и 3,65 м в ширину и приводилась в движение силами 30 гребцов. Это было судно с острым носом и кормой, с высокими косыми штевнями, управлялось оно рулевым веслом, не жестко закрепленным на борту. Как и у хьортспрингской ладьи, найденной всего в нескольких километрах от Нюдама, у дубовой нюдамской обшивка собрана внахлест, но здесь доски не стянуты лыком, а сбиты железными гвоздями с загнутыми концами. Внутренний каркас крепился к обшивке, как и у хьортспрингской ладьи, веревками из липового лыка. Никаких гнезд для мачты в дубовой ладье не оказалось, так что нюдамское дубовое судно не имело паруса. Рисунки, сделанные с сосновой ладьи, показывают, что она была около 18,5 м в длину и 3 м в ширину, вмещала около 22 гребцов и имела примерно ту же конструкцию, что и дубовая. Признаков мачты также не обнаруживается. Современные археологи раскопали в болоте несколько фрагментов сосновой лодки, самым важным из которых было рулевое весло, жестко соединенное с бортом с помощью деревянного штыря. Такой тип рулевого весла использовался на норманнских кораблях всю эпоху викингов и после. Рулевое весло всегда устанавливалось на борту, справа от кормчего, почему и называлось старборд (старонорвежское styri / руль и borð / борт). Найденный в ладье щит изготовлен из дерева, срубленного в 296 г., так что приношение ладьи, вероятно, произошло в начале IV в. Бóльшая часть третьего судна предположительно остается в болоте, но в этой третьей ладье определенно использовались уключины, и доски обшивки у нее скреплены загнутым гвоздем. Построена она из дерева, срубленного в 190 г., так что затоплена, вероятно, в начале III в.

Произошедший в начале железного века переход к веслу с уключиной – важное событие. На войне удобнее грести лицом вперед, потому что команда видит, куда

идет корабль, ей легче заметить врага, и она быстрее высаживается и грузится, чем команда, сидящая спиной. Вместе с тем при гребле с уключинами спиной вперед намного эффективнее расходуется энергия, и переход на эту технологию позволил увеличить дальность плавания. Об этом свидетельствует сосновая ладья, так как она предположительно была построена в Швеции. В то время корабельные сосны на юге Скандинавии не росли, а орнаменты, которыми украшены доски лодки, идентичны орнаментам на камнях в Швеции, вырезанным примерно в то же время. Момент перехода точно не известен, но самое раннее свидетельство применения весел с уключинами – уключина из болота Хурдаланн в Норвегии, датированная в пределах около 30 г. до н. э. – 250 г. н. э.

Много споров вызывает время появления паруса на скандинавских судах: сведения, которыми располагают ученые, скудны. Кельтские народы Галлии, Британии и Ирландии определенно ходили под парусом в доримские времена, и Тацит в «Истории» пишет, что германцы с побережья Северного моря применяли парусные суда в войне против Рима в первом столетии Новой эры. Вместе с тем в «Германии» он пишет, что свионы (шведы) не применяли на своих судах ни паруса, ни уключины. Обе нюдамские ладьи, конечно, имели уключины, но не имели парусов. В то время когда ладьи затопили в болоте, южные соседи англов – саксы – на парусных судах совершали нападения на римскую Британию и прославились своим обыкновением на обратном пути, призывая попутный ветер, приносить в жертву римских пленников. Таким образом, в IV в. скандинавы не могли не знать о парусе. Многие скандинавские купцы и солдаты-наемники наверняка были знакомы с римскими парусными судами. Однако самое раннее бесспорное указание на применение

паруса в Скандинавии относится к VII в. – это камень из Карлби, с восточного побережья Ютландии, на котором вырезан корабль типа нюдамского, идущий под парусом.

Парус и Скандинавия

Позднее появление паруса в Скандинавии трудно объяснить, тем более что сама по себе технология нисколько не сложна: шерстяное одеяло или кожаный плащ, два деревянных шеста и веревка – вот все, что требуется для устройства простейшего паруса. Наиболее широко признанная версия, будто кили судов типа нюдамской ладьи не выдержали бы нагрузки, создаваемой парусом, никем не проверялась экспериментально и звучит неубедительно, если вспомнить, что по всей земле паруса устанавливались на самых разных типах плавательных средств, конструкция которых зачастую куда примитивнее, чем у нюдамских ладей. Дежурный довод таков: если парус не применялся, значит, в этом просто не было нужды. На военных судах в любом случае многочисленная команда, а парус хорошо заметен (викинги, приближаясь к враждебным берегам, нередко опускали его в надежде высадиться на берег незамеченными), так что в нем, возможно, и не видели особенной выгоды, пока речь шла о недальних плаваниях по закрытым от ветра фьордам и вдоль берегов. А командовать гребцами, видимо, было для вождей и конунгов лишним знаком власти. Вместе с тем дальний поход на веслах – это тяжкая работа даже для привычного моряка, так что аргументация такого рода не убеждает. Возможно, преимущества паруса стали очевидны консервативным мореплавателям – скандинавам, лишь когда в V в. они начали совершать дальние морские походы, торговые и военные.

Ладьи составляют лишь часть нюдамских находок. Раскопки обнаружили тысячи единиц оружия или его частей: мечи, копья, пики, топоры, луки со стрелами,

затейливо украшенные деревянные ножны, серебряные пряжки от ножен и ремней, а еще серебряные слитки и личные вещи вроде расчесок и деревянных коробов. Оружейные находки наиболее многочисленны вблизи ладей, но в болоте обнаружились во множестве и другие военные приношения. По большей части они состоят из нескольких копейных наконечников, но одно, окруженное оградой из 36 мечей, погруженных остриями вниз, насчитывает больше тысячи объектов. Совершенное около 450–475 гг., это самое крупное из известных оружейных приношений в Нюдамском болоте и одно из последних в Скандинавии. Верования вновь менялись, болота утратили прежнюю роль священных мест, и обычай болотных жертвоприношений исчез.

Руны и магия

Находки в Нюдамской трясине указывают на еще одну важную перемену в жизни Скандинавии: обретение письма. Ранние германцы и скандинавы писали рунами, системой значков, похожих на ветки, известной как «футарк» (по названиям первых трех символов). Хотя их часто резали на камне и металле, изначально руны создавались для вырезания на дереве: их формы избегают горизонтальных линий, которые трудно увидеть в древесной текстуре. Старейшая из известных рунических надписей состоит из слова harja, личного имени, и сделана на гребне, найденном в болоте у Вимозе на острове Фюн и датированном приблизительно 150 г.

Крупнейший корпус ранних рунических надписей обнаружен на юге Скандинавии, но утверждать, что руны там и изобрели, нельзя, потому что руническое письмо знали все германские народы. Происхождение футарка имеет свою мифологию. В эпоху викингов скандинавы верили, что это дар Одина, который, чтобы постичь тайну рун, на девять дней пригвоздил себя копьем к Иггдрасилю. Нынешняя теория более прозаично возводит руны к латинскому алфавиту, с которым древние германцы легко могли познакомиться благодаря римским купцам или служа в римской армии.

Определенно в Скандинавии железного века руны знали и использовали далеко не все. Из тысяч артефактов, раскопанных в Нюдамском болоте, только на десяти есть рунические надписи. В основном на военном снаряжении – древках копий и стрел, наконечниках копий, декоративном навершии рукояти меча, ножнах. Единственный надписанный рунами предмет не сугубо военного назначения – серебряная

поясная пряжка. Это позволяет заключить, что руны были признаком высокого общественного положения. Все надписи короткие, в одно или два слова, в большинстве случаев это просто имена: владельца предмета, мастера-изготовителя или резчика, вырезавшего руны. Например, на ножнах, найденных в сосновой ладье, есть надпись harkilaR ahti. Значение слова ahti неизвестно, но harkilaR – это мужское имя. Мечи в то время были редкой и дорогой вещью, так что Харкилар мог быть убитым командиром сосновой ладьи. Одна из надписей, сделанная на древке копья, вообще не складывается ни в какое слово: просто цепочка рун и похожих на руны значков. Это дает нам представление о том, как руны воспринимались: каждый отдельный знак был не менее значим, чем слова, которые этими знаками записывались.

Для большинства цивилизаций главным стимулом развития письменности была необходимость хранить данные о многолюдном и сложном обществе, в котором человеческая память уже не может удержать всю информацию, необходимую для успешного управления. Первыми появляются списки товаров и налоговые квитанции. Хроники, литература, исторические, религиозные и философские тексты возникают позже. Германо-скандинавский мир в римском железном веке был еще далек от этого уровня сложности, и письмо здесь служило иным целям. Слово «руна» значит «тайна» или «скрытое», так что это было эзотерическое знание. Считалось, что руны обладают магией. Они имели имена, воплощали богов, силы и идеи. Актом начертания руны человек привлекал ту или иную силу на службу. Вырезание какой-то из рун, названных именами богов, например стреловидной «тейваз», связанной с богом войны Тюром (Тейвазом), было взыванием к этому богу о покровительстве. Таким образом, вырезание на предмете рунических

заклинаний превращало его в амулет. Вместе с тем не всякий мог резать защитные руны, а только обученный мастер-резчик: лишь тогда они обладали магией. Ошибки в написании делали заклинание бесполезным или даже вредоносным. До самой эпохи викингов применение рун в Скандинавии ограничивалось вырезанием имен и заклинаний, но затем появляются пространные памятные надписи. Норманнские граффити в жанре «Здесь был Хальфдан» обнаруживаются по всему доступному викингам миру от Гренландии до Греции и говорят о том, что к этому моменту руническая грамотность широко распространилась. Большинство германских народов вскоре после принятия христианства отказались от рун, обремененных языческими ассоциациями, и перешли на латинский алфавит. Тем не менее в Скандинавии руны продолжали использоваться и в Средние века, когда на футарке записывались даже своды законов и другие важные тексты. В провинции Даларна в средней Швеции традиция писать рунические заклинания дожила до XX столетия.

Римское влияние на севере

Косвенной причиной перемен в скандинавском обществе было влияние Рима на германские племена, соседствовавшие со Скандинавией на юге. К концу I в. до н. э. племена германцев имели с Римской империей общую границу, проходившую по Рейну и Дунаю. Несмотря на совершаемые обеими сторонами набеги, 400 лет она оставалась незыблемой. Контакты с Римской империей оказали громадное влияние на племена германцев, жившие вдоль границы. Они обогащались за счет добычи, полученной в результате вторжений, помощи римлян дружественным племенам, платы за воинскую службу. Северные соседи грабили пограничные племена, торговали с ними и тоже в свою очередь обогащались. Люди, преуспевшие в набегах или наложившие руку на распределение товаров, скоро выделялись из общей среды богатством и влиянием. Римские авторы, такие как Тацит, писали, что в германском обществе той поры главным общественным институтом стал комитат, или воинская дружина. Комитат, в эпоху викингов называвшийся в Скандинавии lið или hirð, составлялся из молодых воинов, пришедших служить вождю или королю. В награду за верность и воинскую службу они получали еду и кров, дары в виде оружия и украшений и долю в воинской добыче. Дружинники клялись хранить преданность вождю до конца дней, но и тот должен был честно выполнять свою часть договора. Вождь, не желающий или не способный вознаграждать своих воинов, недолго удержал бы дружину. Вожди, не отличавшиеся в военном деле, теряли вес, а те, что были хорошими воинами, укреплялись, потому что их успех привлекал новых сподвижников, а чем сильнее

становилась дружина, тем успешнее она была на полях сражений. Такого рода динамика сформировала агрессивное, разбойничье общество, в котором война стала самым верным способом стяжать богатство, положение и власть. Другим итогом стала концентрация власти в руках все более узкого круга лиц, сопровождавшаяся острой конкуренцией между честолюбивыми мужчинами и способствовавшая объединению разных племен. Бывало, что сильное племя одолевало и поглощало слабого соседа, но столь же часто племена объединялись по обоюдному желанию. Они заключали союзы, создавая коалиции, чтобы успешнее вести войну. Когда такой союз скрепляли военные успехи, он становился основой для новой этнической общности. Например, таким образом из многоплеменных союзов сформировались народы саксов и франков.

Германский железный век (400–800 гг.) был в Скандинавии героической эпохой – этот протоисторический этап развития частично отражен в легендах о воинах-драконоборцах и великих битвах. В начале этого периода процесс централизации, преобразивший германский мир, еще не достиг Скандинавии. Иордан в своей работе «О происхождении и деяниях гётов» перечисляет более 20 племен, обитавших на «острове Скандза», и это без учета англов и ютов, живших на Ютландии, которую Иордан частью Скандзы не считал. Список Иордана целиком основан на рассказах Родульфа, изгнанного короля норвежского племени рани. Однако, согласно Иордану, два племени доминировали уже тогда: шведы, или, как они называли себя сами, свеары, и даны, чья территория включала Сконе и Блекинге, что на крайнем юге современной Швеции. Еще одним мощным племенем были гёты, жившие между шведами и данами на лесистом Южном нагорье Швеции. В Норвегии

обитало восемь основных племен, границы расселения которых можно установить с достаточной определенностью, так как их названия этимологически связаны с географическими названиями современной Норвегии. Раумарики, вероятнее всего, жили в Румерике, алоги – в Холугаланде, за Северным полярным кругом, руги – в Ругаланде и т. п. Рани, из которых вышел Родульф, вероятно, обитали в Румсдале, долине реки Раума, на западе страны. Из-за своей иззубренной территории Норвегия даже к началу эпохи викингов оставалась страной многих племен. В других землях большинство племен, перечисленных Иорданом, к тому времени уже исчезли. Даны ассимилировали англов с ютами и еще одно упоминаемое Иорданом племя – герулов, живших между данами и гётами. Шведы и гёты ассимилировали остальных. Определенно, это не было мирное слияние. По всей Скандинавии расплодились крепости – мы знаем более 1500, относящихся к этому периоду. На острове Эланд протяженностью 137 км возвели 19 круглых фортов из камня, так, чтобы всюду было не больше 3–4 км до убежища. В те же годы наблюдался отток населения с побережья вглубь территории – верный признак того, что вдоль берегов орудовали пираты. Может быть, в Европе эпоха викингов началась не прежде 793 г., но в Балтийском море что-то подобное «заварилось» много раньше.

Первая половина германского железного века называется Великим переселением народов (400–500 гг.): несколько волн германских миграций обернулись в 476 г. окончательным падением Западной Римской империи. Первопричиной германских миграций было начавшееся около 370 г. вторжение в Восточную Европу гуннов, свирепого народа кочевников-тюрков из Средней Азии. Племена, у которых хватало сил, пустились отвоевывать себе безопасные земли у

соседей и привели в движение почти весь германский мир. Иные племена раскололись и были поглощены сильнейшими, а из временных военных союзов родились новые этносы. Ряд племен, в том числе готы, вандалы, бургунды и свевы, искали спасения на территории Римской империи и, смяв пограничные кордоны, проникли на ее земли. До Скандинавии гунны не добрались, но политический хаос Великого переселения открывал ее обитателям новые возможности для развития. Британия в 410 г. вышла из-под власти Рима и досталась в добычу саксам, которые высадились там и вскоре стали заселять изобильные земли юго-востока и центральных равнин. Саксы также не преминули воспользоваться хаосом, который вторжения чужаков посеяли в Римской Галлии, и закрепились в нормандском Па-де-Кале и на реке Луаре. В то же самое время саксы дошли до Оркнейских островов на севере, на западе до Ирландии и на юге до Аквитании. В Британии к саксам скоро присоединились англы, расселившиеся по восточному побережью Англии на север от залива Ферт-оф-Форт. Следом приплыли юты, чьей главной базой стал, по-видимому, Кент. Еще одно племя из Южной Скандинавии, герулы, совершало морские походы на юг до Аквитании и Северной Испании, но они не основали никаких известных колоний. Часть этого непоседливого народа еще в III в. перебралась на земли нынешней Украины, и оттуда они Черным морем отправлялись в походы, чтобы нападать на города Восточного Средиземноморья. Герулов, оставшихся в Скандинавии, в VI в. покорили даны. Вероятнее всего, именно в этот период в Скандинавии вошли в обиход паруса: трудно представить, чтобы англы, юты и герулы так далеко уплывали для грабежа и колонизации на гребных судах – ведь это недели и месяцы пути, – когда их соседи саксы с теми же целями

бороздили те же воды на куда более скоростных парусных ладьях.

Эпоха «Беовульфа»

У скандинавских морских разбойников были заботы и поближе к родным берегам: нападения на Фризию, область на побережье Северного моря, ныне разделенную между Германией и Нидерландами. Около 528 г. во Фризию нагрянул скандинавский король Хигелак, поднявшийся по Рейну до Неймегена, где был разбит франками и погиб. Во время этих событий Скандинавия уже выходила из сумрака доистории: поход Хигелака описан в четырех независимых друг от друга литературных источниках, включая практически современную ему «Историю франков» Григория Турского и эпическую англосаксонскую поэму VIII в. «Беовульф»[3]. К сожалению, источники не сходятся в том, чьим предводителем был Хигелак. Григорий Турский и еще два франкских источника называют его королем данов – это первое упоминание данов в истории, – но в «Беовульфе» он именуется королем гётов, народа из Южной Швеции, или даже ютов, обитателей Ютландии. Герой поэмы Беовульф принимает участие в походе Хигелака и после поражения короля в битве вплавь отправляется домой в полном вооружении под водой. Беовульф спасает датского короля Хродгара от ужасных чудовищ-людоедов – Гренделя и его матери, становится королем гётов и погибает, убивая дракона, который опустошал страну. В «Беовульфе» также описан еще один поход данов на Фризию, который отражен и в частично сохранившейся ранней англосаксонской поэме «Финнсбург». Есть еще франкская поэма, написанная около 570 г., рассказывающая о другом крупном вторжении данов во Фризию, также отраженном франками. До начала эпохи викингов больше никаких

упоминаний о датских нападениях на фризов не встречается, так что, вероятно, этот разгром на 200 лет отучил данов вторгаться в те края, которые франки считали своей сферой влияния.

Великое переселение народов для Скандинавии стало в буквальном смысле золотым веком. Германцы и гунны в ходе миграций неплохо поживились римским золотом и серебром, захватывая его грабежом и получая в виде дани. Немалая часть этого богатства в конце концов оказалась в Скандинавии, прибыв с купцами, пиратами, грабившими балтийские берега, или вернувшимися домой наемниками. Одна из дорог, которыми римское золото текло в Скандинавию, вела через Восточную Европу и воды Балтики к островам Борнхольм, Эланд и Готланд, где обнаружено несколько кладов с драгоценностями, относящихся к эпохе Великого переселения. Впрочем, самый богатый клад этого периода обнаружили в XVIII в. в Турехольме, провинция Седерманланд в средней Швеции, и он состоял из 12 кг золота. Драгоценности закапывали в землю по двум причинам: для ритуального приношения богам или – в те эпохи банков еще не изобрели – для сохранности. Во втором случае, однако, владелец намеревался рано или поздно забрать сокровище, а не оставлять его дорогостоящим посланием в грядущее для археологов либо кладоискателей. Для большинства кладов говорить об обрядовых мотивах нет никаких оснований, и в том, что владельцы столь многих тайников не вернулись за своими сокровищами, проще всего увидеть признак времени, полного опасностей. Борнхольм, Эланд и Готланд особенно часто подвергались нападениям, так что владельцы покинутых кладов, по всей видимости, были убиты разбойниками или захвачены в плен и увезены для продажи на невольничьем рынке. Ввозимое римское золото большей частью переплавлялось и

превращалось в изысканные украшения или иные престижные предметы на потребу аристократии. Именно в начале эпохи Великого переселения мастера в Южной Скандинавии выработали скандинавско-германский звериный стиль, в котором условные и неестественно вытянутые фигуры реальных и вымышленных зверей, переплетаясь, образуют головокружительно сложные узоры. Новый стиль стал, по-видимому, реакцией на неспокойные времена, оригинальным языком символов, понятным лишь тому, кто знает, как их читать. К сожалению, до нас это знание не дошло. Ввезенный англосаксами в Британию, звериный стиль смешался с аборигенными кельтскими стилями, и так появился гибридный гиберно-саксонский декоративный стиль, прекрасные образцы которого мы находим в иллюстрированных рукописных книгах, таких как Линдисфарнское Евангелие и Келлская книга. В Скандинавии звериный стиль прошел несколько этапов развития, но в конце эпохи викингов его вытеснил привнесенный извне христианский романский стиль.

Один из характерных типов ювелирных изделий эпохи Великого переселения народов – брактеаты, золотые медальоны-подвески, приблизительно копирующие римские образцы. На брактеатах часто встречаются изображения мужской головы и лошади – предположительно, Одина и его боевого коня Слейпнира, – а иногда и рунические надписи, по большей части не поддающиеся дешифровке. При этом мало найдется артефактов, столь убедительно доказывающих богатство владельца, как два изукрашенных золотых рога для питья, обнаруженных в Галлехусе, на Ютландии, больший из которых имеет длину 75,8 см и весит более 3,5 кг. Подобные сосуды, другая драгоценная столовая утварь, изящные украшения и оружие выставлялись на обильных пирах, которые были лучшим – после военных походов –

способом упрочить репутацию короля или вождя: путем раздачи сподвижникам геройских порций мяса, заполнения желудков элем и медом и осыпания пирующих ценными дарами. Другой пример римского влияния в этот период – гульдгубберы («золотые человечки»). Это миниатюрные жертвенные таблички из золотой фольги с оттиснутыми на них фигурами мужчин, реже – женщин или пар, которые, как считается, делались по подобию римских храмовых монет. Около 75 % от 3000 найденных гульдгубберов происходит из Сорте Мулда, торгового и культового центра на острове Борнхольм. Изготовление гульдгубберов было поставлено на поток, многие их них очевидно штампованы одной и той же матрицей.

Неспокойные времена отразились не только в металлических изделиях севера, но и в легендах. Именно тогда зародилась важнейшая из скандинавских легендарных саг – «Сага о Вёльсунгах». Она рассказывает о деяниях легендарного героя Сигурда: как был выкован его волшебный меч Грам, как Сигурд убил дракона Фафнира и завладел его проклятыми сокровищами и как сам был убит по наущению отвергнутой возлюбленной валькирии Брюнхильды. Хотя такой сюжет вряд ли мог иметь какую-то фактическую основу, нескольких ключевых персонажей «Саги о Вёльсунгах» можно отождествить с историческими личностями периода Великого переселения. Муж Брюнхильды Гуннар написан с короля бургундов Гундахара, погибшего в сражении с гуннами в 437 г.; убивший Гуннара король Атли – это почти не завуалированный Аттила, предводитель гуннов (умер в 453 г.), а Йормунрек, муж дочери Сигурда Сванхильды, – это Эрманарих, король готов, который покончил с собой после поражения в битве с гуннами в 375 г. Прототипом самого Сигурда, по мнению некоторых исследователей, стал франкский

король Сигиберт (умер в 575 г.), убитый в семейной распре между его женой и его братом с любовницей. Если это так, то прообразом Брюнхильды вероятно, была жена Сигиберта Брунгильда Бургундская.

Первые скандинавские королевства

Конец германского железного века (550–800 гг.) ознаменовался появлением сильных королевств в Дании и Швеции. Скандинавия оставалась еще вне поля зрения образованных европейцев, так что существование этих королевств удостоверяется главным образом археологическими находками: крупными оборонительными сооружениями, распланированными поселениями, богатыми погребениями и пиршественными дворцами. Все это указывает на присутствие сильной центральной власти, имеющей в своем распоряжении значительные материальные и людские ресурсы. Центр одного из таких королевств располагался, предположительно, на юге Ютландского полуострова, там, где по перешейку между Холлингштедтом и Шлезвигом проходил 30-километровый вал с бревенчатой стеной, ныне известный под названием Даневирке. Сегодня Даневирке находится в Германии, а в раннем Средневековье болота и бесплодные пустоши этого безлюдного края служили естественной границей между данами и их южными соседями, саксонскими племенами. Сначала Даневирке был просто земляным валом, насыпанным около середины VII в. Примерно 80 лет спустя его нарастили в высоту, а поверху поставили бревенчатый частокол, тем самым значительно укрепив. Благодаря дендрохронологии нам известна дата установки частокола: деревья, из которых он построен, срублены в 737 г. В Средние века Даневирке, который и сейчас местами достигает высоты более 6 м, укреплялся еще несколько раз и утратил свое значение лишь в XIV в. Сооружением Даневирке управляли, скорее всего, из административного центра, недавно

обнаруженного учеными во Флюсинге, что близ Шлезвига. Пиршественный дворец VIII в. размерами приблизительно 30,5 м на 9,1 м, обнаруженный там, окружают до 200 меньших зданий, где могли бы временно разместиться около 1000 воинов.

Другое большое строительство, предпринятое, вероятно, тем же королем, – канал через узкий перешеек на острове Самсе, что у восточного побережья Ютландии. Этот проект дендрохронология датирует 726 г. Канал строился, вероятно, для того, чтобы военным кораблям было удобнее охранять воды по обе стороны острова. К этим же годам относится и основание старейшего города Скандинавии, Рибе, расположенного на западном побережье Ютландии. Участок размерами приблизительно 201 на 64 м осушили, выровняли, насыпав 60-сантиметровый слой песка, и разделили на прямоугольные участки. Дубовые доски из колодезного сруба позволяют датировать эти события периодом между 704 и 710 гг. Около 720 г. проложили центральную улицу, а около 730 г. ее вымостили досками. Постоянных зданий в Рибе пока не обнаружено, но есть следы временных хижин и ремесленных мастерских, и это значит, что город изначально служил местом сезонных ярмарок. Рыночную площадь окружали изгородь и ров. При их размерах они не могли служить защитой и, вероятно, предназначались для того, чтобы регулировать доступ на торг и собирать пошлины.

Торговля связывала Рибе с Византией, Италией и Норвегией, но больше всего товаров импортировалось из франкского королевства: жернова из лавы с гор Айфель, стекло и керамика с Рейна. В больших количествах в Рибе находят необработанный янтарь: вероятно, это была важная статья экспорта. Есть признаки того, что на ярмарку в Рибе сгоняли большие стада скота, так что, видимо, экспортировались и

скоропортящиеся товары, типа кожсырья. Сама постройка Рибе указывает на существование правителя, который решал, когда и где на его землях быть торгу, и гарантировал безопасность торгующих на территории ярмарки. Первые скандинавские монеты, имитация фризских, так называемых скеатта, отчеканены около 720 г. в Рибе, и, значит, правитель в той или иной степени управлял средствами обмена. Местопребыванием этого правителя могло быть постоянное поселение, обнаруженное в 229 м на юго-восток от торга. Точно идентифицировать личность правителя невозможно, но высока вероятность, что это был Ангантюр, датский король, у которого около 725 г. побывал англосаксонский монах Виллиброрд, отправившийся в первую миссию в Скандинавию. Биограф Виллиброрда писал об Ангантюре: «Жесток хуже дикого зверя и тверд как камень». Однако миссионеров король принял вполне любезно, хотя и не выказал желания обратиться в христианскую веру.

Ангантюр не был в Дании единственным королем. В «Беовульфе» герой гостит у датского короля Хродгара, о котором сказано, что он из династии Скильдингов. Та же династия упоминается в полулегендарных сагах и в «Деяниях Данов» (лат. Gesta Danorum) датского историка XII в. Саксона Грамматика как Скьёльдунги. Мнения об историчности Скьёльдунгов менялись, и на сегодня ученые сходятся в том, что династия в самом деле существовала, но дошедшие до нас истории относятся скорее к области легенд, чем к историческим фактам. Скьёльдунгов принято связывать с деревней Гаммель-Лейре (Старая Лейре) на острове Сьелланд (Зеландия). Вокруг деревни обнаружена необычная концентрация доисторических курганов, датируемых от неолита до поздней эпохи викингов: очевидно, это место имело и долго сохраняло особую культовую важность. Проводимые в последние 30 лет

археологические раскопки в Гаммель-Лейре показывают, что с VI по X в. здесь постоянно существовали большие бревенчатые пиршественные дома, а значит, в период становления датских королевств в этом поселении находился один из центров королевской власти. Вероятно, оно привлекало сьелландских владык многочисленными древними монументами: короли надеялись укрепить собственную власть за счет ассоциации с местом, имеющим столь явную древнюю силу.

Залы и хёрги

Старейший из пиршественных залов в Гаммель-Лейре построен во Фредсхое, рядом с крупным погребальным курганом бронзового века на невысоком гребне над болотистой долиной речки Лейре. Это сооружение с выгнутыми стенами около 45 м в длину и 7 м в ширину датируется приблизительно второй четвертью VI в. Если Хродгар действительно существовал, это вполне мог быть его дворец. Поблизости от него располагался хёрг, то есть жертвенник или алтарь в виде груды камней. В ямах, окружающих хёрг, свалены осколки керамики и останки тысяч жертвенных животных. В начале VII в. Фредсхой был заброшен, взамен появился Мюссельхойгард, примерно в 500 м южнее. Как и Фредсхой, он стоял на холме над рекой, имел длину в 48,5 м, ширину 11,5 м, площадь 500 кв. м и внутри был разделен на главный зал, кладовые и жилые комнаты. Несколько крупных строений возле дворца предположительно были жилищами придворных воинов и гостевыми домами. Дворец и дома окружал частокол, ограждавший от посторонних.

За пределами королевского лагеря располагалась небольшая колония ремесленников, снабжавших королевскую семью престижными металлическими изделиями, необходимыми для демонстрации статуса и для одаривания верных дружинников. Продовольствием поселение снабжала большая ферма в 500 м к северу. Как и во Фредсхое, неподалеку от пиршественного зала располагался хёрг. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский около 1016 г. писал, что в Гаммель-Лейре раз в девять лет 6 января проходил культовый праздник с жертвоприношением 99 человек, стольких

же лошадей и без счета собак и петухов. Однако никаких признаков человеческих жертвоприношений в этом месте доныне не обнаружено. В годы, когда Мюссельхойгард был обитаем, построено крупнейшее из культовых сооружений Гаммель-Лейре. Это 86-метровая каменная ладья, сегодня не полностью сохранившаяся, предназначенная для религиозных обрядов и захоронений. Поселение в Мюссельхойгарде существовало более 350 лет. За это время и дом торжеств, и остальные здания много раз перестраивались, но новый пиршественный зал всякий раз строился с сохранением прежних размеров и планировки.

Наконец, и его снесли, взамен построив другой несколькими метрами севернее. Эти дворцы в Гаммель-Лейре продолжали сносить и заново строить примерно до 1000 г., когда поселение забросили, вероятно, из-за его языческого наследия, а жители переехали в новый христианский город Роскилле, в 8 км к северу.

Фольклор часто связывает доисторические монументы с легендарными или историческими личностями. Один из курганов в Гаммель-Лейре – пока ученые не доказали, что он насыпан в эпоху неолита, – считался у местного населения могилой самого знаменитого короля из династии Скьёльдунгов, Харальда Хильдетана (Боезуба). Харальд жил, вероятнее всего, в одно время с Ангантюром из Рибе, так что курган не мог быть насыпан в его честь, и в любом случае устная традиция гласит, что его похоронили в Швеции на месте битвы при Бровалле, в которой он был убит воинами шведского короля Сигурда Кольцо. Место этой битвы, величайшего сражения скандинавского протоисторического периода, неизвестно, но принято считать, что оно находилось невдалеке от Бровикен-фьорда, в Эстергётланде. Вторгаться в Швецию у Харальда не было никаких

политических причин. Он прожил долгую жизнь, полную успешных битв и завоеваний, однако, достигнув, мягко говоря, зрелого возраста в 150 лет, не на шутку забеспокоился, что умрет в постели и упустит свой шанс попасть в Вальгаллу. Таким образом, его единственным мотивом было стремление погибнуть в бою. По некоторым версиям, Харальда сразил сам Один, зашибив дубиной. Победители сожгли Харальда на погребальном костре, отправив прямиком в Вальгаллу в компании с 15 королями и 30 000 простых воинов, тоже павших в этом сражении. Немало меду было в тот вечер выпито в небесном чертоге.

Старая Уппсала и королевство шведов

В Швеции последний этап германского железного века известен как Вендельский период – по названию необычной группы из 14 аристократических захоронений в деревне Вендель, что в нескольких милях к северу от Уппсалы, в среднешведской провинции Уппланд. Эти плодородные земли были колыбелью шведов. Вендельские могилы – самые богатые погребения своего периода, и, скорее всего, принадлежат членам королевской династии. Тела были захоронены без кремации в больших ладьях до 10 м длиной, которые, вероятно, должны были доставить мертвецов в загробный мир, обложены ценными погребальными дарами, пищей и кухонной утварью в дорогу, стеклом, драгоценным оружием и доспехами, включая отделанный бронзой железный шлем, а вместе с ними были положены охотничьи собаки, лошади с седлами и в одном из захоронений – сокол. Характерный орнамент из переплетающихся звериных фигур, присутствующий на большей части металлических изделий из Венделя, был назван вендельским стилем.

Рядом с Венделем также располагается курган трехметровой высоты, прозванный Оттарсхёген (Оттаров курган) по имени короля Оттара из шведской династии Инглингов, которая, как и датские Скьёльдунги, относится к области неизведанного, лежащей между историей и легендой. В кургане захоронены останки мужчины и женщины. Обнаруженные в погребении истертые золотые римские солиды, отчеканенные в 477 г., с некоторой вероятностью датируют курган VI в. Оттар – это шведский король Охтхере, упоминаемый в «Беовульфе»

как современник героя, и, значит, не исключено, что в кургане действительно лежали его останки.

В полулегендарной исландской сагической традиции Инглинги ведут свою линию от бога плодородия Фрейра и его супруги великанши Герд. Название династии восходит к альтернативному имени Фрейра – Ингви (Инглинг означает «потомок Ингви»). С Инглингами тесно связана Гамла Уппсала (Старая Уппсала), которая в эпоху викингов была крупным культовым центром, посвященным Фрейру, Тору и Одину. Это место лежит в нескольких километрах к северу от современного университетского города Уппсала на плодородных землях долины реки Фюрис. В эпоху викингов в Старую Уппсалу легко проходили корабли из расположенного южнее озера Меларен, которое в те времена было длинным и узким, глубоко вдающимся в материк фьордом Балтийского моря. Постгляциальное поднятие суши превратило Меларен в озеро примерно около 1200 г. Самые выдающиеся сооружения Старой Уппсалы – это три гигантских погребальных кургана, традиционно связываемых с Инглингами, королями Ауном, Эгилем и Адилсом. Раскопки двух курганов, тех, что носят имена Ауна и Эгиля, обнаружили в каждом из них кремированные останки знатного мужчины и воинское снаряжение, в том числе плохо сохранившиеся шлемы, декорированные в вендельском стиле. Три великих кургана окружены сотнями меньших. И это лишь то немногое, что дошло до нас после столетий сельскохозяйственного освоения земель: изначально в окрестностях Старой Уппсалы было не меньше 3000 погребальных курганов. Изученные археологами курганы последовательно датируются VI в. или позже. Невысокий плосковерхий холм к востоку от великих курганов, известный как Тингсхёгар («холм тинга»), вероятно, был тем местом, где в исторические времена

проходил дистинг. Этот ежегодный тинг (собрание) шведов получил свое название из-за того, что проходил в то же время, что и зимний праздник Дисаблот, жертвоприношение дисам, женским божествам плодородия. В Старой Уппсале под церковью XII в. обнаружены остатки более раннего деревянного строения. Предполагается, что это был храм, в котором стояли идолы Фрейра, Тора и Одина. Говорили, что в конце эпохи викингов этот храм был покрыт золотом. Согласно германскому хронисту-монаху Адаму Бременскому (умер около 1080 г.), в храме еще в 1070-е гг. проходил праздник в честь этих трех богов. Праздник устраивали раз в девять лет, он приходился на день весеннего равноденствия и продолжался девять дней. Каждый день в жертву приносили одного мужчину и множество мужских особей разных животных, в том числе лошадей и собак, чтобы общим счетом боги получили 72 живых существа. Тела подвешивались в священной роще возле храма, где их оставляли разлагаться. Легенда гласит, что однажды для умилостивления богов здесь заклали конунга Домальде, при котором два года подряд случился неурожай. Недавно археологи обнаружили в Старой Уппсале следы двух бревенчатых частоколов, больший из которых имел длину 915 м. Назначение частоколов, установленных, предположительно, в V в., пока не ясно, однако в некоторых бревнах обнаружены полости, содержащие кости животных, возможно жертвенных.

В VI в. к югу от храма на искусственной насыпи построили большой пиршественный дворец примерно 50 м в длину. Продольные стены у него были выгнутыми, как у залов в Гаммель-Лейре, и общий вид, наверное, слегка напоминал перевернутую лодку. Внутрь вело несколько широких входов, один из которых декорировали коваными украшениями в виде спиралей. В VIII в. это строение сгорело и больше не

восстанавливалось. Территория вокруг дворца была плотно заселена ремесленниками. Археологи обнаружили признаки обработки золота, серебра, свинца, бронзы, стекла и граната.

Королевство шведов имело торговые связи с разными концами мира, которые сходились в островном торговом поселении Хельгё, возникшем на озере Меларен в V в. Хельгё значит «святой остров», и золотые жертвенные таблички с изображениями богов и чудовищ, подобные тем, что найдены в культовых поселениях Дании, подсказывают, что это было языческое святилище, где в праздничные дни устраивались ярмарки. В Швеции нет другого поселения того периода, столь обильного находками, относящимися к торговле и ремеслам. Особенно развито в Хельгё было изготовление ювелирных украшений: здесь найдены тысячи расколотых форм, применявшихся для бронзового литья. Обрабатывали здесь и железо. А клад из 76 византийских золотых монет VI в. говорит о том, что торговые связи Хельгё дотягивались до Средиземноморья: возможно, туда шведы сбывали пушнину. В VII и VIII вв. появляются более экзотические изделия: бронзовый епископский посох из Ирландии, крестильные ложечки из Египта, индийский бронзовый Будда. На своем пути до Хельгё эти предметы, должно быть, прошли через множество рук, и они не доказывают, что шведские купцы доплывали до Индии. Вместе с тем эти торговцы уже основали фактории к востоку от Балтики и исследовали русские речные пути, которыми в эпоху викингов дошли до Черного и Каспийского морей. Латвийская Гробиня, где обнаружены три скандинавских кладбища периода 650–800 гг., стала одной из первых шведских колоний на востоке. На одном из кладбищ воинские могилы и погребальные дары напоминают о вендельских захоронениях, а другие два кладбища обнаруживают

связь с Готландом. Также есть основания считать, что уже примерно в 650 г. скандинавская колония появилась в польском Эльблонге.

Освоение шведами русских речных путей началось в VIII в., и к 750 г. скандинавские торговцы жили бок о бок с финскими и славянскими в торговой фактории Старая Ладога, что у впадения реки Волхов в Ладожское озеро. Предпринимались и разбойничьи походы на восток, о чем свидетельствует необычное двойное корабельное погребение, недавно обнаруженное в Сальме, Эстония. Все до сих пор обнаруженные погребальные ладьи содержали останки одного или двух человек – знатного покойника и иногда раба, принесенного в жертву, чтобы сопровождать хозяина в загробный мир. В этих же двух ладьях лежали около 40 скелетов, все они принадлежали крепко сложенным взрослым мужчинам, многие имели очевидные повреждения, полученные в бою. Оружие и украшения с декором в вендельском стиле позволяют причислить погребенных к шведам и датировать захоронение примерно 750 г. Ладьи плохо сохранились, но есть достаточно признаков, позволяющих с уверенностью опознать в большей из ладей парусное судно, на сегодня старейшее из обнаруженных на Балтике.

Формирование государств в Норвегии

Сложная география Норвегии оказалась серьезным препятствием для формирования государства. Большую часть года путешествовать в гористой местности было невозможно из-за снега, так что разные области сообщались в основном по воде. Тысячи островов и проливов создавали вдоль побережья укрытый от бурь «Северный путь» (North Way), от которого страна и получила свое название, но даже на этом пути навигация прекращалась в октябре и возобновлялась только в конце марта. Суда вытаскивали на берег и оставляли на зиму в лодочных сараях или укрытых гротах. Относительная изолированность поселений способствовала раздробленности, и в Норвегии нет того обилия находок, указывающих на формирования государства, которыми отмечено время, непосредственно предшествовавшее эпохе викингов в Дании и Швеции. Но все же и здесь политическая власть мало-помалу централизовалась. Убедительные признаки этого обнаружены в Борре, провинция Вестфолл, долине на западном берегу Осло-фьорда, где находятся семь больших погребальных курганов и 25 малых (Боррехаугене). Вероятно, их было больше: известно, что часть курганов срыли в XIX в. при добыче камня для строительства дороги. В одном из срытых курганов обнаружилась воинская погребальная ладья, но научных раскопок не проводилось. В тех же местах, в селении Хусебю, в середине VIII в. построили большой пиршественный дом. В эпоху викингов местность вокруг Хусебю носила название Скирингссаль – эту область сагическая традиция связывает с норвежской ветвью династии Инглингов. Меньше чем в трех километрах от

Хусебю, в Каупанге («торжище») на Виксфьорде, к 800 г. возникло полугородское торгово-ремесленное поселение, несомненно обслуживавшее потребности близлежащей резиденции конунга. Хотя признаков формирующейся государственности там меньше, обширное, ныне большей частью разрушенное курганное кладбище в Мюклебусте на берегу Нордфьорда с несколькими погребениями кремированных кораблей указывает на еще один административный центр в Западной Норвегии. Крупные курганы найдены также в Ракнехаугене, провинция Ромерике, к северу от Осло, и в Свенсхауге, провинция Хедмарк, на востоке средней Норвегии.

Викинги: канун

В конце VIII в. скандинавские королевства были еще очень нестабильны. Класс людей, которые могли претендовать на престол, в Скандинавии был довольно многочислен. Теоретически королевская власть была выборной, и любой мужчина, происходящий из королевского рода, хоть по отцовской, хоть по материнской линии, мог стать королем. Незаконность рождения не была препятствием. Вместе с тем власть все больше централизовалась, вождества входили в королевства, а малые королевства подчинялись большим, и, значит, королей становилось меньше. Претендентов же было много, и династические споры стали обычным делом. В тех случаях, когда соперники имели равную поддержку и равно готовы были идти на компромисс, решением нередко становилось совместное правление, но зачастую борьба за престол оборачивалась разрушительными войнами. Проигравшего, если ему повезло не погибнуть, изгоняли, но, покуда его вела сила королевской крови, не все было потеряно. Ранние скандинавские властители правили скорее людьми, чем территориями, посему любой потомок королевского рода, способный привлечь на свою сторону воинов, мог быть признан в его дружине королем, даже если не имел королевства. Эти «морские короли» могли заняться разбоем, затем, при удаче, стяжать богатство, славу великого воина и верное войско, чтобы вновь попытаться занять королевский трон на родине. Или (в зрелую эпоху викингов) завоевать себе новое королевство в чужих землях. Отправиться в поход в чужие края мог счесть разумным и правящий конунг – чтобы добавить себе авторитета и разжиться добром на подарки воинам,

которые должны были хранить верность и помогать отражать покушения на его власть. С той же необходимостью по мере укрепления королевской власти, посягающей на их традиционные привилегии, сталкивались представители вождеского класса: ярлы (племенные вожди) и хэрсиры (военачальники) Любой, у кого хватало денег построить ладью и нанять команду, имел все основания отправиться на морской разбой. Тем временем Западная Европа становилась для викингов все более лакомой добычей. Период экономического упадка, последовавший за гибелью Западной Римской империи (V в.), подходил к концу, понемногу устанавливалась политическая стабильность. Торговля с севером шла в рост, и скандинавские купцы имели возможность увидеть, как богаты и, по сути, беззащитны западноевропейские порты и монастыри. Поход на Европу сулил наживу, которая могла с лихвой окупить все возможные риски. Насилие, пронизавшее скандинавское общество, готово было захлестнуть весь континент.

Глава 2
Линдисфарн, Этелни и Йорк
Викинги в Англии, 789–954



Начало 793 г. в англосаксонском королевстве Нортумбрия ознаменовалось странными явлениями: мощные вспышки молний и огненные драконы, летящие по небу, повергли людей в ужас. За этим последовал голод. В столице Нортумбрии, Йорке, на северную часть собора Святого Петра из ясного неба пролился кровавый дождь. Несомненно, это был знак, предвещающий приход каких-то страшных бедствий с севера. И 8 июня жуткие знамения оправдались: норманны разграбили славный и богатый нортумбрийский монастырь на острове Линдисфарн. Выдающийся нортумбрийский ученый Алкуин (около 735–804 гг.) вскоре после нападения высказал свое потрясение и боль в письме:

> «Мы и наши отцы жили на этой благословенной земле без малого три с половиной века, и доныне в Британии не видели таких зверств, какие мы терпим нынче от рук язычников. Кто мог хотя бы помыслить такое бесчинство? Храм Святого Кутберта – главная святыня Британии – залит кровью служителей Господа, лишен всей утвари, отдан на разграбление поганым… Кто этого не убоится?»

Если кто и не убоялся, тому скоро предстояло убояться, потому что это было только начало.

Святой остров

Низменный и по большей части покрытый песчаными дюнами остров Линдисфарн лежит в Северном море меньше чем в 2 км от материка, с которым дважды в день на несколько часов в отлив соединяется песчаными банками. Сегодня Линдисфарн кажется труднодоступным, особенно в прилив, когда туристы не могут попасть туда, но отсюда всего лишь 8 км морем до замка Бамборо, одного из главных оплотов нортумбрийских королей. Именно ради близости к королевской резиденции ирландский монах Айдан основал здесь в 635 г. монастырь и епископский престол для дальнейшей евангелизации англов Нортумбрии, еще не оставивших язычества. Айдан умер в 651 г., его похоронили в Линдисфарне и вскоре причислили к лику святых. Следующих восемь епископов Линдисфарна тоже канонизировали – настоящий конвейер, – а самым знаменитым из них был святой Кутберт (умер в 687 г.), столь кроткий человек, что вроде бы дружил даже с местными выдрами.

В средневековой Европе монастыри были главными центрами образования и книгоиздания, и в знаменитом линдисфарнском скриптории монахи теряли зрение, создавая столь затейливо иллюстрированные манускрипты, что последующие поколения считали их работой ангелов. Из всех монастырей Британии поспорить в святости с Линдисфарном могла только шотландская обитель на острове Айона. Главными сокровищами и источником святости Линдисфарна служили останки многочисленных местных святых. Короли, нуждавшиеся в расположении небесных сил и молитвах (как за народ, так и за их собственные, как правило довольно грешные, души), щедро одаривали

монастыри землей. Паломники, пришедшие за чудесным исцелением и духовным подвигом, жертвовали скромнее. Приобретая духовный авторитет, Линдисфарн богател. Богатство служило к вящей Божьей славе: шелковые облачения священников, золотые и серебряные сосуды для причастия, епископские посохи, распятия, ковчежцы и книжные обложки, инкрустированные драгоценными камнями. Монастыри неизбежно привлекали купцов и ремесленников, удовлетворявших потребности монахов в продовольствии, одежде, пергаменте для книг и драгоценных предметах для украшения обителей. И все это никак не охранялось. Неудивительно, что в монастырях викинги видели лакомую добычу. И возможно, самым ценным трофеем были многочисленные здоровые и упитанные безоружные монахи, за которых, без сомнения, можно было взять хорошую цену на невольничьем рынке.

Божественное возмездие

Сегодня нам трудно понять, каким потрясением было нападение на Линдисфарн: даже оторопь после террористической атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября, когда Америка моментально утратила ощущение собственной неуязвимости, не сравнилась бы с переживаниями британцев. Американцы, может, и верят в Бога, но они не рассчитывают, что он защитит страну от врагов: христиане же раннего Средневековья рассчитывали. Вера в способность святых испрашивать у Бога защиту для их святилищ была абсолютна. По всей Европе монастыри никак не охранялись, и, разумеется, ни один христианин не осмелился бы навлечь на себя божественное возмездие за посягательство на святую обитель. Монахи Линдисфарна, скорее всего, знали об опасности нашествия морских разбойников. Примерно четырьмя годами раньше викинги из Хордаланна, что в Западной Норвегии, на трех кораблях напали на южноанглийский портовый город Портленд, где убили королевского чиновника по имени Бидухерд, ставшего первой жертвой норманнских пиратов, чье имя нам известно. Скорее всего, были и другие, не отраженные в хрониках нашествия на Англию: могущественный мерсийский король Оффа в 792 г. распорядился строить прибрежные укрепления в Кенте. Но монахи настолько верили в божественную защиту, что все равно не приняли никаких мер предосторожности. Разумеется, как язычники викинги грабили монастыри без всякой опаски: от варваров такого поведения и ждали. Но почему же Бог не покарал их за святотатство? Именно это – больше, чем само нападение, – ужаснуло христиан. «На что остается надеяться церквям

Британии, – вопрошал Алкуин, – если святой Кутберт и столь внушительный сонм других святых не оборонили свой собственный храм?» Алкуин почувствовал себя беззащитным.

В реальности никакая опасность Алкуину не угрожала – он преподавал в Дворцовой академии при дворе императора франков Карла Великого в германском Аахене, но, как и все средневековые христиане, Алкуин верил, что даже самые могущественные империи стоят ровно до тех пор, покуда им благоволит Всевышний. Именно так понимали судьбу Рима. Бог попустил создание Римской империи ради скорейшего распространения христианства, но это было греховное государство, и, когда оно выполнило задачу, Бог дал ему рассыпаться. Именно в таком свете Алкуин осмыслил линдисфарнские события: не как военную, а как моральную проблему. Когда Господь позволяет бедствиям пасть на Его последователей, это Его наказание за их грехи. Алкуин писал к пережившим нападение монахам, призывая их задуматься о собственном поведении. При таком богатстве, решил он, монахи, видно, забыли о строгом уставе, объедались и опивались, носили дорогие одежды и не вспоминали, что до́лжно заботиться о бедных. Король Нортумбрии Этельред подвергся еще более суровой критике за то, что под его властью расцвели несправедливость и разврат. «У страны нет лучшей защиты, – писал Алкуин, – чем справедливость и добродетель правителей и молитвы служителей Господа». Он напомнил Этельреду, что по единственной молитве доброго и честного иудейского царя Езекии Господь за одну ночь уничтожил 185 000 ассирийцев. Если Этельред пересмотрит свой образ жизни и образ жизни подданных, Господь в ответ непременно разобьет норманнов.

На следующий год викинги напали на другой знаменитый нортумбрийский монастырь в Джарроу, где когда-то жил сам Беда Достопочтенный (умер в 735 г.), первый английский историк. На этот раз норманнам повезло меньше: местные ополченцы схватили и убили их предводителя, а когда пришельцы обратились в бегство, буря потопила их корабли. Пловцов, которым удалось добраться до берега, разъяренные англы тут же прикончили. Воздаяние по заслугам, торжествовали монахи-хронисты, но столь впечатляющая демонстрация мощи святых заступников не обескуражила норманнов. В 795 г. они отправились в поход на Шотландию и Ирландию, разграбив Айону и еще один монастырь на острове Рехру у берегов Ирландии. А в 799 г. викинги впервые добрались до империи франков. С этой поры пройдет больше 200 лет, прежде чем жители Западной Европы научатся без дрожи смотреть на показавшийся на горизонте парус. Не норманнская ли это ладья?

Между тем жизнь в Линдисфарне скоро вернулась к норме. Многие монахи, в том числе епископ Хигбальд, спаслись от норманнов. Уцелели и драгоценные монастырские мощи, и многие другие сокровища, например удивительное, затейливо иллюстрированное Линдисфарнское Евангелие, ныне выставленное в Британской библиотеке в Лондоне. Скорее всего, монахи все же получили какое-то предупреждение и успели спрятать многие монастырские ценности – невысокий скалистый холм поблизости, где в наши дни стоит замок, мог быть хорошим дозорным постом. Алкуин не упоминает ни пожара, ни злонамеренных разрушений, так что строения монастыря, видимо, остались неповрежденными и за год обитель восстановилась. Возможно даже, что плененные монахи в конце концов вернулись домой. Алкуин писал Хигбальду, что Карл Великий попробует их выкупить;

удалось ли ему это, мы не знаем. После неудачи в Джарроу более 30 лет английские хроники не упоминают о норманнских вторжениях. Но это не значит, что их не было. В 804 г. монахи кентского аббатства Лиминдж, расположенного в нескольких километрах от берега Ла-Манша, из предосторожности условились об убежище с обитателями относительно безопасного и недальнего Кентербери. Пятью годами позже викинги дерзко захватили в море папского легата Эалдвульфа, возвращавшегося на континент из поездки в Нортумбрию. Понимая, что пленили важную персону, викинги тут же доставили легата обратно в Англию, где его выкупил мерсийский король Кенвульф. Однако редкие нападения малыми силами не воспринимались как заметные события на фоне многих битв, происходивших в этот период между четырьмя англосаксонскими королевствами: Нортумбрией, Мерсией, Восточной Англией и Уэссексом. Особенно острым было соперничество Мерсии и Уэссекса: они оспаривали друг у друга статус главного королевства Британии. Кульминации это соперничество достигло в 825 г., когда в великой битве при Элландуне в Уилтшире король Эгберт Уэссекский разбил войско Беорнвульфа Мерсийского и получил титул «бретвальда», не имевший четкого определения и значивший, видимо, что-то вроде «повелитель Британии».

Угроза усиливается

В 830-е гг. ситуация изменилась. В 789 г. Портленд грабили всего на трех кораблях, и это было классическим примером того, что норманны называли strandhögg, «наскок-отход». Очевидно, такая тактика была типичной для первых норманнских вторжений. Затем, в 836 г., у западного побережья Англии появился флот из 25 или 35 (источники расходятся в оценке) датских кораблей. Король Эгберт собрал войско и встретил данов у Кархэмптона, в Сомерсете. Оба войска упорно сражались, но в итоге англосаксы дрогнули и, как описал это английский хронист, «поле великой бойни осталось за данами». Англосаксы, однако, скоро нашли случай взять реванш. В 838 г. датский флот приплыл к берегам Корнуолла, который в то время был независимым кельтским королевством. Эгберт большую часть своего царствования пытался покорить корнов, и неудивительно, что они с радостью приняли данов как союзников и вместе стали планировать нападение на Уэссекс. Эгберт, однако, оказался быстрее и ударил первым, разбив норманнско-корнские силы в сражении у Хингстон-Дауна. Это была последняя победа Эгберта. Он умер в следующем году, добившись господства Уэссекса над прочими англосаксонскими королевствами и создав прецедент успешного сопротивления викингам, на который будут опираться его наследники.

В 850 г. норманны опять активизировались: датское воинство захватило остров Танет в Кенте и осталось там на зимовку в укрепленном лагере. До тех пор вторжения оставались сезонным явлением, ограничиваясь летними месяцами, и к сентябрю викинги отправлялись домой, чтобы осенние шторма не застали их в море. Зимовка на чужой земле позволяла

норманнам продлить «сезон» до глубокой осени и пораньше начать его в следующем году. Весной 851 г. в Кент прибыл еще один флот викингов. Состоявшая, как сообщали, из 350 кораблей, это была самая крупная на тот момент и не сравнимая ни с одной из прежних военная экспедиция норманнов в Англию. Эта армада разграбила Кентербери, главный центр христианства в Англии, а затем новый порт Лондон. Король Мерсии Беортвульф вызвал данов на битву, но потерпел сокрушительное поражение. Воодушевленные успехом, норманны перешли Темзу и вторглись в Уэссекс, но там их ждало поражение в битве у неизвестного нам места под названием Акли (Дубовое поле). Это была величайшая кровавая расправа над разбойниками-язычниками, о какой только приходилось слышать английскому хронисту.

В том же году Этельстан, сын короля Этельвульфа Уэссекского, разбил норманнский флот в морском бою в гавани Сэндвича и захватил девять кораблей. Морские сражения в эпоху викингов были чрезвычайно редки. Корабли того периода не могли подолгу оставаться в море и патрулировать воды, так что шансы перехватить флот викингов вдали от берегов были ничтожны. Битвы, если и случались, то чаще всего тогда, когда одному флотоводцу удавалось запереть другого в бухте или устье реки, как, видимо, и поступил Этельстан. Эти победы дали Англии лишь один год передышки, и в 853 г. викинги снова были на острове Танет. Несмотря на постоянные нападения, Этельвульф Уэссекский счел, что его королевство в достаточной безопасности, чтобы он мог на год уехать в Рим с визитом к папе в 885 г., взяв с собой младшего и любимого сына Альфреда. Викинги были серьезной неприятностью, но пока еще не казались смертельной угрозой.

Норманнская тактика

Более чем за полвека норманнских вторжений англосаксы показали себя достойными противниками. Да, многие важные города подверглись разграблению, но британцы, безусловно, знали, насколько сильнее страдают от нападений викингов Ирландия и Франкия. Англосаксы никогда не боялись драки и, если удавалось вступить с норманнами в сражение, чаще побеждали. Викинги, при всей их легендарной свирепости, вовсе не были непобедимыми чудо-воинами. Оружие их ничем не превосходило оружие англосаксов или франков, и они не применяли никаких передовых тактик. На поле боя отличить норманнов от англосаксов было бы непросто. И те и другие дрались в пешем строю, полагались на щит и копье как основное оружие и строились в один и тот же боевой порядок, называвшийся стеной щитов, при котором у каждого воина в цепи щит краем слегка заходил на щит соседа. Глубина строя зависела от численности войска, и воины задних рядов прибавляли напора передним, когда те вступали в контакт с противником и нужно было давить и толкать его, а если в переднем ряду кто-то падал, сраженный, его место занимал шедший сзади. Жизненно важно было удерживать неразрывность стены. Во многих сражениях перелом наступал, когда у одной из сторон сдавали нервы и она пыталась отступать. Если при этом удавалось удержать щиты сплошной стеной, побежденное войско могло отойти в боевом порядке без тяжелых потерь, чтобы готовиться к новым битвам. Если же стена щитов рассыпалась, дальше каждому приходилось отбиваться в одиночку, и потери войска бывали страшными, так как враг мог спокойно разить бегущих в беззащитные спины.

Если и был какой-то секрет норманнских военных успехов, то это мобильность, которая позволяла викингам удерживать инициативу. До Нового времени путь водой неизменно был быстрее, чем по суше. При той небольшой осадке, что была у их ладей, викинги могли высаживаться на берег почти где угодно и подниматься по рекам вглубь материка. Если местные силы были наготове и ждали врага, пираты могли просто проплыть мимо и попытать удачи в другом месте: рано или поздно они приплывут туда, где их не ждут. А уж там они могли спокойно грабить и успевали скрыться, прежде чем соберется войско для отпора. При этом, собирая силы в одном месте, обороняющиеся неизбежно оставляли без защиты другие. И это обычно рушило всю оборону. В большинстве западноевропейских королевств, включая и скандинавские, свободные взрослые мужчины несли воинскую повинность и по призыву короля или местного аристократа должны были идти на войну. Они охотно вставали в строй, если речь шла о вторжении на земли соседа, потому что там можно было грабить: в своем видении войны как способа наживы викинги отнюдь не были уникальны для средневековой Европы. Оборонительная же война не сулила никаких выгод, оправдывающих тяготы и опасности воинской службы, к тому же мужчины закономерно не хотели бросать без защиты свои дома и наделы. Поэтому призыв к оружию нередко оставался безответным.

В эпоху викингов масштабные сражения были относительно редки. Благодаря своей мобильности норманны обычно легко уклонялись от битвы, если соотношение сил было невыгодным. Вместе с тем победа в сражении зачастую давала так много, что викинги без колебаний вступали в схватку, когда шансы были в их пользу. Разбойничать удобнее и проще, если разбиться на мелкие отряды, которые будут рыскать по

городам и весям. Однако мелкий отряд легко могут истребить силы обороны. Если же прежде армию обороняющихся вызвать на бой и полностью разгромить, тогда можно грабить без опаски. Помимо добычи и дани, которую можно стребовать с побежденного, победа в сражении сулила предводителю викингов новую славу, что укрепляло лояльность воинов и привлекало в его армию новых. Обороняющиеся, напротив, должны были думать об ужасных последствиях поражения. Только сохранив армию, можно было хоть немного сдерживать викингов, поэтому обороняющиеся не стремились дать им сражение так настойчиво, как англосаксы. Эта стратегия может показаться трусливой, но, проиграв, защитники теряли гораздо больше, чем викинги, так что зачастую надежнее было придерживаться тактики сдерживания, чем ставить на кон все.

«Великая языческая армия»

В 865 г. пришла пора и Англии почувствовать на себе всю ярость норманнов. В начале года к Танету опять причалил флот викингов. Измученные обитатели Кента устали от грабежей и на сей раз без сопротивления предложили норманнам выкуп за свой покой. Это был первый случай, когда англосаксы принесли северным пиратам то, что много позже будет зваться данегельд («датские деньги»). Принесение дани означало, что в землях, больше прочих подвергавшихся вторжениям, боевой дух англосаксов надломился, однако она так и не была выплачена. Переговорами викинги усыпили бдительность кентцев и внезапно напали. Они сочли, что грабежом возьмут больше. Восточную Англию в том же году ждало бедствие много серьезнее – нашествие «великой языческой армии» из Дании. До тех пор викинги приходили только грабить. Это полчище пришло с иными намерениями – покорять и колонизировать.

Предводительствовал этими данами альянс безземельных «морских конунгов», самыми значительными из которых были Ивар, Хальфдан и Убба. Известно, что Ивар и Хальфдан приходились друг другу братьями. Убба также мог быть их братом, но убедительных свидетельств тому нет. Происхождение ни одного из конунгов источники того времени не проясняют, но в датских и исландских текстах XIII и XIV столетий Ивар отождествляется с загадочно прозванным Иваром Бескостным, сыном легендарного викинга Рагнара Кожаные Штаны (Лодброка). Есть ли тому какое-то основание, остается только гадать. Рагнар – один из тех легендарных персонажей, которые, как король Артур или Робин Гуд, могут иметь

реальные исторические прототипы, но при этом события их жизни погребены под столь толстыми наслоениями позднейших легенд, что найти какие-то факты в море вымысла нет ни малейшей возможности.

В изложении Саксона Грамматика путь Рагнара начался с весьма многообещающих событий: он одолел множество соперников в борьбе за датский трон. Как все норманнские короли, Рагнар укреплял свое положение, отправляясь с дружиной в дальние походы, но у его подвигов география попросту невероятна: он грабил повсюду – от Британии и Ирландии до Средиземноморья, Византийской империи, русских земель и даже Арктики. Прозвище свое Рагнар заработал за косматые штаны, которые надел для защиты, когда убивал двух огромных ядовитых змей, опустошавших Швецию. Женился Рагнар трижды, но не на обычных женщинах: одна из его жен, Лагерда, была девой щита (своего рода норманнская амазонка, и столь же легендарная: на самом деле женщины у норманнов не сражались). Другой женой, согласно исландской фольклорной традиции, была дочь мифического драконоборца Сигурда Фафнисбане и его супруги-валькирии Брюнхильд. Сыновей Рагнар произвел на свет столько, что хватило бы составить команду небольшой ладьи; среди них, если верить Саксону Грамматику, были Регнальд, Фридлеф, Ратбарн, Дунват, Даксон, Бьёрн Железнобокий, Сигурд Змееглазый, Хвитсерк, Убба, Эйрик Шапка Ветров и Агнар, ну и еще тот самый Ивар Бескостный. Большинство из этих сыновей, скорее всего, столь же легендарны, как и их родитель.

Датское войско зазимовало в Тетфорде, в Восточной Англии, и весной заключило с местным населением мирный договор. Восточные англы взялись обеспечить данов лошадьми, чтобы те отправились грабить кого-нибудь другого. Такое безразличие к налетам на

соседей было типично для англосаксонских королевств. Лишь однажды два королевства объединили силы, и эта раздробленность весьма помогала викингам, которые могли, не распыляя сил, воевать с каждым королевством по очереди. Лошади обеспечили данам такую же мобильность на суше, какая у них была в море – со всеми ее тактическими преимуществами. Оседлав коней, даны вторглись в Нортумбрию, обескровленную гражданской войной между претендентами на трон: викинги всюду, где только могли, использовали к своей выгоде политические распри. Столица Нортумбрии, город Йорк, пала без боя 21 ноября. Осознав нешуточность угрозы, два короля, Элла и Осберт, решили действовать заодно и в марте 867 г. попытались общими силами отбить Йорк. Городские укрепления были не в лучшем состоянии, и нортумбрийцам удалось ворваться в город, но в уличном бою перевес оказался у противника, оба короля погибли, и большинство их сподвижников тоже. Согласно красочному, но недостоверному средневековому скандинавскому преданию, Элла был виновен в смерти Рагнара Кожаные Штаны. Он захватил Рагнара, когда тот потерпел кораблекрушение, и бросил в яму с ядовитыми змеями, которые закусали Рагнара до смерти. Рагнар предостерег Эллу: «Поросята бы захрюкали, знай они о горькой участи кабана», подразумевая, что за него отомстят сыновья. Схватив Эллу в Йорке, сыновья Рагнара принесли его в жертву Одину, превратив в «кровавого орла», то есть отделив его ребра от хребта и вынув наружу легкие, чтобы создать видимость кровавых крыльев. Ученые поныне спорят, в самом ли деле такое было в ходу у викингов или это продукт богатого воображения скальда. Подобное жертвоприношение ничем не ужаснее староанглийской казни для предателей – повешения с утоплением и четвертованием, так что исключать, что

его время от времени практиковали, не стоит: в конце концов, морской разбой – занятие не для слабонервных.

Вместе с обоими королями в битве при Йорке пала большая часть нортумбрийской военной знати. Оставшись без предводителей, уцелевшие в битве нортумбрийцы покорились данам, которые посадили на трон короля-марионетку, никому не ведомого местного дворянина по имени Эгберт. После этого даны год спокойно просидели в Йорке, а потом, весной 868 г., вторглись в Мерсию. Мерсийский король Бургред, забыв старую вражду, воззвал о помощи к Этельреду Уэссекскому. Два короля осадили данов в Ноттингеме, но, похоже, у них не хватило упорства. Даны отказались выйти в поле и сразиться, а короли-союзники не могли решить, то ли штурмовать город, то ли взять измором. Бургред заключил с данами мир, вероятно заплатив выкуп, чтобы они ушли из Нортумбрии. Этельред, скорее всего, ратовал за более жесткое противостояние, потому что впредь эти два королевства больше не объединялись против норманнов.

В 869 г. даны вернулись, чтобы снова разорять Восточную Англию, сжигая и руша все монастыри на своем пути и истребляя монахов. В ноябре Ивар и Убба наголову разбили восточных англов в Хоксене, пленив их короля Эдмунда и подчинив себе все королевство. Согласно позднейшей агиографической традиции, Ивар и Убба предложили Эдмунду править Восточной Англией и быть их данником при условии, что он перейдет в язычество. Эдмунд отказался и был предан мучительной казни: сначала пронзен стрелами, как святой Себастьян, затем обезглавлен. Голову Эдмунда бросили в лесу, где позже ее нашли нетронутой, под охраной волчицы, призывавшей «Сюда, сюда, сюда!». Потом случились и другие чудеса, и Эдмунда скоро стали считать святым. Даны, вероятно, посадили в Восточной Англии наместника, марионеточного

монарха, как и в Нортумбрии, а сами готовились к следующему походу. Где-то в течение той зимы, по всей видимости, умер Ивар, и больше он в англосаксонских источниках не упоминается.

Даны и Альфред Великий

В 870 г. даны вторглись в Уэссекс и захватили город Рединг, который до весны 871 г. стал их лагерем. Однако дальнейшему продвижению данов решительно воспрепятствовали король Этельред и его брат Альфред. В течение года на территории Уэссекса произошло восемь или девять сражений, и ни одно из них не переломило ход войны, а жестокие потери несли обе стороны. В этих битвах западные саксы потеряли элдормена и епископа, даны – короля и девять ярлов. В апреле 871 г. король Этельред умер, и трон занял Альфред, единственный король, которого англичане сочли достойным прозвища Великий. Биограф и советник Альфреда – епископ Ассер впоследствии писал, что Альфред колебался, принимать ли корону, так как чувствовал, что не сможет разбить данов, если Бог не пошлет ему помощи. Добрый христианский король, безусловно, должен быть скромным и благочестивым, и Ассер был твердо намерен нарисовать привлекательный образ своего патрона. Вообще, почти все источники, из которых мы черпаем знание о войне Альфреда против данов, – это сочинения людей, которые были близки к королю или писали под его руководством. У нас есть только его версия событий.

Примерно в момент коронации Альфреда на помощь данам пришел флот под предводительством Гутрума, Анунда и Оскителя, который поднялся по Темзе до Рединга. Потерпев одно за другим два поражения, Альфред заключил с данами мир на том условии, что они покинут его страну. Другие условия нам неизвестны, но король Альфред, скорее всего, выплатил данам контрибуцию, как сделали в 865 г. жители Кента. Наконец, осенью даны покинули Рединг, но ушли они не

дальше Лондона, который захватили у мерсийцев. Наверное, Альфреду повезло в том, что в начале 872 г. данам пришлось срочно выступить в Йорк на усмирение своего взбунтовавшегося нортумбрийского наместника. Быстро разделавшись с Эгбертом, они успели вторгнуться в Мерсию и зазимовать в лагере возле Торкси на реке Трент. Недавние раскопки на этом месте обнаружили немалое количество арабских дирхемов. Возможно, лагерь посещали скандинавские купцы, торговавшие с Востоком (и, вероятнее всего, для покупки захваченных викингами пленников). Торговля и война у норманнов всегда шли рука об руку. Обширная площадь лагеря, примерно в 26 га, доказывает, что англосаксонский летописец не преувеличивал, описывая армию данов как «великую», численностью, возможно, в несколько тысяч.

В 873 г. даны прошли вверх по Тренту и взяли главный королевский город Мерсии Рептон, где и зазимовали. На месте той зимовки проходили интенсивные археологические раскопки. Даны построили на берегу стапель, чтобы на зиму вытащить корабли на сушу, как то было у них принято. Для защиты судов от врага даны устроили полукруглый вал и ров длиной примерно 183 м, концами выходивший к реке. Опорным пунктом даны сделали стоявшую на том месте деревянную церковь. Норманнские укрепления такого типа распространены в Ирландии. Рептонское укрепление, занимающее площадь в 4050 кв. м, по сравнению с известными нам ирландскими и с лагерем в Торкси совсем невелико и явно не предназначалось для зимовки всей армии. Прямо за валом обнаружена уникальная братская могила, содержащая скелеты по меньшей мере 249 человек, 80 % которых составляют крепкие мужчины в возрасте от 15 до 45 лет. Все эти скелеты были сложены вокруг одного мужского тела, принадлежавшего, как можно предположить, кому-то

из предводителей великой датской армии. Ни на одном не обнаружено следов боевых ранений: вероятно, жизни этих людей унесла эпидемия – до Нового времени болезни наносили армиям больший урон, чем вражеское оружие. Найденные в погребении монеты подтверждают, что оно относится к тому периоду, когда датское воинство зимовало в Рептоне. Также поблизости от лагеря обнаружено несколько индивидуальных захоронений, в том числе могила мужчины, погибшего от раны на бедре. Ему в могилу положили меч, амулет в виде молота Тора и символический пенис на замену тому, которого покойный, должно быть, лишился в бою.

Потеряв столицу, мерсийцы полностью прекратили сопротивление, и король Бургред отправился в изгнание в Рим, где вскоре умер. Папа, видимо, не очень обрадовался встрече с Бургредом: лишь недавно он писал ему, что в бедах, постигших королевство, повинен сам король, допустивший процветание всяческого блуда.

Как и в Нортумбрии и Восточной Англии, даны назначили наместника, марионеточного правителя, аристократа по имени Кёлвульф, который должен был править, пока они не решат, как поступить с королевством. Всего лишь за восемь лет даны захватили три из четырех англосаксонских королевств. Оставался только Уэссекс, но ему грозило уже не прежнее великое полчище. Многие даны захотели осесть и воспользоваться плодами своих побед, а Хальфдан в 874 г. оставил войско и ушел со сторонниками в Йорк, чтобы укрепить свою власть над Нортумбрией. В 876 г. он разделил королевство надвое. Северная провинция, Берниция (от реки Тис до Фортского залива), осталась независимой, сохранив власть прежних правителей, обосновавшихся в Бамборо. Южную провинцию, Дейру (приблизительно

соответствовавшую Йоркширу), Хальфдан поделил между своими приверженцами, и Йорк стал центром королевства викингов. Хальфдан, вероятно, правил недолго, потому что это последнее упоминание о нем в англосаксонских источниках. Вероятно, его можно отождествить с Албандом, датским вождем, который, согласно ирландским хроникам, погиб у Странгфорд-Лох в битве с дублинскими викингами в 877 г. О наследниках, сменивших Хальфдана, известно мало. Один из них, Айрдеконут (вероятно, Хардекнуд), известен по единственной монете, обнаруженной в кладе в Сильвердейле (Ланкашир) в 2011 г.

Остатки датского войска, теперь под водительством Гутрума, Оскителя и Анунда, перешли в Кембридж, на востоке Мерсии, где провели год, а в конце 875 г. вторглись в Уэссекс. Альфреда даны застали врасплох и, успешно избегнув столкновения с его армией, пересекли Уэссекс и встали на зимовку в женском монастыре в Уэйреме, Дорсет, удобном для обороны месте между двумя реками. Альфред осадил Уэйрем, но, как и в Ноттингеме, ситуация получилась патовая.

Последовали переговоры, и в 876 г. враги заключили мирное соглашение. Альфред, вероятно, должен был заплатить контрибуцию, чтобы даны ушли с его земель. Для демонстрации взаимного доверия стороны обменялись заложниками, и даны скрепили договор клятвой на священном кольце, посвященном Тору. Такие кольца, побуревшие от жертвенной крови, скандинавские язычники хранили в храмах специально для принесения клятв. Удивительно, что такой благочестивый христианский король, как Альфред, согласился участвовать в языческой церемонии, но, наверное, он считал, что так даны скорее сдержат обещание, чем если бы клялись на христианских реликвиях. В таком случае Альфред ошибся. Данов клятвы, принесенные христианам, ни к чему не

обязывали, и соглашение было им нужно только затем, чтобы усыпить бдительность противника. Убив саксонских заложников и бросив на произвол судьбы своих, отданных Альфреду, они пустились в Эксетер, что в Девоне: половина войска – на кораблях, половина – верхом вдоль берега. Альфред погнался за датской конницей, но не нагнал: даны успели скрыться в стенах города. Тем же, кто поплыл морем, повезло меньше: на корабли налетел шторм, и 120 ладей погибли.

Это бедствие изменило соотношение сил. Альфред провел под стенами Эксетера месяцы, но теперь инициатива была за ним. Когда даны наконец сдались, Альфреду не пришлось платить им контрибуцию: они вновь оставили заложников и в августе 877 г. ушли в Глостер, что в Южной Мерсии. Теперь даны призвали Кёлвульфа делить с ним королевство. Кёлвульфу отошла западная половина Мерсии, а даны забрали себе восточную. Среди тех, кому достались там земли, вероятно, были Анунд и Оскитель, потому что о них больше нигде не упоминается. Гуще всего датские поселения строились вокруг так называемых пяти бургов: Дерби, Ноттингема, Линкольна, Лестера и Стэмфорда. Маловероятно, что расселение данов сопровождалось массовым вытеснением англосаксонских земледельцев. Войны проредили мерсийское дворянство и свободных общинников, так что даны просто забрали осиротевшие наделы: у крестьян всего лишь сменились лендлорды. Были разорены многие монастырские общины, так что их земли победители тоже разделили между собой. Гутрум не взял себе земель: он по-прежнему заглядывался на Уэссекс.

Альфред отыгрывается в Этелни

В Средние века военные кампании на зиму обычно прекращались. Море зимой бурное, дороги непроезжие от грязи и снега, лошадям негде пастись, так что, когда ночи становились долгими, и викинги, и их враги отправлялись на зимние квартиры. Однако пока Альфред праздновал в Чиппенхеме Рождество, Гутрум собирался в поход. Вскоре после Крещенского сочельника (5 января) 878 г. Гутрум вышел из Глостера и внезапно напал на Чиппенхем. Альфреду едва удалось избежать пленения: с семьей и приближенными он бежал на юго-восток и скрылся в великих болотах Сомерсета. Ныне Сомерсетские равнины по большей части осушены для ведения сельского хозяйства, а во времена Альфреда это были тростниковые топи, извилистые речки, заросли ивняка, неглубокие озера и торфяные болота, перемежавшиеся редкими островами и косами твердой земли. Альфред бежал туда в середине зимы, когда равнины были затоплены, но летом они подсыхали, так что на каких-то участках можно было выпасать скот. Именно отсюда и взялось название графства – Сомерсет (Sumersaete), «летняя страна». В этих местах Альфред охотился и хорошо их знал, но для чужаков край был непроходим, и какое-то время король мог не опасаться врагов. Бегство Альфреда стало серьезной неудачей Гутрума. Сил на захват всего Уэссекса у него не было, и лучшим способом получить королевство в свою власть было бы убедить Альфреда стать марионеткой, а если откажется – убить и посадить того, кто согласится. Эта схема успешно сработала в Нортумбрии, Мерсии и Восточной Англии, должна была сработать и в Уэссексе.

Побег Альфреда в болота вошел в легенды. История, впервые изложенная в Житии святого Неота (XI в.), рассказывает, как Альфред нашел приют в доме бедной крестьянки. Эта крестьянка замесила пироги и посадила в печь. Наказав королю следить за ними, сама ушла за дровами. Однако измотанный заботами король задремал, и, когда хозяйка вернулась, пироги уже сгорели. Она сердито отчитала короля, выговорив ему, что съесть пироги он был бы рад, но помочь их испечь поленился. Альфред выслушал выговор с достоинством и скромностью, приличествующими благочестивому монарху. В другой легенде о скитаниях Альфреда в болотах рассказывается, как ему в видении явился святой Кутберт и пообещал помощь в войне против норманнов, изгнавших святого из его обители в Линдисфарне. Если такое видение и впрямь случилось, то политически оно было весьма своевременным: если сам небесный покровитель Нортумбрии поспешил на помощь уэссекской династии, то не знак ли это, что он ждет того же и от нортумбрийцев? Третья история – о том, как Альфред переоделся менестрелем, чтобы проникнуть в лагерь Гутрума и выведать его планы. Во всех этих рассказах описываются не только моральные качества короля Альфреда, но и отчаянное положение, в котором он вроде бы оказался. Однако, как показывают последующие события, король по-прежнему пользовался лояльностью подданных и имел в распоряжении немалые ресурсы. Примерно к Пасхе Альфред возвел крепость на острове Этелни: это маленький островок, не больше 0,8 км в длину, на южной окраине сомерсетских низин. Его название происходит от древнеанглийского (язык, на котором говорили англосаксы) слова Æthelinga íeg, означавшего «остров принцев», и можно предположить, что Этелни принадлежал королям. В действительности Альфреду не было нужды ютиться в хижине крестьянки и сжигать

ее пироги. Сегодня Этелни только в самые бурные половодья, подобные тому, что случилось в необыкновенно сырую зиму 2013–2014 гг., хоть сколько-то напоминает остров, но до осушения низин это была естественная крепость.

Оборонительный потенциал острова оценили еще в доисторические времена, когда обе его оконечности укрепили рвом и валом. Именно эти готовые укрепления, при необходимости легко подновляемые, видимо, не в последнюю очередь привлекли Альфреда на Этелни. Согласно археологическим данным, на острове в англосаксонские времена обрабатывали железо, и, возможно, король Альфред превратил Этелни в хорошо защищенный арсенал. Западная оконечность острова дамбой соединялась с «бургом» (укрепленным поселением) Ист-Линг. Всякому, задумавшему напасть на Этелни с западной стороны, пришлось бы сначала взять Ист-Линг. Всего в 1,5 км к северо-востоку от Этелни находится необычайно крутой холм Бэрроу-Мамп. Его высота составляет всего 24 м, но с него открывается отличный вид на окружающие равнины. Средневековый храм и норманнские насыпи уничтожили всякие следы более ранних сооружений, которые могли существовать на вершине холма, но Альфред наверняка воздвиг там наблюдательную башню, чтобы озирать северные окрестности острова.

Показывая подданным, что они не брошены, подобно мерсийцам, Альфред из болот тревожил данов вылазками. Этелни расположен на южной окраине сомерсетских низин: огражденный от данов топями, Альфред имел в то же время возможность удобно сноситься с Девоном, Дорсетом и Хэмпширом, которые не были под властью захватчиков. Убба возглавил военную экспедицию в Девон, вероятно, с намерением обойти Альфреда, но в Каунтисбери-Хилл норманны потерпели поражение от меньшего числом войска

западных саксов под водительством девонского элдормена Одды. Сам Убба и около 800–1200 его воинов погибли. Убба вынудил западных саксов укрыться в наскоро сооруженной крепости на вершине холма. Пищи и воды там не было, и вместо того, чтобы идти на приступ, Убба решил выждать, пока голод и жажда заставят саксов сдаться. Однако те сдаваться не собирались и, совершив вылазку на рассвете, вырезали спящих данов. Лишь горстке норманнов удалось спастись и убежать на корабли.

Перелом

Тем временем представители Альфреда шли по деревням, тайно собирая новое войско против данов. В начале мая Альфред покинул Этелни и поехал в Эгбертс-Стоун, что близ Селвуда в Уилтшире, где встретился с ополченцами Сомерсета, Уилтшира и Хэмпшира, с восторгом его принявшими. Понимая, что вести об этом ополчении скоро достигнут данов, Альфред торопился. Оставшись в Стоуне лишь на одну ночь, наутро он с войском совершил бросок в Айленд-Вуд, находившийся примерно в 16 км к северо-западу. Следующим утром Альфред снял лагерь и, пройдя маршем еще 13 км до Эдингтона, вступил в бой с данами:

> «Яростно сражаясь плотной стеной щитов против всего датского войска, [Альфред] упорно бился и, наконец, волею Божьей одержал верх. Он разбил данов и многих истребил и гнал убегавших до самой крепости и рубил».
>
> *Епископ Ассер. Житие короля Альфреда*

В этой неназванной крепости обычно опознают Чиппенхем, но до него от Эдингтона больше 19 км – слишком значительное расстояние для резвой погони после явно тяжело давшейся победы. Более вероятно, что даны на самом деле бежали в Брэттон-Кэмп, крепость железного века, расположенную на холме всего в 3 км от Эдингтона. После двухнедельной осады Гутрум сдался, согласившись уйти из Уэссекса, оставить заложников и принять крещение.

Через две недели он с 30 ближайшими сподвижниками крестился в Аллере, недалеко от

Этелни. Альфред лично стоял у купели и стал крестным отцом Гутрума. Гутрум и его люди восемь дней не снимали белые крестильные сорочки и носили белые повязки на головах, там, где были помазаны священным миром. Торжественное снятие повязок состоялось в королевском замке Уэдмор, неподалеку от Аллера, после чего началось 12-дневное празднество, во время которого Альфред одарил Гутрума и его товарищей «многими прекрасными драгоценностями». Осенью Гутрум сдержал данное слово и ушел зимовать в Мерсию, в Сайренсестер, а затем, в 879 г., в Восточную Англию, которой правил до самой смерти, наступившей в 890-м. Невозможно сказать, насколько искренним было обращение Гутрума, но, по крайней мере внешне, правил он как христианский король, чеканя на монетах свое христианское имя Этельстан. Позже в увековечение своей победы над Гутрумом Альфред основал в Этелни аббатство, но процветающим оно не стало. В 1539 г. его упразднили и полностью разобрали на камень, за который выручили лишь 80 фунтов. Только скромный монумент (закрытый для доступа публики) отмечает Этелни как значимое в истории Англии эпохи викингов место.

Сколько же их было?

Оценить размер норманнских армий, которые едва не покорили Англию, оказалось весьма непросто. Тогдашние комментаторы, и в Англии и в континентальной Европе, обычно называют количество кораблей, на которых прибывали норманны, а не численность воинов. Большинство источников сходится в том, что размеры норманнских флотилий резко выросли в 840-е гг.: до тех пор они насчитывали от 3 до 35 кораблей, а после – от 100 до 350. Но даже если эти цифры точны, остается немало вопросов. Какого размера были эти корабли? Сколько человек нес каждый из них? Некоторые викинги брали с собой в походы жен и детей, а иногда перевозили в ладьях и лошадей. Это уменьшает количество воинов в каждой ладье. В XIX в. в погребальных курганах в Осеберге и Гокстаде обнаружены два почти невредимых норманнских корабля того периода. Осебергская ладья старше, она построена около 820 г., а возможно и раньше. Это удивительно изящное и затейливо украшенное судно 21,6 м длиной, 5,1 м в шириной и 1,6 м глубиной, у него 15 пар весел и, как на всех норманнских ладьях, один квадратный парус. Морские испытания реплики показали, что Осебергская ладья не отличалась особенной мореходностью, так что едва ли это был походный корабль. Гокстадская ладья, построенная около 895–900 гг., – более подходящий кандидат в военные корабли, тем более что погребенный в ней король или вождь явно погиб в бою. Эта ладья имеет 23,3 м в длину, 5,2 м в ширину и 2 м в глубину, у нее 16 пар весел. При этом планки вдоль борта хватает на установку 64 щитов, то есть на борту, вероятно, находилась двойная команда гребцов. Не в

пример Осебергской, Гокстадская ладья обладала отличной мореходностью: ее реплика пересекла Атлантику. Старейший из датских «длинных кораблей» – из Ладбю на острове Фюн – приблизительно ровесник Гокстадской ладье. Как и у нее, у корабля из Ладбю 16 пар весел и почти такая же длина – 20,6 м. Однако корпус его у`же и мельче – всего 2,9 м в ширину и 0,7 м в глубину. Хотя корабль из Ладбю брал меньше людей и уступал Гокстадскому в мореходности, во многих отношениях он больше годился для пиратских рейдов, так как измещал меньше воды и шел на веслах гораздо быстрее. Если именно корабль из Ладбю представляет собой типичный образец ладей, на которых даны уплывали на завоевание Англии во времена Альфреда, мы можем сделать вывод, что крупное войско викингов насчитывало по меньшей мере несколько тысяч (но вряд ли десятки тысяч) воинов. Это представляется тем более достоверным, что мы знаем из надежных литературных и археологических источников: Уэссекс при Альфреде мог выставить около 30 000 вооруженных мужчин.

Большое войско викингов того периода не имело иерархической структуры с единственным верховным главнокомандующим. Основной единицей норманнского войска был лид (lið) или, в конце эпохи викингов, гирд (hirð), личная дружина короля или вождя, численность которой зависела от богатства и статуса предводителя. Дружинники составляли братство связанных клятвой, или фелаг (félag), члены которого присягали друг другу на верность. В формальной дисциплине не было необходимости. Честь и репутация были для викинга самым ценным достоянием, и их следовало оберегать любой ценой. Воин, бросивший товарищей в бою, лишался чести и становился нидингом (niðing), буквально «никем», изгоем. Большинство викингов предпочли бы смерть в бою превращению в нидинга –

так хотя бы сохранишь по смерти доброе имя и не опозоришь род. В походе предводитель мог пополнять свою дружину людьми, завербованными из местных ополчений. Викинги обещали долю в добыче и землю, и недостатка в добровольцах, скорее всего, не было. Армии типа той, что в 865 г. вторглась в Англию, были, по сути дела, соединением многих дружин, сплоченных одной целью. Решения принимались на общем совете, особым весом обладали мнения самых успешных военачальников и вождей с королевской кровью. Когда экспедиция завершалась, армии вновь распадались на дружины, и каждая решала, вернуться ли домой, осесть на захваченной земле или присоединиться к какой-нибудь новой армии.

После победы Альфреда в Эдингтоне Англия получила передышку от крупных норманнских вторжений. Основная часть викингов, не занятых устройством на новых местах, отправилась через пролив во Францию искать более легкой добычи. Альфред использовал этот период относительного мира, чтобы начать широкую военную реформу. Главная сложность войны с викингами состояла в том, что мобилизация армии требует времени. Альфред учредил такую воинскую повинность, чтобы третья часть его танов (военной аристократии) и половина крестьянского ополчения постоянно находились при оружии. Таны должны были обеспечивать людей лошадьми, чтобы служить своего рода корпусом быстрого реагирования, и каждый должен был привозить запас пропитания на 60 дней, чтобы армия долго оставалась в поле. Для противодействия викингам на море Альфред построил флот, который немедленно доказал свою нужность в нескольких стычках с мелкими норманнскими флотилиями у побережья. Но самым важным в реформе Альфреда стала система «бургов», укрепленных поселений,

нередко возводимых на стратегических речных переправах и служивших убежищами для населения и надежными оплотами для войска.

Военные реформы Альфреда имели целью лишить викингов свободы передвижения и сделать так, чтобы враг, куда бы он ни пошел, встречал сопротивление и не мог безнаказанно грабить; для этого Альфред преобразовал армию и построил флот, дабы перехватывать викингов в море. Однако как набожный христианин Альфред считал, что никакие военные меры не избавят страну от викингов, если ей не поможет Господь, и потому он объявил еще и образовательные реформы, чтобы поднять уровень духовенства. Он пригласил ученых из-за границы и лично перевел на английский «Пастырское правило» папы Григория Двоеслова. С его же подачи началось составление «Англосаксонской хроники». Это главный источник сведений о событиях, происходивших в Англии в эпоху викингов, однако современный читатель должен понимать, что, несмотря на документальный стиль изложения, главной целью «Хроники» было прославление западносаксонской династии и ее подвигов во спасение Англии от язычников-норманнов.

Первым испытаниям нововведения Альфреда подверглись в 885 г., когда большое войско викингов высадилось в Кенте и осадило Рочестер. Едва Альфред пришел туда с войском, викинги бежали на корабли, бросив пленных и лошадей, которых везли с собой из Франкии, чтобы быстро передвигаться по английской земле. Гутрум нарушил мирное соглашение, поддержав пришельцев, так что в 886 г. Альфред в ответ захватил Лондон, со времен падения Мерсии находившийся под властью данов, отремонтировал его римские стены и посадил там постоянный гарнизон. Тем самым он, в сущности, закрыл устье Темзы для норманнских кораблей. В том же году Альфреда признали королем

все англосаксы, не попавшие под владычество данов. Вероятно, именно тогда Альфред заключил с Гутрумом мирный договор, текст которого сохранился до наших дней. В обмен на то, что Гутрум будет обращаться с подданными англосаксами не хуже, чем с данами, Альфред признает границы королевства Гутрума, проложенные «вверх по Темзе, далее вверх по Ли до самого ее истока, оттуда по прямой линии до Бедфорда, затем вверх по Узу до Уотлинг-стрит» (старой римской дороги). Этот пакт был выгоднее для Альфреда, ведь он, по сути дела, закрепил аннексию всей Западной Мерсии. Альфред заранее подготовил для этого почву, выдав свою дочь Этельфледу за элдормена Этельреда, правившего Мерсией с момента смерти Кёлвульфа в 879 или 880 г.

Вторжение Хастейна

Самым суровым испытанием для новой оборонительной системы Альфреда стало вторжение двух крупных норманнских армий из Франкии в 892 г. Бóльшая из двух армий стала лагерем в Эпплдоре на кентском берегу Ла-Манша. Меньшая приплыла в устье Темзы и построила крепость в Милтон-Риджис, на севере Кента. Эту армию возглавлял Хастейн, выдающийся норманнский военачальник, прославившийся дерзким походом в Средиземноморье в 859–862 гг. (об этом в главе 7) и следующие 30 лет проведший в основном в грабежах во Франкии. Нормандский монах Дудо Сен-Кантенский (около 960 – около 1043) позже опишет Хастейна в резких эпитетах как «жестокого и грубого, хищного, неотступного, дикого, свирепого, низкого, неверного, наглого, спесивого и бесстыдного, душегуба, буйного, вечно подозрительного, беззаконного предателя и злочинника»: в общем, полное соответствие типичному образу норманнского разбойника и мародера. Хастейн несомненно воплотил в жизнь норманнскую мечту: крестьянский мальчик, выбившийся в большие люди только собственной отвагой, но за неимением королевской крови не достигший вершины скандинавского общества завоеванием собственного королевства.

Альфред встал с войском посередине Кента между двумя норманнскими армиями. Началось долгое противостояние. Альфред не мог бросить все силы против одной из норманнских армий без того, чтобы не развязать руки другой, но при многочисленном англосаксонском войске в поле викинги не решались удаляться от своих лагерей. В какой-то момент Альфред

начал с Хастейном переговоры. Их итогом стало крещение Хастейна и его семьи и выплата контрибуции в обмен на его обещание уйти. Однако на деле Хастейн, забрав выкуп, остался в Англии. Баланс в конце концов нарушила третья армия викингов из Йорка, явившаяся в Девон весной 893 г. и занявшая Эксетер. Альфреду не оставалось ничего другого, как разделить силы. Третья армия викингов провела лето в осаде в Эксетере, а осенью рассеялась: часть викингов вернулась в Йорк, часть отправилась в Ирландию. Но этот маневр дал двум первым норманнским армиям возможность отступить из Кента. В Кенте Альфред легко сдерживал викингов, и обе армии решили пересечь устье Темзы: в Восточной Англии можно было рассчитывать на поддержку датских поселенцев. Хастейн построил новую крепость в Бенфлите, Эссекс, а викинги из Эпплдора отправили корабли на остров Мерси, тоже в Эссексе, а сами двинулись туда через Уэссекс, по пути занимаясь грабежами. Отягощенные добычей норманны шли не скоро, и в Фарнхэме, Суррей, их перехватил сын Альфреда Эдуард. Викинги не стали бросать добычу и спасаться бегством, а приняли бой и были разбиты. Уцелевшие в бою бежали на Мерси, но их король получил тяжелую рану и не мог больше успешно командовать, так что большая часть воинов примкнула к Хастейну в Бенфлите.

Воодушевленный этим подкреплением, Хастейн отправился в поход на Восточную Мерсию. Пока его не было, элдормен Этельред поднял лондонские полки и штурмом взял лагерь в Бенфлите, захватив все корабли Хастейна и его добычу да еще жену и двух сыновей впридачу. Немалую часть захваченных кораблей англичане отогнали в Лондон и Рочестер, остальные порубили и сожгли. Обугленные корабельные балки, найденные землекопами при строительстве железнодорожного моста в Южном Бенфлите в 1855 г.,

могли быть остатками датских кораблей, уничтоженных после того боя. Хастейн построил в Шубери, в 16 км восточнее Бенфлита, новую крепость, где дождался подмоги от данов из Восточной Англии. Поражение в Бенфлите не помешало ему затеять новый поход через Западную Мерсию к валлийской границе. Преследуемый мерсийским и валлийским войсками, он оказался окружен в Баттингтоне на реке Северн, недалеко от Уэлшпула в Поуисе. Но Хастейну удалось вырваться и с большими потерями отступить в Шубери. Осенью, вновь получив помощь от данов Восточной Англии, он опять двинулся в Мерсию. На этот раз Хастейн занял старую римскую крепость в Честере, но мерсийцы не оставили на прилегающей территории никаких съестных припасов. Без провизии, да еще накануне зимы, он вновь вынужден был отступить, теперь на остров Мерси. К этому времени Альфред отпустил его семью, но этот примирительный жест не был принят. В 894 г. Хастейн поднялся по Темзе и построил новую крепость на реке Ли, севернее Лондона, однако в 895 г. Альфред перегородил реку частоколом, и Хастейну пришлось бросить корабли. Новый поход в Мерсию тем летом тоже не увенчался успехом, а Альфред тем временем разбил несколько немногочисленных пиратских флотилий из Йорка и Восточной Англии. Хотя Хастейну так и не пришлось потерпеть решающего поражения, новая оборонительная система Альфреда не позволяла ему свободно грабить. Не видя лучшего выхода, в 896 г. датская армия рассеялась: кто-то решил поселиться в Восточной Англии, а кто-то вернулся с Хастейном во Франкию, где тот, вероятно, и осел. Летописец писал с облегчением: «Разбойничье войско не смогло, по милости Божьей, слишком притеснить народ Англии, в эти три года страна много больше пострадала от мора и от падежа скота». Уэссекс пережил грозу.

Альфред, который никогда не отличался крепким здоровьем, умер три года спустя. В поздний англосаксонский период его имя ушло в тень славы его сына Эдуарда Старшего и внука Этельстана. Возвеличиваться оно стало в XII в., прежде всего усилиями хрониста Уильяма из Малмсбери (около 1095 – около 1143), писавшего об Альфреде почти как о святом. Но Великим его начали называть только в XVI в. Безусловно, в ретроспективе можно увидеть, что царствование Альфреда стало решающим моментом в истории Англии, началом основания национального государства. Сочетание его политических, военных и научных способностей выделяет Альфреда среди всех европейских монархов раннего Средневековья.

Данелаг

Пока решалась судьба Уэссекса, даны укрепили свое владычество на захваченных землях Восточной Англии, в Восточном Мидленде и Йоркшире. Эта территория, где они ввели свою правовую систему, получила название Данелаг. Много ли данов там поселилось, оценить трудно. Они определенно составляли общественную и политическую элиту Данелага, но непонятно, много ли было в этих землях датских деревень и ферм. Генетические исследования современного населения Данелага не помогли прояснить ситуацию, поскольку даны происходят почти из тех же мест, что и англосаксы, и два этих народа генетически мало отличались. Вместе с тем географические названия датского происхождения в Данелаге весьма распространены, что указывает: данов здесь было немало. Два самых распространенных элемента в названиях здешних мест – это би, как Гримсби (деревня Грима), и торп, как в Кеттлторп (хутор Кетила). Но датские названия распределены по карте неравномерно, и можно предположить, что в некоторых областях датских поселений было мало или не было вовсе. Военный характер датских поселений отразился в системе местного управления Данелага. В англосаксонской Британии базовой административной единицей, облагаемой налогом и воинской повинностью, была сотня – территория, на которой могут прокормиться 100 семей; в Данелаге основной единицей был значительно больший по площади уэпентейк – от древнескандинавского слова vápnatak («поднятие оружия»). Англосаксонский хайд (участок пахотной земли, необходимый для пропитания одной крестьянской семьи) носил название ploughland

(древнеанглийское plogesland). Законы Данелага отличались от английских процедурными деталями, крупными штрафами за нарушение общественного порядка и учреждением неизвестных в Англии комиссий присяжных из местных дворян для возбуждения уголовного преследования в суде уэпентейка. В Англии для наиболее серьезных преступлений применялись судебные ордалии, в Данелаге обычным был судебный поединок. Серьезные различия были и в землевладении: в Данелаге значительно больше людей, чем в Англии, имело статус свободных земледельцев, так называемых сокменов. В Линкольншире свободные земледельцы составляли почти половину населения, в остальных графствах Данелага – примерно третью часть.

Ассимиляция данов коренным населением началась с их обращения в христианство. Для верхушки датского общества это стало дипломатической необходимостью, поскольку так легче было налаживать отношения с английскими правителями. Монету в честь святого Эдмунда датские короли Восточной Англии чеканили уже в 890 г., но, вероятно, это был не только знак почитания святого, а еще и способ расположить к себе английских подданных. Не ясно, как скоро обращалось в христианство остальное датское население, но языческие погребальные обряды исчезают около 950 г. Впрочем, язычники в Англии, скорее всего, оставались и позже, поскольку англосаксонский хронист упрекает короля Эдгара (правил в 957–975 гг.) в потворстве языческим обычаям. Ассимиляцию упрощало то, что древнескандинавский и древнеанглийский языки были до некоторой степени взаимопонятными (особенно близки древнескандинавскому диалекты Восточной Англии и Нортумбрии). И хотя в итоге даны заговорили на английском, а не наоборот, это не была дорога с односторонним движением и сотни датских слов остались в английском языке. Современные английские

слова, начинающиеся на sk-, такие как skin, sky, skirt или scrape, чаще всего датского происхождения, как и слова, произносимые с твердым k или g: kid, get, give, egg и пр.

Хотя образование Данелага было несомненным триумфом данов, за него пришлось заплатить. Взяв землю и поселившись на ней, даны лишились своего главного военного преимущества перед англичанами – мобильности. Теперь, когда у данов появились дома и семьи, нуждавшиеся в защите, они стали уязвимы для ответных ударов англосаксов. Уязвимы тем более, что были раздроблены на множество мелких, политически нестабильных королевств. Изменение баланса сил стало очевидно очень скоро, в царствование сына и наследника Альфреда, Эдуарда Старшего (правил в 899–924 гг.). Первые три года своего правления Эдуард был занят усмирением мятежного кузена Этельвольда, которого поддержали в его притязаниях на трон восточноанглийские даны. Гибель Этельвольда в бою в 903 г. развязала Эдуарду руки для похода на данов. В 909 г. он напал на датский Йорк. В следующем году даны в ответ пошли в Мерсию, но потерпели поражение от соединенных ополчений Мерсии и Уэссекса в Венсфилде, недалеко от Теттенхолла в Стаффордшире, и понесли тяжелые потери, среди них – три короля и 11 ярлов. После своей победы Эдуард при поддержке сестры Этельфледы Мерсийской начал методичное покорение Данелага. Датское сопротивление рухнуло после того, как в 917 г. в битве у Темпсфорда в Бедфордшире пал безымянный восточноанглийский король, и к концу 918 г. весь Данелаг южнее Хамбера оказался под властью Эдуарда. Тот был великодушным победителем: земли у датских поселенцев не отбирали и даже позволили им сохранить свои законы и обычаи. Данелаг не утратит своих отличительных свойств и после нормандского завоевания. Викинги не были

националистами в политике. В раннесредневековой Европе этносы делились не по государственным границам, а по обычаям и законам, так что Эдуард своими уступками лишь крепче привязал данов к английской короне.

Одновременно с отвоеванием Данелага Эдуард постепенно присоединял к Уэссексу Мерсию, захватив в 911 г. Лондон, Бакингемшир и Оксфордшир, а в 919 г., после смерти Этельфледы, и остальные земли. Свои завоевания Эдуард закрепил, расширив на север заложенную Альфредом сеть укрепленных «бургов». Умер он в 924 г., и к тому времени было ясно, что он стремился уничтожить и последний оплот датского владычества в Англии – королевство Йорк.

Норманнское королевство Йорк

Город Йорк возник как римская крепость, заложенная в 71 г. на невысоком плоском холме у слияния рек Уз и Фосс. Римляне назвали ее Эборакум – это имя кельтского происхождения, вероятно означавшее тисовую либо ольховую рощу. Римлян Йорк привлекал двумя великими достоинствами: он лежал посреди обширной плодородной равнины, способной прокормить гарнизон, а река Уз была судоходна для кораблей того времени, так что крепость имела сообщение с Северным морем. Как и большинство римских крепостей, Йорк быстро начал притягивать купцов, ремесленников, трактирщиков и сутенеров, стремившихся помочь легионерам облегчить карманы, и вскоре на западном берегу Уза, напротив крепости, выросло торговое поселение, vicus, связанное с крепостью мостом. В дальнейшем викус настолько разросся, что к 237 г. уже был формально признан городом. Именно в Йорке в 306 г. умер император Констанций Хлор, и легионеры провозгласили следующим императором его сына, первого христианского правителя Рима, Константина Великого.

С падением в 410 г. римского владычества в Британии Йорк утратил статус крупного города, но крепость не запустела. Укрепления стояли в целости, и здания использовались – вероятно, как резиденция правителей небольшого британского королевства Дейра. Йорк стал восстанавливаться, когда здесь разместилась столица английского короля Элле, около 581 г. захватившего Дейру. Около 604 г. наследник Элле Этельфрит соединил Дейру с соседним английским королевством Берницией, создав новое королевство Нортумбрию, протянувшееся от Хамбера на

севере до устья Форта. Английские короли сохраняли римские стены Йорка и использовали крепостные строения, пока крепость не уничтожил пожар – приблизительно во время норманнских походов. С возобновлением торговых связей между Англией и континентальной Европой в VII и VIII вв. на судоходных реках Британии стали появляться торговые фактории, так называемые уики (wic). В Йорке, который у англосаксов звался Эофорвик, торговое поселение образовалось южнее крепости на берегах Фосса.

С обращением англов в христианство в начале VII в. Йорк становится не только королевской столицей, но и религиозным центром. Здесь в 627 г. в новопостроенной деревянной церкви крестился король Нортумбрии Эдвин. В 670 г. деревянную церковь сменила новая, каменная. Основание в Йорке архиепископского престола в 735 г. сделало его второй после Кентербери духовной столицей Британии. Созданная при соборе школа в VIII в. превратилась в крупный, известный и за границей научный центр с огромной библиотекой. В 781 г. Алкуин, ректор этой школы, во время поездки в Рим встречался в Парме с императором Карлом Великим. Оценив его дарования, Карл пригласил Алкуина основать школу при императорском дворе в Аахене. Судьба йоркской соборной школы и библиотеки при данах точно не известна, но вряд ли эти учреждения сохранились, если они вообще дожили до времен завоевания. Урон, причиненный нападениями норманнов церкви – главному в раннем Средневековье субъекту просвещения, – уже отозвался к 830-м гг. резким упадком образовательных стандартов в Англии.

При датском владычестве Йорк, или Йорвик, как его называли даны, был столицей самого мощного из королевств Данелага, административным центром территории, примерно эквивалентной современному Йоркширу с частями Ланкашира и Кумбрии. Несмотря на

свое язычество, датские короли терпимо относились к церкви и, более чем вероятно, прибегали к услугам образованных церковнослужителей в управлении государством. Сотрудничество было вполне в интересах архиепископов, так как обещало защиту церковной собственности и клирикам и давало возможность распространять учение среди данов. Второй датский король Йорка, Гутред, видимо, обратился здесь в христианство, поскольку его похоронили в Йоркском соборе (Гутред умер в 895 г.). Датские короли также забрали в свои руки городской монетный двор и чеканили монету с христианскими и языческими символами, что, несомненно, имело целью потрафить и коренному населению, и новопоселенцам. При англах торговые связи у Йорка развивались в основном с Фризией и бассейном Рейна. Даны добавили к сложившейся системе связи со Скандинавией, Ирландией и еще более дальними странами: в раскопках обнаруживаются монеты из Самарканда, византийский шелк и балтийский янтарь. Датские правители всячески поощряли развитие торговли, которую к собственной выгоде облагали пошлинами. Об их успехах в этой области говорит увеличение доли серебра в городских монетах и быстрый рост городского населения, вызвавший, в частности, возрождение старого римского вика на западном берегу Уза. Римские стены подновили и где-то достроили, чтобы охватить новые заселенные участки. Застройку стали рационально планировать, о чем свидетельствует упорядоченное размещение улиц и жилых кварталов в отдельных частях города начала X в. Данные археологических раскопок указывают на широкий круг производств и ремесел (например, изготовление стекла, металлургия, ткачество, выделка предметов из кости, рога, дерева, кожи и агата). К концу X в. население Йорка составляло около 10 000 душ: по тогдашним

меркам это был большой город, а на Британских островах он уступал только Лондону. Однако купцов, прибывавших из урбанизированного Средиземноморья или арабского мира, облик города вряд ли мог впечатлить. Из камня здесь были только церкви, да и те обычно не отличались особенным своеобразием и не имели башен (как выглядел тогда кафедральный собор, неизвестно, но, скорее всего, это было просто самое большое здание в городе). Большинство зданий сооружалось из недолговечных материалов: бревен, прутьев, глины и соломы. В перенаселенных районах у воды людей окружали сырость, грязь и болезни: отхожие места нередко устраивали в нескольких шагах от источников питьевой воды. В такой переувлажненной среде из-за отсутствия кислорода идеально сохраняются органические материалы вроде кожи, дерева и ткани. Именно поэтому раскопки прибрежных участков Йорка, особенно в Купергейте в 1980-х, открыли живую картину повседневной жизни норманнского города.

Викинги в Северо-Западной Англии

Первые угрозы датскому владычеству пришли в Йорк не из Уэссекса, а от норвежцев. В 902 г. ирландцы изгнали норвежских викингов из их укрепленного поселения Дублин, и многие из беглецов, переплыв Ирландское море, оказались на северо-западе Англии. Часть из них под водительством Ингамунда попыталась захватить остров Англси, но им дали отпор валлийцы. Тогда Ингамунд вторгся в Мерсию, но тут его ирландские последователи перебежали на сторону англичан, и он был разбит элдорменом Этельредом. Ингамунд испросил у жены Этельреда Этельфледы позволения поселиться, и та разрешила ему занять землю на полуострове Уиррел возле Честера. Через несколько лет Ингамунд попытался взять Честер, но встретил отпор горожан, которые в буквальном смысле швыряли в викингов все, что имели, включая ульи. О норвежских поселениях на остальной территории северо-запада известно мало. Анонимная «История святого Кутберта», написанная в Дареме, упоминает бегство от викингов через Пеннины некоего аббата и некоего дворянина по имени Альфред, сына Брихтфульфа, так что расселение норманнов, по-видимому, сопровождалось вытеснением англосаксонского землевладельческого класса. Географические наименования норвежского происхождения обычны в Уирреле, в Файлде, на западе Ланкашира, в Озерном краю и за нынешней англо-шотландской границей в Дамфрисшире: -фелл (fjall = гора), – бек (bekr = ручей), – туэйт (tveit = поляна) и -сайд (saetr = пастбище, то есть летнее поселение) – распространенные в этих местах норвежские элементы топонимов. Поселенцы также оставили по себе долгую

генетическую память. Недавний анализ ДНК показал, что за вычетом недавних иммигрантов половина населения Уиррела имеет те же своеобразные генетические маркеры, что и население Норвегии.

Другим наследием той миграции, вероятно, был Куэрдейлский клад: при весе в 80 кг и общем числе предметов более 8600 это самый крупный из норманнских драгоценных кладов, обнаруженных где-либо, кроме России. Его нашли в 1840 г. землекопы, работавшие на берегу реки Риббл в Куэрдейле, недалеко от Престона, графство Ланкашир. Сокровища были зарыты в сундуке со свинцовой внутренней обивкой, и среди прочего в кладе содержались 7500 серебряных монет со всех концов норманнской вселенной. Примерно 40 % составляли серебряные пенни, отчеканенные в Йорке его датскими королями Зигфридом и Кнудом, но были и монеты из таких дальних земель, как Испания и Афганистан. Самые поздние монеты в кладе – это 55 пенни Эдуарда Старшего, папская монета Бенедикта IV, датируемая 901–903 гг., и монеты короля Людовика Прованского, датированные 901–905 гг. Можно заключить, что зарыли этот клад ненамного позже 905 г. Кроме монет в сундуке было более 1000 ювелирных украшений и кусков серебра. Викинги не придавали особого значения художественным достоинствам ценных предметов, добытых грабежом, и обычно разрубали их на мелкие части для удобства дележки. Рубленое серебро и целые ювелирные украшения в кладе по большей части были из Ирландии: Куэрдейл находится всего лишь в нескольких километрах от берега Ирландского моря. Вероятно, клад зарыли викинги, бежавшие из Ирландии, которым не удалось потом вернуться за столь ценным имуществом.

Норвежские поселенцы на северо-западе Англии, видимо, проходили тот же путь ассимиляции и

христианизации, что и даны на востоке. Некоторое представление о том, как шло обращение в христианство, дает удивительный резной каменный крест в Госфорте, на западе Кумбрии. Высокий (4,5 м) и изящный, он украшен орнаментами в оригинальном скандинавском стиле борре, по которому датируется первой половиной X в. Ирландское происхождение местных норманнских поселенцев выдает верхушка креста, заключенная в кольцо, что обычно для ирландских скульптурных крестов, но не для английских. Хотя изображено на кресте распятие Христа, в орнаменте преобладают сцены из скандинавской языческой мифологии, показывающие Рагнарёк, битву в конце времен, в которой боги будут низвергнуты и начнется новый цикл существования Вселенной. Смешение языческих и христианских образов характерно для ранней стадии перехода в христианство, когда поклонялись и Христу, и старым языческим богам. Миссионеры мирились с этим, видя в такой практике важный первый шаг: убедить новообращенных, что молиться нужно одному лишь Христу, можно и позже. Таким образом, тема Рагнарёка в оформлении креста не была, как может показаться, уступкой старым верованиям. Это графическое напоминание язычникам о том, что их боги смертны и обречены на уничтожение. Вечность принадлежит Христу.

Объединение Англии

В 910 г. йоркские даны вторглись в Мерсию. Они шли отомстить за поход короля Эдуарда Старшего на Йорк, совершенный годом ранее. Даны успели дойти до Теттенхолла в Стаффордшире, и там их встретило объединенное ополчение Уэссекса и Мерсии. В битве даны потерпели сокрушительное поражение. Потеряв при Теттенхолле трех своих королей, Хальфдана, Эовилса и Ивара, Йоркское королевство осталось без правителя. Это открыло дорогу Рагнальду, сыну Ивара I, короля Дублина, который в 911 г. стремительно захватил йоркский трон. Рагнальд едва успел отчеканить монету со своим именем, и тут даны свергли его, но в 919 г. он вернулся и правил Йорком до самой своей смерти в 921 г. Тем не менее ирландско-норвежской династии так и не удалось утвердиться в Йорке. По смерти короля Ситрика Каэха (Слепого) в 927 г. король Этельстан Уэссекский (правил в 924–939 гг.), сын Эдуарда, захватил Йорк, тем самым впервые в истории объединив всю Англию под властью одного правителя. Попытка Олафа Гутфритссона, племянника Ситрика Слепого, в союзе с Константином II Шотландским и Оуэном Стратклайдским вернуть Йорк потерпела неудачу: в 937 г. Этельстан разбил их в жестокой битве при Брунанбурге. Победа была столь важна, что «Англосаксонская хроника» отступила от своего обычного делового тона и разразилась героической поэмой. Увы, рисуя яркие образы кровавой бойни, хроника не сообщает никаких подробностей о ходе сражения. Когда викинги и их союзники наконец бежали, на поле боя остались тела пяти малых норвежских королей, семи ярлов и Келлаха, сына короля скоттов Константина, простых же воинов было

убито без счета. Король Оуэн, скорее всего, тоже пал в том сражении. «Никогда доселе этот остров, – торжественно излагал автор „Хроники“, – не видел такого великого избиения людей, погибающих от меча… с тех самых пор, как англы и саксы пришли сюда с востока и отняли эту землю у валлийцев». Точное местоположение Брунанбурга выяснить не удалось, но вполне вероятным кандидатом представляется Бромборо на полуострове Уирелл. Лежащий в устье Мерси, на берегу Ирландского моря, Бромборо мог быть удобным местом сбора для Олафа и его союзников, которые вправе были также рассчитывать на дружелюбный прием со стороны местных норвежских поселенцев.

После смерти Этельстана в 939 г. его завоевания оказались под ударом: Олаф вернулся с шотландцами и не только отвоевал Йорк, но и захватил Нортумбрию и ключевые «пять бургов» Данелага. Однако воспользоваться плодами победы он толком не успел – умер во время кампании 941 г., а унаследовавший корону его двоюродный брат Олаф Ситрикссон не смог удержать завоеванного. Наследник Этельстана Эдмунд (правил в 939–946 гг.) в 942 г. вернул Англии «пять бургов», а в 944 г. английским вновь стал Йорк.

В последний раз под власть норманнов Йорк вернул изгнанный норвежский король Эрик Кровавая Секира в 948 г. Следующие шесть лет он отбивался там от Олафа Ситрикссона, ставшего в 945 г. королем Дублина, и Эдреда Английского (правил в 946–955 гг.). Однако низвергли и изгнали его в 954 г. сами жители Йорка, очевидно уставшие от жестокостей монарха. Эрик бежал на запад через Пеннины, однако на Стэйнморском перевале попал в засаду некоего Макка, ничем более не знаменитого, и погиб: считалось, что разрушенный средневековый крест, так называемый Рей-Кросс (Королевский крест), стоит на месте гибели

Эрика – вернее, стоял, пока во время прокладки нового шоссе его не перетащили на замусоренную придорожную площадку.

Эдред, очевидно без всякого сопротивления, восстановил английскую власть над Йорком. Осульф из Бамборо, поднявший мятеж против Эрика, удостоился титула элдормена Нортумбрии. С тех пор единство Англии ни разу не подвергалось серьезным испытаниям. Объединение страны Уэссекской династией состоялось несмотря на противодействие не только викингов и их шотландских и британских союзников, но и англосаксов, живших в Данелаге. Местные традиции независимости не просто искоренить, так что мерсийцы, нортумбрийцы и восточные англы нередко дрались вместе с данами против западносаксонских завоевателей. Для них местный норманнский правитель был предпочтительнее далекого западносаксонского. Одним из самых упорных сторонников скандинавского владычества в Йорке был архиепископ Вульфстан I (умер в 956 г). Возможно, он опасался, что в объединенной Англии статус его кафедры понизится: Вульфстан участвовал в нескольких заговорах против уэссекских королей. После свержения Эрика Эдред позволил Вульфстану сохранить кафедру, но перенес ее в один из монастырей на юге Англии, откуда у Вульфстана не было возможности плести интриги для восстановления независимости севера под властью норманнов.

Объединение Англии уэссекской династией было, несомненно, одним из самых важных итогов эпохи викингов. Нет никаких оснований считать, что оно произошло бы (и именно таким образом) и без вмешательства норманнов, которые смешали сложившийся в Англии расклад сил и, уничтожив всех иных претендентов, позволили уэссекской династии объединить страну. Некоторое осознание национальной

общности возникло еще до эпохи викингов, но оно не находило никакого политического выражения. Уже в VII в. франкские летописцы, затрудняясь определить разницу межу англами и саксами, придумали термин «англосаксы» (AngliSaxones), который охватывал всех германских поселенцев Британии. В то время англосаксы разделялись на семь королевств (к началу эпохи викингов их осталось четыре), но культура была общей, и говорили эти королевства на близкородственных диалектах германского языка, который сами называли englisc. В лингвистике он называется древнеанглийским, и от современного английского его отделял долгий путь. Попытки провозгласить единую английскую идентичность начались с «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, написанной в начале VIII в. Христианскую веру Беда считал таким же объединяющим фактором, как язык и культуру, и это нашло подтверждение в ходе противостояния язычникам-викингам, когда англосаксы начали называть себя anglecynn (английский народ). Одна из причин, по которым Альфред обрел славу великого правителя, состояла в том, что он уловил политические перспективы этого зарождающегося понятия английской общности и сознательно использовал его в своей стратегии формирования единой нации. Объединенное «королевство англичан», созданное наследниками Альфреда, стало первым шагом в формировании нового политического самосознания. Сохранялась лояльность к местным правителям, и культурная ассимиляция скандинавских поселенцев только началась, но даже возобновление норманнских вторжений в X в. не смогло всерьез поколебать единства Англии.

Глава 3
Дорестад, Париж и Руан
Викинги во Франкии, 799–939



Рождество 800 г. стало днем, когда в соборе Святого Петра в Риме папа Лев III провозгласил короля франков Карла Великого (правил в 768–814 гг.) императором Римской империи. Согласно биографу Карла Эйнхарду, король не подозревал о том, что произойдет в соборе, а иначе не ступил бы и на порог. Это, однако, всего лишь проявление скромности, подобающей доброму христианскому королю. В действительности событие долго планировалось, и Карл Великий по меньшей мере год вынашивал решение объявить себя владыкой римского наследия. Империя Карла Великого, или империя Каролингов (от латинского Carolus), охватывала территории современной Франции, Германии, стран Бенилюкса, Австрии, Швейцарии, Италии и частично Испании, Словении, Венгрии и Чехии и была самым крупным и могущественным государством из всех появлявшихся в Европе в течение трех веков после падения Рима. Мир и безопасность, воцарившиеся при Карле Великом на этой огромной территории, способствовали развитию торговли и оживлению культуры, известному как Каролингское возрождение. Примечательно, что центр этих процессов находился не в Средиземноморье, колыбели античной цивилизации, а на севере: в бассейне Рейна, на территории стран Бенилюкса и на плодородных равнинах Северной Франции.

Процветание империи так или иначе сказывалось далеко за ее границами, в частности стимулировало торговлю в Британии и Скандинавии. Отчасти именно для того, чтобы снабжать рынки на землях Франкии, шведы прокладывали новые торговые пути по рекам Восточной Европы. Многие скандинавские купцы, конечно же, видели богатые и незащищенные франкские порты и монастыри и задумывались, нет ли иного способа приобщиться к их процветанию.

Пределы власти

Коронация Карла безусловно означала признание его достижений, но он хорошо понимал, что у империи немало проблем, и одна из них – норманны: Карл пытался выкупить линдисфарнских монахов, захваченных викингами в 793 г. Разбойничье нападение на столь священное место должно было встревожить благочестивого христианина Карла не меньше, чем церковников.

Первое отмеченное в хрониках вторжение викингов в империю франков произошло в 799 г. Оно не было особенно успешным. Морские разбойники разграбили остров у побережья Аквитании, предположительно Нуармутье, крупный центр соляной и винной торговли и местоположение знаменитого монастыря Святого Филиберта, но часть их судов разбилась, и более сотни викингов погибло от рук франков. Карла это не успокоило. Монах Ноткер Заика (умер в 912 г.), биограф Карла из числа не самых достоверных, писал потом, что великий воитель, услыхав новость о первом нападении викингов, заплакал, но не от страха за себя, а потому, что предвидел, какие бедствия норманны причинят его наследникам. Эту историю, скорее всего, монах сочинил, думая посрамить потомков Карла Великого, не столь талантливых правителей, но сам император отвечал на пиратские вторжения решительно. В марте 800 г. он отправился из своего замка в Аахене прямиком в Булонь, что на берегу Ла-Манша, где лично инспектировал приготовления к обороне от викингов. Дальнейшие меры последовали в 802, 806 и 810 гг. Карл отлично понимал характер норманнской угрозы: он сосредоточил корабли, войска и укрепления в устьях крупнейших рек империи. Реки были главными путями

сообщения с экономически активной центральной частью империи, на их берегах находились города, монастыри и самые богатые сельскохозяйственные угодья. Оборонительная система Карла Великого должна была помешать викингам использовать эти пути.

Вместе с тем Карл мало что мог предпринять для защиты морского побережья. Случай, описанный в «Анналах королевства франков» за 820 г., показывает одновременно и силу, и слабость его оборонительной системы. Викинги, приплывшие на 13 кораблях, высадились во Фландрии, но береговая стража отбила нападение. Тогда они поплыли к Сене, но и там стража встретила их в полной готовности, и опять им пришлось отступить, потеряв в короткой стычке пятерых. Однако инициатива всегда оставалась за норманнами. Они двинулись дальше, то и дело пробуя высадиться, и в конце концов разграбили незащищенное село Буэн на аквитанском берегу.

Самым уязвимым участком в империи было побережье Фризии, куда из Дании лишь два дня ходу под парусом. Первое отмеченное в истории нападение викингов на Фризию произошло в 810 г., когда датский король Годфред с флотом из 200 ладей заставил фризов заплатить выкуп в 45 кг серебра. Узнав об этом, Карл Великий тут же распорядился собрать войско и флот, но, когда он пришел во Фризию, даны уже уплыли восвояси. Огорченный Карл пожаловался, что Господь не дал ему возможности «потешить свою христианскую руку на этих псоглавцах». Карлу на тот момент было около 70, и больше ему не довелось лично вести войско в поход.

Великий эмпорий

Оборонительная система Карла Великого хорошо защитила империю, и за 20 лет, прошедших после его смерти (814 г.), отмечено лишь несколько небольших стычек с норманнами. И вдруг в 834 г. большой норманнский флот поднялся более чем на 80 км в дельту Рейна и разграбил фризский Дорестад, важнейший в империи эмпорий, то есть торговое поселение (эквивалент англосаксонского вика). Дорестад основали в начале VII в. недалеко от нынешнего Утрехта (Нидерланды) как прибрежный рынок под стенами разрушенной римской крепости на слиянии Рейна и реки Лек. В аграрной экономике раннесредневековой Европы ввозные пошлины и налоги на торговлю были для правителей одним из немногих способов разжиться твердой валютой. Корыстолюбивые франкские короли давали привилегии торговцам и ремесленникам, открывавшим дело в Дорестаде, и ко временам Карла Великого город растянулся по берегу Рейна на 3 км, покрывая площадь примерно в 2,6 кв. км. При населении около 2000 душ это был, вероятно, самый крупный на тот момент город Северной Европы. Через Дорестад протекало столько серебра, что здесь появился собственный монетный двор. На городских монетах как знак морских связей Дорестада изображались стилизованные одномачтовые парусные корабли с крутыми обводами корпуса.

Выглядел Дорестад типично для любого североевропейского торгового поселения: неупорядоченная россыпь домов, лавок и мастерских, построенных из дерева, глины и соломы, грязные улицы, грубо замощенные полубревнами. Кроме двух деревянных церквей никаких общественных зданий той

эпохи не обнаружено. Дорестад делился на верхний и нижний город. Верхний, сконцентрированный вокруг римской крепости, служил административным центром: управление распределялось между феодалом и епископами неподалеку расположенного Утрехта, владевшими немалой частью города. Нижний, вытянувшийся вдоль реки, был торгово-ремесленным поселением. Берег поделили на узкие длинные участки, чтобы обеспечить доступ к воде как можно большему числу мастеровых. В реку вдавались насыпи и мостки. Со временем русло реки менялось, отступая от города, и эти мостки становились все длиннее, уходя в конечном счете более чем на 140 м от берега. Раскопки обнаружили признаки самых разных производств. В Дорестаде работали ткачи, мастера по металлу, ювелиры, корзинщики, изготовители гребней и корабельщики. Городские купцы действовали как посредники, ввозя высоко ценившиеся лавовые жернова, стекло, металл, посуду, изготовленную на гончарном круге, и вино из долины Рейна и реэкспортируя все это в Британию и Скандинавию. Что они получали в обмен, неизвестно. Во время раскопок находили балтийский янтарь, но в основном ввозили, вероятно, недолговечные продукты, такие как кожи и меха. Дальше от воды простиралась не столь плотно заселенная территория крестьянских хозяйств, снабжавших город провизией и иными продуктами животноводства. На краю города стояло укрепление, обнесенное валом и обведенное рвом: вероятно, убежище для простых горожан на случай войны или крепость местного аристократа. Самый же город вовсе не был укреплен: признак мира и порядка, царивших в империи Карла Великого.

Какой ущерб нанесли Дорестаду викинги в 834 г., точно не оценить. Франкские хроники рисуют знакомую картину резни, поджогов, пленения и сбора дани. Во

всяком случае викинги сочли разумным наведаться сюда еще и в 835, 836 и 837 гг. Ясно, что после их налетов город быстро восстанавливался, и в 838–840 гг. дорестадский монетный двор достиг пика производительности, который продлился все следующее десятилетие. Вполне вероятно, что Дорестад косвенным образом обогащался на морском разбое у других берегов. Добро, поступавшее в Скандинавию из Западной Европы, стимулировало рост торговли, которая более чем компенсировала Дорестаду нанесенный викингами ущерб: норманны были великими перераспределителями богатств.

Империя в опасности

Если викинги смогли проникнуть вглубь материка до самого Дорестада, значит, оборонительная система Карла Великого была разрушена. И дело вовсе не в том, что возросла численность норманнского войска. Причины, скорее, были связаны с внутриполитической ситуацией в империи. Согласно франкской традиции, после смерти монарха королевство поровну делилось между всеми его законнорожденными сыновьями. Со дня своего основания династией Меровингов Франкское королевство пережило не один раздел, однако стойкая традиция династических убийств неизменно ограничивала число наследников и спасала империю от бесконечного дробления. Низвергнув в середине VIII в. Меровингов, Каролинги не отменили прежней традиции, и Карл Великий завещал после его смерти разделить империю между тремя его сыновьями: Карлом, Пипином и Людовиком Благочестивым. Вышло, однако, что Карл и Пипин не пережили отца и империя перешла целиком Людовику (правил в 814–840 гг.). В 817 г., чудом избежав смерти, Людовик озаботился вопросом престолонаследования. Под влиянием католической церкви, которая видела в императорской власти инструмент, необходимый Господу для объединения христиан, он порвал с франкским обычаем и, вместо того чтобы отдать каждому из сыновей по равной части королевства, назначил старшего из них – Лотаря – своим соправителем, а младшим, Пипину и Людовику, даровал владения в Аквитании и Германии. Но эта схема рассыпалась, когда, провдовев год после смерти первой жены, император решил в 819 г. жениться на Юдифи Баварской. Не будь Людовик столь благочестив и откажись он от этого брака, Франкская

империя избежала бы многих бед. В 823 г. Юдифь родила Людовику еще одного сына, Карла (Лысого, как он позже будет прозван).

Подобающее наследство Карлу можно было выделить только за счет старших сыновей. Людовик отдал ему удел Лотаря, и в 829 г. тот, поддержанный братьями, взбунтовался и сверг отца. Карла исключили из числа наследников, но это показалось франкским традиционалистам вопиющей несправедливостью. При их поддержке Людовик Благочестивый в 830 г. вернулся на трон, однако проблемы престолонаследования лишь обострялись до самого конца его правления, мало-помалу расшатывая сильную королевскую власть, на которой держалась военная система Карла Великого. После смерти Людовика в 840 г. между тремя его оставшимися сыновьями – Лотарем, Людовиком и Карлом (Пипин умер в 838 г.) – разгорелась война, закончившаяся разделом империи на три части и Верденским договором 843 г. Но этот исход не принес мира. В последующие десятилетия империя претерпела еще несколько разделов, а в 888 г. распалась окончательно. В эти годы норманнская угроза для франкских королей часто оказывалась далеко не на первом месте в списке забот: важнее было воевать с другими претендентами на трон и препятствовать (чаще всего, безуспешно) их попыткам узурпировать королевскую власть.

Пока его не отвлекали неугомонные сыновья, Людовик Благочестивый как мог старался укрепить оборону побережий и не без успеха оказывал дипломатическое давление на датских королей, чтобы те обуздали свои подданных. В 836 и 838 гг. король Хорик казнил предводителей пиратских вторжений во Франкию (см. главу 11). После нападения норманнов на Дорестад Людовик распорядился строить крепости для защиты Фризийского побережья и дельты Рейна. Одну

из этих крепостей, на острове Валхерен, викинги в 837 г. захватили, отправившись в четвертый поход на Дорестад. Франки понесли тяжелые потери, в плен к норманнам попали два герцога и еще несколько знатных мужей. Людовик настолько остро воспринял это поражение, что отменил намеченную поездку в Рим. Расследование катастрофы показало, что вина лежит на местных фризах, которые пренебрегли своими воинскими обязанностями и не оказали викингам сопротивления. К счастью, в 838 г. пятый поход на Дорестад сорвался: на пути к Фризии корабли викингов потопил шторм. Правда, к этому времени норманны уже активно грабили все северное побережье империи.

Оборона франков рушится

Викинги никогда не упускали случая воспользоваться внутренней слабостью противника, и их нападения в дни усобицы между наследниками Людовика Благочестивого участились. Монах Эрментарий описал, как распря «повадила чужаков»: «Справедливость забыли, и зло торжествовало. Не стояла стража на морском берегу. Врага не воевали, а восстали друг на друга. Ладей приходило все больше, и полчища норманнов приплывали несметные. Повсюду творились убийства христиан, опустошения и пожары». Из трех королевств, учрежденных Верденским договором, особенно уязвимым для пиратских вторжений оказалось королевство Карла Лысого, Западная Франкия, чье побережье протянулось от Фландрии до Пиренеев и где было много судоходных рек, в том числе Сена, Луара и Гаронна. Мало защищено было и королевство Лотаря, охватывавшее земли от Рима до Северного моря, Фризию и дельту Рейна. Наименее подвержено нашествиям викингов было королевство Людовика Германца, Восточная Франкия, которое лежало между Рейном и Эльбой и имело лишь короткий отрезок побережья Северного моря. Не считая постоянных нападений на важный военный и духовный центр Гамбург, Восточную Франкию норманны почти не тревожили.

Лотарь (правил в 840–855 гг.) попытался решить проблему, туша пожар с помощью... огня. В 850 г. к берегам Фризии пришел флот датских викингов под водительством Рорика. Не имея сил изгнать их, Лотарь отдал им часть Фризии и город Дорестад во владение, обязав оборонять эту землю от других викингов и собирать налоги в королевскую казну. Викинги не

культивировали национального единства. Они вполне охотно сражались против других викингов, если оплата их устраивала. Но Рорик показал себя не очень-то полезным союзником: норманны грабили Фризию в 851, 852 и 854 гг., а потом еще и в 857 г., когда вновь разорили Дорестад, – но в его лояльности, похоже, не усомнился ни один из четырех королей, которым Рорик в конечном итоге послужил. Он даже обратился в христианство, и его духовным просвещением заинтересовался один из высших церковных иерархов, архиепископ Реймса Гинкмар. В 855 г. Лотарь оказал Рорику помощь в его попытке захватить датский трон, но тот не смог удержаться на престоле и к концу года вновь был во Фризии. Величайшее поражение постигло Рорика в 863 г.: флот из 252 норманнских ладей поднялся по Рейну до Кёльна, по пути разграбив Дорестад. Рорик начал с разбойниками переговоры об условиях выхода, но пошли слухи, что он перешел на их сторону, и в 866 г. фризы восстали и изгнали Рорика. Это, однако, не смутило его сюзерена, которым к тому времени стал сын Лотаря Лотарь II, и Рорику вскоре вернули его удел. После смерти Лотаря II в 869 г. владение Рорика разделили между собой Карл Лысый и Людовик Германец, но Рорик, несмотря на взаимную неприязнь братьев, сумел договориться с обоими. Последний раз он упоминается в 873 г., и дата его смерти неизвестна.

Опыт Лотаря франки, очевидно, сочли успешным: к 882 г. новый император Карл Толстый (правил в 881–887 гг.) передал земли Рорика другому дану по имени Годфред. Как оказалось, напрасно. Хотя Годфред крестился и породнился с королевской семьей, но он никак не пытался предотвращать норманнские вторжения, и в 885 г. его убили по наущению нескольких местных аристократов. К этому моменту Дорестад был почти разорен. Впрочем, викинги,

похоже, сыграли тут не главную роль. Расположение Дорестада на спорной пограничной территории между восточным и западным франкскими королевствами наносило торговле еще больше ущерба, чем норманнские грабежи, к тому же русло реки изменилось и город оказался слишком далеко от берега.

Вопрос приоритетов

Среди трех сыновей Людовика труднее всего удержать власть было Карлу Лысому (правил в 843–877 гг.). Все годы на троне ему приходилось бороться с братьями, мятежными вассалами и постоянными нашествиями норманнов: примерно в таком порядке он решал эти задачи. Это может показаться странным, но для Карла важнее всего было удержать трон, и в этом свете его политика в отношении викингов становится понятнее. Вторжения викингов, сколь бы ни были они разорительны, вряд ли усугубили бы положение Карла, если бы он позволил братьям или вассалам свергнуть себя с престола. Увы, способы, которыми Карл защищал свою власть, сильно осложняли жизнь его подданным. Он нередко выплачивал викингам дань, чтобы они ушли с его земель, а сам тем временем разбирался с более насущными проблемами, но это лишь поощряло норманнов на новые нападения и озлобляло население, которое разорялось вдвойне: от очередных податей и от грабежа. Карл запрещал строить замки и стены вокруг городов, которые могли бы защитить обитателей от викингов, потому что боялся, и не без оснований, что укрепленные города могут стать оплотом мятежных вассалов.

Вассалы и были главной из забот Карла. Основной административной единицей франкской империи служило графство. Графы вершили справедливость, собирали налоги в королевскую казну, в случае войны мобилизовывали и возглавляли свободных граждан, несших воинскую повинность, по требованию давали людей в королевское войско. При Карле Великом новых графов обычно назначал сам король, но после его смерти королевская власть ослабла, и титул графа стал

наследным. Для графств это не обязательно было злом: нередко лучшим кандидатом на пост и оказывался сын прежнего графа. Он рос в этих краях, знал их, знал людей, а те – его. Для короля, однако, если тот не мог сместить неспособного или непокорного графа или поощрить графским титулом верного вассала, такой порядок означал утрату власти и лояльности подданных. С тех пор как титулы стали наследными, графы относились к подвластным территориям как к собственным монархиям. Они не спешили отправлять воинов в королевскую армию, оставляя беззащитными собственные владения перед норманнами, да и перед соседями-аристократами, которые не упускали случая расширить свои земли за счет сопредельных. Таким образом, положение Карла становилось все сложнее. Король полагался на полки вассалов. Иначе ему пришлось бы рассчитывать только на ресурсы своих личных владений. С такой немногочисленной армией король не мог ни отбивать атаки викингов, ни привести к повиновению своенравных подданных. Неудивительно, что в этих обстоятельствах Карл совсем не торопился мериться с норманнами силой. Поражение короля в битве не только откроет врагу возможность безнаказанно грабить страну, но может спровоцировать народное восстание или удар в спину ослабленному монарху со стороны династических соперников. Сколь бы вынужденными ни были действия Карла, его политика не становилась от этого менее самоубийственной. Защита была самым главным благом, которого ждали средневековые народы от своих королей, и неспособность предоставить ее только ускоряла закат монарха.

Норманнских вторжений избежали лишь немногие области Франкии – викинги высаживались даже на ее средиземноморском побережье, – но особенно интересовали их богатые и легкодоступные земли в

долинах Сены и Луары. Сена была первой рекой, по которой норманны поднялись вглубь франкской территории. В мае 841 г., пока между Карлом Лысым и его братьями шла ожесточенная война, норвежский морской разбойник по имени Асгейр поднялся с флотом по Сене и разграбил Руан вместе с богатыми монастырями Жюмьеж и Фонтенель, где он захватил 68 монахов, за которых взял выкуп в 11,8 кг серебра. Вся кампания заняла две недели. В 842 г. викинги поднялись по реке Канш, впадающей в море севернее Сены, и разорили Квентовик, важнейший после Дорестада торговый город во франкских землях. Некоторые из горожан спасли свое имущество, заплатив норманнам выкуп. Как и Дорестад, Квентовик пережил набег, и, когда в X в. город пришел в полное запустение, причиной тому было заиливание реки, на которой он стоял.

Беззащитные острова в устье Луары привлекали викингов с первых же дней их появления во Франкии. В 830 г. аббат монастыря Святого Филиберта на острове Нуармутье выстроил замок, где могли укрываться монахи, – так часто монастырь подвергался нападениям. Вскоре после этого монахи стали на лето, время активности норманнов, уплывать на материк, возвращаясь в островную обитель лишь зимой, когда можно было надеяться, что бурное море не подпустит разбойничьи корабли. К 836 г. монастырь разоряли столько раз, что монахи вырыли драгоценные мощи своего святого покровителя и, чтобы уберечь их от осквернения язычниками, покинули Нуармутье и отправились искать себе новое место на материк. В 843 г. викинги в первый раз поднялись по Луаре. 24 июня они на 67 судах внезапно напали на город Нант, в котором как раз отмечали рождество Иоанна Предтечи. Викинги ворвались в собор во время службы и принялись резать молельщиков, а епископа Гунхарда

убили прямо в алтаре. Время нанесения удара едва ли было выбрано случайно: напасть во время церковного праздника, когда люди не готовы дать отпор, – такую стратагему норманны применяли много раз. Жители Нанта не ждали нападения, считая, что ни один чужак не сможет пройти лабиринт отмелей в устье Луары. Однако у викингов был лоцман, которого им дал местный аристократ, граф Ламбер, взбунтовавшийся против Карла и полагавший, что норманны помогут ему прибрать Нант к рукам. Ламбер получил город – вернее то, что от него осталось. Пройдет 100 лет, прежде чем Нант оправится от этого разорения. Остаток лета викинги провели, грабя долину Луары, а потом вернулись на безопасный Нуармутье и впервые остались во Франкии на зимовку. Многие из этих викингов привезли с собой семьи и, очевидно, рассчитывали обосноваться надолго: норманны будут сидеть на Луаре до самого 939 г.

Отбиваться от викингов Карлу то и дело мешали мятежные вассалы. В 844 г. его племянник Пипин, наместник Аквитании, провел войско норманнского военачальника по имени Оскар вверх по Гаронне, чтобы тот смог разграбить Тулузу. Заодно Оскар разведал, что интересного есть в окрестных землях, и в 845 г. вернулся и взял Бордо. Пипину это вышло боком: доверие к нему было подорвано, и в 851 г. его схватили и выдали Карлу, который заточил племянника в монастырь. В 854 г. Пипин бежал и попытался вернуть себе Аквитанию. Пока Карл воевал с Пипином, луарские викинги без помех грабили, разорив Пуатье, Ангулем, Перигё, Лимож и Клермон. Пипину не удалось утвердиться, и в 864 г. он разделил свое владение с норманнами. Франкский хронист даже обвинил Пипина в том, что тот предал христианскую веру и стал поклоняться Одину. Если и так, то Один ему не помог. В

том же году Карл схватил Пипина и бросил в тюрьму, где тот и умер.

Но нашествие викингов оказалось весьма кстати для герцога бретонского Номиноэ. Береговая линия Бретани длинная и изрезанная, норманны высаживались там часто, но Бретань – бедный край, и пришельцев куда больше манили богатые земли вдоль Сены и Луары. Бретонцы нехотя покорялись франкам, и в 845–849 гг. Номеноэ, воспользовавшись тем, что на Карла навалилось слишком много забот, объявил свое герцогство независимым от франкской короны. Даже самый успешный защитник Луары граф Анжерский Робер Сильный, нанесший немало поражений норманнам, между 856 и 861 гг. восставал против Карла Лысого. Погиб Робер, сражаясь с союзной бретонско-норманнской армией в Бриссарте в 866 г.

Угроза Парижу

В 845 г. викинги ввернулись в долину Сены с флотом из 120 судов под водительством некоего Рагнара – это, пожалуй, самый вероятный прототип легендарного Рагнара Кожаные Штаны из скандинавских саг. Король Карл по крайней мере попытался остановить разбойников, выставив войска на обоих берегах реки чуть ниже Парижа. Рагнар ударил по меньшей из двух частей всеми силами – а было у него, судя по размеру флота, 3000–4000 воинов – и разбил ее. Затем Рагнар вывел на берег 111 пленников и повесил их на виду у второго франкского войска, которое поняло послание верно и бежало. Рагнар пошел вверх по реке и захватил Париж, который в те дни был одним из многих ярмарочных поселений на Сене, но пока еще не столичным городом, которым станет позже. Раннесредневековые короли проводили жизнь в переездах вместе со всем двором из одной резиденции в другую, так что в королевстве не было одного города, где сосредоточивалось управление страной: правительство находилось там, где король. Карл не считал, что за Париж стоит сражаться, он хотел сберечь войска для похода на мятежную Бретань и просто заплатил данам 3175 кг серебра, чтобы они покинули город.

Но если Карла вторжение данов не слишком заботило, то Господа, если верить монахам-хронистам, напротив: разгневанный разорением столь многочисленных святынь, он наслал на викингов мор. И более 600 из них, согласно «Ксантенским анналам», умерло. Согласно другому монашескому источнику, некий богопротивный норманн, грабивший обитель Сен-Жермен в окрестностях Парижа, умер от того, что его

кости чудесным образом растворились. Это божественное вмешательство, видимо, напугало норманнов: они не появлялись на Сене до 852 г., когда большой флот под предводительством Годфреда, сына датского конунга Харальда Клака, ограбив Фризию и Фландрию, встал на зимовку в Жефоссе, на полпути между Руаном и Парижем. Карл осадил лагерь Годфреда, но воины отказались драться, и в Новый год он ушел, позволив данам варварски грабить страну. В июле Годфред пошел на Луару, вновь разорил Нант и поднялся по течению до самого Тура. На Сену даны вернулись в августе 856 г. и пошли вверх, восстановив свой зимний лагерь в Жефоссе. 28 декабря они снова напали на Париж и сожгли его. Разрушили в городе все церкви, кроме собора Сан-Стефан и церквей Сен-Дени, Сен-Венсан и Сен-Жермен, которые уцелели только потому, что клир заплатил норманнам солидный выкуп серебром. Аббата Луи из Сен-Дени и его брата Гозлена, захваченных данами, освободили ни много ни мало за 311 кг золота и 1474 кг серебра. Разорив Париж, даны устроили новый и лучше укрепленный лагерь на острове Уассель на Сене, в 13 км южнее Руана. Там они держали оборону против Карла, три месяца безуспешно осаждавшего остров летом 858 г. К этому времени крестьяне нижней Сены довольно натерпелись от викингов и устали от короля, не способного защитить подданных. Они стали собираться в вооруженные отряды и нападать на викингов, причем не без успеха. Однако, взяв в свои руки восстановление справедливости, крестьяне тем самым бросили вызов власти короля и аристократии, чего те не могли стерпеть. В награду за сопротивление норманнам крестьян стали резать их собственные господа. Народ погрузился в отчаяние. Богослов Пасхазий Радберт с горечью писал: «Кто из нас мог бы поверить или хотя бы представить, что в столь кратком времени нас

постигнут столь страшные бедствия? Нынче мы дрожим при одной мысли об этих разбойниках, орды которых рыщут прямо под стенами Парижа и жгут церкви по берегам Сены. Кто бы мог поверить, я спрашиваю, что разбойники осмелятся чинить такие бесчинства? Кто бы мог подумать, что столь славное, столь крепкое, столь обширное, столь многолюдное, столь сильное королевство будет унижено и растоптано таким примитивным и паршивым народцем». Пасхазий, которому в те дни было за 60, еще помнил славные времена Карла Великого.

Поскольку его войска успешно справлялись только с крестьянами, в 860 г. Карл Лысый за 1360 кг серебра нанял выбить норманнов с Уасселя некоего Волунда, предводителя викингов, грабивших земли по берегам Соммы. Волунд принял серебро и отбыл покорять Англию и лишь после того, как англичане разбили его, вспомнил о своем договоре с Карлом. На следующий год он на 200 ладьях вошел в Сену и осадил Уассель. Вдобавок к уже уплаченному Карл собрал со своих подданных еще 2722 кг серебра для Волунда и приказал обеспечить его армию зерном и скотом, «чтобы округа не подверглась разграблению». Привлеченный щедрой платой, на подмогу Волунду явился еще один датский флот из 60 судов. И Волунд преуспел там, где не справился Карл. Голод заставил осажденных на Уасселе сложить оружие и отдать Волунду 2722 кг золота и серебра. После этого два войска соединились и ушли в открытое море. Но год уже был на исходе, и зимние шторма не позволили им отойти далеко. Норманны разделились на отдельные дружины, которые расквартировались в городах и монастырях по всей протяженности Сены, от Парижа и выше, до самой крепости Мелён. При такой раздробленности прокормиться им было легче, однако отдельные группы норманнов оказались бы уязвимы

для франкских отрядов, так что это расселение определенно состоялось с согласия Карла Лысого.

Воспользовавшись зимней передышкой, Карл расставил войска вдоль Сены и ее притоков Марны и Уазы, чтобы не позволить данам грабить округу. Такая предусмотрительность подарила ему бескровную победу, когда викинги, зимовавшие в Фоссе, неподалеку от Парижа, в начале 862 г. на нескольких судах отправились грабить Мо, что на Марне. Не угнавшись за ними, Карл преградил реку, чтобы корабли не могли пройти обратно. Запертые в ловушке, даны отпустили всех пленников, оставили заложников и согласились уйти с Сены или помогать Карлу в войне против других данов, нарушивших заключенный в прошлом году договор. Примерно через три месяца Волунд и еще несколько датских предводителей встретились с Карлом и подтвердили клятвенное обещание уйти. С окончанием зимы даны ушли в Жюмьеж чинить суда, а после весеннего равноденствия, традиционного начала морской навигации, вышли в открытое море, разделились и двинулись каждый к своей цели. Часть данов отправилась в Бретань, где вступила в союз с герцогом Саломоном, чтобы снова воевать против франков. Другие вошли в Луару и объединились с Робером Сильным против бретонцев. Волунд с семьей остался на Сене, принял крещение и поступил на службу к Карлу. Он погиб в 863 г. в поединке с другим даном, назвавшим Волунда изменником.

Строительство мостов

К лету 862 г. большинства опасных династических соперников Карла уже не было во Франкии или не осталось в живых, и он всерьез решил заняться норманнами. Карл не слишком возражал, когда викинги грабили уделы его мятежных вассалов, но теперь, когда они стояли у ворот Парижа, под угрозой оказались его собственные королевские земли в Иль-де-Франс. Пришла пора что-то предпринять. Карл созвал ассамблею в Питре, что на Сене, немного южнее Руана, и приказал построить в расположенном неподалеку Пон-де-л'Арше укрепленный мост. На концах моста планировалось возвести бастионы из камня, земли и бревен, где должен был разместиться постоянный гарнизон, который не пропустит норманнские корабли ни вверх, ни вниз по реке. Подобные укрепленные мосты Карл приказал построить также на Марне, Уазе и Луаре. Начались споры о том, кто будет строить и отрядит стражу, а это означало, что королевских приказов так никто и не выполнил. В июне 864 г. Карл собрал в Питре еще одну ассамблею, на которой огласил те же приказы. Тогда же он распорядился, чтобы города срыли все стены, которые они выстроили, чтобы обороняться от викингов. С точки зрения Карла, безопаснее было оставить их без защиты, чем дать мятежным вассалам возможность превратить города в крепости. В этот раз работы в Пон-де-л'Арше, судя по всему, начались, но к следующему лету, когда его захватили даны, мост еще не был готов. В сентябре отряд данов числом в 200 человек ворвался в Париж в безуспешном поиске винных запасов. В октябре даны вновь поднялись по Сене и разграбили монастырь Сен-Дени рядом с Парижем. За такое кощунство они

понесли должную кару в виде вспышки дизентерии. А в январе 866 г. даны прошли по Сене мимо Парижа, чтобы снова напасть на Мелён. Франкская армия, посланная остановить их, бежала без боя.

Чтобы избавиться от данов, Карлу вновь пришлось платить контрибуцию. На сей раз она составила 1814 кг серебра, взвешенного на датских весах, и запас вина. Чтобы собрать деньги, Карл обложил податью все домохозяйства в королевстве. Свободные граждане платили 6 денариев, вилланы – три (денарий – серебряная монета весом около 1,75 г: на нее можно было купить 12 пшеничных ковриг весом 0,9 кг), торговцы отдавали эквивалент одной десятой имеющегося товара, и даже священники должны были платить. Уже существовавшие налоги Карл также увеличил, чтобы собрать контрибуцию. Более того: пленников, которым посчастливилось бежать из норманнской неволи, надлежало вернуть хозяевам или выкупить по цене, какую те укажут. Карл согласился даже внести компенсацию за каждого дана, павшего в походе от рук франков. Серебро собирали до июня, и, получив выкуп, даны выполнили свою часть неравной сделки: подняли паруса и к июлю вышли в море. Карл дошел следом за ними до Питра с рабочими и телегами, намереваясь завершить строительство в Пон-де-л'Арше, «чтобы норманны больше не смогли подняться по Сене выше этого рубежа». Люди, жившие ниже по течению, вероятно, наблюдали за строительством моста со смешанными чувствами: им приходилось платить налог на него, но их, по сути, бросили на произвол судьбы. Как и прежде, строительство вскоре опять затихло, и мост удалось завершить лишь в 873 г. Франкам повезло, что в следующие 10 лет внимание викингов сосредоточилось главным образом на Англии.

В том же году, когда достроили мост в Пон-де-л'Арше, Карл нанес в Анжере сокрушительное

поражение викингам с Луары, что дало этому краю несколько лет мирной жизни. Впрочем, энтузиазм Карла в войне против норманнов оказался недолгим: династическая политика внезапно вновь показалась ему много более выгодным занятием. В 875 г. умер король Италии Людовик II, племянник Карла, и Карл тут же захватил власть над его королевством и отправился на коронацию в Рим. Возвращаясь из Италии, в альпийском горном проходе Мон-Сенис он заболел и умер. Последней волей короля было, чтобы его похоронили в аббатстве Сен-Дени, которое он за несколько лет до того укрепил для защиты от норманнов, но свите пришлось спешно предать тело земле в монастыре Нантюа возле Лиона, так как смрад разложения стал непереносим.

Хотя Карлу удалось защитить свой трон, для подданных его царствование было чередой почти беспрерывных бедствий: даже те, кого не ограбили викинги, обязаны были платить подать, чтобы откупиться от них. За минувшие века Карла Лысого много упрекали в том, что он не поставил себе главной задачей войну против норманнов. В свою защиту он, наверное, мог бы сказать, что, если бы ему удалось достичь своих целей – укрепления королевской власти и восстановления империи, – то устранить норманнскую угрозу было бы несложно. Возможно, он был бы прав, однако неспособность Карла Лысого защитить свой народ привела королевскую власть во Франкии в упадок.

После смерти Карла империю разделили его сыновья и племянники. Один за другим они умирали молодыми и бездетными, пока, наконец, единственный уцелевший, Карл Толстый, не стал в 882 г. впервые после смерти Людовика Благочестивого, со времени которой прошло 40 лет, единственным властителем всей франкской империи. Карл Толстый даже чеканил

монеты с латинской надписью Carolus Magnus (Карл Великий), однако стать вторым Карлом Великим, как надеялись его сторонники, ему было не суждено. Его неспособность противостоять норманнским и арабским морским разбойникам скоро лишила каролингскую династию последних остатков престижа.

Разорение Фландрии

Викинги никогда не упускали случая воспользоваться бедствиями и потрясениями. В 878 г. новое воинство данов приплыло в Англию как раз вовремя, чтобы услыхать об окончательной победе Альфреда Великого над Гутрумом в Эдингтоне. Времена легкой добычи в Англии явно миновали, так что, перезимовав в полевом лагере в Фулхэме, на Темзе, даны переплыли Ла-Манш и напали на Фландрию, рассчитывая на династические дрязги во франкской империи. В последующие 10 лет земли между Сеной и Рейном опустошались с дотоле невиданным усердием. За четыре года разграблениям подверглись: Теруан (дважды), Сен-Бертен, Гент, Турне, Маршьен, Конде, Валансьен, Сен-Квентин, Лан, Реймс, Кортре, Аррас, Камбре, Перонн, Сен-Омер, Кассель, Амьен, Корби, Сен-Валери, Сен-Рикье, Тонгерен, Льеж, Маастрихт, Нойс, Кельн, Бонн, Кобленц, Трир и Мец – приблизительно в таком порядке. Даже любимую резиденцию Карла Великого, дворец в Аахене, разорили и сожгли. Летописец из монастыря Святого Ведаста в Аррасе, очевидец принесенного данами опустошения, писал:

> «Норманны не переставали резать и угонять в плен христиан, разрушать храмы, срывать укрепления и жечь деревни. Мертвые тела священников, мирян, дворян, женщин, юношей и детей лежали по всем дорогам. Не было такой дороги, на коей не встретишь мертвеца, скорбь и плач наполняли всякого от зрелища этого избиения христиан».

Лишенные всякой защиты монастыри после многих лет разграбления викингами почти исчезли по всей Северной Франкии. То скромное возрождение культуры, что началось было при Карле Великом, полностью заглохло.

Казалось, викинги свободно шли туда, куда хотели, редко встречая организованное сопротивление. Крупные победы франков в 881 г. при Сокуре и в октябре 882 г. при Аво, близ Реймса, не получили продолжения, и норманны и дальше беспрепятственно грабили страну. Известен случай, когда даны, дразня франков, не решавшихся вступить в бой, кричали: «Зачем же вы пришли к нам? В этом не было нужды. Мы знаем, кто вы такие и чего хотите, и сами к вам придем. Позвольте мы сделаем это за вас». Но даже это не побудило франков драться, и войско вернулось домой «с великим позором».

Летом 885 г. даны пошли на юг в долину Сены, которая 10 лет восстанавливалась после прошлого норманнского опустошения, и теперь там было чем поживиться. 24 июня викинги заняли Руан и за рекой напротив города устроили укрепленный лагерь. Туда двинулось войско франков, но, после того как в стычке погиб Регнольд, герцог Ле-Мана, франки отступили, что, вероятно, говорит в равной мере о надежности полевых укреплений норманнов и о недостатке решимости у франков. Присутствие вражеской армии хотя бы связывало данам руки – с ее уходом они смогли делать, что хотели. Франки построили по берегам Сены укрепления, чтобы не дать норманнам пройти вверх по реке, но поставленная там стража не желала драться, и значит, крепости были бесполезны. Археологические находки показывают, что примерно в те годы были сожжены мост в Пон-де-л'Арше и другая крепость, построенная в Понтуазе, чтобы перекрыть проход по реке Уазе.

Викинги осаждают Париж

24 ноября викинги подступили к Парижу. Вероятно, они рассчитывали на быструю капитуляцию – уже привычный для них сценарий, – однако здесь им пришлось увязнуть в растянувшейся на год осаде, которая, как мы теперь понимаем, стала переломным моментом в войне франков против норманнских пришельцев. Монах Аббон Горбатый, находившийся все время осады в городе, написал впоследствии подробный и красочный отчет о событиях стихами на латыне. На следующий день после появления данов у Парижа их предводитель по имени Сигфред явился к городскому епископу Гозлену на переговоры о беспрепятственном проходе по реке. Согласно Аббону, Сигфред убеждал епископа избавить себя и паству от ужасов войны. Он обещал не причинять вреда городу и не посягать на собственность парижан, если ему позволят пройти мимо Парижа, чтобы грабить земли выше по течению. Гозлен отверг условия норманнов. Он ответил Сигфреду, что поставлен королем Карлом Толстым защищать этот город и не обманет оказанного доверия. Гозлен риторически спросил Сигфреда, какого удела заслуживал бы тот сам, если бы его поставили защищать город, а он трусливо пропустил бы туда врагов, и Сигфред ответил: «По заслугам было бы отрубить мне голову и бросить собакам. Однако, если вы не согласитесь на мои требования, должен сказать, что наши машины истребят вас всех отравленными стрелами».

Несговорчивость Гозлена объяснялась не пустой бравадой. За мирные годы, прошедшие со времен последнего нападения данов на Париж, здесь под руководством епископа возвели довольно мощные

укрепления. В то время Париж ограничивался, в общем, островом Сите, длинной и узкой полоской земли посреди Сены. Остров был обнесен стенами, так что даны не могли бы легко высадиться на нем. Деревянный Большой мост соединял остров с северным берегом Сены. Въезд на мост защищала недостроенная на тот момент каменная башня. Другой деревянный мост, Малый, вел с острова на южный берег. Въезд на него защищала бревенчатая башня. Два моста полностью блокировали судоходство на реке. Обороной города руководил граф Одо, сын Робера Сильного. Под его командой состоял немногочисленный гарнизон из 200 солдат, но граф умел воодушевить людей и столь же решительно, как и епископ Гозлен, не хотел сдаваться. У защитников города были мангонели (гигантские катапульты) и баллисты (гигантские арбалеты). Численность осаждающего норманнского войска неизвестна. Согласно Аббону, даны пришли на 700 ладьях и было их 40 000, но эта цифра, несомненно, сильное преувеличение. Ни один другой хронист того периода не упоминает такого большого флота, и в любом случае невозможно было бы в условиях раннего Средневековья удерживать вместе столь колоссальную армию такое долгое время. И определенно людей у данов было не столько, чтобы они могли взять город в кольцо, потому что из Парижа выезжали вестники и возвращались обратно.

Понимая, что их главный козырь – мобильность, викинги обычно избегали осад. Но ни одна франкская крепость дотоле не стояла против данов долго, так что Сигфред, видимо, рассчитывал, что и Париж быстро падет. Верный слову, он пошел на приступ на рассвете следующего дня. Даны нацелились на недостроенную башню, защищавшую Большой мост, и стали обстреливать ее из катапульт и долбить таранами. Жестокий бой шел весь день, граф Одо, его брат Робер

и еще один граф, Регинар, все время были в гуще сражения и ободряли защитников. Гозлен установил на бастионе распятие, а сам сражался, вооруженный луком и секирой, забыв об обете священнослужителя не проливать крови. Вероятно, Гозлен считал, что кровь язычников не в счет. Другой священнослужитель, аббат Эболус, сражаясь на стенах, был ранен стрелой. С наступлением темноты даны отступили, унося с собой убитых. Башню серьезно повредили, и всю ночь Одо и Гозлен руководили ремонтными работами и возведением дополнительного яруса из бревен, так что утром, пойдя на новый приступ, даны увидели, что башня стала в полтора раза выше, чем была. На сей раз нападавшие попытались сначала поджечь башню, а затем расшатать ее основание подкопом. Но землекопам пришлось бежать: франки вылили на них смесь из кипящего масла, смолы и воска. Обваренные срывали с себя скальпы от дикой боли, и многие от ожогов умерли. Одна стрела из франкской баллисты, как говорили, нанизала разом семерых данов. Когда деморализованные викинги отступили, презрительные восклицания жен и подруг заставили их вернуться и продолжить штурм, но с наступлением темноты бой пришлось прекратить. Присутствие женщин в норманнском войске было обычным делом. Они не сражались, но существенно облегчали походную жизнь, готовя еду, стирая и чиня одежду, ухаживая за больными.

Не сумев ни запугать парижан, ни взять город с наскока, даны устроили лагерь в монастыре Сен-Жермен-л'Осеруа на северном берегу Сены, невдалеке от башни Большого моста. Следующий штурм они предприняли только в последний день января 886 г. Теперь они разделили свои силы на три части. Один отряд штурмовал въездную башню Большого моста, а два других с кораблей – сам мост. Три дня даны бились,

пытаясь занять башню, засыпали ее ров землей, бревнами, тюками соломы и даже тушами мертвых животных и трупами пленников, чтобы придвинуть к стенам три осадные башни. Защитники предприняли вылазку и разрушили две из трех башен, однако нескольким данам как-то удалось проникнуть за стену, где их тут же убили. Даны попытались уничтожить мост, послав на него суда-брандеры, но мост не загорелся. Вместе с тем природа была как будто на стороне осаждавших. 6 февраля Сена разлилась, и плывущими корягами разбило Малый мост. Ночью Гозлен отправил отряд лично отобранных воинов за реку оборонять башню, оставшуюся без связи с городом, чтобы с первыми лучами солнца можно было начать ремонт моста. Их увидели даны, и на рассвете пошли на приступ. Оставшиеся в городе не смогли сделать ничего, когда на их глазах даны подожгли башню и, изрубив ее защитников, побросали тела в реку.

Теперь даны могли проплыть мимо Парижа по южному рукаву Сены. Они перенесли лагерь на другой берег, в обитель Сен-Жермен-де-Пре, монастырь Аббона. И пока часть викингов продолжала осаду, другие пустились прочесывать долину до Шартра на западе и Эврё на юге. Встревоженный потерей моста, Гозлен отправил вестников с настоятельным призывом о помощи к Генриху Франконскому, графу Саксонии. Генрих с войском пришел, но его солдаты, измотанные зимней непогодой, отступили после первой же отбитой данами вялой атаки. Сигфред быстро терял интерес к продолжению осады, и, после того как Гозлен согласился заплатить символическую контрибуцию в 27 кг серебра, он и его приближенные покинули Париж. Большинство же данов после столь долгой и жестокой войны не собиралось соглашаться на мизерный выкуп, и осада продолжилась. Тогдашние летописи не называют

предводителей этих упрямцев, но, согласно позднейшей традиции, это был Ролло, который в дальнейшем прославится как основатель Нормандии.

Происхождение Ролло, как и многих других великих норманнских вождей, темно. В исландских сагах он отождествляется с Рольфом Пешеходом, сыном норвежского ярла Рёгнвальда из Мёре, прозванным так оттого, что из-за необыкновенно высокого роста ему нигде не могли подобрать коня. Вместе с тем нормандский историк Дудо Сен-Кантенский считал, что Ролло был даном. Согласно Дудо, Ролло прибыл в долину Сены еще в 876 г. и в какой-то момент захватил Руан, сделав его своей постоянной столицей.

Конец осады

Весной 886 г. голод и болезни стали косить парижан. К апрелю в городе негде было хоронить мертвых. В числе прочих город потерял и епископа Гозлена, который заболел и 16 апреля скончался, что заметно пошатнуло боевой дух осажденных. У данов, очевидно, были свои люди внутри городских стен: норманны узнали о смерти Гозлена раньше, чем большинство горожан. Духовное руководство городом взял на себя аббат Гуго из Сен-Жермен-л'Осеруа, но через три недели, к отчаянию парижан, умер и он. Одо тайно покинул город и поехал к императору просить его лично повести армию и снять осаду с Парижа. Твердого обещания от короля он не получил, а возвращаясь в Париж, попал в засаду у ворот полуразрушенной въездной башни Большого моста, так как даны заранее знали о его прибытии. В схватке под графом убили коня, но Одо с сопровождавшими его воинами сумел пробиться в город.

Только в октябре Карл Толстый по настоянию епископа Реймса, который убеждал его, что потеря Парижа будет означать потерю всего королевства, собрал армию и пошел на выручку парижанам. По пути в стычке с датским отрядом погиб Генрих Франконский, лошадь которого угодила в канаву. Карл встал лагерем у подножия Монмартра, но, к негодованию парижан, всего лишь начал переговоры с данами, согласившись дать им то, чего они и хотели с самого начала осады: возможность миновать Париж и провести зиму за разграблением Бургундии, граф которой поступился вассальной верностью. Может быть, такой договор был выгоден Карлу, но парижане восприняли это как предательство и отказались пропустить датские

корабли (можно предполагать, что Малый мост к тому времени был восстановлен). Данам пришлось волоком тащить свои ладьи в обход Парижа. Весной Карл показал еще яснее, что вряд ли его будут вспоминать как освободителя Парижа, выплатив данам 318 кг серебра за то, что они покинут Сену. Некоторые из них действительно ушли, но большой отряд во главе с Ролло остался.

Поведение Карла в Париже продемонстрировало его слабость и несостоятельность, и вскоре он лишился поддержки. Во время совета во Франкфурте в ноябре 887 г. Карла сверг его племянник Арнульф Каринтийский (правил в 887–899 гг.), которого восточные франки избрали королем вместо Карла. Покинутый даже собственными слугами, Карл вернулся в свое имение Донауэшинген в Черном лесу, где 13 января 888 г. скончался: ходили слухи, что его задушили по приказу Арнульфа. Смерть Карла стала толчком к окончательному распаду империи Карла Великого. Мятежного Арнульфа поддержала только Восточная Франкия. Аристократы Бургундии, Прованса и Италии избрали своих собственных королей, так же поступила и Западная Франкия, избравшая на трон Одо (правил в 888–898 гг.), героя обороны Парижа, который стал первым франкским королем, не принадлежавшим ни к Меровингам, ни к Каролингам. Восточная и Западная Франкия больше никогда не соединятся, а превратятся в средневековые королевства Францию и Германию.

Арнульф и Одо показали себя деятельными правителями, и при них норманнские разбойные нападения во франкских королевствах заметно пошли на убыль. В сентябре 891 г. Арнульф одержал крупную победу над данами в битве на реке Диль, неподалеку от Лёвена на территории нынешней Бельгии. Он разбил ту самую датскую армию, которая осаждала Париж в 885–

886 гг. Даны устроили укрепленный лагерь на берегу реки. Франки пошли на приступ с самим Арнульфом во главе. В панике даны пытались бежать через реку, но в давке сотни, если не тысячи были затоптаны до смерти или утонули, и тела запрудили реку «так, что она, казалось, перестала течь». Среди убитых был и король Сигфред, только не ясно, был ли это тот Сигфред, который командовал осадой Парижа. Уцелевшие даны отступили в Булонь, откуда в 892 г. уплыли в Англию на кораблях, предоставленных местным населением, которое, несомненно, не сочло такую плату за то, чтобы увидеть спины викингов, слишком высокой. Решение уплыть было в равной мере вызвано и поражением на Диле, и голодом во Фландрии: войско не смогло бы там прокормиться. К несчастью для данов, англичане успели неплохо подготовиться к встрече с ними.

Основание Нормандии

Одо не был Каролингом, и сторонники этой династии то и дело оспаривали его власть. В 893 г. в противовес Одо они короновали Карла Простоватого, сына короля Людовика Заики, родившегося после его смерти. За этим последовала долгая гражданская война, но даны были в Англии, так что вторжения не возобновились. В конце концов Одо вышел победителем, и в 897 г. Карл отказался от притязаний на трон. Впрочем, после смерти Одо в 898 г. он без сопротивления занял престол, восстановив династию Каролингов. В его королевстве по-прежнему стояли норманнские войска: на Луаре и на Сене. С тех пор как даны впервые явились большой силой в 841 г., франкские короли так и не восстановили полной власти над этими территориями. Сенские викинги были опаснее, так как ставка Ролло в Руане оказалась слишком близко к Парижу и к королевским землям в Иль-де-Франс. Бесчинства Ролло в этих краях прекратились лишь в 911 г., после его неудачного похода на Шартр. На следующий год Ролло встретился с Карлом Простоватым (получившим прозвище за свою искренность, а не за ограниченность) в деревне Сен-Клер-сюр-Эпт, где они заключили мирное соглашение. В обмен на присягу на верность, крещение и обещание защищать долину Сены от других норманнов Карл титуловал Ролло графом Руанским. Это было взаимовыгодное соглашение. Карла признавали сюзереном тех земель, где он на самом деле не властвовал, а фактическая власть Ролло над нижней Сеной закреплялась на официальном уровне. Конечно, франкские правители уже заключали подобные сделки с предводителями викингов. Карл мог подозревать, что

со стороны Ролло это уловка и что его служение будет столь же недолгим, как у Рорика и Годфреда в низовьях Рейна. Как бы там ни было, княжество Ролло, вскоре получившее название Нормандия – от Nordmannia, то есть земля норманнов, – не только устояло, но и процвело и сыграло в итоге заметную роль в европейской истории как «пережиток» эпохи викингов.

Ролло выполнил свою часть договора и не пускал на Сену других норманнов-завоевателей, но он не собирался повиноваться королю больше, чем это было необходимо. Дудо описывал с чужих слов случай на встрече в Сен-Клер-сюр-Эпт, когда от Ролло потребовалось для скрепления договора поцеловать ногу короля Карла, но гордость не позволила ему это сделать. «Епископы обратились к Ролло: "Ты, получивший такой дар, должен облобызать стопу короля". И тот сказал в ответ: "Ни перед кем я не преклоню колен и не буду целовать ни у кого ноги". Наконец, поддавшись увещеваниям франков, он приказал своему воину поцеловать стопу Карла. Тот не мешкая схватил ногу короля, поднес к губам и поцеловал, но вдруг король рухнул навзничь. Это всех рассмешило, и в собрании произошло большое оживление». В этой, скорее всего, апокрифической байке легко увидеть проявление разбойничьей лихости Ролло, однако в стремлении не идти дальше устных заверений в верности сюзерену он на самом деле не отличался от любого другого независимо настроенного франкского аристократа. Париж Ролло оставил в покое, но неизменно высматривал возможности расширить свои владения и несколько раз нападал на соседнюю Фландрию, хотя и без особого успеха. В 922 г. Карла Простоватого свергли, и разразилась гражданская война. Политическая неразбериха позволила Ролло прибрать к рукам Кан и Байё, практически удвоив размеры своего феода.

Благодаря договору Ролло с королем Карлом даны смогли без опаски селиться в Нормандии и закрепляться навсегда. Первыми поселенцами были дружинники Ролло и их семьи. Ролло раздавал земли так же, как любой вожак викингов раздавал бы добычу после удачного набега: львиную долю оставлял себе, а особенно ценным воинам давал больше, чем рядовым. К первым поселенцам вскоре прибавились другие, из Англии, где западные саксы успешно покоряли Данелаг. Одним из таких беженцев был ярл Торкетилл, приплывший с приближенными из Бедфорда в 920 г. О характере датских поселений известно мало, но, как это происходило и в Англии, данам, вероятно, отходили оставшиеся без хозяев земли местных аристократов и монастырей: у крестьян просто менялись землевладельцы. По распространению датских топонимов видно, что викинги селились на землях, дарованных Ролло, не повсеместно, и даже там, где селились, они составляли меньшинство по сравнению с коренным населением. Самые густые кусты датских поселений образовались вокруг Руана и Кана и в Па-де-Ко, между устьем Сены и рыбацким поселением Фекан на берегу Ла-Манша. Колонисты оставили по себе скупые археологические свидетельства: это говорит о том, что они быстро переняли материальную культуру и погребальные обычаи коренного населения. До сих пор единственными достоверно языческими норманнскими погребениями, известными во Франции, остаются женское захоронение в окрестностях Питра и вождеское корабельное погребение на острове Груа у берегов Бретани.

Норманнская Бретань

Пока Ролло укреплялся в Нормандии, некий предводитель викингов по имени Рёгнвальд основал в Бретани еще одну норманнскую колонию. К началу X в. франки, равно как и англичане и ирландцы, научились управляться с норманнами. Относительная бедность Бретани защитила ее в IX в., но теперь викинги все чаще думали о ней как о легкой добыче. После того как Ролло с последователями в 911 г. утвердились в Нормандии, закрыв Сену для захватчиков, норманны со всей яростью обрушились на Бретань. Они разоряли монастыри один за другим, и монахи толпами бежали искать спасения в Англию и Францию, унося с собой книги и реликвии, сколько могли взять. После захвата Рёгнвальдом Нанта сопротивление бретонцев полностью прекратилось. Аристократы последовали за монахами в изгнание, и Бретань стала норманнским королевством со столицей в Нанте. О ранних годах Рёгнвальда ничего не известно, но понятно, что, в отличие от Ролло, он не обладал государственным умом, поскольку не сделал никаких попыток ни узаконить, ни оформить свое правление. Похоже, он рассматривал Бретань всего лишь как базу, откуда можно совершать походы в другие области Франкии. Йорк, Дублин и Руан под норманнским владычеством превратились в богатые торговые города, Нант же, которому местоположение в устье Луары должно было принести такое же процветание, оставался полузаброшенным: городской собор стоял пустым и зарастал тернием.

В 924–925 гг. Рёгнвальд глубоко вторгся в земли Оверни, но был разбит франками и бежал в Нант, где, как предполагается, вскоре умер. Согласно «Чудесам

святого Бенедикта», смерть Рёгнвальда была божьей карой за нападение на монастырь Бенедикта во Флёри на Луаре. Как и должно быть с человеком, сеявшим ужас при жизни, смерть Рёгнвальда сопровождалась жуткими знамениями, вспышками в небе, перемещением скал и видениями. Неизвестно, кто стал после Рёгнвальда предводителем викингов в Бретани и был ли такой человек вообще. Пиратское государство пришло в упадок. Однажды викинги собрались в Нанте, чтобы двинуться в большой поход вверх по Луаре, и тут взбунтовались бретонские крестьяне. У них не было сильного командира и не хватало воинских умений; викинги разбили их, но это восстание побудило Алана Барбеторта (Кривая Борода), бретонского дворянина, жившего изгнанником в Англии, в 936 г. двинуть на Бретань флот, предоставленный королем Этельстаном. Ударив с моря и воспользовавшись фактором внезапности, Алан захватил и казнил группу норманнов, праздновавших свадьбу возле Доля. Примерно в то же время погибла от пожара норманнская крепость в Перане, западнее по побережью: возможно, ее сожгли воины Алана Кривой Бороды. В 937 г. после свирепой битвы Алан захватил Нант, и в 939 г. бретонцы пошли на штурм последнего оплота викингов, Трана. Уничтожение норманнской колонии франкам было выгодно вдвойне. Последняя крупная угроза франкскому королевству пала, а Бретань так и не оправилась после завоевания и все больше подпадала под франкское влияние.

Обращение и ассимиляция

Хотя к моменту захвата Руана Ролло еще был язычником, он, видимо, не препятствовал деятельности уцелевших на его землях церквей и монастырей, так же как и датские правители Йорка. Язычники-викинги обычно не притесняли христиан: разграбление храмов и монастырей, как и продажа в рабство монахов, было выгодным бизнесом, и только. Как и многие новообращенные викинги, Ролло даже после крещения (в 912 г.) для пущей надежности поклонялся помимо Христа и языческим богам. Незадолго до смерти он распорядился обезглавить 100 христиан в жертву идолам, но при этом пожертвовал 45 кг золота руанским церквям. Крещение было стандартной входной платой, которую со времен Людовика Благочестивого христианские правители требовали от норманнских вождей и их приближенных, обсуждая возможность союза. Многие норманны крестились исключительно в корыстных целях. Обычай дарить неофитам на крестины одежду и оружие несомненно поощрял многих викингов креститься по многу раз. Ноткер Заика рассказывает об одном дане, который пожаловался Людовику Благочестивому на качество крестильной сорочки – худшей из всех, что ему дарили; оказалось, что этот викинг крестился уже 20 раз. Церковь к таким отступникам относилась снисходительно, поскольку там придерживались тактики постепенного проникновения. Политеисту относительно просто было принять Христа на правах одного из богов. И когда новообращенный привыкал верить в Христа, церковь принималась убеждать его, что старые боги – ложные. Большинство ранних скандинавских неофитов были поселенцами в странах,

уже целиком христианских, типа Франкии, и крещение означало первый шаг на пути растворения в местном населении.

Ролло умер около 928 г., и его корону унаследовал сын, Вильгельм Длинный Меч (умер в 942 г.). Как верный традициям морской конунг Ролло никого не принуждал следовать за ним – согласно скандинавскому обычаю, служение конунгу было полностью добровольным. Вильгельм свою власть среди датских поселенцев в Нормандии утверждал более жестко. В 933 г. это вызвало мятеж колонистов, недовольных тем, что поведение Вильгельма стало слишком уж франкским и что он больше слушает франкских советчиков, чем своих данов. Конечно, не добавляли ему популярности и его мать-франкийка Поппа де Байё и франкское имя. Вильгельм обрушился на мятежников со всей силой и, убив в бою недалеко от Руана их вождя Риульфа, положил восстанию конец. Он продолжал завоевательную политику Ролло, и в 933 г. король Рудольф пожаловал ему полуостров Котантен. Для короля в этом не было особого убытка, поскольку франки утратили контроль над Котантеном в 867 г., когда Карл Лысый, годом ранее потерпевший под Бриссартом поражение от союзных норманнско-бретонских сил, уступил его Бретани. В отличие от остальной Нормандии, в северной часть Котантена селились в основном норвежцы, а не даны. Географические названия свидетельствуют о том, что многие из этих переселенцев прежде жили в гэльскоговорящей Ирландии или на западных островах Шотландии. Появление норвежцев в Котантене нигде не задокументировано, и они вполне могли поселиться там еще до передачи полуострова под власть Нормандии. Возможно, как и норвежцы, осевшие на северо-западе Англии, это были бежавшие от большого ирландского наступления, которое около 902 г.

выдавило викингов из Дублина и остальных их крепостей в Ирландии.

Как и Ролло, Вильгельм мечтал расширить свои владения за счет фламандских земель, но преуспел в этом не больше отца. Устав от вторжений, граф Фландрии Арнульф в декабре 942 г. вызвал Вильгельма для переговоров на остров посреди Соммы, где того подстерегли и убили. Гибель Вильгельма посеяла в Нормандии хаос. Король Людовик IV подтвердил, что правителем Нормандии будет десятилетний сын Вильгельма – незаконнорожденный Ричард Бесстрашный (правил в 942–996 гг.), но сам, готовя возврат Нормандии под власть франкской короны, заточил его в Лане под присмотром графа де Понтье. Затем занял Руан и поделил Нормандию с влиятельным аристократом Гуго Великим, графом Парижским. Часть нормандцев присягнула Людовику, часть – Гуго, однако нашлись и те, кто сохранил верность Ричарду. Положение усугубилось появлением на Сене очередной датской экспедиции под водительством Ситрика из Хедебю. Это побудило многих нормандцев отречься от христианства и вернуться к язычеству. Людовик разбил Ситрика и его союзников – нормандских язычников у стен Руана, но дальше его планы нарушились: Людовика захватил в плен предводитель нормандцев, Харальд из Байё. Последний передал пленного графу Гуго, который согласился вернуть Людовику свободу лишь после того, как тот уступил ему часть территории. Пока Людовик находился в плену, отряд нормандцев под командованием Осмонда де Сентвиля освободил из заточения Ричарда. Ричард присягнул графу Гуго и с его помощью к 947 г. вернул себе власть над Нормандией. Может, от того, что начало его правления выдалось столь тревожным, Ричард отверг агрессивную политику своих предшественников и сосредоточился на укреплении собственной власти внутри графства. В

987 г. он отблагодарил Гуго за давнюю помощь тем, что помог его сыну Гуго Капету занять трон после смерти последнего Каролинга, Людовика Ленивого. Династия Капетингов будет править до 1328 г. и сделает Францию (как станут называть королевство западных франков) сильнейшим государством Европы.

Хотя франкские летописцы описывали Ричарда словами piratarum dux (вождь пиратов), именно в его долгое правление Нормандия начала превращаться из норманнской колонии во франкское герцогство.

Ричард ввел у себя франкские феодальные институты, сделав крупных нормандских аристократов своими вассалами. Руанской епархии удалось пережить самые свирепые бесчинства викингов, но монастыри по всей Нормандии стояли заброшенными и в руинах – Ричард восстанавливал их, щедро жертвуя. Скандинавская иммиграция в Нормандию, не считая немногочисленных переселенцев из английского Данелага, почти прекратилась. Вместе с тем Руан сохранял прочные связи с севером посредством торговли: руанские монеты X в. обнаружены повсюду на торговых путях викингов – от Ирландии до России. Частью северного мира Нормандия оставалась и при преемнике Ричарда Бесстрашного, его сыне от второй жены, скандинавки Гунноры, Ричарде II Добром (правил в 996–1026 гг.). Этот Ричард, первый владетель Нормандии, носивший титул герцога, активно участвовал во французской политической жизни, воевал за короля Роберта против Бургундии, реформировал нормандскую церковь и устраивал династические браки с целью втянуть в сферу влияния Нормандии Бретань. При этом Ричард сохранял прочные связи со Скандинавией и разрешил датскому королю Свену Вилобородому расположиться в Нормандии, чтобы оттуда нападать на Англию – в обмен на долю в добыче и поставку наемников в нормандское войско. Однако

аристократия Нормандии теперь воевала на французский манер – тяжелой кавалерией. Нормандские воины тоже присоединялись к армиям викингов и в 1014 г. сражались в битве при Клонтарфе, около Дублина. Очевидно, у Ричарда были хорошие связи в Скандинавии: в 1000 г. он смог добиться освобождения захваченной викингами жены графа Лиможского.

В 1002 г. Ричард выдал свою сестру Эмму за английского короля Этельреда, тем самым как бы поддержав обе стороны в разворачивающемся англо-датском противостоянии. После смерти Этельреда в 1014 г. Эмма осталась в Англии и вышла за Кнуда, сына Свена Вилобородого, когда в 1016 г. тот стал английским королем. При всем этом особой дружбы между Кнудом и Ричардом, похоже, не было, и связи Нормандии с севером быстро ослабли. Последним эпизодом скандинавского влияния был приезд в Руан ко двору герцога исландского скальда (придворного поэта) Сигвата в 1025 г. Появление Сигвата предполагает, что среди нормандцев еще были люди, способные понимать древнескандинавский язык, но большинство к тому времени, скорее всего, говорили на французском. Большинство соратников Ролло были не женаты и, получив уделы в Нормандии, брали в жены франкиек: их дети, таким образом, вырастали франкоговорящими, даже если знали от отцов и древнескандинавский. Разрыв связей со Скандинавией отражается и в составе нормандских кладов, которые в годы после смерти Ричарда содержат в основном монеты из Франции и Италии. В это же время монеты руанской чеканки исчезают из кладов в Ирландии, Англии, Скандинавии и России. К 1035 г., когда на герцогский престол воссел Вильгельм Завоеватель, культурно и языково Нормандия уже стала частью

Франции, и нормандцы называли себя «франци», то есть французами.

Конец эпохи викингов во Франкии

После основания Нормандии и падения датской колонии в Бретани активность викингов в Западной Франкии быстро пошла на убыль. В начале XI в. вторжения еще случались, но в сравнении с великими походами IX столетия это были просто мелкие укусы: к 950 г. эпоха викингов во Франкии, в сущности, завершилась. Франкия перестала быть легкой добычей, и это не было связано с возрождением франкской монархии. Королевская власть весь этот период продолжала слабеть. Так, у Гуго Капета, захватившего трон в 987 г., она не простиралась дальше Иль-де-Франс. Герцоги и графы, управлявшие остальной территорией страны, присягали королю на верность, но возможности монарха были столь невелики, что принудить вассалов к послушанию он не мог. Аристократы правили своими уделами, по сути, автономно, затевая друг против друга войны и повинуясь королю, лишь если это было в их интересах. Ни один франкский король X и XI вв. не смог бы, даже если бы захотел, восстановить систему обороны побережий, существовавшую при Карле Великом.

Отсутствие сильной центральной власти не означало, однако, что франкское государство было слабым. Упадок монархии дал возможность франкам защищаться самим. Города возвели оборонительные стены (или, как часто бывало, обновили старые римские крепости), и повсюду появлялись форты из бревен и земляных валов, где франки могли укрываться и откуда совершались вылазки против вторгавшихся викингов. Герцоги и графы, может быть, не особо помогали своему королю, но собственными владениями зачастую управляли умело и отвечали на нападения извне

быстрее, чем централизованная каролингская монархия. Ослабление королевской власти сопровождалось ростом феодализма и формированием нового класса профессиональных военных, тяжеловооруженных кавалеристов, или рыцарей. Экипироваться для такой службы могли только самые богатые люди, поэтому большинство рыцарей были вассалами графов и герцогов и за службу получали от них земли, с которых можно было жить. В сражении франкские рыцари неизменно оказывались сильнее сколь угодно отважных пеших воинов, в чем в 1066 г. убедились на собственном опыте англичане. Именно замки и кавалерия превратили Францию в землю, куда викингам не стало ходу. Насколько норманны повлияли на трансформацию франкского общества – это большой вопрос. Причиной развала империи Карла Великого была династическая борьба, и франкские законы раздельного престолонаследия сделали развал в значительной степени неизбежным. Вместе с тем упадок королевской власти, которым сопровождалось дробление империи, викинги по меньшей мере ускорили, раз за разом показывая неспособность франкских королей защитить своих подданных.

Глава 4
Айона, Данкелд и Оркни
Викинги в Шотландии, 795–1064



В Шотландии эпоха викингов началась, как и в Англии, с нападений на окраинные монастыри, однако за разбойниками быстро последовали поселенцы, пустившие глубокие корни: здесь норманнское влияние сохранялось дольше, чем где-либо еще на Британском архипелаге. Нашествия норманнов не избежала ни одна из областей Шотландии, но основной удар первых вторжений пришелся на северные и западные острова, которые после заселения скандинавскими колонизаторами стали базой, откуда викинги совершали походы дальше на юг. Армии, грабившие Англию и империю франков, состояли преимущественно из данов, но Шотландия, как и Ирландия, всегда была сферой интересов норвежских викингов.

В начале эпохи викингов Шотландии в современном понимании еще не существовало. Большую часть ее нынешней территории, от залива Ферт-оф-Форт до Шетландских островов, занимало королевство пиктов, потомков древних бриттов, отстоявших сервер Британии от римских легионов. Юго-восточные земли принадлежали англосаксонскому королевству Нортумбрия, а юго-западные – валлийскому королевству Стратклайд. На западе в области Аргайл и на Гебридах обитали скотты, гэльскоговорящий народ, пришедший из Северной Ирландии во времена правления династии

Дал Риада, примерно в те же дни, когда в Британию из Северной Германии прибыли англосаксы. Несмотря на постоянные войны, между четырьмя королевствами существовал устойчивый баланс сил – с появлением викингов ему предстояло рухнуть.

Остров Святого Колумбы

Никаких хроник, написанных непосредственно в Шотландии ранее конца X в., до нас не дошло. Большая часть письменных источников о шотландской эпохе викингов создана в ирландских монастырях, и освещают они преимущественно события на гэльскоговорящем западном побережье Шотландии, особенно живописуя страдания монашества. Упоминание о первом вторжении викингов в Шотландию датируется 795 г.: по пути в Ирландию норманны разграбили монастырь Святого Колумбы на небольшом островке Айона в Гебридском архипелаге. Позже нападения на Гебриды становятся едва ли не ежегодным событием, и главный удар приходится на монастыри. На Айону викинги вернулись в 802 г. и на сей раз не только разграбили, но и сожгли монастырь. Об убитых во время первых вторжений упоминаний не встречается, но при третьем разорении монастыря в 806 г. норманны вырезали 68 монахов. Всего лишь через год после этого Айону разграбили вновь.

Монастырь Святого Колумбы был, пожалуй, самым знаменитым и влиятельным во всей Британии и Ирландии. Его основатель Колумба, родившийся в Ирландии в 521 г., происходил из знатного ольстерского рода. Это был энергичный, крепко сложенный и вспыльчивый человек. В юные годы он стал священнослужителем и скоро прославился благочестием и тягой к учености. Однако из-за своей вспыльчивости Колумба едва не загубил собственную карьеру. В 561 г. диспут о священной рукописи, которую Колумба без дозволения переписал, перешел в скандал и драку, в которой погибло множество народу. Церковный суд, разбиравший дело Колумбы, склонялся

к тому, чтобы отлучить его от церкви, но в итоге приговорил лишь к изгнанию. В 563 г. Колумба покинул родину и с 12 товарищами отплыл в Шотландию, полный решимости искупить свою вину, обратив в христианство не меньшее число душ, чем погибло на диспуте. Колумбу с радостью принял король Дал Риады Коналл, доводившийся ему родственником, и отдал ему Айону, чтобы, обосновавшись там, Колумба занялся обращением севернопиктских язычников. Помимо духовных у Коналла, вероятно, были и вполне земные цели. В средневековой Европе мирская власть часто шла по стопам церкви. Приведение пиктов под крыло ирландской церкви могло бы создать почву для распространения на них политического влияния Дал Риады.

Отъезд Колумбы в Шотландию – один из эпизодов важнейшей для кельтской церкви традиции перегринации. Это искупительные путешествия, в которых монахи вверяли свою судьбу в руки Господа. Ирландские монахи стали искусными мореходами: обычно они ходили на куррахах, небольших, но остойчивых лодках из просмоленной кожи, натянутой на каркас из ивовых прутьев. На этих лодках монахи уплывали в самые безлюдные места, чтобы размышлять о Божьем величии, и основывали аскетичные монастыри – часто не более чем несколько хижин, сложенных из валунов, – на уединенных островах вдоль берегов Ирландии и Шотландии. Некоторые уходили в открытое море, и так примерно за 200 лет до викингов они открыли Фарерские острова и Исландию. Викинги в своих походах часто встречали ирландских монахов (последним такие встречи обычно ничего хорошего не сулили), и географические названия от слова *papar*, которым норманны обозначали этих монахов, широко распространены на Гебридах, Оркнейских островах и даже в Исландии. Чаще всего такие названия давали

островам. Четыре острова в гряде Внешних Гебридских и еще один неподалеку от острова Скай называются Паббей (от papar и ø), что означает «остров папаров». Похожие названия также встречаются у островов в Оркнейском и Шетландском архипелагах и у берегов Исландии.

Айона, как Линдисфарн, сегодня кажется краем света, но в раннем Средневековье основными дорогами служили водные пути, и в этом смысле Айона была идеальным местом для деятельного проповедника типа Колумбы. Всего лишь в 113 км к югу лежит Ирландия – при хорошей погоде это день плавания. Еще важнее для целей Колумбы была близость Айоны к долине Грейт-глен, главному сухопутному пути, пересекавшему с востока на запад Северо-Шотландское нагорье и ведшему прямиком к главным поселениям северных пиктов, расположенным по берегам залива Мори-Ферт. В современном понимании Айона была столь же малодоступна, как торговый центр на транспортной развязке. В узком проливе, отделяющем Айону от значительно более крупного острова Малл, легко найти укрытое от ветра место для якорной стоянки и для высадки на берег, что, несомненно, должно было понравиться викингам. Хотя остров покрыт в основном скалами, вересковыми пустошами и болотами, здесь есть довольно обширный плодородный «махер»: луга, образовавшиеся на высоких берегах с рыхлыми почвами, богатыми известковым ракушечным песком, так что там без труда могло прокормиться небольшое поселение.

Личные качества Колумбы сделали его фигурой, с которой приходилось считаться, и к моменту его кончины в 597 г. аббатство Айона стало главным духовным центром не только Дал Риады и Пиктленда, но и большей части Северной Ирландии, где его власти подчинялись даже епископы. Смерть Колумбы только

усилила влияние Айоны, превратив ее в место паломничества. Именно на Айоне, а не в Риме просил прислать миссионеров король Нортумбрии Освальд, решив крестить свое королевство. Настоятель прислал к нему Айдана, основателя Линдисфарнского аббатства. Айона стала центром ремесел, таких как металлообработка, производство стекла, ваяние и изготовление книг. На Айоне создали Келлскую книгу, одно из самых удивительных иллюстрированных Евангелий раннего Средневековья. Но самым главным сокровищем Аойны был, конечно, драгоценный ковчег с мощами Колумбы – бесценный источник силы и славы аббатства.

Мученики от викингов

После второго нападения викингов настоятель Айоны Келлах купил землю в ирландском Келлсе, подальше от моря, чтобы монахи могли укрываться там от возможных будущих разбоев. После резни 806 г. Келлах уехал в Келлс руководить возведением нового аббатства. Работы завершились в 814 г., и большая часть братии и мирян переехала на материк. Резиденция настоятеля с тех пор также находилась в Келлсе. Несмотря на это, островная обитель не опустела. Келлах сложил с себя обязанности настоятеля и вернулся на Айону с небольшой компанией братьев, готовых разделить с ним опасность погибнуть от рук язычников: ирландские монахи считали свое призвание мужским делом, требующим отваги и стойкости. На Айоне остались и драгоценные мощи святого Колумбы. В 824 г. во главе островной обители встал ирландский монах по имени Блатмак. Он не страшился викингов. Его биограф, германский клирик по имени Валафрид Страбон (умер в 849 г.), писал, что Блатмак искал мученической смерти от рук язычников, потому что мечтал «претерпеть раны Христовы». Долго ждать Блатмаку не пришлось: викинги наведались на Айону в 825 г. Когда обители достигла весть о приближении морских разбойников, Блатмак позволил тем братьям, которые не нашли в себе готовности принять мученическую смерть, уплыть; сам же с теми, чье намерение погибнуть за веру было твердо, остался. Викинги напали, когда Блатмак служил утреню. Ворвавшись в церковь, они тут же изрубили всех его товарищей. Нападавшие хотели получить драгоценный ковчег, в котором хранились мощи Колумбы, но монахи сняли его с постамента в храме и спрятали под кучей

торфа. Никакие пытки не заставили Блатмака выдать, где спрятан ковчег, так что в итоге разъяренные викинги разрубили монаха на куски и уплыли с пустыми руками.

Как ни удивительно, и после этой резни монастырь на Айоне не исчез. Монахи, уплывшие перед нападением, вернулись, похоронили Блатмака и вернули мощи святого Колумбы в храм. Мощи оставались на Айоне до 849 г., когда их разделили и часть отправили в Келлс, а часть – в кафедральный собор Данкелда, что к северу от Перта в Шотландии. Это решение было продиктовано не столько заботой о сохранности реликвии, сколько политическими мотивами (см. ниже), поскольку после убийства Блатмака викинги Айону больше не тревожили. При столь славной истории монашество на Айоне не могло пресечься даже после этого, и монастырская жизнь продолжалась здесь на протяжении всей эпохи викингов: в конце IX в. здесь были похоронены по меньшей мере три шотландских короля. Монастырь имел слишком высокий статус, чтобы его можно было закрыть. В этом отношении Айоне повезло больше, чем остальным шотландским монастырям: почти все они пришли в запустение из-за непрекращавшихся грабежей викингов. Один из немногих монастырей того периода, где велись систематические археологические раскопки, – пиктский монастырь в Портмахомаке на восточном побережье Шотландии (Истер-Росс). Местная община процветала в VII и VIII вв. как центр книжного производства, металлообработки, стеклоделия и ваяния. Поверх всех культурных слоев здесь лежал слой сажи и угля, датированный приблизительно 800 г. и показывающий, что монастырь перестал существовать после катастрофического пожара, вспыхнувшего, почти несомненно – учитывая датировку, – после нападения норманнов.

Захватчики превращаются в поселенцев

Айона была знаменитой святыней, поэтому нападения на остров остались в ирландских анналах, но более чем вероятно, что викинги действовали в Шотландии и ранее 795 г. Наверняка раньше других под их удар попали Северные острова (Шетландский и Оркнейский архипелаги) – как первая суша на пути мореходов, идущих Северным морем из Норвегии на запад. Шетландские острова отстоят от Норвегии на 400 км к западу – это меньше чем два дня пути под парусом при подходящей погоде, – а оттуда лишь 97 км на юг до Оркнейских, откуда норманнские пираты могли отправиться на юг вдоль побережья Британии или на запад и потом на юг к Гебридам и Ирландии. Викинги, в 793 г. напавшие на Линдисфарн и в 795 г. на Айону, плыли, видимо, через Шетландский и Оркнейский архипелаги. Эту дорогу норвежцы, скорее всего, хорошо знали. Археологические находки недвусмысленно свидетельствуют о существовании торговых связей между Северными островами и Норвегией до эпохи викингов (так, например, в поселениях пиктских аристократов в Бирсае, на Оркнейском архипелаге, найдены гребни, вырезанные из рога скандинавского северного оленя) – и норманнские пираты определенно плыли не наугад.

Вскоре после первых описанных хронистами норманнских вторжений в Шотландию викинги стали захватывать там земли для колонизации. Эта колонизация не нашла отражения в шотландских летописях, конечно же, потому, что насельники шотландских монастырей частью погибли от рук захватчиков, частью разбежались и вести хроники было

некому. В отсутствие письменных свидетельств главным источником сведений о географии расселения викингов остаются скандинавские топонимы. Больше всего их на Северных островах и в Кейтнессе, на крайнем северо-востоке материковой Шотландии. Там почти все названия имеют скандинавское происхождение. Также скандинавские топонимы обычны на Гебридах и на западном побережье Шотландии, из чего следует, что и там было немало норманнских колоний. Подавляющее большинство скандинавских названий во всех этих местах – норвежского происхождения, что проясняет национальную принадлежность основной массы поселенцев. Норвежские элементы географических названий, например staðir, как в Гримиста (место Грима), и bolstaðr, как в Исбистер (восточная ферма), особенно распространены на Северных островах. В числе других составляющих топонимов, обычных и на Северных островах, и на Гебридах, и на западном побережье, есть fjall, как в Аскиваль (ясеневая долина), fjord, как в Лаксфорд (лососевый фьорд), sker, как в skerry (то есть отмель), dalr (долина), vik, как в Лервик (илистая бухта), и ø, «остров», как в Сандей (песчаный остров). Установить возраст этих поселений – задача не из простых. Предполагается, что Северные острова были колонизированы очень рано, возможно уже в 800 г., а Гебриды – для викингов Судрейяр, то есть «южные острова» – около 825 г. Ко второй половине IX в. в этих местах определенно существовали давно сложившиеся скандинавские сообщества. Топонимы норвежского и датского происхождения указывают на то, что скандинавские колонии были также на острове Мэн и на юго-востоке Шотландии, в Галлоуэе и Дамфрисе. Поселения в Дамфрисе, вероятнее всего, можно считать продолжением норманнской

колонизации северо-запада Англии, происходившей в начале X в.

Норманнская ДНК

На Северных островах влияние викингов оказалось самым мощным, что объясняется их близостью к Норвегии. Эти острова, должно быть, казались норвежцам привлекательным местом для жизни. Условия похожи на запад Норвегии, так что колонисты без труда могли сохранить свой традиционный пасторальный образ жизни. Шетландские острова в основном покрыты торфяными болотами и лугами с грубым травостоем, но Оркнейские, хотя и безлесные, и продуваемые, богаты хорошими пахотными землями, которых не хватало в Норвегии. Вдобавок ко всему острова были удобно расположены: недалеко от дома и родни, и в то же время отсюда можно пускаться в походы дальше на юг. Изолированные пиктские сообщества не могли организовать совместную оборону против захватчиков и были, по-видимому, разгромлены быстро и легко. Кое у кого из местных пиктов было что отнять и кроме земли – об этом свидетельствует крупный клад, обнаруженный возле руин пиктского монастыря на острове Св. Ниниана в Шетландском архипелаге: серебряные украшения, рукояти мечей, драгоценные чаши VIII в. Датировка клада говорит о том, что, скорее всего, хозяин спрятал ценности от норманнских разбойников. А поскольку клад не был вырыт, его владельца, по всей видимости, постигло несчастье.

Норманнские поселения на Северных островах – уникальный случай в истории скандинавских колоний эпохи викингов. Всюду, где норманнские колонии соседствовали с местным населением, скандинавам предстояло раствориться в нем примерно через три поколения. Так было в Англии и Нормандии. Однако

Северные острова надолго превратились в продолжение Скандинавии, став полностью скандинавскими по языку и культуре. До недавних пор причиной этого считали уничтожение и вытеснение викингами большей части пиктского населения. Норманнская колонизация определенно вызвала резкий слом в истории Северных островов. Не сохранилось никаких пиктских названий (есть несколько скандинавских топонимов, возможно имеющих пиктские корни, но здесь у ученых нет единого мнения), ни в одном из пиктских поселений не обнаруживается культурных слоев позже рубежа VIII и IX вв., хотя некоторые, как, например, Бирсей, были позже заново отстроены скандинавами. В раскопках местных скандинавских колоний почти не встречается пиктских артефактов, а значит, между колонистами и местным населением не было почти никаких контактов. Может показаться, что пикты исчезли без следа. Новая научная дисциплина ДНК-идентификация помогла прочесть в генах современных обитателей Северных островов несколько более сложную историю. Анализ Y-хромосомы, которая передается только по мужской линии, от отца к сыну, обнаружил у 44 % мужчин на Шетландских и у 33 % мужчин на Оркнейских островах присутствие особого генетического маркера, так называемого гаплотипа M17, которым также обладает большинство норвежских и шведских (но не датских) мужчин. За вычетом иммиграции Нового времени выходит, что в эпоху викингов примерно половина мужского населения островов была скандинавского происхождения. Изучение митохондриальной ДНК, наследуемой только по женской линии, показывает, что процент женщин, имеющих скандинавские корни, на Шетландских и Оркнейских островах такой же, как и мужчин. Отсюда понятно, что колонисты прибывали семейными группами: признак того, что они

чувствовали себя в безопасности и не ожидали сопротивления от аборигенов. Что же произошло с пиктами? Завоевание, по всей видимости, сокращало их популяцию сразу несколькими способами: кто пал в бою, кто сел в лодку и бежал, а основная масса была захвачена и продана в рабство в другие страны. Немногочисленных уцелевших захватчики низвели до положения рабов, а вскоре ассимилировали.

На Гебридах история колонизации была разительно иной по природе. Генетический анализ показывает, что около 25 % нынешнего мужского населения Гебридов могут проследить свое происхождение до Норвегии, но среди женщин норвежские корни есть лишь у 10 %. Даже с учетом миграций Нового и Новейшего времени выходит, что норманнские поселенцы на Гебридах всегда оставались в меньшинстве среди гэльскоговорящих аборигенов. Ясно также, что большинство колонистов были неженатыми мужчинами, которые находили себе жен среди местного населения. И значит, селиться на Гебридах было опаснее, чем на Северных островах: сюда не всякий рискнул бы привезти жену и детей. Исландские саги как будто подтверждают, что многие из первых колонизаторов Исландии, такие как Ауд Мудрая и Хельги Худой, были гебридскими норвежцами, которые сочли жизнь там слишком суровой. Окончательную судьбу скандинавских поселенцев на Гебридах можно прочесть в топонимике: скандинавских названий много, но зачастую их нельзя опознать, так как до нас они дошли в гэлизированной форме, как, например, Ройниавал (Roineabhal – каменистое урочище), или как гибриды, сочетающие скандинавские и гэльские компоненты, например Скерривор (Skerryvore – большой риф) – от древнескандинавского sker и гэльского mhor (большой). Гэльские аборигены в конце концов ассимилировали колонистов, но на это ушли столетия, а не жизнь двух-

трех поколений, как было с датскими поселенцами, ассимилированными в Англии и Нормандии. Частичная ассимиляция скандинавских колоний началась сразу же. Поскольку многие из поселенцев женились на местных женщинах, дети в этих семьях вырастали двуязычными, владели и древнескандинавским, и гэльским. Это полугэльское-полускандинавское население ирландцы называли Gall-Gaedhil, «иностранные гэлы», и Гебриды получили прозвище Innse Gall, «острова чужаков». Такой же процесс частичной ассимиляции происходил в Гэллоуэе, чье нынешнее название и есть искаженное Gall-Gaedhil. Истинные гэлы, вероятно, видели в «гэл-гэдихил» скорее скандинавов, чем своих, и Урард мак Койси, ирландский бард (умер в 990 г.), описывал их беспомощные попытки говорить по-гэльски словом giocgoc, что означает «тарабарщина». Ассимиляция нашла отражение и в материальной культуре, особенно в стилях ювелирных украшений, где кельтские элементы смешались со скандинавскими орнаментами. Популярные кельтские пряжки-застежки в виде разорванного кольца приспособились к северным вкусам, став проще в оформлении, но значительно крупнее.

Может быть, оттого, что многие из гебридских поселенцев взяли в жены христианок, они одними из первых среди скандинавов обратились в христианство. Впрочем, обнаружено здесь и несколько языческих норманнских захоронений, в том числе корабельное погребение X в. в Порт-ан-Эйлин-Мор в Арднамерхане на западном побережье материковой Шотландии. Согласно ирландским источникам, некоторые из исконных гэлов даже отрекались от Христа и принимали языческие верования новых правителей. Но после утверждения норманнской власти огнем и мечом язычники и христиане на Гебридах, вероятно, мирно

жили бок о бок, как и в других землях, колонизированных скандинавами. Один из гебридских викингов, Хельги Худой, ухитрялся одновременно поклоняться Христу и Тору, и подобного рода синкретизм, вероятно, был вполне обычным явлением. Этим, возможно, объясняется, что Айону 160 лет после Блатмака не грабили. Когда викинги нагрянули туда вновь в 986 г., это были чужаки, даны, изредка появлявшиеся в западных морях. Они убили настоятеля и 15 монахов: вероятно один из них и зарыл найденный на Айоне клад серебряных монет X в. Существование большого количества топонимов с элементом papar можно расценивать как знак того, что Айона была не единственным монашеским сообществом, пережившим нападения норманнов: были и другие, просуществовавшие достаточно долго для того, чтобы соответствующее название закрепилось в широком употреблении.

Процесс ассимиляции и характер сосуществования скандинавов и исконных гэлов четко прослеживается на острове Мэн. Присутствие языческих захоронений, содержащих оружие, а иногда и лодки и даже останки людей, принесенных в жертву погребенному, указывает на значительную языческую колонизацию в середине IX столетия. Это подтверждают и генетические исследования: около 40 % современного населения острова имеет скандинавские корни. Коренное гэльское христианское население не истребили, но распределение скандинавских топонимов показывает, что колонисты забирали себе лучшие низменные земли, оставляя исконным жителям возвышенные каменистые участки. Может быть, гэлам поручали черную работу, например, пасти на холмах принадлежавший завоевателям скот. На христианских кладбищах пришельцы совершали языческие обряды в знак своей полной власти над аборигенами.

Обратившись в середине X в. в христианство, колонизаторы воздвигли на острове несколько резных каменных памятных крестов, в которых смешивались английский, ирландский и скандинавский декоративные стили, а христианские образы сочетались с языческими. Все надписи на крестах рунические, однако в некоторых из них упоминаются люди с гэльскими именами – знак того, что на острове заключались смешанные браки. Известна также одна двуязычная надпись на гэльском и древнескандинавском (записанная древнеирландским огамическим письмом).

Гэлл-гэдихил сохраняли свою особую идентичность до XIII в. Причины тому были отчасти политические: Гебриды удалены от любых административных центров, которые могли бы применить власть хоть к норманнским поселенцам, хоть к предводителям местных гэлов. Господство скандинавов на морских путях также означало, что поселенцы поддерживали связь с другими норманнскими колониями – на Северных островах и в Ирландии, да и с самой Норвегией – и могли постоянно напоминать себе о своей норвежской культурной идентичности. Лишь после того, как эти связи с Норвегией разорвали скотты, захватившие в 1266 г. Гебриды и Мэн, гэлл-гэдихил окончательно и полностью гэллизировались.

Скотты и пикты

Появление викингов в Шотландии нарушило сложившийся там баланс сил. Нортумбрия уступила почти половину своих земель датскому королевству Йорк и утратила былое влияние на севере Британии. Стратклайд после падения его столицы в 871 г. также пришел в упадок и больше не оправился. Но сильнее всего вторжение викингов ударило по пиктам, косвенным образом вызвав их полное исчезновение. Королевство скоттов Дал Риада тоже уступило норманнам значительные территории, но в итоге именно скотты больше всех выиграли от норманнского вторжения, обратив дело к своей выгоде и покорив пиктов и стратклайдских валлийцев, захватив северонортумбрийскую область Лотиан и создав королевство Шотландию.

Королевство Дал Риада начиналось с колонии аристократической династии Дал Риада, правившей североирландской областью Антрим. Было принято считать, что король Фергюс мак Эрк Великий (умер в 501 г.) завоевал Аргайл, но, поскольку берег Аргайла лежит в каких-то полутора десятках километров от Антрима, вероятно, ирландское влияние пришло туда задолго до Фергюса. Шотландская Дал Риада оставалась частью ирландской Дал Риады до короля Домналла Конопатого (правил около 629–642 гг.), при котором после серии крупных военных поражений королевство распалось. С тех пор и до начала эпохи викингов статус Дал Риады оставался сомнительным: сначала она была под властью Нортумбрии, а примерно с 736 г. – пиктского королевства. К 768 г. пиктов ослабил катастрофически провальный поход на Стратклайд, и скотты вернули себе независимость, но

появление в 790-х гг. норманнских пиратов принесло новые трудности. Скотты утратили не только Гебриды, но и область Кинтайр на материке, а может быть, и Морверн с Арднамерханом. В опасном положении, несмотря на его мощные оборонительные укрепления, оказался Дунадд, столица и место коронации дал-риадских королей, расположенный на западном побережье всего в 3 км от моря. Похоже, где-то в то время он был покинут. В Дал Риаде настала такая смута, что мы даже не знаем точно, кто был ее королем в те 10 лет, которые последовали за первым нападением викингов на Айону. У скоттов была давняя традиция морской войны и хорошо налаженная система мобилизации флота, когда каждая территория поставляла условленное число воинов и судов. Однако эта система была хороша лишь для наступательных походов и мало годилась для обороны. Пока флот соберут по всем разбросанным уголкам королевства, морские разбойники будут уже далеко. Под давлением наступавших с запада викингов скотты двинулись на восток – в богатые пиктские земли, в область Фортриу на юге Пиктленда. Хотя Фортриу, вероятно, и прежде на время переходил под власть дал-риадских королей, завершил его завоевание в 842–843 гг. Кеннет мак Альпин (умер в 858 г.), взявший титул короля пиктов. Остальная территория Пиктленда перешла под его власть немногим позже. В 848 или 849 г. Кеннет перевез половину мощей святого Колумбы с Айоны в монастырь пиктских королей в Данкелде, Пертшир. Это был жест благодарности святому от короля за покровительство, оказываемое церкви, но попутно и послание, сообщавшее пиктам, что за скоттами осталась не только военная, но и духовная победа. Святой Колумба прибыл в Данкелд не беженцем от викингов, как часто считают, а завоевателем.

Рождение Шотландии

Каким образом Кеннету удался этот прорыв, неизвестно, но он, безусловно, напрямую выиграл от победы викингов над пиктами в 839 г. Пикты потерпели сокрушительное поражение и понесли тяжелейшие потери. В этом сражении погибли их король Эоганан и его брат Бран, и пикты остались без предводителей. Поскольку бесспорного наследника не было, вспыхнул трехсторонний династический спор, еще больше ослабивший пошатнувшееся королевство. Впрочем, после этого сражения не только пикты лишились правителя. Среди тех, кто погиб, сражаясь на стороне пиктов, был король Дал Риады Эд мак Боанта. Источники не объясняют, почему он дрался за пиктов, но, возможно, скотты и пикты объединились против общего врага. После гибели Эда королем Дал Риады и стал Кеннет. Его происхождение темно, и нет даже твердой уверенности, что он был из королевского рода: определенно в близком родстве с Эдом Кеннет не состоял. Не погибни Эд в битве с викингами, Кеннет, вероятно, так и не получил бы возможности заявить притязания на трон. Утвердившись же на престоле Дал Риады, он ухватился за другую возможность, открытую для него викингами, и вторгся в Пиктленд. Расколовшееся королевство не имело сил сопротивляться и вскоре пало. Кеннет и его ближайшие наследники именовались титулами «король пиктов» и «король Дал Риады», но его внук Дональд II (правил в 889–900 гг.) положил конец этой традиции и принял единственный титул короля Шотландии (rex Scotia по латыни, rí Alban по-гэльски).

После порабощения пикты просуществовали недолго. Несмотря на то что скотты сохранили многие

атрибуты пиктской монархии, в том числе коронацию в Скуне, Пертшир, слияния гэльской и пиктской культур не произошло. Вероятно, пикты долго подвергались влиянию гэльской культуры через общину Колумбы, но завоевание скоттами привело к быстрому и полному исчезновению пиктской идентичности: последние упоминания о пиктах как современниках относятся к 904 г. Пиктская культура вымерла полностью: исчезло оригинальное искусство, и та литература, которая пережила в монастырях норманнское нашествие, до нас не дошла. Мы не знаем, как видели пикты свою историю. Вымер и пиктский язык, вытесненный гэльским, от него осталось лишь несколько слов, сохранившихся в топонимах. Есть указания на то, что гэльское завоевание сопровождалось великим кровопролитием, и позже шотландская фольклорная традиция утверждала, что пиктов истребили под корень. Скотты помнили пиктов не как реальный народ, а как расу голубокожих карликов, подземных жителей. Маловероятно, чтобы пиктов на самом деле вырезали полностью, но вполне возможно, что пиктскую аристократию в ходе завоевания и после уничтожали и изгоняли, а простой народ, оставшись без политических и культурных ориентиров, скоро был ассимилирован скоттами. Возможно, именно об истреблении пиктской аристократии повествует Камень Свена, монолит семиметровой высоты, стоящий на окраине Форреса, в Мори. Вырезанный пиктским мастером в конце IX в., этот обелиск изображает сцены битвы и великой резни.

Камень Свена – последнее известное произведение пиктской скульптуры, и его могли вырезать по приказу Кеннета или кого-то из его наследников в память о победе скоттов и как зловещее послание уцелевшим пиктам. Это, разумеется, лишь предположение: на камне нет никаких надписей, чтобы можно было обоснованно судить о его назначении.

Святой Колумба не задержался в Данкелде надолго. Богатство Фортриу привлекало викингов, и они то и дело вторгались туда. Шотландский король Константин I в 874–875 гг. убил короля дублинских викингов Олафа, но и сам погиб в битве с викингами в 877 г. В 878 г. Данкелд разделил судьбу Айоны: его разграбили викинги. Мощи Колумбы уцелели, видимо спрятанные монахами, но после нападения братия решила перевезти их в Келлс и соединить с хранившейся там частью останков. На этот раз Колумба и впрямь стал беженцем: как писал ирландский хронист, мощи «спешно увезли, спасая от чужеземцев». Это было разумное решение: в 903 и 904 гг. Данкелд вновь подвергся разорению. Без драгоценных мощей обитель скоро утратила былое значение, и в 906 г. в роли главного духовного центра Шотландии ее потеснил монастырь Святого Эндрю в Файфе, обладавший своими знаменитыми реликвиями.

Экспансия скоттов

Наследники Кеннета тоже ловко пользовались возможностями для расширения территории, которые открывали для них норманны. В 870 г. дублинские викинги под предводительством короля Олафа осадили хорошо укрепленную столицу Стратклайда Дамбартон Рок, возвышавшуюся над устьем реки Клайд. Понимая, что их главная сила в мобильности, обычно они избегали возни с осадами, но тут простояли под стенами четыре месяца, пока наконец валлийцам не пришлось сложить оружие, когда в городе пересох колодец. Воины Олафа вернулись в Дублин с богатой добычей и множеством пленников. Среди пленных был король Стратклайда Артгал. Он мог бы рассчитывать на выкуп – освобождение высокопоставленных пленных за большую плату было у норманнских пиратов доходным побочным бизнесом, – но Константин I (сын и наследник Кеннета) понял, что подвернулся случай еще больше ослабить Стратклайд, и убедил Олафа прикончить Артгала. Можно предположить, что Константин выплатил Олафу сумму, эквивалентную выкупу, чтобы тот, лишая жизни такого ценного пленника, не понес убытка. Устранив Артгала, Константин поставил наместником Стратклайда его брата Руна и выдал за него свою сестру, дав таким образом скоттам возможность претендовать на трон Стратклайда. С тех пор на стратклайдском престоле сидели скоттские короли, мало-помалу укреплявшие свою власть над страной. Предполагается, что в X в. Стратклайд превратился в зависимую область, где правил тан (прямой наследник шотландского трона), ставший затем королем Шотландии. Последним известным королем Стратклайда был Эоган Лысый, умерший около

1015 г., а вскоре после этого Стратклайд присоединили к Шотландии.

Другой целью скоттов была Берниция, северная часть англосаксонского королевства Нортумбрия, оставшаяся независимой после захвата Йорка данами в 866 г. Король Константин II

(правил в 900–943 гг.) рассчитывал подчинить Берницию влиянию скоттов, предложив ей помощь против Рагнальда, воинственного короля ирландских викингов, который в 919 г. захватил власть в Йорке. Берниции, однако, угрожали не только скотты и норманны. Еще в 870-х гг. уэссекский король Альфред Великий пытался взять на себя роль предводителя всех англичан в борьбе против данов. Неизвестно, что думали об этом нортумбрийцы, но нет никаких причин полагать, что они были этим довольны. Писавшаяся в Уэссексе «Англосаксонская хроника» называет правителей Берниции элдорменами, подразумевая их подчиненность Альфреду и его наследникам, но сами-то они полагали себя королями. И в таком качестве могли предпочесть положение наместников при данах или скоттах положению эрлов (элдорменов) Уэссекской династии. Будущее Берниции решилось в 927 г., когда внук Альфреда Этельстан взял Йорк, изгнав дублинского короля, викинга Гутфрита, который бежал ко двору Константина II.

Победоносный Этельстан вызвал Константина, короля Берниции Элдреда и короля Уэльса на переговоры в Имонт-Бридж, что возле Пенрита в Камбрии. Цель у сбора была двоякая. Прежде всего Этельстан объявил Элдреда низложенным, а Берницию – частью Уэссекса. Это событие принято считать моментом создания королевства Англия, поскольку впервые в истории все англичане оказались под властью одного правителя. Кроме того, съезд, видимо, должен был предоставить королям скоттов и

валлийцев возможность признать Этельстана верховным королем и владыкой всей Британии. В Имонт-Бридже находятся три неолитических хенджа и множество менгиров (примитивных каменных обелисков), что делало его местом пребывания старинной мистической силы. В более поздние времена один из этих хенджей связывали с королем Артуром, легендарным правителем Британии. Если это сооружение связывали с Артуром уже при жизни Этельстана, то было бы весьма символично, если бы именно здесь другие британские короли признали его своим повелителем. Созывая королей, Этельстан под угрозой войны потребовал от Константина привести с собой Гутфрита. Константин не мог одобрить объединения Англии: не нужно было обладать особым даром предвидения, чтобы понять, какого опасного и могущественного соседа это сулит Шотландии. Лучшей возможностью для Константина отвести эту угрозу было помочь викингам вернуть Йорк, поэтому по дороге в Имонт-Бридж он дал Гутфриту бежать, и тот укрылся в Дублине. Это омрачило отношения между Этельстаном и Константином и, возможно, подтолкнуло Этельстана к решению в 934 г. вторгнуться в Шотландию. Хотя он не одержал великих побед, но в конце лета вернулся в Англию вместе с Константином, который оставался там весь следующий год, предположительно не по доброй воле.

Гутфрит умер в 934 г., и что нехарактерно для предводителя викингов – естественной смертью. Теперь о притязаниях на йоркскую корону заявлял его сын, Олаф Гутфритссон, который сел на дублинский престол. Невзирая на язычество Олафа, король Константин выдал за него одну из дочерей. В 937 г. Олаф, Константин и король Стратклайда Эоган заключили союз и вторглись в Англию с намерением восстановить в Йорке норманнское королевство. Именно этот великий

альянс Этельстан сокрушил в битве при Брунанбурге в 937 г. Дальнейшие попытки Константина и его наследника Малкольма I (правил в 943–954 гг.) вернуть в Йорке норманнское правление тоже не увенчались успехом, и в 954 г. тот окончательно перешел под власть уэссекской короны.

Утвердить власть Уэссекса над старинным королевством Нортумбрией оказалось непросто. Уже Йорк находился слишком далеко от главных центров английской королевской власти, в то время лежавших к югу от Темзы, и Берниция оставалась беззащитной перед возможным шотландским вторжением. Около 960 г. шотландский король Индульф захватил в Бернициии пограничную крепость Эдвинбург, сегодня более известную как Эдинбург. Понимая, насколько трудно будет удержать Бернициию, английский король Эдгар (правил в 957–985 гг.) в 973 г. разделил ее, уступив Лотиан – северную часть, расположенную между рекой Твид и Ферт-оф-Фортом, – шотландскому королю Кеннету II (правил в 971–995 гг.) в обмен на его признание верховенства английской короны. Но на деле Кеннет не стал повиноваться английской монархии, и в 1006 г. англичане вернули Лотиан себе. Впрочем, к тому времени Англия подверглась новому опустошительному нашествию норманнов, и в 1016 г., когда страну захватили даны, Лотиан навсегда перешел Шотландии после крупной победы Малкольма II (правил в 1005–1034 гг.) над англичанами в Кархэме, Нортумберленд. При всех войнах между Англией и Шотландией в последующие столетия граница, проложенная после Кархэма, оставалась почти неизменной и сохранилась до нынешнего дня.

После завоевания Лотиана и произошедшего примерно в то же время присоединения Стратклайда образовалось королевство, территория которого в целом совпадала с территорией современной

Шотландии. Впрочем, были в нем такие земли, где власть короля скоттов оставалась сугубо номинальной. На юго-западе находился фактически автономный Гэллоуэй с его скандинавско-норманнскими лордами, а на крайнем севере был Мори, управляемый мормэрами («наместниками»), обладавшими поистине королевской властью. Самый знаменитый из мормэров, Макбет (правил в 1032–1057 гг.), в 1040 г. даже стал королем Шотландии. Гебриды, Кейтнесс и Северные острова оставались под властью норманнов, и так будет еще не одно столетие. Из-за них эпоха викингов в Шотландии продлится дольше, чем где-либо в Европе, в том числе и в самой Скандинавии.

Оркнейское графство

О политической ситуации на Гебридах и Северных островах до конца IX столетия нам ничего неизвестно. Вероятнее всего, власть там была поделена между несколькими вождями или королями, каждый из которых правил своими ближайшими сподвижниками и не подчинялся никакому верховному владыке. Некоторые из таких вождей, например Кетиль Плосконосый или правивший на Гебридах Торстейн Рыжий, упоминаются в сагах, но о размерах их владений ничего не говорится. Хотя на Гебридах подобная раздробленность оставалась в порядке вещей, Оркнейские и Шетландские острова примерно к 900 г. объединились в сильное и полунезависимое Оркнейское графство. Оно было, по сути дела, пиратским государством, потому что его властители дополняли доходы, полученные с земель, добычей от ежегодных летних вторжений на берега Британии и Ирландии. История оркнейских графов увлекательно изложена в «Саге об оркнейцах» («Сага об оркнейских ярлах»), написанной неизвестным исландским автором около 1200 г. Основой для нее послужили разнообразные устные предания, скальдические поэмы и письменные сочинения; при этом видно, что автор старался опираться только на авторитетные (однако не всегда надежные) источники. Как и в других исторических сагах, в «Саге об оркнейцах» есть диалоги и монологи. Это не запись подлинных речей, их стоит читать так же, как диалоги в трудах Фукидида, Тацита и других античных историков, которые с помощью этого приема показывают характеры и мотивы своих персонажей.

Согласно саге, Оркнейское графство основал норвежский король Харальд Прекрасноволосый (правил около 880–930 гг.), в конце IX в. захвативший Северные острова, чтобы викинги, грабившие берега своего бывшего отечества, не могли там отсиживаться. Харальд прошел на юг через Гебриды до острова Мэн, а вернувшись в Оркни, даровал Северные острова своему союзнику, ярлу Рёгнвальду из Мёре (умер около 895 г.), в компенсацию за гибель его сына Ивара, убитого при завоевании островов. Рёгнвальд же хотел заниматься делами своего норвежского владения и подарил Оркни брату, Сигурду Могучему (умер около 892 г.), которого и следует считать истинным основателем графства Оркни. Харальд Прекрасноволосый знаменит, прежде всего, тем, что это первый монарх, правивший всей Норвегией, и вполне закономерно, что он попытался распространить свою власть и на норвежские колонии в Северном море. Вместе с тем сага вряд ли исторически точна, так как в старых ирландских анналах написано, что острова покорял сам Рёгнвальд примерно в те же годы, когда даны захватили Йорк (866 г.), – слишком рано, чтобы в деле мог участвовать Харальд.

Сигурд заключил союз с предводителем гебридских викингов Торстейном Рыжим, и вместе они захватили Сатерленд, Кейтнесс и отдельные области Аргайла и Мори. Погиб Сигурд, если верить «Саге об оркнейцах», самым необычным образом. Он условился о мирных переговорах с шотландским ярлом по имени Маэл Бригте, предположительно правителем Мори. Стороны договорились прибыть к месту переговоров в количестве не более 40 человек, однако в урочный день Сигурд решил, что не стоит доверять скоттам, и посадил на 40 лошадей 80 человек. Маэл Бригте, честно выполнивший уговор, заметил обман слишком поздно. Морийцы сражались отважно, но враги одолели их и убили всех. В те дни гэлы еще не отошли от древнего

кельтского обычая забирать головы поверженных врагов как трофеи и не задумывались о том, что за пленников можно требовать выкуп. Сигурд тоже придерживался этого обычая и цеплял головы убитых врагов у седла в знак торжества. Маэл Бригте носил прозвище Зубастый. Садясь на коня, чтобы отправиться в обратный путь, Сигурд оцарапал икру о торчащий изо рта Маэла зуб. Эта маленькая ранка воспалилась, и Сигурд умер от заражения крови: Маэл Бригте, очевидно, не особенно заботился о гигиене полости рта. Сигурда похоронили под курганом неподалеку от устья реки Ойкель, предположительно в Сидерхолл-фарм, неподалеку от Дорноха. В XIII в. эта деревня звалась Сивардох, что происходит от древнескандинавского Sigurðarhaugr (курган Сигурда), хотя сегодня никакого кургана там не видно.

Кровавый орел

После смерти Сигурда начались годы смуты. Ярлом стал его сын Гутторм, но всего лишь через год он умер бездетным. Рёгнвальд посадил в ярлы своего сына Халлада, но тот оказался слабым правителем. Викинги обычно грабили друг друга, и разобщенные скандинавские поселения на Северных островах оказались такими же уязвимыми для разбойников, как прежде пиктские. Халланд скоро выбился из сил, пытаясь защитить острова, и, отказавшись от графства, вернулся в Норвегию на всеобщее посмеяние. На следующий год ярлом захотел стать младший из сыновей Рёгнвальда, Эйнар, безобразный, слепой на один глаз и рожденный от рабыни. Рёгнвальд не ждал от Эйнара особых успехов и якобы сказал ему, что тот «вряд ли управится на славу». Вскоре после того, как Эйнар стал ярлом, Рёгнвальда убил в ссоре Хальфдан Высоконогий, один из многочисленных сыновей короля Харальда Прекрасноволосого. После убийства, спасаясь от гнева отца, Хальфдан бежал из Норвегии. Приплыв в Оркни, он принялся нападать на поселенцев и объявил себя королем. Эйнар бежал в Шотландию, но не прошло и года, как он вернулся, разбил Хальфдана в морском бою и захватил его в плен. «Сага об оркнейцах» гласит, что Эйнар сделал из убийцы своего отца «кровавого орла» в жертву Одину, даровавшему оркнейцам победу. Узнав об ужасной смерти сына, Харальд Прекрасноволосый снарядил экспедицию в Оркни и заставил Эйнара уплатить компенсацию, эквивалентную примерно 13,6 кг золота. Тот обратил дело к своей пользе. Скандинавские поселенцы в Оркни пользовались землей по праву «одаля», то есть полной собственности. Эйнар сказал подданным, что заплатит

весь выкуп из своего имущества, не облагая их дополнительными податями, если они согласятся уступить ему право владения землей. Большинство поселенцев согласились и превратились в арендаторов графа. В оркнейском фольклоре Эйнар считается основателем традиции использования торфа для топлива на безлесных островах. За это он получил прозвище Торфяной.

Эйнар мирно умер в свой постели приблизительно в 920 г., и после него графством совместно правили три его сына: Арнкель, Эрленд и Торфинн Крушитель Черепов. Эрлы радушно встретили изгнанного норвежского короля Эрика Кровавую Секиру и позволили ему обосноваться на Оркнейских островах, откуда он отправлялся в походы в Шотландию и Йорк, который безуспешно пытался захватить. Арнкель и Эрленд погибли, сражаясь на стороне Эрика при Стейнморе в Англии в 954 г., и дальше Торфинн правил один до самой смерти (около 963 г.). Несмотря на его жуткое прозвище, правление Торфинна, похоже, не изобиловало событиями – знак того, что он, вероятно, был хорошим правителем. Если в чем-то Торфинн оступился, так это в том, что родил слишком много сыновей, не ладивших между собой. Их несогласием воспользовались правители Мори, попытавшиеся захватить Кейтнесс, но не преуспевшие. Спокойная жизнь вернулась, когда ярлом стал внук Торфинна Сигурд Могучий (около 985 г.). Он отражал скоттов на границах Кейтнесса и Сатерленда и в битве при Скиттен-Майр в Кейтнессе разбил морийского мормэра Финлеха. Согласно сагам, Сигурд сражался под волшебным знаменем с изображением ворона, сотканным его матерью, ирландской принцессой Эйтни, имевшей славу провидицы. Волей Одина знамя приносило победу, но всякий, кто его нес, неизбежно погибал. В битве с Финлехом, как гласит предание, у

Сигурда сменились три знаменосца, прежде чем он одержал верх. В 995 г. Сигурд принял крещение, что позволило ему вторым браком выгодно жениться на дочери короля Шотландии Малкольма II, имени которой мы не знаем. Их сын Торфинн получал христианское воспитание при дворе Малкольма в Шотландии. Обращение же Сигурда было, вероятно, неискренним, так как конец свой он нашел в 1014 г. в битве при Клонтарфе под волшебным знаменем с вытканным вороном.

Расцвет графства

После Сигурда Оркни правили его сыновья Бруси и Торфинн, с трудом разделившие графство между собой. Бруси был человеком миролюбивым, Торфинн же вскоре обнаружил задатки великого воина, возглавив первый разбойничий поход в возрасте 15 лет – случай совсем не исключительный для викинга высокого происхождения. Торфинн, пользовавшийся поддержкой шотландского короля, имел более прочное положение, чем Бруси. Когда они заспорили о разделе графства, Бруси обратился к норвежскому королю Олафу II (святой Олаф) с просьбой рассудить их. Олаф увидел в этом удобный случай утвердить в Оркни власть Норвегии: после смерти Харальда Прекрасноволосого уже век острова оставались, по сути дела, независимыми. Олаф, конечно, понимал, что, если связи Торфинна с королем Малкольмом еще хоть немного укрепятся, Шотландия может объявить Оркни своим, и, стремясь это предотвратить, настоял, чтобы оба брата, перед тем как он станет судить их спор, присягнули ему на верность. Это вынудило Торфинна объявить, кому он на самом деле верен. Соглашение держалось до смерти Бруси (около 1035 г.), а потом Торфинн захватил власть над всем графством, не обращая внимания на права сына Бруси Рёгнвальда, жившего в Норвегии.

После смерти Малкольма в 1034 г. связи Торфинна с Шотландией разорвались. Саги рассказывают, что новый шотландский король Карл Хундасон в 1035 г. захватил Кейтнесс, а после отправился покорять Оркни на 11 больших ладьях. В истории Шотландии не было правителя по имени Карл Хундасон. Имя этого короля означает «сукин сын», то есть это просто оскорбительное прозвище, но чье? После Малкольма

трон Шотландии унаследовал его внук Дункан, двоюродный брат Торфинна, и он определенно никогда не вторгался в Оркни. Если учесть долгую историю конфликтов между Оркни и Мори, вероятнее всего, этим Карлом назван морийский мормэр, а в то время им был Макбет. Торфинн разбил флот морийцев в жестоком морском бою у Дирнеса близ восточного побережья Оркни и тут же нанес ответный удар, высадившись в Мори. У Тарбат-Несс, на северном берегу залива Мори-Ферт, Торфинн наголову разбил войско «Карла», после чего присоединил к своему графству Росс, и так территория Оркни доросла до своего исторического максимума.

В 1037–1038 гг. норвежский король Магнус Добрый дал Рёгнвальду Брусасону корабли и отправил его требовать отцовскую долю в графстве. Восемь лет Торфинн с племянником вполне мирно делили власть над Оркни и нередко сообща ходили в военные походы, но в итоге все же заспорили о справедливом разделе. Рёгнвальд держался того, что лишь король может рассудить, как следует разделить графство. Торфинн не хотел об этом и слышать: он жалел, что некогда подчинился отцу Магнуса, королю Олафу. Рёгнвальда любили простые люди, но он понимал, что за Торфинном – большая военная сила, и отправился в Норвегию просить помощи у короля Магнуса. Магнус дал Рёгнвальду людей и корабли, но в Оркни Торфинн разбил флот Рёгнвальда в морском бою в проливе Пентленд-Ферт. Рёгнвальд бежал в Норвегию, но затем в начале зимы тайно вернулся в Оркни на одном корабле. Опасаясь штормов, викинги редко пускались в дальние морские походы после осеннего равноденствия, так что Рёгнвальд застал Торфинна врасплох, когда тот вечером пировал со своими дружинниками. Люди Рёгнвальда заперли снаружи все входы в пиршественный дом и подожгли его

соломенную крышу. Запертые воины Торфинна не могли оказать никакого сопротивления. Рёгнвальд позволил выйти из дома женщинам и рабам, но Торфинна с дружиной оставил гореть. Торфинну удалось вырваться через пролом в стене и за клубами дыма скрыться незамеченным. Найдя на берегу лодку, ночью он переплыл Пентленд-Ферт и с доверенными друзьями затаился в Кейтнессе, чтобы Рёгнвальд поверил, будто он погиб в огне. Теперь элемент неожиданности был на стороне Торфинна, и накануне Рождества он подстерег Рёгнвальда на маленьком островке Папа-Стронсей и убил его. Позже Торфинн захватил 30 воинов короля Магнуса, приплывших на Оркни вместе с Рёгнвальдом, и казнил всех, кроме одного, которого отправил в Норвегию с вестью к королю. Это означало формальное объявление независимости. Магнусу, занятому войной с данами, оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре. Вскоре после этого он умер, а его наследник Харальд Суровый, увязнув в войне против данов, вовсе махнул на Торфинна рукой. Теперь, никем не теснимый, Торфинн стал фигурой европейского масштаба и принялся вести себя не как предводитель морских разбойников, а как христианский западноевропейский монарх. Вскоре после смерти Магнуса (1047 г.) он отправился в паломничество в Рим, проехав через Норвегию, Данию и Германию. Его с почестями встретил датский король Свен Эстридсен, а в Германии – и император Священной Римской империи Генрих III, самый могущественный из европейских монархов. Вернувшись в Оркни, Торфинн покончил с морским разбоем и погрузился в создание объединяющей все графство административной и церковной системы. У себя при дворе в Бирсее, на северном побережье острова Мейнленд, он выстроил собор под кафедру Генриху Лундскому, первому Оркнейскому архиепископу. Ярл Рёгнвальд тоже был

христианином и вскоре после возвращения в Оркни в 1037–1038 гг. построил в Керкуолле церковь во имя святого Олафа. От этой церкви, давшей название всему городу (Kirkjuvágr – древнесканд. «церковный ручей»), осталась единственная романская арка, перенесенная с ее изначального места и ныне ставшая частью более поздней постройки в глухом переулке.

Торфинн умер от старости в 1065 г. За свои достижения он удостоился прозвища Могучий, но никогда не был популярен у подданных, и многие считали его царствование деспотией, вероятно, из-за того, что он успешнее предшественников, не столь умелых администраторов, собирал налоги и дань. В средневековой Европе реакцией на смерть сильного властителя нередко были попытки подданных вернуть себе часть былых вольностей. Чтобы достижения Торфинна сохранились, нужен был сильный преемник, но такового не оказалось. Сыновья Торфинна Пол и Эрленд правили графством совместно. Ни один из них не обладал сильным характером, а Эрленд был и вовсе тюфяком. Братья сохраняли дружеские отношения меж собой и пользовались популярностью в народе, но так и не стали воинами и не смогли бы сохранить независимость Оркни.

Королевство Мэн

Упадок Оркнейского графства открыл дорогу для возвышения другого скандинавского государства, Королевства Мэна и островов, центр которого находился на острове Мэн. О политической ситуации на острове в первые 100 лет после заселения его норманнами почти ничего не известно, но, вероятно, в это время он был в сфере влияния дублинских викингов или ирландских королей. Остров Мэн удобно расположен посреди Ирландского моря недалеко от берегов Англии, Уэльса, Ирландии и Шотландии: все эти страны видны с него в хорошую погоду. Множество норманнских серебряных кладов, найденных на острове, говорит о том, что выгодное расположение принесло Мэну процветание: возможно, он обогатился на торговле, а возможно, как удобная пиратская гавань. О зарождении мэнской монархии мы мало что знаем. Самым ранним из известных королей Мэна принято считать Маккуса Харальдссона, викинга, бороздившего Ирландское море в 971–984 гг. Его упоминают как «короля многих островов», но входил ли в их число Мэн, точно не известно. У Маккуса был брат Гудред Харальдссон, промышлявший в тех же водах и в ирландских источниках именовавшийся «королем островов чужеземцев» (rí Innse Gall), но Мэн в составе этого королевства опять-таки не упоминается. Гудред особенно усердно грабил Уэльс, а самым крупным его успехом был набег на Англси в 987 г., когда он взял 2000 пленных для продажи в Дублине. Предположительно, Гудред пережил брата на несколько лет и погиб в сражении в Аргайле около 989 г.

Первый точно идентифицируемый король Мэна – Гудред Ситрикссон, умерший в 1070 г., корону которого унаследовал его сын Фингал. Смерть Фингала в хрониках не датирована, и он вполне мог править Мэном в 1079 г., когда остров захватил Гудред Крован, норманно-гэлльский викинг с Айлея, и присоединил его к королевству Гебридов. Первый раз Гудред попал на Мэн в конце 1066 г. как беглец, уцелевший после сокрушительного разгрома, который потерпело войско конунга Харальда Сурового от англичан в битве при Стэмфорд-Бридж, недалеко от Йорка. Гудред Ситрикссон принял его, однако после смерти Гудреда Крован уплыл на Гебриды и в 1079 г., собрав войско и флот, пришел как завоеватель. Дважды мэнцы разбивали его и заставляли отступить. Гудред собрал армию в третий раз и под покровом ночи высадился в бухте Рамси. Он устроил мэнцам ловушку, спрятав 300 воинов в лесу на склоне холма Скайхилл, примерно в 1,5 км от места высадки. На рассвете мэнцы вступили в бой с Гудредом. Когда наступил решающий момент сражения, засада вышла из лесу и напала на мэнцев с тыла, рассыпав их строй. Если Фингал еще был королем, то он, скорее всего, погиб в этой сече. После битвы Гудред отдал остров на разграбление своим людям, а потом разделил его на северную и южную части. Юг остался уцелевшим мэнцам, а север отошел воинам, приплывшим с Гудредом с Гебридов. Но владеть землей не мог на острове никто, будь он хоть мэнец, хоть гебридец: всю землю по праву победителя присвоил Гудред, и обитатели острова стали его арендаторами. Гудред правил Мэном и Гебридами как единым королевством, позже он обложил данью Гэллуэй, а между 1091 и 1094 гг. его признавали королем Дублина. Мэн и острова Гудред разделил на пять административных округов, которые посылали 32 делегата на ежегодный тинг, проходивший в Тинвальде

(парламенте) на острове Мэн. Парламент и поныне раз в год собирается на том же месте, под открытым небом оглашая принятые за год законы, – таким образом, это, видимо, старейший непрерывно функционирующий законодательный орган в мире.

Гудред умер на острове Айлей в 1095 г., оставив троих сыновей: Лагмана, унаследовавшего трон, Харальда и Олафа, который был еще ребенком. Вскоре Харальд поднял мятеж против Лагмана, однако был схвачен, ослеплен и оскоплен. Затем, ужаснувшись содеянному, Лагман отрекся от престола и отправился в покаянное паломничество в Иерусалим, а в пути умер, оставив королевство без правителя. Мэнские аристократы обратились к могущественному королю Мунстера Муйрхертаху Уа Бриайну с просьбой предоставить Мэну регента до тех пор, пока не подрастет Олаф Гудредссон. Посланный Муйрхертахом регент оказался тираном, и через три года его свергли. Вскоре после этого на острове случилась распря между коренными мэнцами и гебридскими поселенцами, закончившаяся битвой на Сэнтуоте (принято считать, что это остров Сент-Патрик), в которой погибли многие важные люди острова.

В 1097 г. норвежский король Магнус Голоногий (правил в 1093–1103 гг.) прислал на Гебриды своего человека по имени Ингемунд провозгласить норвежский сюзеренитет. Ингемунда злодейски убили, и тогда Магнус решил захватить острова силой. В 1098 г., собрав флот из 60 или 160 кораблей (источники расходятся), он приплыл в Оркни, где отрешил от власти ярлов Пола и Эрленда и отправил их в изгнание в Норвегию. Там они позже и умерли. Вместо них Магнус поставил ярлом своего восьмилетнего сына, положив конец независимости Оркнейского графства, а затем двинулся опустошать Гебриды. По пути он сделал остановку для почтительного и благоговейного

посещения Айоны, после которого продолжил привычные занятия: убийства, разорение, грабеж. Обращение в христианство никак не сказалось на военной этике норманнов. Высадившись, наконец, на острове Мэн, Магнус не встретил никакого сопротивления. Он побывал на Сэнтуоте и увидел, что остров все еще усеян останками воинов, павших в недавней битве. В тот ли момент или еще во время упомянутых столкновений, с Мэна пришлось бежать юному Олафу Гудредссону, который нашел покровительство при английском дворе.

Магнус в этом походе добился от скоттов признания норвежского владычества на «всех островах у западного берега, отделенных водой, которой пройдет хоть какое-нибудь судно с кормилом». Саги повествуют, что Магнус обманом отнял у шотландского короля Эдгара полуостров Кинтайр, велев протащить ладью, в которой сел на руле, через сухой перешеек в Тарберте. С острова Мэн Магнус плавал собирать дань в Гэллоуэй и на Англси, остров у западного побережья Уэльса. На Англси также претендовали нормандцы, и в проливе Менай он разбил флот двух графов, Гуго Толстого Честерского и Гуго из Шрусбери, причем последнего убил лично, поразив его стрелой в лицо.

В 1099 г. Магнус уплыл в Норвегию, чтобы разрешить какой-то спор со Швецией, но в 1101 или 1102 г. вернулся на Мэн и год или два провел в набегах на Ирландию вместе с королем Муйрхертахом. В Ирландии Магнус приучился носить гэльский килт вместо скандинавских штанов, за что и удостоился прозвания Голоногий. Муйрхертаху поддержка Магнуса понадобилась, чтобы одолеть короля Айлеха Домналла, и в награду он отдал Магнусу Дублин. Магнус уже почти обеспечил себе полное господство во всем Ирландском море, но в августе 1103 г. его славный путь внезапно оборвался: он собирал продовольствие для войска на

севере Ирландии, попал в засаду ирландцев и погиб. Ему было всего 30. Это последний из скандинавских королей, погибший в пиратском походе. Многие из ближайших советчиков Магнуса считали, что он слишком беспечен в сражениях, но он неизменно отвечал: «Предназначение короля – не долгая жизнь, а слава», и эти слова – подходящая эпитафия многим царствованиям эпохи викингов.

В итоге скандинавские колонии на Северных островах и на Гебридах лишили независимости не соседи скотты, а норвежская монархия. Вместе с тем острова находились на самом краю ее сферы влияния, и жизнь скоро покажет, смогут ли наследники Магнуса удержать его завоевания.

Глава 5
Дублин и Кашел
Викинги в Ирландии, 795–1014



Едва ли найдется на свете страна, пострадавшая от викингов больше, чем Ирландия. Добрых 200 лет норманны систематически вывозили ее народ на продажу в рабство, однако при всех своих военных успехах не смогли ни захватить, ни колонизировать здесь ни клочка земли, исключая несколько укрепленных прибрежных анклавов. Такова загадка норманнской эпохи в Ирландии: эта страна казалась слабой, а на деле была сильной и живучей. Со стороны викинги могли принять Ирландию за легкую добычу. Нет сомнений, что в Англии и в империи франков внутренняя раздробленность сыграла викингам на руку, и если так, то почему было не ждать того же в Ирландии, самой раздробленной из стран Западной Европы? В раннем Средневековье она представляла собой мозаику примерно из 150 королевств и около дюжины их объединений. Королевства, так называемые туаты, обычно были совсем невелики – часто не более 260 кв. км площадью и с населением в несколько тысяч душ – и скорее понимались как «народ» или «сообщество», чем как определенная территория. Народ туата, по крайней мере в теории, представлял собой клановое сообщество, родовую группу, а король (риаг) был главой самого знатного рода. Он отвечал перед народом за плодородность земли и стад, то есть за благополучие людей: пережиток языческих времен,

когда вождь, не сумевший обеспечить процветания, приносился в жертву богам. Также на риаге лежали обязанности устанавливать законы, вершить суд и командовать на войне. За это все свободные домовладения туата платили риагу подать (обычно натурой) и несли воинскую повинность. Сами местные короли обязаны были платить дань (обычно скотом), оказывать гостеприимство и служить на войне со своими воинами королю рангом выше, который, в свою очередь, то же самое должен был верховному королю. Вместе с тем верховные короли не правили за пределами собственных туатов, их власть заключалась в возможности привлекать на службу нижних королей. Самого же могущественного короля тех дней можно назвать верховным королем Ирландии (rí Érenn), но это не был формальный пост с установленными законами престолонаследия. Отношения между королевствами постоянно менялись. Местный король с незаурядными военными талантами и большими запросами мог организовать сильное воинское формирование и выйти в короли рангом выше, заставив других местных платить ему дань. Так или иначе к VIII в. в Ирландии сложились несколько династий королей, самыми могущественными из которых были северная и южная династии Уи Нейлл, правившие в северо-восточном Ольстере и в Миде соответственно. Стороннему взгляду раннесредневековая Ирландия показалась бы резко раздробленной и неуправляемой страной, и на самом деле военные конфликты между королями были там повальным бедствием. Но это в высшей степени рассредоточенная политическая структура окажется невероятно живучей и вполне способной выдерживать удары норманнских захватчиков и непрестанно сопротивляться.

В отличие от Англии и Франкии, где доминировали даны, в Ирландию вторгались преимущественно

норвежцы, которые добирались туда через Северные острова и Гебриды. В Ирландии викинги начинали точно так же, как в Англии и на континенте: от нападений малыми отрядами на уединенные прибрежные монастыри они постепенно перешли к устройству постоянных поселений и круглогодичному грабежу и захвату пленных по всей стране. Первые упомянутые в летописях вторжения норманнских пиратов в Ирландию относятся к 795 г.: те же самые викинги, что разграбили Айону, разорили монастырь на острове Рехру, как тогда назывался либо Ламбей к северу от Дублина, либо Ратлин у северного берега Ирландии. В 830-х стали приходить крупные флотилии, числом кораблей около 60. Западного, дикого и гористого берега Ирландии, столь похожего на западное побережье Шотландии, викинги после разграбления всех тамошних островных монастырей избегали по причине его бедности. Они сосредоточили усилия на плодородном и густонаселенном восточном берегу и на обширной Центральной низменности. В 836 г. пиратский флот впервые проник вглубь страны, поднявшись по самой протяженной из ирландских рек, Шаннону, и разграбив богатые монастыри Клонмакнойс и Клонферт. На следующий год ладьи викингов прошли из залива Донегол в озеро Лох-Эрн и принялись грабить монастыри на его берегах. Другая флотилия напала на монастырь Аха-Клиах (на месте современного Дублина), третья разбойничала в долине реки Бойн, а четвертая вновь пошла в Шаннон. Покоя не было нигде: «Море выбрасывало на Эйре чужезмецев, как волны, и не было здесь места, чтобы не качались на воде чужие суда», – писал летописец.

Хотя ирландцы зачастую оказывали ожесточенное сопротивление, мобильность давала викингам преимущество, и во многих случаях им удавалось ускользнуть, не встретив сопротивления вовсе: святые

спали и не защищали свои монастыри. Монахи дрожали в кельях и молились о скверной погоде, чтобы норманнские ладьи не вышли в море. Ирландские короли-соперники редко соглашались помогать друг другу, так что норманны ловко играли на их розни. Большинство королей смотрели на викингов исключительно прагматически, относясь к ним как к одному из многих факторов сложной политической географии Ирландии, и нередко короли охотно вступали с норманнами в союз, рассчитывая, что те помогут ослабить враждебное королевство. Где-то и сами ирландцы, пользуясь хаосом, посеянным викингами, собирались в ватаги и принимались грабить «по образу поганых». Одну из таких ватаг в 847 г. истребил могущественный Маэлсехнайлл мак Маэл Руанайд, верховный король Миде (правил в 845–862 гг.) из южной династии Уи Нейлл.

Первый лонфурт

В 839 г. в тактике викингов произошла существенная перемена. Норманнский флот вошел по реке Банн в озеро Лох-Ней. Вместо того чтобы после грабежа уплыть, норманны построили на берегу озера укрепленный лагерь, из которого три лета подряд совершали набеги на центральные области Ольстера. Это был первый из многих подобных лагерей – ирландцы звали их лонфуртами (longphuirt), – которые в следующие несколько лет построят на ирландской земле викинги, стремительно наращивая свое присутствие. Появление лонфуртов повлияло на динамику норманнских кампаний в Ирландии. Теперь викинги находились там постоянно и могли совершать набеги круглый год, но в то же время они потеряли в мобильности и стали более уязвимы для ответных ударов.

Флотом, пришедшим в Лох-Ней, предводительствовал викинг, у ирландцев звавшийся Тургейс, то есть, вероятно, по-древнескандинавски Торгест или Торгильс. Происхождение Тургейса неизвестно, но, скорее всего, он приплыл с Гебридов, поскольку союзниками его были *gall-gaedhil*, те самые «чужеземные гэлы», потомки от браков скандинавских поселенцев с местными гэльскоговорящими женщинами. Главным подвигом Тургейса было троекратное разорение в 840 г. аббатства Сент-Патрик в Арме: на третий раз Тургейс для надежности сжег его. Арма была особенно лакомым куском для пиратов: помимо драгоценных ковчегов и священных сосудов в обители хранились королевские реликвии многих ирландских королей, полагавшихся на защиту святого покровителя. Пострадали от нападений не только

монахи. Обитель окружал город ремесленников, коммерсантов, рабочих и других людей, обслуживавших нужды этого славнейшего из всех духовных центров Ирландии. Чем Тургейс был занят в следующие несколько лет, неизвестно, однако некоторые историки считают, что именно он предводительствовал викингами, заложившими в 841 г. крепость, которой суждено было стать самым успешным лонфуртом, – Дублин. В 844 г. люди Тургейса поднялись по реке Шаннон до озера Лох-Ри и построили на берегу озера новый лонфурт, откуда совершали вылазки по всей Центральной Ирландии. На следующий год, когда викинги потерпели от ирландцев первое серьезное поражение, Тургейс попал в руки Маэлсехнайлла, который и утопил его в озере Лох-Оуэл, что в графстве Уэстмит.

Слава Тургейса постоянно росла, и после смерти он стал символом всего злого, что несли с собой викинги. В яркой, но вряд ли правдоподобной хронике XII в. о норманнском нашествии «Война ирландцев с чужеземцами» Тургейс изображен королем всех викингов Ирландии, жаждущим завоевать остров целиком. Этот Тургейс – воинствующий язычник, он изгоняет из Армы настоятеля и провозглашает себя верховным жрецом. Его жена Ота (вероятно, Ауд) не меньшая злодейка: творит ведовские ритуалы в главном алтаре аббатства Клонмакнойс. Это не так уж невероятно, поскольку Ота, возможно, была вёльвой, то есть почитаемой прорицательницей, способной предсказывать будущее. По свидетельству валлийского клирика Гиральда Камбрийского, в 1180-х гг. путешествовавшего по Ирландии, Тургейс успешно завоевал всю страну, но погиб из-за своей слабости к женскому полу. Он увлекся дочерью короля Маэлсехнайлла, и тот, «затаив в сердце своем ненависть», пообещал отдать ее Тургейсу на одном из

островов на озере Лох-Оуэл вместе с еще 15 красавицами. Обрадованный, Тургейс прибыл на условленное место с 15 ближними дружинниками, предвкушавшими любовное свидание. Однако Маэлсехнайлл приготовил ловушку. Его дочь ждала Тургейса на острове не с 15 девами, но с 15 отборнейшими молодыми воинами, чисто выбритыми и наряженными в женские платья, под которыми скрывались ножи. Тургейса и его беспечных спутников закололи «во время объятия». Скорее всего, Гиральд рассказал эту историю не ради того, чтобы похвалить ирландскую хитрость, а лишь потому, что она подтверждала его собственные предубеждения: он считал ирландцев законченными лгунами, шайкой мошенников, которые всегда замышляют зло.

За этим последовали новые поражения викингов. В 848 г. ирландцы одержали верх в четырех крупных сражениях, убив, согласно «Анналам Ольстера», более 2000 норманнов. Ирландский хронист называет этих убитых «головами»: ирландцы тогда еще не оставили древнего кельтского обычая собирать головы врагов как трофеи и редко брали пленных. Затем в 849 г. Маэлсехнайлл разорил Дублин. Многие викинги, деморализованные этими поражениями, отправились во Францию искать добычи полегче. А норвежцы получили очередной чувствительный удар в 851 г.: сильное войско данов изгнало их из Дублина. На следующий год норвежцы потерпели от данов сокрушительное поражение в трехдневном сражении у Карлингфорд-Лох в графстве Даун. Но вторжение данов в Ирландию не продлилось долго: в 853 г. братья Олаф и Ивар вернули норвежцам Дублин и вытеснили данов.

Королевство Дублин

Прибытие в Дублин в 853 г. Олафа и Ивара стало поворотным моментом в истории ирландских викингов. Олаф и Ивар (в ирландских хрониках именуемые Амлайб и Имхар) стал первыми королями Дублина, и под их властью город превратился из полевого лагеря в главный административный центр всех викингов на островах Ирландского моря. В ирландских источниках Олаф и Ивар считаются сыновьями Гофрайда, короля Лохланна (гэльское название Норвегии), но их происхождение остается неясным. Большинство нынешних историков считают, что Олаф – это король Дублина Олаф Белый из исландских саг. Попытки отождествить Ивара с легендарным Иваром Бескостным неубедительны: отцом Бескостного был столь же легендарный Рагнар Кожаные Штаны, который, если вообще существовал, был, вероятнее всего, даном. Куда более определенно мы знаем, что в следующие 200 лет потомки Ивара и Олафа, именуемые у ирландцев династией Уи Имар, будут господствовать в Ирландском море и на его берегах.

Мы мало знаем о Тургейсе и Томрайре, чтобы судить об их мотивах: хотели ли они основать в Ирландии норманнское государство или просто воевали ради наживы? А вот об Иваре и Олафе твердо можно сказать, что они строили здесь свое королевство, потому что с самого начала обложили данью всех воевавших в Ирландии норманнских вождей. По ирландским хроникам трудно понять, сколько их было, но едва ли меньше трех-четырех. Стараясь укрепить свои позиции, братья как могли обращали к своей выгоде сложные политические раздоры ирландских королей. В 859 г. Ивар и Олаф заключили союз с королем Осрайге

Кербаллом мак Дунлайнге (правил в 842–880 гг.) против его сюзерена Маэлсехнайлла. Саги рассказывают, что стороны скрепили союз браком Олафа с одной из дочерей Кербалла. Едва ли христианский король выдал бы дочь за язычника, а значит, если саги не врут, Олаф, по крайней мере, крестился. В 858 г. Ивар и Кербалл вместе совершили поход в Лейнстер и в Мунстер против «чужеземных гэлов». На следующий год Олаф, Ивар и Кербалл вторглись в Миде, королевство Маэлсехнайлла. Но, когда Кербалл сумел договориться с Маэлсехнайллом, он бросил своих скандинавских союзников. Тогда Ивар с Олафом нашли нового партнера, Аэда Финдлиата (правил около 855–879 гг.), короля Ольстера из северной династии Уи Нейлл. Вместе они опустошали королевство Маэлсехнайлла в 861 и 862 гг. В 862 г. Маэлсехнайлл умер, и Олаф с Иваром стали поддерживать его преемника Лоркана в борьбе против Аэда Финдлиата. Союз с братьями нисколько не прибавил Лоркану авторитета, особенно когда в 863 г. в поисках сокровищ они разрыли неолитические могильные курганы в Науте на реке Бойн. Пусть насыпанные язычниками, эти древние курганы, окруженные легендами, весьма почитались ирландцами, и их осквернение было воспринято как дикость даже по разбойничьим меркам норманнов. На следующий год Аэд схватил опозорившегося Лоркана, ослепил и вынудил отречься.

Больше добровольных союзников у Олафа с Иваром не было, и в 866 г. они снарядили свои ладьи и отправились за Ирландское море грабить Пиктленд в союзе с иностранными гэлами. Аэд, ставший верховным королем, воспользовался отсутствием братьев – разграбил и разрушил все норманнские лонфурты в Ольстере. Поле победы над викингами у озера Лох-Фойл Аэд привез 240 голов. Насколько ограничена была власть викингов на землях Ирландии, ярко показали

события 867 г., когда союзник Аэда король Лойгиса Кеннетиг разрушил пограничную крепость Олафа в Клондолкине и тут же пошел и разграбил находящийся в 8 км Дублин. Олаф на тот момент был в союзе с северными Уи Нейлл и Лейнстером против Аэда. Аэд разгромил их альянс в битве при Килинире (графство Лаут) в 868 г.: среди убитых оказался один из сыновей Олафа. В 869 г. Олаф нанес ответный удар, полностью разорив Арму и угнав 1000 пленников для продажи на невольничьем рынке. Это был болезненный удар по авторитету Аэда – он должен был обеспечить монастырю защиту. После этого успеха Олаф с Иваром переплыли в Стратклайд и осадили его столицу Альт Клут, крепость на вершине утеса Дамбартон-рок над рекой Клайд. После четырехмесячной осады Альт Клут пал, и братья вернулись в Дублин с богатой добычей. На следующий год они вновь пошли в Стратклайд, и в этот раз привели оттуда «множество пленников-англов, бретонцев и пиктов». В 872 г. братья вернулись и грабили Миде, но на следующий год Ивар умер от «внезапной жуткой хвори». Олаф прожил до 874 или 875 г.: он погиб в битве при Долларе, в Клакманнаншире, сражаясь против Константина I Шотландского.

Со смертью Ивара и Олафа началась, как гласит «Война ирландцев с чужеземцами», «сорокалетняя передышка» – долгий период, продлившийся до 914 г., когда викинги в Ирландии не были особенно активны. Оставшись без сильного военного предводителя, какими были Олаф и Ивар, Дублин под властью их часто сменявшихся преемников потерял политическую устойчивость. Первым наследником Олафа на дублинском троне стал его сын Ойстин (Эйстейн), который правил самое большее год: он погиб, когда Дублин захватили даны под началом некоего Албанда, как его именуют ирландские летописи. Этот Албанд,

скорее всего, был Хальфданом, датским королем Йорка. Аэд Финдлиат поспешил на выручку своим норманнским союзникам, быстро выбил Албанда из Дублина и посадил на трон Барда, сына Ивара. В 877 г. Албанд вновь приплыл в Ирландию, но был убит в сражении против дублинских викингов у озера Стрэнгфорд-Лох. Однако его мечта о соединении Дублина и Йорка в одно королевство на разных берегах Ирландского моря не умерла. Бард скончался в 881 г., и после него быстро сменилось шесть правителей, ни один из которых не смог помешать упадку Дублина. В 902 г. король Лейнстера Кербалл мак Муйрекайн и король Бреги Маэл Финниа, сговорившись, одновременно напали на Дублин с севера и с юга, и после жестокой сечи норвежцам пришлось бежать на суда. Беглецы направились в основном в Северный Уэльс и в Северо-Западную Англию. Первая эпоха викингов в Ирландии закончилась.

От лонфурта до города

Большая часть норманнских лонфуртов просуществовала недолго: они пришли в запустение или были разрушены ирландцами. Дублин – один из немногих лонфуртов (еще были Вексфорд, Уотерфорд, Корк и Лимерик), превратившихся в настоящие города. У этих немногих есть одно общее – в каждом была удобная приливная гавань. Территория бывшего норманнского лонфурта в Дублине сейчас застроена позднейшими зданиями. Таким образом, археологическое изучение истоков города поневоле ограничивается охранными раскопками на участках, временно расчищенных под новую застройку. Следы ранних норманнских поселенцев, в том числе воинские захоронения, постройки, корабельные клепки и предполагаемая оборонительная стена, обнаруженные в раскопках на Шип-Стрит-Грейт и Саут-Грейт-Джордж-стрит, подсказывают, что лонфурт, вероятно, находился на том месте, где сейчас стоит Дублинский замок, рядом с Дувьлинем, «черной заводью», от которой город и получил свое английское название. Это был теперь исчезнувший приливный бассейн в месте слияния реки Лиффи и ее небольшого притока Поддла. Еще до постройки лонфурта в Дублине располагался монастырь, и там же был самый нижний брод на Лиффи, носивший гэльское название Аха-Клиа, что значит «брод с жердями». Этот брод стал естественной точкой схода многих дорог, а располагая еще и удобной бухтой, откуда недолго плыть и до Уэльса, и до Северо-Западной Англии, и до Гэллоуэя с островом Мэн, Дублин просто не мог не стать богатым портом и торговым городом. Те же географические особенности делали Дублин идеальной гаванью для пиратов, грабивших не

только в Западной Ирландии, но и по всему Ирландскому морю. Ни один другой лонфурт не обладал таким набором достоинств: Дублину судьбой было предначертано стать главным оплотом викингов в Ирландии.

Изначальный Дублин, вероятно, мало отличался от хорошо сохранившегося лонфурта в Линн Дуахайл, примерно в 65 км дальше на север у деревни Аннагассан в графстве Лаут. Основанная в том же году, что и Дублин, эта крепость построена на месте небольшого монастыря на берегу реки Клайд недалеко от места ее впадения в Ирландское море. Викинги занимали эту крепость до 891 г., пока их не вытеснили ирландцы. Около 914 г. норманны вернулись сюда, но в 927 г. крепость забросили уже навсегда. С тех пор это место оставалось сельскохозяйственным угодьем, и потому, в отличие от Дублина, остатки этого лонфурта почти никто не тревожил. Лонфурт в Линн Дуахайл занимал площадь в 16 га, и в нем могла разместиться армия в несколько тысяч воинов. С береговой стороны крепость защищали вал и ров длиной в 1,2 км, а внутри на возвышенном месте стояла небольшая цитадель. Раскопки обнаружили множество корабельных заклепок, указывающих на то, что здесь ремонтировали, а может быть, и строили морские суда. Куски рубленого серебра и остатки весов говорят о том, что в крепости делили добычу, а железные невольничьи цепи, найденные в реке, свидетельствуют о работорговле. Челнок и пряслице сообщают, что в крепости пряли и ткали. Поскольку воины заниматься этим не могли, значит, с ними жили и женщины. Геофизические данные позволяют предположить, что прибрежная часть была плотно застроена, но это пока не подтверждено раскопками. В Линн Дуахайл не было такой удобной бухты, как в Дублине, и, вероятно, именно потому он не стал настоящим городом.

Норманнская работорговля

Археологические находки показывают, что к 902 г. Дублин перерос границы военного лагеря и превратился в настоящий город. В тот год его захватили ирландцы, но примечательно, что жители город не покинули: есть несомненные указания на то, что и с 902-го по 917-й (год, когда норманны вернули Дублин себе), здесь жили люди. Вместе с тем в эти годы определенно имел место отток скандинавского населения из Ирландии, а значит, в Дублине рядом с норманнами, скорее всего, жило немало ирландцев, которым и позже было позволено остаться: возможно, ирландцы даже составляли большинство, поскольку генетический анализ обнаруживает в современной Ирландии лишь слабое присутствие скандинавской ДНК.

Своим преображением Дублин обязан торговле. Донорманнская Ирландия не играла заметной роли в международном товарообороте, соответственно, там не было городов. сравнимых с Дорестадом или Йорком, и монет не чеканили. Вместе с тем Ирландия не была бедной. Клады удивительных золотых и серебряных сосудов из Ардаха и Дерринафлана показывают, сколь богато жили в раннем Средневековье ирландские монастыри. Крупные аббатства типа Армы и Клонмакнойса были не просто монашескими сообществами, а важными административными и экономическими центрами. Вокруг таких монастырей вырастали поселения мирян, ремесленников и коммерсантов, и к VIII в. некоторые обители превратились в небольшие города. Короли для вящего авторитета и в поисках покровительства искали близости к святым и нередко размещали в таких

монастырских городах резиденции, сокровищницы и гарнизоны. Одного этого хватило бы, чтобы привлечь алчных норманнов, однако главной целью пиратов были людские ресурсы Ирландии.

По грубым оценкам, основанным на подсчете существовавших тогда поселений, выходит, что к началу эпохи викингов численность всего ирландского народа составляла примерно полмиллиона человек. Благодаря мягкой зиме, прохладному лету и достаточному количеству осадков трава в Ирландии растет круглый год, так что скот не приходится держать зимой под крышей. Ирландцам не нужно было беспокоиться летом о заготовке сена: оно могло понадобиться крайне редко. Несмотря на случавшиеся голодные годы, вызванные падежом скота или скверной погодой, ирландцы в целом были достаточно обеспечены, и крайне немногие жили в сильной бедности. Викинги угоняли ирландцев тысячами: ради выкупа или для продажи в рабство – в зависимости от богатства и статуса пленника. В донорманнской Ирландии рабство встречалось редко – как правило, оно служило формой долговой кабалы – и не существовало работорговли. Грабеж на войне обычно ограничивался угоном скота, так что викинги, захватывавшие пленников, принесли ирландцам новые военные тяготы. Наверное, вполне закономерно, что ирландские короли тоже вскоре начали захватывать пленных и продавать их викингам. Невезучие пленники, за которых некому было заплатить, продавались и за границу. Невольничья торговля процветала и в англосаксонской Англии, и во франкских королевствах, но большинство ирландских пленников оказывались в итоге в Скандинавии или в мавританских государствах Испании и Северной Африки. Развернув работорговлю в Ирландии, викинги способствовали ее вовлечению в международные торговые связи. Обычно это обстоятельство

упоминается как одно из полезных для Ирландии последствий норманнского завоевания, однако жертвы пиратов-работорговцев вряд ли относились к этому так же оптимистично.

Мы неплохо осведомлены об ужасах трансатлантической работорговли XVIII в., так что вполне можем представить, как страдали люди, которых продавали в рабство викинги. Экономический ущерб оценить труднее, но очевидно, что норманны предпочитали захватывать молодых и здоровых, а не стариков и детей. Похищение монахов и разрушение ученых монастырских сообществ, вероятно, било по цветущей монастырской культуре Ирландии даже сильнее, чем уничтожение книг и священных сосудов и разорение обителей. Голоса рабов, людей, низведенных до положения товара, редко звучат в письменных памятниках той эпохи, однако два повествования о злоключениях ирландцев, попавших в рабство к викингам, до нас дошли. Одно из них рассказывает о человеке из Лейнстера по имени Финдан, у которого где-то в середине IX столетия норманнские пираты захватили сестру. Отец Финдана послал его к норманнам с выкупом, но те немедленно заковали его в железо и тоже затащили на ладью. Продержав два дня без еды и воды, похитители стали обсуждать, что с ним делать дальше. К счастью, они сошлись во мнении, что было бы неправильно захватывать людей, пришедших платить выкуп, потому что это отпугнет других, и выпустили Финдана, как можно предположить, вместе с сестрой. Спустя недолгое время Финдан опять столкнулся с викингами и сумел избежать пленения, спрятавшись за дверью хижины. Несчастливым для него оказался третий раз: его схватили и продали в рабство. Сменив нескольких хозяев, он, наконец, оказался на корабле, шедшем в Скандинавию. В пути Финдан завоевал расположение хозяина, помогая команде

отбивать нападения пиратов, и с него сняли ножные цепи. Во время стоянки на Оркнейских островах раскованный пленник, улучив момент, выпрыгнул за борт и сбежал. Финдану удалось в конце концов дойти паломником до Рима, и жизнь он окончил монахом в швейцарском монастыре Райнау: там один из братьев и записал вскоре после кончины Финдана его историю.

Вторая повесть рассказывает об ирландце по имени Мурхад, имевшем жену и дочь и вывезенном викингами в Нортумбрию, где его продали в женский монастырь – что имело непредвиденные последствия. Мурхад соблазнил нескольких монахинь и превратил монастырь в притон разврата. В наказание за кощунство его бросили в море в лодке без весел и паруса. Его спасли викинги, привезли в Германию и продали суровой вдове, которая заплатила фальшивой монетой. Ее Мурхад, разумеется, тоже обольстил. После множества других приключений он в конце концов вернулся в Ирландию, воссоединился с семьей и стал учителем латинской грамматики. Сколько в этой истории правды, сказать трудно: наверное, на самом деле она о том, как выходить из переделок с пользой для себя. Едва ли многим пленникам повезло, как Финдану и Мурхаду, но также нет оснований думать, что все они кончили плохо: например, большая часть из тех тысяч рабов, что были привезены в конце IX в. в Исландию, получили свободу и стали вольными земледельцами-арендаторами.

В разделении – сила

К началу X столетия викинги завоевали и заселили значительные области Англии, Шотландии и Франкии, колонизировали необитаемые дотоле Фареры и Исландию. Но в Ирландии, сколь бы яростно они ни сражались, норманнам не удалось захватить ни клочка земли. Видимость бывает обманчива. Междоусобицы ирландцев, наверное, мешали отражать разбойничьи нападения, но вместе с тем из-за них викингам оказалось не под силу захватывать и удерживать ирландские земли. С первого взгляда может показаться, что при ее разобщенности Ирландия была еще менее способна сопротивляться норманнам, чем Англия, разделенная всего на четыре королевства, сильных и централизованных. На деле вышло наоборот. В раннесредневековой Европе именно централизованные королевства было легче всего покорять. С вторжением «великой армии» данов в Англию в 865 г. Нортумбрия и Восточная Англия прекратили сопротивление сразу же после того, как погибли их короли. То же произошло в Мерсии, когда ее король решил, что не хочет погибать, и бежал из страны. И только благодаря устоявшему Уэссексу Англия не превратилась в Данеланд. Централизация власти в англосаксонских королевствах означала, что викинги относительно легко могли уничтожить немногочисленный правящий класс и покорить страну: зачастую все решалось в ходе одного-единственного сражения, как, например, случилось в 1066 г. После победоносной битвы от крестьян, не имевших предводителей, можно было не ждать особых неприятностей. В Ирландии же были десятки королей и еще больше родов, из которых новые короли могли

быть избраны. Поэтому никакая военная победа не могла решительно положить конец сопротивлению, как это происходило в странах, подобных Англии. И никакого прочного мира при таком количестве королей тоже быть не могло: условия, принятые одним, ни к чему не обязывали остальных.

Не стоит также недооценивать и военную мощь Ирландии. Большинство местных королей могли выставить отряд численностью до 300 копий. Этого достаточно, чтобы дать отпор разве что небольшой пиратской флотилии, но ведь таких местных королевств было множество. Местные короли должны были в случае войны вставать под знамена сюзеренов, так что король рангом выше при должном повиновении вассалов мог собрать поистине немалое воинство. Впрочем, в битве сомкнутым строем ирландский воин не мог тягаться с тяжеловооруженным викингом. Ирландцы бились почти голыми, без доспехов и металлических шлемов, вооруженные копьями, а для защиты применяли только баклеры (небольшие круглые щиты). Ирландцы понимали, что уступают норманнам в боевых качествах, и старались избегать сражений в поле, предпочитая партизанские тактики: изматывали вражеские отряды внезапными ударами и засадами, быстро растворяясь в лесах и болотах. В такой войне бездоспешные ирландские воины получали преимущество перед облаченными в кольчугу норманнами. Утомленный отряд викингов, возвращающийся с грабежа и обремененный добычей, пленными и скотом, представлял собой отличную цель для внезапной атаки.

По территории Ирландии было разбросано около 50 000 так называемых «круглых фортов», но они, видимо, служили защитой не столько от викингов, сколько от ирландских же копий. Размеры фортов варьировали в зависимости от статуса их обитателей. Верховный

король располагал внушительной каменной крепостью, такой, например, как форт Грианан Айлех в Донегале, цитадель северных Уи Нейллов. В Грианане возведенные в VIII в. каменные стены 4,5-метровой толщины окружали участок 23 м в диаметре. Однако сколь бы внушительно ни выглядело это строение, современные эксперименты показывают, что защищать его было бы вовсе не просто, так что оно, скорее всего, не служило для обороны, а имело церемониальное назначение. У местных королей и знати форты были поскромнее, попадались не больше 9 м в диаметре, с земляным валом и частоколом, а внутри только жилище хозяина со службами. Ограды этих малых фортов были, прежде всего, признаком статуса: они еще могли бы послужить загоном для скота, но ни в коем случае не защитой от разбойников. Надежнее были кранноги, жилища аристократов, поставленные на искусственных островах в водах озер. Общинных укреплений типа английских бургов, где могли бы укрыться простые люди, в Ирландии не существовало.

В эпоху викингов монахи стали строить в монастырях высокие и узкие круглые каменные башни. Служили они, прежде всего, колокольнями и сокровищницами, но, кроме того, и убежищами на случай нападения викингов. Известно более 80 таких башен: высочайшая из доныне сохранившихся (34,5 м) находится в монастыре Килмакдуа, что в Голуэе. Двери в такие башни устраивались высоко от земли, чтобы попасть туда можно было только с помощью лестницы. У некоторых башен входные проемы сохранили следы пожара, очевидно последствия норманнских штурмов. Не имевшие ни источников воды внутри, ни бойниц для отражения атак, эти башни не выдерживали долгой осады, но небольшие разбойничьи отряды не могли позволить себе задержек.

Викинги возвращаются

Во время ирландской «сорокалетней передышки» норманнские воинства занимались в основном грабежами в Англии и Франкии. Но к первому десятилетию X в. англичане и франки наконец научились противостоять викингам, и те вновь заинтересовались Ирландией. В 914 г. в Ирландском море объявился внук Ивара I Рагнальд. Разбив в морском бою у берегов острова Мэн войско другого норманнского предводителя, он заложил на юго-востоке Ирландии лонфорт Уотерфорд. Викинги вернулись мстить. В 917 г. брат Рагнальда Ситрик Каэх (Слепой) захватил Дублин, а в 919 г. разгромил ирландцев при Айландбридже, убив верховного короля Уи Нейлл Ниалла Глундуба и пятерых других ирландских королей. В 922 г. Томар мак Айлхе (Тормодр Хелгасон) восстановил норманнское владычество в Лимерике, и приблизительно в то же время другие норманнские вожди закрепились в Корке и Вексфорде. Но как и в IX столетии, викинги не смогли ни завоевать значительных территорий, ни основать поселений за пределами своих мощно укрепленных оплотов. Самыми обширными оказались владения Дублина: край, известный как Дифлиннарскири, или Дублиншир, тянулся вдоль побережья от Уиклоу (Викингло) на юге до Скерриза (от древнескандинавского sker, то есть «риф») на севере и уходил вглубь суши до Лейкслипа (древнескандинавское lax hlaup, то есть «лососевый порог») на реке Лиффи. Скудость норманнских топонимов в Дублиншире работает на ту версию, что за пределами Дублина и его ближайших окрестностей скандинавских поселений почти не было.

История возрожденного норманнского королевства Дублин переплетается с историей Йорка – другого норманнского королевства, на другом берегу Ирландского моря. Когда скандинавов вытеснили из Ирландии, Рагнальд недолгое время царствовал в Йорке и теперь захотел вернуть его. Укрепившись в Дублине, он в 919 г. пошел оттуда на Йорк и захватил его. Тот, вероятно, представлялся более ценным трофеем, чем Дублин, так как после смерти Рагнальда в 921 г. Ситрик уступил дублинскую корону другому брату, Гутфриту, а сам сел в Йорке. Гутфрит, агрессивный правитель, тут же начал широкую кампанию по грабежам и захвату невольников-ирландцев, вершиной которой стало комически почтительное разграбление Армы в ноябре. Гутфрит не трогал монахов и больных и не разрушал строений, «кроме нескольких хижин, сожженных по неосторожности». Видимо, он был крещен. Если так, его показная почтительность не помогла: на обратном пути его перехватил король северного Уи Нейлл Муйрхертах мак Нейлл (правил в 919–943 гг.) и разгромил его войско. Это задало тон второму этапу эпохи викингов в Ирландии: дни, когда норманны могли свободно гулять по всей стране, не встречая особого сопротивления, остались в прошлом. В 925 г. Муйрхертах одержал новую победу над дублинскими викингами у Карлингфорд-Лох, когда он захватил 200 пленников и всех обезглавил, а на следующий год в битве у Линн Дуахайла сразил Альфтана (Хальфдана), сына Гутфрита. Уцелевших норманнов Муйрхертах осаждал в крепости, пока им на выручку не вышел из Дублина Гутфрит со своим войском. После этого крепость Линн Дуахайл покинули навсегда.

Что изменилось по сравнению с первым норманнским нашествием? Вторжение викингов заставило ирландцев меняться. Общество становилось все более военизированным, и у королей, наиболее

успешно руководивших военными кампаниями против захватчиков, был выше статус и больше власти. Ужесточая контроль над королями-вассалами, они собирали более многочисленные армии, тем самым еще более упрочивая свое положение. Это было то же самое «движение по спирали вверх», которое в те же дни обусловило политическую централизацию и формирование государств в Скандинавии. Монархии в Ирландии становились все более территориальными, и многие местные короли обнаружили, что оказались на положении клановых вождей. В то же время ирландцы кое-чему научились у викингов, стали гораздо шире применять в бою мечи и топоры. И хотя доспехов у них по-прежнему не было, это в большей степени уравновесило шансы сторон на поле битвы. Войны теперь велись с небывалой прежде жестокостью – как против норманнов, так и между ирландскими королевствами. До эпохи викингов здесь редко грабили и жгли, но теперь ирландские короли стали повсеместно прибегать к таким мерам для борьбы с врагами, будь то викинги или соплеменники-ирландцы.

В 927 г., после смерти Ситрика, Гутфрит отправился в Йорк: неизвестно, затем ли, чтобы потребовать корону, или затем, чтобы помочь получить ее своему племяннику, Олафу Кварану. Вскоре Этельстан Уэссекский изгнал их обоих. Гутфрит вернулся и осадил Йорк, но ему пришлось сдаться на милость Этельстана, который затем позволил ему вернуться в Дублин, где Гутфрит и правил до самой смерти в 934 г. Его сын и преемник Олаф Гутфритссон завоевал власть над всеми норманнами Ирландии, разбив в сражении на водах Лох-Ри в 937 г. лимерикских викингов. В том же году Олаф заключил союз со скоттами и стратклайдскими валлийцами и тоже попытался захватить Йорк, но был разбит при Брунанбурге (см. главу 4). В следующем году Муйрхертах, воспользовавшись слабостью Олафа

после разгрома англичанами, захватил и разграбил Дублин. Смерть Этельстана в 939 г. наконец дала Олафу возможность взять Йорк и объединить его с Дублином в одно королевство. Но долго пользоваться плодами победы ему не пришлось: он умер в 941 г. вскоре после набега на нортумбрийские монастыри Тайнингем и Олдем – как говорили, наказанный Господом. Почти не вызывает сомнений, что норманнское захоронение X в., обнаруженное в Олдеме на монастырском кладбище, принадлежит знатному викингу, участвовавшему в том набеге. Выдвигались даже предположения, что это могила самого Олафа. Поскольку он был женат на дочери шотландского монарха Константина II, Олаф должен был, хотя бы формально, креститься. Таким образом, погребение короля в освященной земле могло быть своего рода посмертным актом покаяния. После смерти Олафа на дублинский престол сел его брат Блакайр, а Йорком стал править Олаф Кваран, кузен Олафа.

Блакайр постоянно ходил в набеги. 26 февраля 943 г. в битве при Глас-Лиатайне он разбил и поверг Муйрхертаха, а пять дней спустя разграбил Арму. Народ оплакивал Муйрхертаха; «Анналы Ольстера» называли его «Гектором западного мира» и скорбели о том, что его смерть «осиротила землю ирландцев». Месть же ирландцев была скорой. На следующий год новый верховный король Конгалах Кногба захватил и сжег Дублин, получив богатую добычу. В сражении погибло, как считалось, 400 викингов, а сам Блакайр бежал с острова. Вместо него Конгалах посадил на дублинский трон Олафа Кварана, недавно изгнанного англичанами из Йорка. Олаф настолько зависел от Конгалаха, что, когда они оба потерпели поражение от нового претендента на трон верховного короля (947 г.), Блакайр сместил Олафа и снова сел в Дублине. После смерти Блакайра в битве против Конгалаха в 948 г.

Дублином правил его кузен Гутфрит, еще один сын Ситрика Слепого. В 951 г. этот Гутфрит осуществил невероятно успешную экспедицию в центральные области Ирландии, разграбив шесть монастырей, включая Келс. Согласно «Анналам Ольстера», «три тысячи душ или более того угнали в неволю, забрали великое множество скота и лошадей, золота и серебра». Конечно же, божье возмездие настигло святотатцев незамедлительно. По возвращении Гутфрита в Дублин там вспыхнула свирепая эпидемия (по описанию в анналах – холеры и проказы), которая не пощадила и самого короля.

Пока Годфред разбойничал в Ирландии, его брат Олаф ненадолго вернул себе власть над Йорком, но в 952 г. был изгнан оттуда норвежцем Эриком Кровавая Секира. Теперь к Олафу перешел дублинский трон, но мечтам об объединении Дублина и Йорка пришел конец. Дублинские викинги перестали быть влиятельной силой в английской политике. Маловероятно, чтобы ось Дублин – Йорк могла быть сколько-нибудь жизнеспособна. Йорк отстоит от Дублина гораздо дальше, чем может показаться при взгляде на карту. Попасть в Йорк можно только морем, а из Дублина это долгий и опасный путь вокруг северных берегов Британии. Единственная альтернатива – переплыть в Северо-Западную Англию, а дальше двигаться сушей через Пеннинские горы. При этом совсем неясно, насколько короли Йорка имели влияние к западу от Пеннин, если имели вообще. А сражаться одновременно с англичанами и с ирландцами – такое вряд ли было по плечу дублинским викингам.

Олаф не был миролюбивым правителем, но вместе с тем не походил и на классического викинга, беспрестанно занятого грабежом: он редко ходил в набеги, кроме тех случаев, когда действовал в союзе с ирландскими королями. Кроме того, Олаф породнился с

ирландскими династиями браком: это стало возможным после его крещения в Англии по условиям мирного соглашения 943 г. с королем Эдмундом. Первой женой Олафа стала Дюнлайт, сестра верховного короля Домналла Уа Нейлла (правил в 956–980 гг.), а после ее смерти Олаф женился на Гормлет, дочери лейнстерского короля Мурхада мак Финна. Похоже, эти браки не принесли Олафу никакой или почти никакой политической выгоды, так как все его царствование проходило в постоянной вражде с Домналлом и его преемниками на лейнстерском троне (кого-то из них Олаф держал в Дублине в заложниках). После смерти Домналла в 980 г. его трон унаследовал племянник, сын Дюнлайт от предыдущего брака, король Миде Маэлсехнайлл мак Домналл. Маэлсехнайлл явно не отличался трепетной любовью к отчиму: в 975 г. свое царствование в Миде он начал с похода на Дублин, когда сжег «дубраву Тора» (языческую священную рощу) подле городских стен. Став верховным королем, Маэлсехнайлл вскоре разгромил объединенное войско дублинских, мэнских и гебридских норманнов в битве у холма Тара, традиционно служившего для верховных королей местом коронации. Свой успех он развил, осадив Дублин, сдавшийся через три дня. Маэлсехнайлл обременил дублинцев тяжелой данью и низверг Олафа, который, оставшись не у дел, ушел в монахи и поселился на Айоне, где вскоре и умер. На его место Маэлсехнайлл посадил королем-данником своего единоутробного брата, сына Олафа от Дюнлайт по имени Йаркне, то есть Железное Колено (правил в 980–989 гг.). Дублин безоговорочно лишился независимости.

Викинги в Уэльсе

Усилившееся сопротивление в Ирландии побудило викингов заинтересоваться Уэльсом. Ближайший валлийский берег находился всего в одном дне пути от Дублина, Уотерфорда и Векcфорда и от колонии викингов на острове Мэн, но при этом Уэльс до тех пор относительно мало страдал от норманнских набегов. В IX в. сочетание таких факторов, как сильные в военном отношении правители, вроде Родри ап Мервина, короля Гвинеда (правил в 844–878 гг.), труднопроходимая гористая местность и общая бедность в сравнении с Англией, Ирландией и Франкией, похоже, ограждало Уэльс от любых крупных вторжений. С 793 по 920 г. отмечено лишь с десяток пиратских нападений, а в Ирландии в тот же период их было 130. В те годы в Уэльс чаще вторгались англичане, чем викинги. Географические названия показывают, что норманны селились на юго-западе, в Пембрукшире и на полуострове Гауэр, но где находились их колонии, неизвестно: в письменных источниках о них не упоминается. Также викинги селились в небольшой области на крайнем северо-востоке, в современном Флинтшире: скорее всего, то были беглецы, покинувшие Дублин после его захвата ирландцами в 902 г. Видимо, туда расширилась успешная колония викингов, находившаяся в нескольких километрах в устье реки Ди на полуострове Уиррел (см. главу 2).

В первой половине X в. в Уэльсе главной силой был король Хивел Да (правил в 915–950 гг.), властитель Дехейбарта, королевства на юго-западе страны. За годы долгого правления Хивел уже почти добился объединения под своим скипетром всей страны, но после его смерти в 950 г. разразилась междоусобная

война, и владения Дехейбарта разделились. Это стало сигналом для викингов Ирландии, Мэна и Гебридов, волна за волной двинувшихся на Уэльс. Больше всех подвергался нападениям крупный плодородный остров Англси у берегов Северного Уэльса, лежащий всего в 113 км на восток от Дублина и в 72 км на юг от острова Мэн. Записи о грабежах датируются 961, 971, 972, 979, 980, 987 и 993 гг. Сильно пострадал от викингов и монастырь Сент-Дэвид на побережье Пембрукшира, важнейший религиозный центр Уэльса. Основанный около 500 г. святым Давидом, он в 519 г. стал резиденцией Уэльского архиепископа. Расположенный всего в 97 км от Вексфорда, первый раз Сент-Дэвид был разграблен в 967 г., затем в 982, 988 и 998 гг., когда викинги убили архиепископа Моргено. В XI столетии монастырь разоряли еще по меньшей мере шесть раз. В 989 г. грабеж достиг такого размаха, что король Дехейбарта Маредид платил викингам дань в размере одного серебряного пенни за каждого подданного. Нашествия пошли на спад вскоре после 1000 г., вероятно, из-за того, что в Ирландии все норманнские крепости перешли в руки ирландских королей, однако викинги с Гебридов и из Оркни тревожили Уэльс еще в XII в. Ирландские викинги тоже не перестали плавать туда, но теперь они отправлялись в Уэльс главным образом как наемные воины: чтобы сражаться в армиях валлийских королей против англичан или против других валлийских правителей.

Кашелский утес

Конец эпохи викингов в Ирландии принято связывать с укреплением мунстерской династии О'Брайен (Уа Бриайн) и особенно с царствованием самого значительного из ее представителей, короля Бриана Бору (правил в 976–1014 гг.). Судьба Бриана выглядит безусловно эпически. Он был младшим сыном короля Кеннетига мак Лоркайна (умер в 951 г.), правителя Дал Кайса, королевства, примерно совпадавшего с территорией нынешнего графства Клэр, вассала королей Мунстера. Как младший из сыновей, Бриан, видимо, никогда не думал, что будет царствовать, и юные его годы прошли в тени старшего брата Матгамайна. Даже дата рождения Бриана точно не известна. Некоторые ирландские источники утверждают, что умер он 88 лет от роду, а было это в 1014 г., и значит, Бриан родился в 926 или 927 г. Однако другие источники упоминают другие даты, разбросанные в диапазоне от 923 до 942 г. Первый военный опыт Бриан приобрел в 967 г., сражаясь плечом к плечу с братом в битве при Сулкойте против Ивара, короля лимерикских викингов. В следующем году братья захватили и разграбили Лимерик, предав смерти всех мужчин строевого возраста. Остальных пленников продали в рабство. Сам Ивар сумел бежать в Британию и в 969 г. вернулся во главе нового флота и отвоевал Лимерик; впрочем, уже в 972 г. дал-кайсцы вновь выбили его оттуда.

Предположительно около 970 г. Матгамайн изгнал своего номинального сюзерена, мунстерского короля Маэлмуада, из его цитадели на Кашелском утесе. Утес представляет собой естественную крепость, это крутая и обрывистая известняковая скала, с вершины которой

открывается восхитительный вид на тучные равнины графства Типперэри. Ныне утес венчают развалины средневекового собора и одной из самых высоких сохранившихся в Ирландии круглых башен, так что от более ранних строений следов почти не осталось. Как гласит легенда, столицей Мунстера Кашел сделал предок Маэлмуада Коналл Корк, услыхав от двух пастухов, что им явился ангел и объявил: первый, кто разведет на вершине утеса костер, станет королем Мунстера. Коналл недолго думая поспешил на утес и разжег там огонь. По легенде, это произошло приблизительно за 60 лет до святого Патрика, который посетил эти места около 453 г. и обратил в христианство тогдашнего короля Мунстера Энгуса. Во время обряда святой нечаянно пронзил ногу короля острым наконечником своего посоха. Энгус, предполагая, что это часть ритуала, стерпел молча.

Успех Матгамайна в Кашеле сулил Дал Кайсу большое могущество, так как Мунстер был одним из крупнейших королевств Ирландии и занимал всю юго-западную часть острова. Впрочем, Матгамайн не успел твердо установить в Мунстере свою власть: Маэлмуад убил его и вернул себе Кашел. Так Бриан неожиданно сделался правителем Дал Кайса и весьма скоро показал себя хорошим воином. Ивар после изгнания из Лимерика в 972 г. укрепился на острове Скаттери, в устье Шаннона, откуда по-прежнему легко мог угрожать Дал Кайсу. Такая стратагема отлично служила викингам с 840-х гг., но теперь ее время ушло. Сталкиваясь с викингами, Бриан понял, насколько важен военный флот, и в 977 г. он неожиданно нагрянул с флотом на Скаттери, захватил Ивара врасплох и убил его. Год спустя Бриан одолел и умертвил убийцу своего брата, вновь забрав Кашел под свою власть, а вскоре после этого победил последнего серьезного соперника в борьбе за Мунстерский трон,

Доннубана из Уи Фидгенте, и разбил остатки лимерикских викингов под предводительством Харальда, сына Ивара. И Доннубан, и Харальд погибли. Это знаменовало конец норманнского Лимерика. Город стал фактически столицей Дал Кайса, но Бриан позволил горожанам-скандинавам остаться в обмен на несение военной и морской службы. В последующие годы Бриан также стал владыкой норманнских городов Корка, Векспорда и Уотерфорда.

Утвердив свою власть над Мунстером, он принялся навязывать ее соседним провинциям Коннахту и Лейнстеру. Дерзания Бриана не могли не обернуться распрей с властителем Дублина Маэлсехнайллом. Почти ежегодно Бриан совершал походы то в Лейнстер, то в Коннахт, то в Миде. В Лимерике и других норманнских городах он рекрутировал флотилии, которые отправлял вверх по Шаннону грабить земли Коннахта и Миде по обоим берегам. В 996 г. Бриану покорился король Лейнстера Донхад мак Домнайлл, и Маэлсехнайлл признал Бриана верховным королем всего юга Ирландии, включая Дублин. Вскоре против Бриана подняли восстание преемник Донхада, король Лейнстера Маэл Морда, и король Дублина Ситрик Шелковая Борода (правил в 989–1036 гг.). Ситрик был сыном Олафа Кварана от второй жены Гормлет, приходившейся сестрой Маэлу Морде. Бриан наголову разбил мятежников в битве при Гленмаме в 999 г. и стал полновластным королем всего юга. Он великодушно обошелся с Ситриком, позволив ему остаться королем и женившись на Гормлет, то есть став Ситрику отчимом. Ненадолго наступил мир, но Бриан, нацеленный теперь не меньше чем на титул верховного короля Ирландии, вновь принялся тревожить Маэлсехнайлла набегами. Ситрик участвовал в этих экспедициях, поставляя воинов и корабли. Окончательно разбитый в 1002 г., Маэлсехнайлл

отрекся от короны в пользу Бриана и признал его власть над собой: впервые верховный король Ирландии вышел не из клана Уи Нейллов. Еще через два года походов все королевства острова стали данниками Бриана, за что он и был прозван Бороиме, то есть «собирающий дань».

Битва при Клонтарфе

При всей значительности его завоеваний Бриан ни в коем случае не объединил Ирландию: за пределами своего королевства Дал Кайс он правил не напрямую, а через королей-данников. Он не создал ни центрального правительства, ни каких-либо общенациональных институтов. И даже покорность данников гарантировать не мог: против него то и дело поднимали восстания. Самое крупное вспыхнуло в 1013 г., когда Маэл Морда Лейнстерский возобновил союз с Ситриком Шелковой Бородой, который, несмотря на примирение с Брианом, не оставил надежд на независимость Дублина. Для усиления своих рядов Ситрик призвал на помощь викингов из Оркни под предводительством ярла Сигурда Могучего и Бродира, вождя датских викингов с острова Мэн, которые прибыли в Дублин накануне Пасхи 1014 г. Бриан поспешно собрал армию, куда вошли полки нескольких королей-данников, в том числе и Маэлсехнайлла, и войско викингов под началом Оспака, брата Бродира. Две силы сошлись в битве при Клонтарфе, что в нескольких километрах севернее Дублина, в Страстную пятницу (23 апреля) 1014 г. Ни Бриан, ни Ситрик в битве не участвовали. Ситрик наблюдал сражение со стен Дублина, где остался с небольшим гарнизоном, чтобы защитить город, если враг возьмет в бою верх. Бриан, которому шел уже седьмой или восьмой десяток, был слишком слаб, чтобы бросаться в битву, и остался в палатке в лагере. Точная численность армий неизвестна, но можно предполагать, что войско Бриана превосходило противника числом.

Сражение началось на рассвете с героического поединка двух лучших воинов, который окончился гибелью обоих: противники в смертельном объятии

пронзили друг друга мечами. Битва была необычайно ожесточенной, но наконец войско Бриана стало одолевать противника. Лейнстерцы несли тяжелые потери. Сын и объявленный преемник Бриана Мурхад повел воинов вперед и, как гласит легенда, лично изрубил сотню врагов – полсотни мечом в правой руке, полсотни мечом в левой, – прежде чем сам пал сраженным. Среди убитых Мурхадом был и ярл Сигурд. По преданию, из всех дублинских викингов, сражавшихся на стороне Лейнстера, уцелели лишь 20, а всего объединенное войско Лейнстера и Дублина потеряло 6000 убитыми. К вечеру лейнстерцы разбежались с поля боя, и многие викинги утонули, в отчаянии пытаясь вплавь добраться до своих ладей, стоявших на якоре в Дублинской бухте. В этот победный момент Бродир с малым отрядом норманнов, прорубившись сквозь неприятельские порядки, изрубил молившегося в своей палатке Бриана. Товарищей Бродира подоспевшие королевские телохранители тут же убили, его же самого, как рассказывают исландские саги, схватили и предали жуткой смерти. Ему распороли живот и заставили ходить вокруг дерева, пока не вымотались наружу все кишки. В сражении погиб и Маэл Морда с одним из своих королей-данников, а со стороны Мунстера погибли два местных короля.

Безымянный автор «Войны ирландцев с чужеземцами» считает Клонтарф решающим сражением в норманно-ирландском противостоянии, но это преувеличение. В сущности, эта книга – восхваление династии Уа Брианов, и, прославляя их достижения, автор хотел подкрепить претензии наследников Бриана Бору на верховный трон Ирландии, за который они соперничали с Уи Нейллами. На самом деле битва имела другие последствия. Гибель Бриана и Мурхада обернулась династическим кризисом в Дал Кайсе, который разом положил конец возвышению Уа

Брианов. С трудом завоеванная Брианом гегемония рухнула в одночасье, в Кашел вернулись прежние хозяева, а Маэлсехнайлл вновь стал верховным королем. Ситрик оказался там же, откуда начал свое царствование – под властью Маэлсехнайлла. Это как нельзя более наглядно показало, насколько ослабли позиции ирландских викингов. Ситрик и дальше участвовал в междоусобных войнах ирландских королей, но чаще терпел поражения, чем побеждал, и Дублин мало-помалу утратил всякое военное и политическое значение. Вместе с тем город процветал как главный ирландский порт, и Ситрик стал богатым правителем. В 1029 г. он выкупил своего сына Олафа, захваченного викингами Бреги, за 1200 коров, 120 валлийских пони, 1,7 кг золота, такое же количество серебра плюс возврат заложников и еще 80 голов скота посреднику, который вел переговоры. Хотя Ситрик охотно грабил монастыри, когда это отвечало его интересам, он был набожным христианином и в 1028 г. отправился с паломничеством в Рим. Как правило, подобные паломничества совершались в знак покаяния, и Ситрику как завзятому викингу, несомненно, было в чем покаяться. Вернувшись в Дублин, он выстроил кафедральный собор Церкви Христовой, но нарочно отнес его к английской Кентерберийской митрополии, земли которой находились под властью датского короля Кнуда. Только в 1152 г. Дублинский диоцез стал частью ирландской церкви. Союз Ситрика с Кнудом ненадолго вернул Дублину былой статус сильного королевства в Ирландском море, но после смерти Кнуда в 1035 г. Ситрик оказался беззащитен. В 1036 г. норманнско-гэльский король с Гебридов Эхмарках мак Рагнайлл захватил Дублин и изгнал Ситрика: тот умер, а возможно, был убит во время нового паломничества в Рим в 1042 г.

Эхмарках не смог удержать Дублин, и в 1052 г. король Лейнстера Диармайт мак Маэл изгнал его и стал править городом напрямую как частью своего королевства. В следующие 100 лет Дублин, словно драгоценный приз, будут отнимать друг у друга враждующие королевские династии Ирландии, а в перерывах там будут править скандинавские короли: мэнские, гебридские и даже норвежские.

Остманский Дублин

К XI в. норманнские города окончательно вросли в политическую жизнь Ирландии благодаря торговле, которую они вели, и пошлинам, уплачиваемым с нее, а равно и военным флотилиям: воюющие между собой ирландские короли ценили союзы с норманнскими колониями. Во второй половине X столетия исчезают языческие погребальные обычаи, из чего можно сделать вывод, что ирландские викинги по большей части обратились в христианство. Ирландских жен брали не только короли, вроде Ситрика Шелковой Бороды, а дети от смешанных браков во многих случаях росли гэльскоговорящими. Не исключено даже, что в норманнских колониях горожане скандинавского происхождения составляли меньшинство против преимущественно ирландских рабов, слуг, поденщиков и ремесленников. Ирландские викинги уже настолько отличались от «настоящих» скандинавов, что получили новое название – остманы, что означает «люди с востока» (Ирландии). Видимо, так их стали называть англичане, к тому времени успевшие изучить все скандинавские народы.

Внешне остманский Дублин, скорее всего, не отличался от других норманнских городов того периода, например от Йорка или датского Хедебю. В X в. он делился на длинные и узкие участки, тянувшиеся вдоль улиц и огороженные частоколом. Прямоугольные дома из дерева, прутьев, глины, крытые соломенными крышами, примыкали к улице и имели двери и туда, и во двор. Хотя дома часто перестраивались, границы участков оставались неизменны веками. По ним ирландские короли облагали своих подданных данью: например, Маэлсехнайлл в 989 г. потребовал у Дублина

по унции (28 г) золота с каждого участка. Дорожки вокруг домов мостились горбылем либо гравием и каменными плитами. Над улицами остманского Дублина сегодня проходят улицы современного города, и потому мы не знаем, чем мостили их тогда, но в других норманнских городах, например в Йорке, использовали распиленные вдоль бревна. В разных кварталах города занимались разными видами деятельности. Сапожники и гребеночники селились в районе Хай-стрит, а торговцы и резчики по дереву стягивались к Фишембл-стрит. Какие-то производства, например кузнечное и судостроение, вероятно, выносили за пределы города. Остатки норманнской ладьи, обнаруженные в Скульделеве недалеко от Роскилле (Дания), показывают, что она была построена из дуба, срубленного в 1042 г. вблизи Глендалоха, в 35 км к югу от Дублина.

Город окружали земляные валы, предположительно, с частоколом по гребню. К 1000 г. Дублин разросся, выйдя за стены, и для защиты новых предместий насыпали новые валы. В 1100 г. оборонительные укрепления пришлось вновь расширять, но на сей раз построили каменные стены высотой до 4 м. Это было новшество, и в поэме 1120 г. Дублин назван одним из чудес Ирландии.

Внушительных общественных зданий в городе, видимо, не было: даже кафедральный собор, построенный Ситриком, был деревянным, и лишь к концу XII в. его перестроили в камне. Четыре другие известные нам церкви Дублина тех лет тоже, скорее всего, были из дерева.

Главным городским органом управления был, как во всех скандинавских сообществах эпохи викингов, тинг – собрание всех свободных граждан. Тинги происходили на тингмоте (кургане тинга), располагавшемся около средневекового замка и имевшем высоту 12 м. Курган

просуществовал до 1685 г., когда его срыли, чтобы освободить площадку под новые здания. Из других остманских городов масштабные археологические раскопки проходили лишь в Уотерфорде. Как и Дублин, это был город из деревянных домов, построенных на четко нарезанных участках, окруженный мощными укреплениями.

Конец норманнского Дублина

Конец норманнскому Дублину положили не ирландцы, а англичане и нормандцы. В 1167 г. лейнстерский король Диармайт мак Мурхада, пребывавший в изгнании в Англии, собрал войско англо-нормандских наемников и отправился отвоевывать свое королевство. В 1169 г. он получил новое подкрепление и взял остманский город Вексфорд. В 1170 г. граф Пембрука Ричард Фиц-Гилберт де Клер, известный под прозвищем Тугой Лук, привел в помощь Диармайту армию из 200 рыцарей и 1000 лучников и через несколько дней захватил другой остманский город, Уотерфорд. 21 сентября того же года Диармайт и Тугой Лук взяли Дублин. Последний скандинавский король Дублина Аскульф Рагнальдссон (правил в 1160–1171 гг.) бежал в Оркни, где собрал армию для ответного удара. В июне 1171 г. Аскульф вернулся в Дублин с флотом из 60 кораблей и пошел на штурм восточных ворот.

Защитники города открыли ворота и в конном строю ударили по штурмующим, обратив их в бегство. Аскульф не успел добежать до судов и попал в плен. Нормандцы великодушно согласились отпустить его за выкуп, но он запальчиво пригрозил в следующий раз вернуться с еще большей силой, и те по здравом размышлении предпочли отрубить ему голову. Последним под ударами англо-нормандского войска пал Корк, после того как в 1173 г. был разгромлен его флот.

Много более значимым, чем нашествие викингов, было для ирландской истории англо-нормандское завоевание. При всей продолжительности их присутствия в Ирландии викинги оставили в ее жизни на удивление слабый след. Заметно влияние норманнских стилей в искусстве, ирландцы

заимствовали у викингов оружие и кораблестроительные технологии, в гэльский язык вошло множество скандинавских слов, связанных с кораблями и мореходством, но этим наследие викингов исчерпывается. Безусловно, викинги способствовали включению Ирландии в систему трансъевропейских торговых связей, и к X в. здесь уже появились свои регулярные ярмарки в монастырских городах. Но к моменту англо-нормандского завоевания только в городах, основанных викингами, сформировались городские сообщества. Для сравнения: в столетие после англо-нормандского завоевания в стране было основано более 50 городов. Ситрик Шелковая Борода стал первым в Ирландии правителем, чеканившим монету (около 997 г.), но ни один из ирландских королей не последовал его примеру: монеты в Ирландии вошли в широкое обращение лишь после англо-нормандского завоевания. Да, вторжение викингов ускорило медленный процесс политической централизации Ирландии, но еще в 1169 г. в стране не было никаких общенациональных правительственных учреждений. Верховные короли по-прежнему могли править за пределами своих личных владений только опосредованно, через королей-данников (надо сказать, их стало много меньше, чем до прихода норманнов). Вероятно, здесь когда-нибудь возникло бы полноценное национальное королевство, но англо-нормандское завоевание внезапно прервало этот естественный процесс. На захваченных землях действовали английские административные структуры, на территории же, оставшейся за ирландцами, короли стали вождями. Верховных королей больше не было.

Дублин после англо-нормандского завоевания процветал, сделавшись центром английской власти на острове. Английский король Генрих II (правил в 1154–1189 гг.) даровал Дублину хартию вольностей по

образцу той, что была у крупного южноанглийского порта Бристоля. Таким образом Дублин получил привилегии в торговле с обширными владениями Генриха в Англии и Франции, на чем и стал быстро расти. Одним из эдиктов Генрих брал под королевское покровительство остманов Дублина и других норманнских городов: было бы расточительством изгонять таких умелых коммерсантов и мореходов (хотя часть остманов предпочла покинуть Ирландию). Вместе с тем с притоком английских поселенцев в Дублин норманны постепенно превратились в меньшинство. И к тому же они зачастую не получали обещанных им привилегий из-за того, что их стало трудно отличить от коренных ирландцев. В 1263 г. недовольные остманы призвали на помощь норвежского короля Хакона IV, намереваясь изгнать англичан, но конец скандинавской гегемонии, последовавший за смертью Хакона в том же году, перечеркнул все надежды Дублина на независимость. Скоро вышли из употребления и скандинавские имена, и примерно к 1300 г. остманы полностью смешались с коренными ирландцами и английскими иммигрантами. Последним сохранившимся отзвуком норманнского господства в городе остался пригород Оксмантаун – искаженное Остмантаун, город остманов.

Глава 6
Севилья и Луни
Викинги в Испании и Средиземноморье, 844–861



После того как норманны обосновались на Луаре (в 840-х гг.), они неизбежно должны были отправиться дальше на юг исследовать, чем можно поживиться на Пиренейском полуострове. Безусловно, для викингов там было немало соблазнительного.

На полуострове господствовало богатейшее и самое высокоорганизованное из государств Западной Европы – мусульманский Кордовский эмират. Викинги несколько раз приплывали в Испанию со значительными силами, рассчитывая поживиться богатствами мавров, однако, столкнувшись с чрезвычайной военной мощью эмирата, при всей своей отваге и хитрости так и не смогли хоть сколько-то преуспеть.

Аль-Андалус

Кордовский эмират был западным форпостом исламского мира. Мусульмане захватили Иберию в 711–712 гг., сделав ее частью Омейядского халифата, огромной арабской империи, протянувшейся от Атлантики до Индии. Только на дальнем северо-западе полуострова, в скалистых Кантабрийских горах, христиане сумели отбиться от арабских захватчиков. За исламским завоеванием последовал полностью изменивший культуру полуострова приток иммигрантов: мавров (берберов) из Северной Африки и менее многочисленных арабов. Омейядский халифат был формой политического объединения уммы, сообщества всех мусульман, и восходил напрямую ко временам Мухаммеда. Однако с расширением халифата его внутреннее единство все более расшатывалось, и в 750 г. Омейядов свергли Аббасиды. Род Омейядов вырезали. Один из немногих спасшихся, Абд ар-Рахман, бежал в Иберию – арабы звали ее Аль-Андалус – и основал новое, отколовшееся от халифата государство, Кордовский эмират. Оно процветало, и Кордова, имея население около 200 000 человек, была крупнейшим и богатейшим городом во всей Западной Европе и, вероятно, пятой среди городов мира. Одновременно она являлась и самым оживленным культурным центром Европы. Во множестве ее академий рядом с мусульманскими работали еврейские и христианские ученые, занимавшиеся естественными науками и изучением наследия античных философов.

Эмират отличался не только богатством и развитой культурой, но и весьма эффективной военной машиной с многочисленной и хорошо организованной регулярной профессиональной армией, состоявшей из пехоты и

легкой кавалерии. Особенно грозную силу представляли собой лучники, а эмирские арсеналы изготавливали 20 000 стрел каждый месяц. У викингов лук считался вспомогательным оружием и использовался главным образом для обстрела противника перед сражением. У мавров и пехотинцы, и кавалеристы носили пластинчатый доспех или кольчугу и металлические шлемы, что у викингов было доступно лишь самым богатым воинам. Элиту эмирского войска составляли мамлюки, воины-невольники, которых обычно покупали детьми и с ранних лет обучали воинским искусствам. Несмотря на рабское положение, мамлюки были уважаемы, и многие из них становились богатыми и влиятельными людьми. Располагая регулярной армией, Кордовский эмират мог реагировать на набеги викингов значительно быстрее, чем франкские и англосаксонские королевства, где немало времени уходило на то, чтобы поднять и собрать местные оборонительные отряды из военнообязанных обывателей. В тех королевствах не так-то просто было заставить мужчин выполнять воинскую повинность: мало кто соглашался оставить без защиты собственный дом и семью. С мамлюками такого быть не могло. Эмират находился в состоянии почти непрерывной войны с христианскими государствами на севере полуострова – королевствами Галисия, Астурия и Наварра и Барселонским графством. Эта война привлекала многих фанатичных ненавистников христиан. И в жизни этих государств тоже все было подчинено войне, поскольку на кон было поставлено само их выживание: одним словом, легкой добычи викинги в Испании не нашли.

Аль-маджус

Мусульманские хронисты иногда называют викингов «аль-урдуманийн», что означает «северяне», но чаще используют слово «аль-маджус». Изначально оно в арабском языке обозначало персидских зороастрийцев, но приобрело неодобрительную окраску и употреблялось примерно так же, как у христианских авторов определение «поганые». Многие нынешние историки считают, что христианские авторы преувеличивали как жестокость викингов, так и размеры их флотов и армий. Вместе с тем и мусульманские хроники передают тот же ужас от бесчинств и дерзости норманнских пиратов и в целом совпадают с христианскими летописями в оценке численности викингов.

Первое упоминаемое в хрониках вторжение викингов в Испанию произошло в 844 г. Флотилия с Луары прошла на юг до Жиронды и, воспользовавшись распрей между Карлом Лысым и Пипином Аквитанским, поднялась по Гаронне до самой Тулузы, не встречая никакого сопротивления. Воодушевленные успехом, викинги пустились грабить побережье Галисии и Астурии, разорив, не в последний раз, небольшой порт Хихон. Когда же норманны напали на Ла-Корунью, их встретили полки короля Рамиро I и наголову разбили. Многие викинги погибли от галисийских баллист – мощных стрелометов торсионного действия, похожих на гигантские арбалеты. Целых 70 норманнских ладей были захвачены на берегу и сожжены. После этого еще часть кораблей викингов потопил шторм. Уцелевшие взяли курс дальше на юг вокруг мыса Финистерре и вдоль берега современной Португалии, тогда почти целиком находившейся под властью Кордовского

эмирата. В августе викинги высадились у Лиссабона, и на тот момент, по свидетельству андалусского хрониста Аль-Рази, у них оставалось 108 судов (54 больших и столько же малых ладей). Получается, что при выходе из Луары кораблей было примерно 200. Окрестности Лиссабона норманны грабили 13 дней, три раза вступали в бой с кордовскими войсками и наконец отступили.

Разорение Севильи

Посланцы от коменданта Лиссабона поскакали в Кордову с тревожной вестью. Эмир Абд ар-Рахман II известил губернаторов всех приморских провинций, но прежде того викинги успели разграбить порт Кадис и расположенную приблизительно в 30 км от него вглубь материка Медину-Сидонию, город-крепость на холме. Затем часть норманнских кораблей ушла к берегам Марокко и разграбила город Асилах, после чего присоединилась к остальным. Норманнский флот вошел в реку Гвадалквивир, по берегам которой лежали самые процветающие области эмирата и на которой стоит сама Кордова. 29 сентября викинги разбили лагерь на острове Исла-Менор в Гвадалквивире примерно в 48 км от его устья: на этом этапе их флот, согласно современным андалузским источникам, состоял из 80 кораблей. На другой день четыре ладьи отправились разорять ближайшую деревню Кориа-дель-Рио. Многих ее жителей убили. 1 октября флот поднялся еще на 24 км до города Севилья. Это был лакомый кусок. Основал Севилью, по преданию, мифический герой Геркулес, а при римлянах она стала богатым речным портом, экспортером вина, зерна и оливкового масла. При маврах Севилья продолжала расти и в IX в., видимо, была вторым по значению городом эмирата после Кордовы. Города викинги видели и прежде, у франков, но там были по большей части обезлюдевшие и полузаброшенные остатки римских поселений, пришедших в упадок следом за Римом. В Иберии же города вновь расцвели благодаря включению в обширное пространство свободной торговли, созданное исламской империей. При виде Севильи у викингов закружились головы от мыслей о богатствах, которые

должны скрываться за ее стенами. Несмотря на предупреждение, губернатор Севильи, похоже, не принял никаких особых мер для защиты города и бежал, бросив горожан, еще до того, как викинги объявились у ворот. Когда дозорные заметили высаживающихся на берег норманнов, севильцы храбро, но неразумно вышли за городские стены, чтобы дать пришельцам бой. По сути, это была просто необученная толпа, и под напором викингов горожане потеряли присутствие духа и, объятые ужасом, побежали кто куда. В суматохе норманны ворвались в город и семь дней не зная удержу грабили, убивая и угоняя горожан, которым не удалось бежать в горы.

Разорив Севилью, викинги вернулись в лагерь на Исла-Меноре, откуда стали небольшими партиями совершать набеги на Кордову и другие города. Через несколько дней они вновь наведались в Севилью в надежде, что в город вернулась хотя бы часть беглецов. Таких было немного, и они пытались укрыться в мечети, где норманны их всех и перебили. Тем временем в холмах над городом собиралось войско мавров, и их кавалерийские отряды рыскали по окрестностям, нападая на вражеских фуражиров. Один крупный норманнский отряд (согласно историку Ибн аль-Кутийе, численностью в невероятные 16 000 воинов), попавший в засаду мавров, был истреблен без остатка. В другой раз мавры уничтожили 500 норманнов и захватили четыре тяжело груженных корабля. Весь октябрь опасное положение викингов усугублялось. 7 (или 11) ноября в Табладе под Севильей мавры притворным отступлением заманили в засаду еще один большой отряд норманнов. Больше тысячи викингов, включая их предводителя, погибли, кроме того, мавры захватили 400 пленных и 30 судов. Множество тел убитых мавры повесили на пальмах, а корабли сожгли. Пленным отрубили головы. 200 отсеченных голов эмир отправил

друзьям в Асилах как победную весть. Уцелевшие викинги оказались в ловушке и без пропитания, но при них оставались захваченные севильцы, и можно было вести переговоры. В обмен на освобождение пленных мавры позволили викингам уйти и дали еду и одежду. Последний раз кордовские хроники упоминают об остатках того норманнского флота, сообщая, как на обратном пути в Луару он миновал Лиссабон. Судя по всему, лишь меньше четверти воинов, пустившихся в этот поход, вернулись живыми.

Наученный опытом этих событий, эмир распорядился усилить оборону побережий и повелел строить в Севилье новый арсенал. Также он приказал заложить флот и за хорошую плату рекрутировать матросов. Военные суда мавров представляли собой разновидность дромона, большой и быстроходной парусной галеры. На каждом было от 50 до 100 гребцов и столько же воинов, две мачты несли треугольные паруса, позволявшие прекрасно идти против ветра, чего не могли квадратные паруса викингов. По приказу эмира суда оснащались метательными машинами, бросавшими зажигательные снаряды с сырой нефтью. Уже одно это давало берберским кораблям решающее преимущество перед норманнами.

Великий поход Хастейна и Бьорна Железнобокого

Самую крупную экспедицию викингов на Пиренейский полуостров возглавили два самых знаменитых норманнских полководца – Бьорн Железнобокий и Хастейн. Бьорна считали сыном Рагнара Кожаные Штаны. Легенда гласит, что над маленьким Бьорном мать произнесла заклятие, сделав его неуязвимым для оружия, отчего он и получил прозвище Железнобокий. Хастейн же был тем самым коварным предводителем пиратов, который впоследствии столько досаждал Альфреду Великому. В 859 г. Бьорн и Хастейн с флотом из 62 судов вышли из Луары и отправились грабить побережья Галисии и Астурии. Встретив там слишком мощное сопротивление, викинги пустились дальше на юг пытать счастья у западных берегов Кордовского эмирата. Там им, очевидно, повезло больше. Сторожевые корабли мавров перехватили две дозорные ладьи, двигавшиеся впереди основного флота, и обе были уже полны добычей, провизией и пленными. Следующее поражение норманны потерпели, высадившись в Ньебле близ Уэльвы на юго-западе Испании. Затем они вошли в устье Гвадалквивира – возможно, намереваясь вновь разорить Севилью, – но столкнулись там с новым кордовским флотом. Викингам нечего было противопоставить мечущим огонь орудиям мавров, и, когда несколько ладей заполыхали, они бежали. Встречая где-то слишком сильное сопротивление, норманны всегда двигались дальше, зная, что рано или поздно кого-нибудь да застанут врасплох. Наконец в Альхесирасе, что в нескольких километрах от Гибралтара, им удалось

ударить совершенно неожиданно: город захватили и разграбили, главную городскую мечеть сожгли.

Через Гибралтар Бьорн и Хастейн провели свой флот в Средиземное море. Хотя викинги до тех пор в Средиземноморье не появлялись, пиратство здесь было вполне в обычае: и Франкия, и Италия страдали от постоянных набегов арабских и берберских пиратов, гнездившихся в Северной Африке. Сначала норманны высадились на африканском берегу, в Накуре, недалеко от нынешней Мелильи. Местное ополчение недолго сопротивлялось и скоро обратилось в бегство. Викинги мародерствовали в городе неделю, захватив, кстати, гарем местного правителя, который потом выкупил кордовский эмир. Кроме того, норманны захватили нескольких черных африканцев, которых называли blámenn («синие люди»): вероятно, рабов, доставленных в Северную Африку арабскими работорговцами. Чернокожие показались викингам такой экзотикой, что некоторых из них они оставили при себе. В конце концов продали и этих: черные невольники оказались в итоге в Ирландии. От Мелильи Бьорн и Хастейн поплыли вновь в Испанию, поразбойничали на побережье Мурсии, затем на Балеарских островах. Оттуда пустились вдоль Средиземноморского побережья Иберии на север, разграбили Нарбон, после чего разбили зимний лагерь на острове в Камарге, болотистой дельте Роны. Весной Бьорн и Хастейн прошли более 150 км вверх по Роне, разорив Ним, Арль и Валанс. Но, потерпев поражение в битве от франков, предводители норманнов сочли за лучшее вернуться в открытое море и взять курс на восток, вдоль Лазурного берега в Италию.

Ошибка Хастейна

Нормандский монах Дудо Сен-Кантенский оставил красочный, но, несомненно, легендарный рассказ о том, как Бьорн и Хастейн высадились в лигурийском порту Луни, приняв его за Рим. В римский период Луни относительно благополучно жил за счет экспорта белоснежного каррарского мрамора из Апуанских Альп, но в IX в. там осталась, в сущности, просто большая деревня, и, глядя на жалкие руины, дошедшие до нас, трудно представить, чтобы кто-нибудь мог принять ее за Рим. Но не будем портить красивую историю. Жадные до славы норманны твердо вознамерились захватить самый знаменитый из городов мира. Видя, что его стены слишком крепки, Хастейн решил проникнуть в город хитростью. Послы викингов пришли к горожанам и рассказали, что они изгнанники, нуждающиеся в провизии и приюте для больного предводителя. Явившись во второй раз, послы сообщили, что их предводитель умер, и просили разрешения войти в город и похоронить его по-христиански. Ничего не подозревавшие горожане согласились, и траурная процессия с гробом вступила в город и дошла до кладбища, где Хастейн, совершенно живой и в полном вооружении, выскочил из гроба и зарубил городского епископа. Поднялась суматоха, и викинги быстро захватили город. А когда Хастейн узнал, что его неверно осведомили и это совсем не Рим, от разочарования он приказал вырезать все мужское население города. Эту историю нормандские авторы пересказывали много раз, приписывая ту же самую уловку своим более поздним правителям: Роберту Гвискару, Боэмунду из Таранто и Роджеру I Сицилийскому. Можно заключить, что средневековых

вояк хитрость восхищала не меньше, чем отвага и ловкость в бою.

После Луни викинги прошли еще 96 км вдоль тосканского побережья до устья Арно, разграбили Пизу, а потом, поднявшись по реке, – город-крепость Фьезоле невдалеке от Флоренции. Затем норманнский флот пропал на год. Вероятно, Бьорн и Хастейн где-то перезимовали и отправились на восток, к Византийской империи. Позднейшие арабские и испанские источники утверждают, что викинги нападали на Грецию и Александрию. Если так, то, скорее всего, это и был флот Бьорна и Хастейна.

Вторично он объявился в Испании в 861 г., когда викингам пришлось вновь проходить Гибралтар, на сей раз в обратном направлении, по пути домой. Ширина пролива всего 14 км, так что возможности проскользнуть незамеченными у викингов не было, и флот эмира поджидал их. Из оставшихся у Бьорна и Хастейна 60 кораблей от засады мавров ушли лишь 20. Должно быть, Бьорн и Хастейн не знали, что в проливе постоянно присутствует сильное поверхностное течение из Атлантики в Средиземное море. Во время Второй мировой войны в Средиземное море вошли незамеченными 62 немецкие подлодки, двигаясь в подводном течении с застопоренными машинами. Но ни одной не удалось пройти через Гибралтар обратно, против течения. Бьорн и Хастейн столкнулись с той же трудностью: пока они медленно преодолевали течение, мавры успели перехватить их.

После этого разгрома Бьорн и Хастейн не пали духом и по пути домой продолжали грабить. Покидая испанские воды, они высадились в небольшом христианском королевстве Наварра и разграбили Памплону. Им даже повезло захватить самого короля Гарсию I и получить за него выкуп – неслыханную сумму в 70 000 золотых динаров (приблизительно 308 кг

золота). Уцелевшие в походе викинги вернулись в 862 г. домой сказочно богатыми. Бьорн и Хастейн после этой кампании разделились. Бьорн поплыл в Данию, видимо с намерением использовать богатство и авторитет в борьбе за датский трон, но не добрался туда: потеряв после кораблекрушения все, умер во Фризии. Хастейн же остался на Луаре: его ждала долгая и успешная пиратская будущность.

Своим дерзким походом Бьорн и Хастейн снискали славу легендарных полководцев, но за это им пришлось уплатить чрезвычайно высокую цену: меньше третьей части воинов, три года назад отправившихся под их началом в плавание, вернулись домой. Видимо, это заставило других викингов призадуматься: хотя нападения на Пиренейский полуостров продолжались до начала XI в., в Средиземноморье норманны больше не ходили. Гибралтарский пролив – узкие ворота, которых не миновать, если нужно выйти из Средиземного моря, – оказался слишком опасным для них. Мавры отбили крупные набеги в 889, 912–913, 966 и 971 гг. В 889 г. пираты дошли до самой Севильи, пока их не разгромили, как и в первый раз, на полях Таблады. Уцелевшие норманны осели в окрестностях, и многие впоследствии обратились в ислам. Это единственное известное поселение норманнов в Иберии. Должно быть, во время плаваний в Иберию викинги случайно открыли атлантический остров Мадейра. Об этом мы знаем из необычного источника – ДНК мадейрской домашней мыши, которая показывает, что мыши прибыли (вероятно, безбилетниками) на дотоле необитаемый остров из Северной Европы где-то в промежутке между 900 и 1050 гг.

Посольство к королю маджусов

Вероятно, между маврами и норманнами были и вполне мирные связи. В Кордове и берберских государствах имелся большой спрос на франкских, славянских, английских и ирландских рабов, и многие из них попадали в эмират – напрямую или через посредников – через норманнских работорговцев. Молодых мужчин-невольников зачастую ждала кастрация: в исламском мире Аль-Андалус славился как главный поставщик евнухов. В 845 г., после нападения на Севилью, эмир Абд-ар-Рахман отправил к королю маджусов посольство под началом Аль-Газала с дарами королю и королеве. Страну маджусов Аль-Газал описывает как остров в трех днях плавания от материка. Поблизости расположены другие острова, тоже подвластные королю. Перед аудиенцией Аль-Газал особо оговорил, что ему не прикажут преклонять перед королем колена. Это было обещано, но, явившись во дворец, Аль-Газал увидел перед собой такую низкую дверь, что внутрь можно было лишь проползти на четвереньках. Виртуозный дипломат, Аль-Газал вышел из положения, улегшись на спину и протиснувшись в дверь на спине ногами вперед. Хозяев это, вероятнее всего, не разозлило, а подкупило: в такой решимости ни за что не унижаться они, должно быть, отчасти узнали себя. Эмирский посол пришелся по нраву супруге короля по имени Ноуд, и она его соблазнила, заверив Аль-Газала, что маджусы не знают ревности и что женщины у них вольны, если захотят, уходить от мужей. Действительно, скандинавки имели право на развод, однако, что касается ревности, тут желаемое было выдано за действительное. Измена жены обычно становилась для мужа серьезным испытанием, и в

отдельных областях Скандинавии обманутый супруг имел право убить и изменницу, и ее любовника, если заставал их в момент прелюбодеяния. Кроме того, Аль-Газал, видимо, принял за королеву кого-то из фавориток. Неизвестно, к какому королю его посылали. Если островом Аль-Газалу показался полуостров Ютландия, то это, возможно, был датский король Хорик. Или же Аль-Газал мог побывать у кого-то из норманнских военных вождей в Ирландии, вероятнее всего, у Тургейса, жена которого звалась Ауд, что не сильно отличается от Ноуд. Цель посольства Аль-Газала также не называется, но можно смело предполагать, что речь шла о торговых делах: о поставке рабов, если он ездил в Ирландию, или о пушнине из северных лесов, если речь идет о Дании.

В конечном счете викинги не оставили на Пиренейском полуострове заметного следа. Их вторжения были кровавыми и разрушительными, но как маврам, так и христианам удавалось отбивать нападения. Таким образом, в Иберии норманны не нарушили сложившегося баланса сил и не стали катализатором перемен, как то происходило во многих других местах, подвергшихся их нашествию. Андалусский географ Аз-Зухри в 1150-х дал такой портрет викингов: «Свирепые, отважные и сильные, отличные моряки. Когда они нападали, жители побережья бежали в страхе. Они приплывали раз в шесть или семь лет, флотом не меньше 40 кораблей, а в иные годы и до сотни. Они побеждали всех, кого встречали на море, грабили корабли, людей уводили в неволю». В общем, варвары – такие же, как и множество других.

Глава 7
Киев, Константинополь и Болгар
Викинги в Восточной Европе до 1041 г.



Именно на Востоке викинги наиболее активно занимались не только грабежами, но и коммерцией. Великим магнитом, тянувшим их на Восток, был дирхем, полновесная серебряная монета, которую чеканили в арабском Аббасидском халифате и других мусульманских государствах. В богатый халифат стекались дорогие товары со всех концов известного мира, в том числе рабы, воск и мед из Северной Европы. Эти товары арабские купцы покупали у кочевников хазар и булгар, обитавших в степи севернее Каспия, и платили дирхемами. Дирхемы стали ходить у славян, балтов и финнов и около 780 г. появились в торговых поселениях типа Старой Ладоги на Ладожском озере и Гробини на Балтийском море, где попали в руки шведских торговцев. Это и побудило шведов исследовать речную систему Восточной Европы в поисках места происхождения монет. Даже если шведы хотели торговать, их экспансия на Восток была ничуть не менее кровавой, чем продвижение данов и норвежцев на Запад, потому что большую часть прибыли они получали от захвата невольников или сбора дани.

Поскольку в то время ни скандинавы, ни славяне, балты и финны, населявшие Восточную Европу, не обладали письменной культурой, о военных кампаниях викингов на Востоке мы осведомлены далеко не так полно, как об их походах на Запад. Наиболее ценные свидетельства мы находим у арабских географов и путешественников, у византийских хронистов и государственных деятелей, многие из которых ссылаются и на личный опыт. Видимо, потому, что они не так боялись викингов, эти авторы, особенно арабские, описывают их в ином свете, нежели западные, проявляя гораздо больше интереса к их обычаям, чем к военным кампаниям. Деятельность викингов на Востоке тесно связана с возникновением Русского государства, так что норманны были важнейшей темой первой русской летописи – созданной в XII в. «Повести временных лет». Впрочем, с использованием этого источника есть свои трудности: многие из содержащихся в нем сведений очевидно легендарны, и к тому же главной его задачей было утвердить законность правящей династии Рюриковичей. Восточные походы викингов отражены и в скандинавских сагах, но это самые поздние из главных первоисточников – они появились лишь в XIII в. Единственным скандинавским источником того времени, упоминающим восточные походы, остаются шведские рунические камни IX–XI столетий, установленные в честь тех, кто отправлялся в экспедиции на Русь и в Грецию.

Из шведов в русы

Не позже чем к 830 г. шведы проложили торговые пути из Балтийского моря в Черное и Каспийское. Иные уплывали и дальше и торговали с Константинополем и Багдадом, столицами греческой Византийской империи и Аббасидского халифата. Тем временем шведы, постоянно обретавшиеся на востоке, получили новое имя: русь (или русы). О происхождении этого слова, от которого получила свое название Россия, спорят. Наиболее широко принимаемая версия возводит его к финскому ruotsi (руотси) – так финны звали шведов. Ruotsi, в свою очередь, вероятно восходит к древнескандинавскому roðr, означавшему команду гребцов. Альтернативная гипотеза предполагает греческое происхождение слова – от упоминаемых в литературе rusioi (светловолосых). Это иное название герулов – активно перемещавшегося народа с Ютландии, к которому принадлежали наемники, служившие византийским императорам в VI в.

Русы основывали колонии или – вероятно, так случалось чаще всего – брали под свою власть уже существовавшие поселения на торговых путях. Отсюда и норманнское название древнерусского государства – Гардарики, «королевство городов». Русы образовали правящую военную и торговую элиту в этих «городах», но большинство населения там составляли местные – славяне или финны. Города становились опорными пунктами, откуда русы совершали набеги на славянские и финские племена, с которых брали дань рабами и мехами, находившими большой спрос у греков и арабов. Арабские авторы писали, что русы живут исключительно грабежом и не возделывают землю. Сезоном набегов была зима, когда почва промерзала и

путешествовать по суше было легко. Торговые караваны начинали формироваться весной, когда вскрываются реки, а возвращались осенью. Торговые пути русов пролегали через земли враждебных племен, поэтому купцы не путешествовали поодиночке. Самым опасным местом были волоки – там, где приходилось тащить корабли и груз по суше, чтобы перебросить из одной речной системы в другую или обойти непреодолимые пороги. Избежать волоков было нельзя, потому они давали идеальную возможность для организации засад.

Главным источником археологических данных о скандинавском присутствии в России служат сотни захоронений, содержащих типично скандинавские артефакты. Обнаружены как мужские, так и женские погребения, а значит, русы отправлялись в поход с семьями. Согласно арабскому географу и путешественнику Ибн Хаукалю, русь делилась на куявию, славию и артанию, но не вполне ясно, говорил ли он об этническом или географическом делении. Русы, посетившие в 839 г. в составе византийской дипломатической миссии императора франков Людовика Благочестивого, заявили, что они подданные «кагана» – это тюркское слово, родственное «хану» и заимствованное русами, очевидно, от булгарских и хазарских кочевников, с которыми они торговали. Когда франки выяснили, что русы на самом деле шведы, они заподозрили в них норманнских шпионов и заточили до выяснения их подлинных целей. Вероятно, русы и предполагали, что франки отнесутся к ним с подозрением, и назвали экзотический титул, чтобы повысить свой статус или отгородиться от викингов, которые совсем недавно четырежды разорили Дорестад.

Основание государства русов

Во второй половине IX в. поселения руси постепенно объединились в одно государство. Согласно полулегендарному рассказу из «Повести временных лет», оно образовалось около 860–862 гг. Изложенная в «Повести» история поистине невероятна, если не сказать больше. Славяне, устав от постоянных междоусобиц, воззвали к руси и попросили дать им правителя, чтобы правил по закону. Выбрали трех братьев. Старший, Рюрик, стал править Новгородом; Синеус сел в Белоозере (ныне Белозерск) на Белом озере; третий из братьев, Трувор, обосновался в Изборске, недалеко от Пскова. Через два года братья Рюрика умерли, и он унаследовал их уделы, став правителем всей Северо-Западной Руси. Новгород основан около 930 г., и значит, столицей Рюрика, вероятно, было Городище – остров, существовавший в 2 км к югу от центра нынешнего Новгорода: там обнаружены обильные свидетельства скандинавского присутствия, относящиеся к IX в. Рюрик умер, как считается, около 879 г., и его сменил Олег, по-древнескандинавски Хельги (правил около 879–913 гг.). Согласно «Повести временных лет», Олег приходился Рюрику родственником, но в ранних новгородских летописях он назван просто одним из предводителей княжеского войска. Правители Руси именовались титулом князь, что обычно переводят на английский как «принц», то есть не вполне полновластный монарх. Однако слово «князь» имеет тот же самый индоевропейский корень, что и английское king, которое более точно соответствует статусу и властным полномочиям князя. Примерно в то же время, когда Рюрик, как считается, сел править в Новгороде, два

брата-викинга Аскольд и Дир отправились вниз по реке Днепр и захватили у славянского племени полян город Киев. Если верить «Повести временных лет», эти Аскольд и Дир в 860 г. возглавили первый поход русов на Константинополь. Как и все последующие, этот поход закончился для руси разгромом. Около 882 г. Олег повел норманнско-славянское войско из Новгорода вниз по Днепру и захватил Киев. При взятии города Аскольд и Дир погибли. Олег же перебрался из Новгорода в Киев и там учредил столицу. У русских основание Киевской Руси традиционно считается вехой, от которой ведет свою историю современное Российское государство. И многим по-прежнему непросто смириться с тем, что город, который они считают колыбелью русской нации, оказался после распада СССР в 1991 г. столицей независимого государства, Украины.

«Повесть временных лет» рассказывает, что Олег сам отправился на Константинополь в 907 г. Если он туда и пошел, то никто в Константинополе этого не заметил, так как ни один византийский источник об этом не упоминает. Видимо, поход сочинили для объяснения торговых соглашений, заключенных между Русью и византийским правительством в 907 и 911 гг. Соглашение 907 г. давало русским торговцам право до шести месяцев получать в Константинополе продовольствие, а также месячное содержание и по необходимости якоря и паруса для кораблей и, кроме того, пользоваться общественными банями. За это русы платили сбор в 12 гривен (около 2,7 кг) серебра с каждого приведенного ими корабля. Русам не позволялось селиться в пределах городских стен, входить в город с оружием, а передвигаться всегда полагалось в сопровождении приставленного чиновника. Торговцы из Киева имели приоритет перед купцами из других центров Руси. По соглашению 911 г. русы обязались не грабить византийские суда и

подавать необходимую помощь любому византийскому кораблю, какой встретят терпящим бедствие или нужду. Другие статьи соглашения касались преступлений, совершаемых русами на землях Византии, выкупа пленных, возврата беглых рабов и условий для русов, желающих вступить в византийскую армию. Вскоре после заключения этих соглашений, предположительно в 913 г., Олег умер. Рассказ о его смерти, содержащийся в «Повести временных лет», – чистая легенда. Предупрежденный прорицателем о том, что смерть к нему придет от любимого коня, Олег поклялся больше не садиться на него и даже вовсе его не видеть. Спустя пять лет конь умер, и Олег посмеялся над прорицателем, чье предсказание оказалось ложным. Когда же он пришел посмотреть на кости коня, из черепа выползла ядовитая змея и ужалила Олега в ногу, отчего тот и умер. На самом же деле более вероятно, что Олега убили во время неудачного похода на Каспий.

Олегу наследовал Игорь (древнескандинавский Ингвар), правивший около 913–945 гг. Хотя сегодня большинство историков считает такое маловероятным, «Повесть временных лет» утверждает, что Игорь был сыном Рюрика и после его смерти – приемышем Олега. Впрочем, усыновление в Скандинавии эпохи викингов было обычным делом во всех социальных слоях. Игорь – первый в полном смысле исторический правитель Руси, но княжение его не было особенно успешным. В 941 г. он возглавил поход на Константинополь, окончившийся катастрофой. Византийские галеры, оснащенные устройствами, мечущими греческий огонь, уничтожили большую часть Игорева флота, и сам он едва избежал гибели. Возможно, Игорь предводительствовал русью и в пиратском походе на Каспий в 943 г. Этот поход тоже кончился провалом: русов, занявших город Барда на территории нынешнего Азербайджана, выкосила

эпидемия. В 944 г. Игорь собрал новую армию из руси, славян и кочевников-печенегов для новой экспедиции в Константинополь, но, как сообщает «Повесть временных лет», византийцы в 945 г. откупились от него, предложив контрибуцию и новый торговый договор. Однако условия, предложенные византийцами, были не в пример хуже тех, которых добился в 911 г. Олег, то есть едва ли Игорь вел переговоры с позиции силы. Новый договор устанавливал русским торговцам квоты на закупки шелка в Константинополе и запрещал им зимовать на острове Березань в устье Днепра. Таким образом, Византия хотела избежать постоянного присутствия руси на Черном море. Скудость военной добычи побудила Игоря в 945 г. потребовать двойную дань со своих славянских подданных. Когда он во второй раз за месяц пришел за платой к древлянам, те напали на него и убили. Византийский историк Лев Диакон сообщает, что убийцы пригнули к земле два дерева и, привязав к ним ноги Игоря, отпустили, так что деревья, распрямившись, разорвали его надвое.

За свое неповиновение древляне заплатили дорогой ценой. Наследник Игоря, его сын Святослав (правил в 945–972 гг.), был еще ребенком, и защищать Киевское государство пришлось грозной вдове Ольге (древнескандинавское Хельга). «Повесть временных лет» описывает жестокую и, скорее всего, мифическую расправу, учиненную Ольгой над древлянами. Убив Игоря, они отправили к Ольге посольство с предложением выйти за их князя и тем самым объединить два народа. Этих послов Ольга велела живьем похоронить в могильном кургане. Пришло второе посольство, и его Ольга заживо сожгла в бане. После этого она позвала 5000 древлян на тризну по Игорю. Должно быть, древлянам нисколько не была любопытна судьба двух пропавших посольств к Ольге, потому что они поспешили на пир. Когда же древляне

изрядно захмелели, Ольга приказала своей дружине (эквивалент лида у викингов) прикончить их. Наконец, Ольга осадила древлянскую крепость Искоростень (ныне Коростень, Украина). Древляне предложили откуп мехами и медом, но Ольга затребовала только по три воробья и три голубя с каждого двора. Когда птиц доставили, их раздали воинам, которые привязали каждой на крылья по куску серы и подожгли. Птицы в ужасе помчались к своим гнездам в Искоростень, и весь город заполыхал. Справиться с таким большим пожаром было невозможно, и горожане поспешили прочь из города, где их постигла смерть от рук мстительной руси. Такой прием упоминается во многих фольклорных сказаниях о разных предводителях норманнов и нормандцев: например, Гутрум таким образом якобы взял Сайренсестер в Уэссексе. Правдив этот красочный рассказ или нет, но Ольга, несомненно, оказалась более чем способной регентшей и сохранила единство Киевского княжества, пока Святослав не достиг совершеннолетия (около 963 г.).

Речные дороги руси

Торговые пути, от которых зависело государство русов, начинались в Финском заливе, длинном роге Балтийского моря, ныне отделяющем Финляндию от Эстонии. Корабли, направлявшиеся в Древнюю Русь с запада, обычно шли укрытым от бурь путем вдоль финского берега через тысячи островов и отмелей к устью Невы, где теперь стоит Санкт-Петербург. По широкой и глубокой Неве легко попасть в Ладожское озеро, крупнейшее из европейских озер, примерно в 74 км от морского берега. Вероятно, шведские торговцы впервые пришли на Ладогу в первой половине VIII в. ради покупки у местных финнов мехов для продажи в Западную Европу. Особенно ценился шелковистый белый зимний мех горностая, за который давали высокую цену. Около 750 г. возникло постоянное поселение торговцев и ремесленников в Старой Ладоге, в нескольких километрах от озера на берегу главной из питающих его рек, Волхова. Самые ранние из обнаруженных на сегодня сооружений Старой Ладоги дендрохронология датирует 753 г. Скандинавам город был известен под названием Альдейгьюборг, производным от оригинального финского именования Алоде-йоки (Нижняя река). От финского происходит и славянское название Ладога. С момента основания город населяли люди разных народов: скандинавы, финны и славяне. У каждой из этнических общин было свое кладбище, а значит, и в жизни каждая община держалась своей части города. Погребальные дары из скандинавских могил показывают, что Старая Ладога поддерживала тесные связи с большим шведским островом Готландом: в серебряных кладах острова обнаружено много дирхемов, что подтверждает его

ключевую роль в торговле с Россией и Востоком. Предметы, обнаруженные в раскопках Старой Ладоги, указывают на широкий круг имевшихся здесь производств, в том числе ювелирное, стеклянное, кузнечное, бронзовое литье, обработку янтаря, кости и рога. Изготовленные здесь товары во множестве обменивались на меха у финнов, которые не знали искусства металлообработки. Города закономерно привлекали разбойников (и скандинавских, и местных), так что Старую Ладогу еще на ранних этапах существования обнесли валом. Таким образом, к 780-м гг., когда здесь появились первые серебряные дирхемы, это был вполне развитый город. Легким путем из Балтики в Старую Ладогу всегда могли воспользоваться скандинавские пираты. Археологические данные свидетельствуют, что около 860 г. город сожгли, а около 996–997 гг. его разграбил норвежский ярл Эрик из Ладе и потом, около 1015 г., возможно, и брат Эрика Свен.

До X в. Старая Ладога оставалась важнейшей из торговых факторий под властью русов. Дело было в стратегическом положении города: почти на берегу озера, из которого одна речная дорога уходила к Черному морю, а другая – на Каспий. Купцы, направлявшиеся торговать с исламским миром, проходили несколько километров обратно вниз по Волхову в Ладогу и вдоль ее южного берега плыли на восток до устья реки Свирь, второго по важности (после Волхова) притока Ладоги. Пройдя вверх по Свири, корабли попадали в Онежское озеро. Оттуда поднимались по реке Вытегре до ее истоков, а затем нужно было идти волоком по суше через каспийско-балтийский водораздел до истоков реки Ковжи. По Ковже доходили до озера Белого и финского города Кисима. В XIX в. через водораздел прорыли Волго-Балтийский водный путь, соединивший Онежское и

Белое озера. В X в. Кисиму покинули, поставив на южном берегу Белого, там, где из него вытекает Шексна, приток Волги, город Белоозеро. Как и в Кисиме, изначально в Белоозере жили преимущественно финны, но за несколько веков их постепенно вытеснили славяне, мигрировавшие с юга. Археологические раскопки обнаруживают достаточно указаний на широкие торговые связи города: украшения и оружие из Скандинавии, гребни из Фризии, винные амфоры из Крыма, керамику из Болгарии, стекло из Константинополя и янтарь с Балтийского моря.

Первым важным поселением на пути торговцев после выхода из Шексны в Волгу было Тимирево, большое неукрепленное торговое село приблизительно в 6,5 км от современного Ярославля, который в 1010 г. и заменил Тимирево в роли главного торжища верхней Волги. Монеты из кладов позволяют предположить, что основали Тимирево, вероятно, около 830 г. Погребения указывают на то, что среди населения значительную часть составляли скандинавы. В погребальных приношениях обнаружен так называемый ульфбертовский меч: норманнские воины высоко ценили эти франкские клинки особо искусной выделки с вытравленным именем мастера. В скандинавских погребениях на территории России найдено несколько франкских клинков, но они ввозились не только для русов: эти мечи также высоко ценились у торговавших с ними арабов.

Невдалеке от Тимирево располагалось еще одно важное поселение русов – Сарское городище на озере Неро, близ нынешнего Ростова. Изначально это была столица финского племени меря, вытесненного русью в начале IX в. Сарское городище пришло в упадок в конце X в., после основания (около 963 г.) населенного преимущественно славянами города Ростова.

Булгария на Волге

Через несколько дней пути после Тимирево путешественники покидали рубежи руси. Следующие 800 км торговцы двигались через малонаселенные земли и наконец, примерно в 30 км ниже впадения Камы в Волгу, достигали города Болгара. Это было торговое поселение волжских булгар, тюркского кочевого народа из Средней Азии, пришедшего на Волгу около 660 г. под водительством хана Котрага. Примерно в то же время другая булгарская орда мигрировала на Балканы, где они основали еще одно государство, предтечу нынешней Болгарии. К моменту первых контактов с русью в IX в. булгары были язычниками-шаманистами, но в X в. они обратились в ислам. В Болгаре, пока в начале X в. там не построили крепость и мечеть, почти не было постоянных зданий, и, скорее всего, он оставался сезонным поселением. Дальше Болгара большинство торговцев-русов не ездили. В Болгаре заканчивался шедший через всю Азию Шелковый путь и действовал крупнейший меховой торг, куда приходили самоеды с Белого моря и с Северного Урала. Южнее по Волге лежал Хазарский каганат, а дальше – Каспийское море. Шелковым путем или Волгой в Болгар прибывали арабские купцы – покупать у русов рабов, меха, воск и мед, балтийский янтарь и франкские мечи. Везли они, помимо тех самых вожделенных дирхемов, шелк, пряности, благовония и разноцветные керамические бусы, перед которыми женщины русов не могли устоять. В Болгаре работали местные переводчики, помогавшие русам и арабам понять друг друга. Болгарский хан облагал торговцев пошлиной в размере 10 % от стоимости товаров. Сам он, в свою очередь, отдавал часть собранных налогов хазарскому

кагану, которому повиновался. У русов в Болгаре был свой квартал, у реки, где они построили бревенчатые избы и воздвигли капище с деревянным идолом. Русы верили, что успех в торговых делах даруют боги. Перед торгом их купцы простирались перед идолом и перечисляли, какие товары привезли на продажу, совершали приношение еды и молили «послать купца, богатого динарами и дирхемами, который купит все, что я предложу, не торгуясь о цене». Если торговля удавалась, купец совершал благодарственное жертвоприношение овец и коров.

Арабский путешественник по имени Ахмад ибн Фадлан около 922 г. посетил Болгар и оставил подробное повествование о своих встречах с русами. Верующий и просвещенный мусульманин ибн Фадлан не пытается скрыть отвращения к поганой руси, сравнивая ее с бродячими ослами за то, что русы не моются после мочеиспускания и дефекации или после полового акта и не омывают рук после еды. Умывались русы только по утрам, но в грязной воде, потому что одним чаном пользовались по очереди и не видели ничего особенного в том, чтобы плюнуть или высморкаться в воду перед тем, как уступить свое место следующему. Русы чурались больных и дурно обращались с рабами (другие арабские авторы, впрочем, не соглашались: по их свидетельствам, русы обходились с невольниками хорошо, чтобы можно было подороже их продать). Половая жизнь русов ибн Фадлана одновременно восхищала и отвращала: особенно то, с какой небрежностью они прилюдно совокуплялись с рабынями, даже во время деловых переговоров с клиентами. Перед внешним обликом руси ибн Фадлан не сдерживает восхищения. Он пишет: «Нигде я не видел более совершенных тел, чем у них. Они подобны пальмам. Они светловолосы и румяны». Одевались русы в плащи, а другие арабские авторы упоминают их

мешковатые штаны, и каждый постоянно носил при себе секиру, меч и нож. Русы покрывали себя татуировками: этот обычай они, вероятно, переняли у кочевых тюркских племен вроде булгар и хазаров. Не меньше впечатлили Ибн Фадлана женщины русов, носившие, согласно его описанию, на груди круглые броши из меди, серебра или золота, в зависимости от общественного статуса. К этим брошам на кольце крепились ключи, символизирующие власть женщины в доме. Еще женщины носили на шее серебряные и золотые обручи. Ибн Фадлан сообщает, что, скопив 10 000 дирхемов, мужчина-рус переплавлял их на такой обруч для жены. И всякий раз, скопив еще 10 000 дирхемов, он отливал новый обруч. Викинги любили носить свое богатство на себе как для демонстрации статуса, так и для сохранности, и миллионы дирхемов, попавших к русам, ждала именно такая участь: переплавка на браслеты и ожерелья.

Ибн Фадлан описывает великолепие русского князя, которым в те годы был, вероятно, Игорь. Тот восседал на огромном троне, отделанном самоцветами, в окружении 40 рабынь, которые все были его наложницами. Он редко покидал трон. Если он хотел опорожнить кишечник, слуга приносил горшок, и даже своих наложниц он принимал сидя на троне. Если князю нужно было куда-то ехать, коня приводили в тронный зал, чтобы князь сел в седло прямо с трона – и так же он слезал с коня. Во дворце князь держал 400 воинов. Это была дружина, то есть личная стража. Как викинги в лиде, дружинники должны были хранить верность предводителю до собственной или его смерти, и у каждого дружинника, пишет ибн Фадлан, была личная рабыня, которая его одевала, мыла и прислуживала ему за столом, и другая – для плотских утех. Очевидно, ибн Фадлана весьма впечатлило, сколько секса могли позволить себе русы.

Норманнское корабельное погребение

Ибн Фадлана очень интересовали погребальные обычаи русов, и он с радостью воспользовался случаем посетить похороны одного из их предводителей. Тело этого знатного руса на 10 дней зарыли во временную могилу, пока шли приготовления к корабельному погребению по всем правилам. Русы придерживались обычая приносить в жертву умершему раба, чтобы сопровождал хозяина за гробом. Рабов знатного руса спросили, не хочет ли кто-нибудь умереть, и одна из рабынь согласилась. Фадлан пишет, что обычно именно рабыни добровольно соглашались быть принесенными в жертву хозяину. От привязанности ли к покойному или оттого, что жизнь секс-рабыни у русов была ужасна и путешествие в рай казалось привлекательным исходом, он не проясняет. Последние 10 дней своей жизни девушка получала самое лучшее обращение, но при этом ее ежеминутно стерегли, чтобы вдруг не сбежала, если передумает. Тем временем для покойника шили особый погребальный наряд, на сушу вытаскивали ладью и устанавливали ее ровно на погребальном костре. Всеми приготовлениями руководила старуха, названная у Фадлана «ангелом смерти». Фадлан описывает ее как ведьму, «толстую и злобную». Вероятно, то была вёльва (прорицательница): викинги приписывали вёльвам способность к магии и предсказанию будущего. В день похорон покойника извлекли из временной могилы, одели и уложили на сработанную для этого кровать под шатром в ладье, рядом положили оружие. В ладью снесли приношения: еду и хмельное питье, а также разрубленные тела

жертвенных животных: собаки, двух лошадей, двух быков, петуха и курицы.

Тем временем девушку-рабыню передавали друг другу мужчины из рода покойного, каждый из которых совершил с ней половой акт и просил сказать умершему, что она делает это «только из любви к нему». С наступлением вечера с девушкой совершили особый ритуал: ее трижды поднимали, давая заглянуть за особые деревянные ворота. Первый раз, выглянув, девушка сказала: «Я видела отца и мать». Второй раз: «Я видела всех моих покойных родных». Третий раз сказала: «Мой хозяин сидит в раю, там зелено и прекрасно. С ним мужи и юные, и он зовет меня. Пошлите меня к нему». После этого девушку увели к ладье. Там она сняла с себя два браслета и отдала ангелу смерти, вёльве, которая должна была лишить девушку жизни. Жертву подняли в ладью и дали ей одурманивающий напиток, над которым она, прежде чем выпить, спела. Напиток, вероятно, содержал наркотик, так как девушка вскоре стала вести себя неадекватно. Когда она окончательно охмелела, ее увели в шатер. Тут дружинники покойного стали колотить по щитам палками, заглушая крики девушки, чтобы другие рабыни не услышали, не встревожились и после не боялись бы отдать себя в погребальную жертву. Затем последовало ритуальное изнасилование. В шатер вошли шестеро мужчин и совершили с жертвой половой акт, после чего ее уложили рядом с покойником. Четверо из мужчин держали ей руки и ноги, а двое взялись за концы веревки, наброшенной жертве на горло, чтобы в нужный момент затянуть. Теперь все было готово, и ангел смерти принялась вонзать девушке нож между ребер, а те двое душили ее веревкой, пока она не умерла. Тело девушки оставили рядом с телом вождя.

Здесь наступила кульминация погребальной церемонии. Ближайший из мужчин-родственников покойного, раздевшись донага, спиной вперед подошел к ладье с пылающим факелом в руке и зажег погребальный костер. После этого люди потянулись к костру, каждый нес горящую ветвь и кидал в него. Вскоре запылали и ладья, и шатер. Один из русов сказал ибн Фадлану, что арабы глупы, раз зарывают тела самых дорогих людей в землю на корм червям: «Мы же вмиг сжигаем их в пламени, чтобы они попали в рай немедленно и тотчас». Когда костер прогорел, над углями насыпали курган, а на его вершине вбили деревянный столб с вырезанным на нем именем покойного вождя – предположительно рунами.

В Хазарский каганат

Особо предприимчивые русы могли отправиться торговать дальше: проплыть еще 1450 км вниз по Волге до Итиля (или Атиля), столицы Хазарского каганата. Ее местонахождение до сих пор точно не определено, но, вероятнее всего, она располагалась недалеко от нынешнего села Самосделка в дельте Волги, где в 2008 г. археологи обнаружили следы крупного раннесредневекового города. Из Киева торговцы-русы могли добраться до Итиля коротким путем: спуститься по Днепру в Черное море, оттуда плыть в Азовское и подниматься по Дону до хазарской пограничной крепости Саркел, ныне ушедшей под воду созданного при Сталине Цимлянского водохранилища. Выше Саркела Дон сближается с Волгой, там их разделяют лишь около 65 км. Сегодня в этом месте проложен Волго-Донской канал, соединяющий две реки, но русам приходилось нести или волочить свои суда по земле, чтобы выйти в Волгу и доплыть до Итиля.

Арабы, посещавшие Итиль, писали, что город был разделен на три части рукавами Волги. В западной его части располагались административный центр, суды, крепость и стоял гарнизон. В восточной части сосредоточивалась торговля, там русы и вели дела с арабскими купцами. Пошлины, составлявшие десятую часть стоимости товара, проданного на здешних рынках, и были основным источником дохода каганата. Между западной и восточной половинами, на острове, пребывали монархи – там стояли дворцы кагана и бека. Арабские источники характеризуют кагана как духовного лидера, живущего в уединении, тогда как бек – это визирь, или первый министр, ответственный за управление государством и командующий его военными

операциями. Дворец и связанные с ним здания были выстроены из каменных блоков и кирпича, большинство же населения города жило в традиционных войлочных юртах. Многие проводили в городе только зиму, а летом возвращались в степь на кочевье. Каганат был веротерпимым и многоконфессиональным государством. Каган и члены правящей элиты в начале VIII в. обратились в иудаизм, но большинство их подданных сохранили приверженность традиционным шаманистским верованиям. В Итиле существовали сообщества христиан, мусульман и язычников (в основном это были иноземные торговцы), и у всех имелись свои места отправления культа. Для разрешения споров, возникавших между носителями разных верований, работал особый суд из семи судей: двоих христиан, двоих мусульман, двоих иудеев и одного, представлявшего шаманистов и язычников.

Серкланд

Для некоторых купцов-русов Итиль был только остановкой на долгом пути в Аббасидский халифат, или Серкланд, как его называли викинги (вероятно, из-за свободных арабских одеяний, от слов serkr – платье, одежда, и land – страна). Взяв в Итиле корабль и переплыв Каспийское море, купцы попадали в города Абаскун и Ардебиль на территории нынешнего Ирана, откуда караванным путем через Иранское нагорье и хребты Загроса выходили на жаркие сухие равнины Месопотамии и достигали Багдада. Отправившийся из Швеции купец обычно оказывался в Багдаде через два или три года. Что он думал, впервые увидев верблюда, остается только гадать. Персидский географ Ибн Хордадбех в 840-х гг. писал, что прибывающие в Багдад русы пытаются выдавать себя за христиан, потому что для мусульман христиане более приемлемы, чем язычники, и что они платят «джизью» – податью, взимаемой с каждого неверного. Совершая сделки с русью, арабы прибегали к помощи славян-евнухов, которые им переводили. Обычно пришельцев-русов арабы относили к «сакалиба», то есть белокожим и светловолосым людям, таким как славяне. Отдельные арабские авторы, например много путешествовавший Аль-Масуди (умер в 957 г.), понимали, что русы и маджусы, время от времени нападавшие на мусульманскую Испанию, – один и тот же народ.

Багдад, основанный в 763 г., бурно рос, и уже к началу IX в. это был крупнейший город мира – в нем жило более миллиона человек. Столицей Арабского халифата его сделали по политическим и экономическим соображениям. Город находился почти в центре государства, и его окружали плодородные

орошаемые земли Месопотамской низменности. Это позволяло прокормить большое население без необходимости возить продовольствие издалека. Город стоял на Шелковом пути, главной караванной дороге в Китай, и одновременно на судоходной реке Тигр, обеспечивавшей сообщение с Басрой и Персидским заливом и выход на морскую дорогу в Индию и к Молуккским островам. У торговых русов, добравшихся до Багдада, должно быть, кружились головы от вида, запахов и вкусов тех товаров, что продавались на десятках специализированных городских рынков: мясных, овощных, фруктовых, текстильных, книжных, невольничьих, металлических изделий, китайских товаров. Был там даже цветочный рынок. Вместе с тем по сравнению с Константинополем Багдад, похоже, не так сильно бередил воображение викингов. Наверное, очень немногим удавалось проделать столь долгое и трудное путешествие, а может быть, дело в том, что в Багдаде было жарко и пыльно, а сам он строился главным образом из скучного глинобитного кирпича и не впечатлял, как мощные каменные стены Константинополя и его огромные соборы.

Русь на Каспийских берегах

Известно несколько случаев, когда флоты русов выходили в Каспийское море и нападали на мусульманские города вдоль его западного и южного берегов. Эти вторжения могли совершаться лишь с помощью хазаров, землю которых русам нужно было миновать по пути в Каспий. Первое из описанных нападений произошло где-то между 864 и 884 гг., и это был неудачный поход на Абаскун. В 910 г. русы совершили более успешный поход туда же на 16 судах, а в 911 или 912 г. Абаскун подвергся нападению в третий раз. В 913 г. русы вернулись с бóльшими силами – на 500, как сообщает Аль-Масуди, ладьях, в каждой из которых плыло 100 воинов. Флот спустился из Киева по Днепру и Черным морем прошел вдоль побережья Крыма в Азовское море. В обмен на половину добычи хазарский каган позволил русам подняться по Дону выше Саркела, переволочь суда в Волгу и дойти до Каспия.

Русы сначала напали на Абаскун, потом пошли на запад вдоль побережья Табаристана, затем на север к Азербайджану, который был известен еще под названием Нефтяной берег из-за обилия естественных нефтяных скважин. В Азербайджане русы вторглись вглубь материка на три дневных перехода, чтобы разграбить караванный город Ардебиль. На побережье не ждали нападения, и никаких войск не было. Русы грабили и жгли, забирали пленников и «проливали моря крови», не встречая никакого заметного сопротивления. Когда они захватили несколько островов у побережья Ширвана, эмир собрал все суда, какие только смог, и напал на русов. Не имевшие опыта войны на море, мусульмане не могли тягаться с русью, и тысячи их в

тот день погибли от рук разбойников или утонули. Вернувшись на Волгу, русы отправили вестников к кагану сообщить, что возвращаются и готовы отдать условленную долю добычи, но каган оказался в таком положении, что уже не мог обеспечить русам безопасный проход. Мусульманские подданные кагана, возмущенные вестями о зверствах руси, перехватили плывущих по Волге разбойников, истребив, согласно Аль-Масуди, 30 000 человек. Уцелевшие ушли вверх по реке, но попали в засаду булгар, которые довершили истребление. Предводитель этого похода неизвестен, но вероятно, что им был Олег: и возможно, в каком-то из этих сражений он и погиб, так как 913-й считается годом его смерти.

После этого разгрома русь не возвращалась на Каспий до 943 г., когда опять приплыла в Азербайджан. Имя предводителя этого похода также неизвестно, но Киевской Русью на тот момент правил Игорь. Русы поднялись на веслах более чем на 160 км по реке Куре до города Барда. Серьезно недооценив силы противника, эмир вышел им навстречу за городскую стену с 600 персидскими и курдскими наемниками и 5000 городского ополчения. Под яростным натиском русов необученные ополченцы ударились в бегство, а следом за ними и наемные солдаты. Только персы не покинули поля битвы, и большая их часть полегла. Взяв город, русы постарались успокоить население, заявив, что они не против ислама и будут обращаться с горожанами по-доброму, если те станут служить новым правителям. Богатые горожане, которым было что терять, смирились, но простолюдины, когда войско эмира попыталось отбить Барду, восстали против русов. После этого русы дали горожанам три дня, чтобы те покинули город. Большинство ультиматуму не вняли – вероятно, идти людям было некуда, – и на четвертый день захватчики устроили резню, избив многие тысячи

и еще 10 000 взяв в плен. Взрослых мужчин отделили от женщин и детей и заперли в главной городской мечети, требуя выкупа. Городской чиновник-христианин договорился о цене в 20 дирхемов за человека. Иные заплатили, но большинство мусульман отказались: они сочли, что не должны платить ту же сумму, что и облагаемые джизьей христиане. Русы в конце концов потеряли терпение и перебили заложников. Те, кто внес выкуп, получили глиняный черепок, дававший право свободного прохода. Женщин и детей русы не отпустили: персидский историк Ибн Мискавейх (умер в 1030 г.) пишет, что их насиловали и забирали в рабство. Викинги широко славились как «грабители и насильники», но, строго говоря, это один из весьма немногих примеров, когда современник недвусмысленно обличает их в сексуальном насилии. Молчание источников свидетельствует не о том, что такое насилие было редкостью, а о том, что викинги в этом отношении были не хуже и не лучше любых других воинов. Невольницы, кому бы они ни принадлежали, не имели никаких прав, и считалось естественным использовать их для плотских утех: ведь это, в конце концов, законное имущество.

Бедствия Барды прекратились, когда среди русов разразилась эпидемия дизентерии, постепенно косившая их полки. Узнав об этом, эмир подступил к городу. В одну из ночей русы предприняли вылазку, но потерпели поражение, потеряв 700 человек. Они отступили в городскую цитадель, но эпидемия не прекратилась. Под покровом ночи оставшиеся русы бежали из города, взяв, сколько могли унести, добра и таща за собой рабов, и добрались до судов, оставленных на берегу реки. Суда стояли под охраной, вероятно защищенные укреплением типа лонфорта. После бегства русов мусульмане разрыли могилы

умерших от эпидемии, чтобы забрать похороненные вместе с воинами мечи.

Поход на Барду не мог совершиться без потворства хазар, но, должно быть, это обернулось немалым недовольством их мусульманских соседей и подданных. Около 960 г. каган Иосиф

писал кордовскому халифу Абд ар-Рахману III, что больше не пропускает корабли русов на Каспий грабить мусульман. Он должен так поступать, пишет каган, потому, что, «если дать им малейшую поблажку, они опустошат все мусульманские земли до самого Багдада». Арабы, видимо, разделяли эту точку зрения. Два каспийских похода русов потрясли исламский мир. Ибн Мискавейх считал норманнов непобедимыми воинами. «Они не признают поражения, – писал Мискавейх. – Ни один не покажет спину, они только побеждают или погибают». Другой автор, Аль-Марвази, восхищаясь их храбростью, писал, что один рус «стоит нескольких воинов любой другой крови», и радовался, что русы сражаются в пешем строю: «Будь у них кони и будь они всадники, стали бы бичом всей земли».

Дорога в Миклагард

Константинополь, именуемый просто Миклагард, то есть «великий город», как ни одно другое место захватывал воображение викингов. Имея полумиллионное население, он был крупнейшим и, без сомнения, прекраснейшим городом Европы. Точно неизвестно, когда первые русы достигли Константинополя, но, вероятнее всего, это произошло до 839 г., так как в том году несколько русов прибыли ко двору императора франков в составе византийского посольства. Византийское Житие святого Георгия Амастридского, написанное не позже 848 г., содержит рассказ о набегах русов на город Амастрис (ныне Амасра) на анатолийском побережье Черного моря вскоре после смерти святого (806 г.), откуда ясно, что дорогу в Константинополь норманны узнали, самое позднее, в начале IX в.

Основной путь в Константинополь из Старой Ладоги шел вверх по течению реки Волхов до укрепленного поселения Городище («крепость»), расположенного недалеко от места выхода Волхова из озера Ильмень. В эпоху викингов Городище находилось на низменном острове и потому звалось у норманнов Хольмгард (Островной город). Это было небольшое славянское поселение, попавшее под власть скандинавов, судя по всему, примерно в середине IX в., а значит, именно там, вероятнее всего, и устроил свою столицу Рюрик. На этом месте найдено множество скандинавских артефактов, в том числе два амулета с руническими заклинаниями. Около 930 г. Городище покинули, жители его перебрались на новое место в 2 км ниже по течению: так основали Новгород, то есть «новый город». Волхов делил Новгород на две части:

Софийскую сторону на западном берегу и Торговую – на восточном. Позже, в эпоху викингов, берега соединили мостом. На Софийской стороне кварталы ремесленников и торговцев теснились вокруг мощно укрепленного кремля, где в XI в. возвели собор Св. Софии. На торговой стороне вокруг княжеского дворца выросла колония торговцев, преимущественно иноземных. Весь город был обнесен оборонительным валом. Новгород быстро стал главным центром руси на северо-востоке России, отчего Старая Ладога пришла в упадок. Связи Новгорода со Скандинавией не прервались и по окончании эпохи викингов: среди его западных торговых партнеров стали преобладать ганзейские купцы из города Висбю, что на острове Готланд. В наше время в Новгороде активно ведутся археологические раскопки. Насыщенная водой почва прекрасно сохраняет одежду, мебель и другие артефакты, сделанные из органических материалов. Самые важные находки – это более 1000 деловых писем и отчетов на древнерусском языке, нацарапанных на березовой коре кириллицей. Скандинавских артефактов обнаружено немного, из чего явствует, что Новгород с самого начала был преимущественно славянским городом, во всяком случае в плане материальной культуры.

Дальнейший путь из Новгорода пролегал через озеро Ильмень и по реке Ловати до ее истоков, где суда переволакивали сушей в Западную Двину. Другая дорога из Скандинавии, огибавшая Новгород, выходила к Ловати примерно в середине ее течения, между озером Ильмень и истоком. Эта дорога начиналась от Финского залива и шла по реке Нарва (нынешняя граница между Россией и Эстонией) до Чудского озера и городов Пскова и Изборска. Изборск, старший из двух, вырос из небольшого поселения на вершине холма, где жили вместе финны, славяне и скандинавы. В X в. его обнесли валом и частоколом, а в XI в. вершину холма

окружили каменной стеной. И хотя Изборск оставался важной пограничной крепостью, торговые дела мало-помалу оттягивал на себя соседний Псков, город на берегах реки Великой. По этой реке поднимались караваны до истока, а там переволакивались в долину Ловати и выходили на дорогу в Константинополь южнее Новгорода. Около 10 % изученных погребений эпохи викингов в окрестностях Пскова содержат скандинавские артефакты, остальное население было финским и славянским.

Западная Двина течет на запад, и в Риге (где ее называют Даугава) впадает в Балтийское море. Эта река была важной торговой дорогой, но ее устье удерживали латгалы, и она не вошла в число главных путей руси. Достигнув Западной Двины, торговые русы спускались по ней до Витебска, где начинался следующий волок, выводивший около города Гнёздово, предшественника современного Смоленска, в реку Днепр. Лежащее на половине пути из Новгорода в Киев, Гнёздово было важной остановкой для купцов. Возле города располагалось обширное огненное кладбище, более 4000 курганов. Скандинавских артефактов там обнаружено больше, чем где-либо еще на территории России, но, несмотря на это, 95 % погребений принадлежат местному славянскому племени кривичей. Есть на этом кладбище и несколько скандинавских воинских погребений, содержащих оружие, ладьи и останки жертвенных рабынь, как и описывал ибн Фадлан. О дальних торговых связях города свидетельствуют семь кладов с арабскими и византийскими монетами, франкскими мечами и крымской винной амфорой.

Киев

Из Гнёздова можно было по Днепру доплыть до Черного моря, но для многих торговцев главной целью был Киев, к концу IX в. ставший главным административным центром Руси. По дороге к Киеву корабли проходили невдалеке от Чернигова, города не Десне, левом притоке Днепра. Поселений русов здесь доныне не обнаружено, но открыто их крупное кладбище, относящееся к эпохе викингов, а значит, где-то невдалеке от него наверняка существовали город или село. Именно на этом кладбище находится Черный курган – самый большой из известных погребальных курганов языческих русов. Под курганом высотой 11 м была погребена сожженная ладья с останками мужчины-воина и женщины. После кремации над останками насыпали холм, на вершину которого возложили оружие и доспехи покойного и котел с козлиными костями, два рога для питья и статуэтку бога-громовержца Тора. Затем курган насыпали до полной высоты и на вершине воздвигли столб. Вероятно, это захоронение принадлежит знатному русу, состоявшему на службе у киевского князя.

Нынешняя столица Украины – Киев, называвшийся у викингов Кенугард, построен на трех высоких холмах над Днепром. Раскопки показывают, что еще до того, как во второй половине IX столетия Киев попал под власть русов, он уже был важным славянским городом с языческим святилищем. Центр города располагался на Старокиевской горе, где стоял хорошо укрепленный кремль, место пребывания князя и дружины. В X в.

под кремлевской горой, на Подоле, низменном берегу Днепра, сформировалось крупное поселение торговцев и ремесленников. В Киеве обнаружены лишь

отдельные погребения эпохи викингов – вероятно, потому, что последующий рост города разрушил ранние кладбища.

Вниз от Киева путешествие по Днепру становилось с каждым километром все опаснее, потому что в низовьях реки обитали враждебные русам кочевники печенеги. В XX в. русло Днепра изменили обширные водохранилища, но в эпоху викингов путь кораблям преграждали тянувшиеся на 75 км пороги, начинавшиеся южнее современного Днепропетровска. Для их преодоления приходилось несколько раз вытаскивать суда на сушу и передвигаться берегом, и в эти моменты экспедиция была особенно уязвима для печенежских засад. Из-за этой опасности торговцы по весне собирались в крепости Витичев, в 55 км к югу от Киева, чтобы идти большим караваном и вместе защищаться. Ходу до Константинополя было пять-шесть недель, потому отправляться в путь нужно было до конца июня, чтобы вернуться домой, пока реки не скует лед. Новые суда для этих походов строились каждый год. Пока не обнаружено ни одного такого судна, но греческие и арабские источники сообщают, что это были большие долбленки с надшитыми бортами, возможно мало отличавшиеся от «чаек», которые в тех же местах в начале нового времени строили запорожцы. Изготавливалась такая лодка путем выдалбливания древесного ствола. Эту работу выполняли зимой славянские данники русов в лесистых областях к северу от Киева. Когда реки вскрывались, колоды сплавлялись по течению в Киев, где им надставляли дощатые борта, устраивали скамьи для гребцов и устанавливали мачты с парусами.

От Витичева до первого днепровского порога шли 10 дней. Византийский император Константин VII Багрянородный (правил в 913–959 гг.) перечисляет в политическом трактате «Об управлении империей»,

написанном ок. 948 г., древнескандинавские названия днепровских порогов. Первый, под названием Эссупи (Не спи), был при нужной сноровке проходим: русы тащили суда на руках по отмелям вдоль берега. Таким же способом проходились следующие два порога, Улворси (Островной) и Геландри (Ревущий). Четвертый, Айфор (Непроходимый порог), был самым большим, и его нужно было обходить по суше 6 км. Часть людей приходилось отправлять в дозор, на случай печенежского набега, остальные вытаскивали суда на сушу и разгружали. Это было необходимо не только затем, чтобы облегчить ношу, но и потому, что без опоры на воду лодка переломилась бы под весом груза. Рабов вели по берегу в шейных оковах и, несомненно, заставляли тащить остальной товар. В Пильгордсе (остров Готланд) поставлен рунический камень в память викинга по имени Рафн, утонувшего при попытке преодолеть Айфор. Следующие два порога, Баруфорос (Порог волн) и Леанти (Смеющийся порог), можно было преодолеть тем же способом, что и первые три. У начала последнего порога, Струкуна (Стремительный), был брод Кичкас, важная переправа. Днепр в этом месте разливается широко, но мелеет. Утесы над этим бродом были любимой позицией печенегов для засады на русов, проходящих мелководье. Пройдя Кичкас, русы причаливали к острову Хортица, где возносили своим богам благодарственные жертвы под огромным дубом.

Ниже Хортицы Днепр расширялся, и русы могли идти на расстоянии от берега, не опасаясь получить стрелу от печенегов, которые неизменно сопровождали караваны по берегам. Еще через четыре дня пути купцы достигали Черного моря и острова Березань, где останавливались на трехдневный отдых и по необходимости чинили суда. Дальше шли на юг вдоль морского берега, а печенеги продолжали преследовать

караваны до самого устья Дуная в надежде, что какие-то суда вынесет на берег и их можно будет захватить. За устьем Дуная главные опасности пути оставались позади, и русы спокойно шли до пролива Босфор и Константинополя, где, как писал Константин Багрянородный, «завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание»[4].

Град Константина

Константинополь (современный Стамбул) был основан в 324 г. римским императором Константином Великим (правил в 306–337 гг.) на месте античного греческого порта Византиум. Первый из римских императоров, принявших христианство, Константин хотел, чтобы новый город, который он скромно именовал в свою честь, стал новой христианской столицей империи, не затронутой язычеством. После смерти императора Феодосия I в 395 г. Римская империя окончательно разделилась надвое, и Константинополь стал столицей Восточной Римской империи, которую по причине доминирования там греческого языка и культуры историки договорились называть Византией. Впрочем, византийские правители с этим наименованием не согласились бы: они неизменно объявляли себя именно римскими императорами. Выбор места для города был просто гениальным. Константинополь стоит на узком Босфорском проливе, отделяющем Европу от Азии и соединяющем Черное море со Средиземным. На этом естественном перекрестке город скоро превратился в процветающий торговый центр. Константинополь расположился на полуострове, с одной стороны омываемом Босфором, с другой – водами обширной закрытой бухты Золотой Рог. Это было не просто удобно для прибывающих сюда торговых судов, но также обеспечивало городу отличную защиту. От материка мыс отгородили каменной стеной, но город скоро перешагнул эту границу. Между 404 и 413 гг. построили новые стены, более чем на 1,5 км дальше вглубь материка. Еще через 25 лет город обнесли стенами и со стороны моря – для защиты от корабельной атаки. Золотой Рог в военное

время загораживали от судов, протягивая поперек входа в бухту железную цепь, что давало городу еще более надежную защиту от нападения с воды. В 447 г. стены частично разрушило землетрясение, и император Феодосий II (правил в 408–450 гг.) распорядился отстроить новые укрепления, вырыть ров и возвести три кольца стен, так что Константинополь обзавелся самым неприступным фортификационным сооружением среди всех городов тогдашнего мира. Феодосиевы стены, пожалуй, самый удачный за всю историю пример крепостного строительства: их лишь однажды преодолел враг – в 1453 г., когда город пал под натиском османов.

При всей мощи константинопольских укреплений его несметные богатства слишком соблазняли русов, чтобы те не попытались завладеть ими силой. Первый раз они подступили к городу 18 июня 860 г., пока император Михаил III был в походе против халифата. Сильный византийский флот тоже ушел в Средиземное море воевать против арабских пиратов. Нападение застало греков врасплох – патриарх Фотий писал, что вторжение было подобно грому среди ясного неба, – и они вряд ли могли помешать русам, которые, разграбив пригороды Константинополя, отправились через Босфор в Мраморное море, по берегу которого разоряли и жгли села, церкви и монастыри, убивали и угоняли в рабство жителей. Вместе с тем русы не пытались штурмовать стены Константинополя, так что сам город не пострадал. Почти никакого сопротивления пираты не встречали, и то, что 4 августа они наконец ушли, греки приписывали вмешательству Богородицы. Вероятно, русы торопились вернуться домой до того, как станут реки, оставив их на милость печенегов.

Согласно «Повести временных лет» второй поход на Константинополь возглавил Олег в 907 г. Он привел в Босфор 2000 ладей, но вход в Золотой Рог оказался

заперт железной цепью. Не растерявшись, русы перетащили свои ладьи в залив в обход цепи по суше, как они делали на днепровских порогах. Олег повесил на воротах города свой щит, но византийцы отбили нападение. Впечатленные свирепостью русов, они впоследствии пошли на заключение с ними торговых соглашений в 907 и 911 гг. Принять этот рассказ мешает одно обстоятельство: описываемые события не упоминает ни один византийский автор, что весьма странно, если такое в самом деле было. Третью попытку захватить Константинополь предпринял в 941 г. Игорь. Частично сохранившееся письмо безвестного хазара анонимному иудею, так называемый Кембриджский документ, наталкивает на мысль, что поход инициировали хазары, решившие наказать императора Романа I Лакапина (правил в 920–944 гг.) за антииудейскую политику. Игорь (в письме называемый Хельгу) соглашается пойти на Константинополь в уплату за освобождение из плена, куда он попал после тяжелого поражения от хазар. Флот Игоря числом, по летописи, в 1000 судов в мае пришел к анатолийским берегам, где русы предались буйному грабежу перед броском на Константинополь. И армия, и флот византийцев в тот момент были в походе, и вся защита столицы была в 15 старых дромонах, оснащенных аппаратами, мечущими греческий огонь. Формулу этого состава держали в строгой тайне, но это была зажигательная смесь, вероятно на основе нефти. Прежде русы никогда не сталкивались с этим оружием, и их ладьи сгрудились вокруг дромонов, вышедших на бой. Тут русов ждало непредвиденное:

> «Когда враг окружил их галеры, греки принялись разбрасывать свой огонь, русы же, завидев пламя, бросались в воду, предпочитая лучше утонуть, чем сгореть заживо. Иные ушли

на дно под тяжестью своих доспехов, другие, плывя по волнам, загорелись; никто в тот день не спасся, кроме тех, кому удалось уйти на ладьях к берегу. Корабли русов по причине невеликого размера могут ходить по самым мелким водам, там, где греческие галеры на пройдут из-за большого водоизмещения».

Лиутпранд Кремонский.

«Посольство в Константинополь»

Победа византийцев не была столь безоговорочной, как явствует из этого рассказа. Русов уцелело довольно, чтобы еще несколько недель грабить азиатский берег Босфора и дойти вглубь материка до Никомедии (ныне Измит). Ушли они только в сентябре, когда в Константинополь наконец вернулась греческая армия. Русы поплыли к берегам Фракии (территория нынешней Болгарии) и продолжили грабеж. В момент, когда они совсем уже было собрались лечь на обратный курс, внезапно налетел византийский флот, и лишь горстке ладей удалось ускользнуть. Захваченных русов доставили в Константинополь, где и обезглавили.

Ассимиляция и обращение

К середине X в. русы, через смешанные браки постепенно ассимилируемые местным славянским населением, стали утрачивать скандинавскую культурную идентичность. Сам Святослав был показателем этой ассимиляции: до него все правители русов носили скандинавские имена, его же имя славянское. Славяне или, по крайней мере, мужчины со славянскими именами стали занимать высокое положение. Имена русов, засвидетельствовавших торговые соглашения с Византией 907 и 911 гг., исключительно скандинавские. Половина подписей под новым Игоревым соглашением 945 г. – славянские. Уже к 907 г. русы, судя по всему, переняли местные религиозные верования, клялись при подтверждении договоров славянскими богами Перуном-громовержцем и Велесом, хранителем скота. Норманнские воины пока еще понемногу текли на Восток служить дружинниками русским князьям, но эти коренные скандинавы, в отличие от славянизированной руси, назывались иным именем – варяги. Это слово происходит, предположительно, от древнескандинавского vár (присягать) и связано с норманнским обычаем клясться в верности товарищам перед каким-то общим делом, будь то военный поход или торговая экспедиция.

Несмотря на славянское имя, правил Святослав как самый обычный пиратский конунг. Достигнув совершеннолетия (около 963 г.), он бóльшую часть времени проводил в военных походах против печенегов, волжских булгар и хазаров. Побудительные мотивы у него, вероятно, были двоякие: полностью взять под контроль торговые пути по Волге и Дону и заставить печенежских, хазарских и булгарских данников платить

руси. Итогом важнейшего из походов Святослава, совершенного около 965 г., стало обложение данью хазар и волжских булгар. Русы взяли и разорили и Болгар, и Саркел, и Итиль. Ибн Хаукаль приводит слова очевидца, бывшего при захвате Итиля: «Ни в виноградниках, ни в садах и того не осталось, чтобы нищему подать. Русы не оставили листа на ветке. Не стало в округе ни винограда, ни изюма»[5]. Этот поход положил конец хазарской силе, и пираты-русы вновь стали ходить на Каспий: их нападения во множестве отмечаются хронистами до приблизительно 1030 г. Разрушив Итиль и Болгар, Святослав обратил свой взор на балканскую родню волжских булгар. В этом его поощрял византийский император Никифор Фока (правил в 963–969 гг.), пообещав в 967 г. князю русов 680 кг золота, если тот станет его союзником против Болгарии. Так началось вовлечение русов в византийскую политику, коварство которой вошло в поговорки; участие в этой игре будет стоить Святославу жизни. Византийский посол Калокир, отправленный на переговоры со Святославом, замышлял захватить императорский трон. Он заключил с князем секретное соглашение: в обмен на помощь в захвате власти обещал оставить русам Болгарию, если те смогут ее покорить. В августе 967 г. Святослав вторгся в Болгарию и захватил важный торговый город Переяславец в устье Дуная. Закрепись он там, Святослав взял бы под контроль Дунай, важную торговую дорогу из Центральной Европы. Однако в 968 г., когда Святославу, получившему вести об осаде Киева печенегами, пришлось уйти, болгары отбили свой город. В 969 г. Святослав вернулся, вновь захватил Переяславец и с ходу двинулся штурмовать болгарскую столицу Преслав и крепость Доростол (в Силистре). На его беду в этот момент в Константинополе сменилась

власть. Заговор Калокира раскрыли, а Никифора Фоку сверг и убил любовник его жены Иоанн Цимисхий (правил в 969–976 гг.).

Иоанн посулил выплатить Святославу обещанное Никифором золото, если русы уйдут из Болгарии. Святослав отказался от переговоров и презрительно заявил, что скоро будет у ворот Константинополя. В 970 г. он перешел Балканы и разорил византийский город Филипополис (Пловдив, Болгария). Византийский историк Лев Диакон, после этого лично встречавшийся со Святославом, обвиняет князя в том, что под стенами города тот посадил на кол 20 000 пленников. Из Филипополиса Святослав двинулся прямиком на Константинополь, но на расстоянии нескольких дней пути до него, в Аркадиополе (Люлебургаз, Турция), меньшая по численности византийская армия разбила русов и отбросила обратно за Балканский хребет. На Пасху 971 г. Иоанн Цимисхий перешел в наступление и после недолгой осады захватил Преслав. В те же дни 300 византийских кораблей с огненными сифонами вошли в Дунай, захватили Переяславец и отрезали Святославу пути к отступлению. Святослав ушел в Доростол, где византийцы осадили его и с суши, и с реки. Все отчаянные попытки русов вырваться из города потерпели неудачу, и через два месяца голод вынудил Святослава просить мира. Цимисхий согласился, если Святослав откажется от претензий на Болгарию, беспрепятственно пропустить его войско домой да еще и снабдить провизией в дорогу. Это, однако, было уловкой: одновременно

Иоанн вел переговоры с печенегами. По пути в Киев на Днепре, предположительно у переправы Кичкас, печенеги подстерегли корабли Святослава. Князь и большая часть войска погибли. Отдавая Святославу наивысшую почесть, какую один предводитель

варваров может оказать другому, печенежский хан Куря сделал из его черепа почетную чашу для питья.

Царство Святослава оказалось непрочным. Вскоре после его смерти между подростками-наследниками Ярополком, Олегом и Владимиром (Великим) вспыхнула кровавая усобица. Ярополк убил Олега, и Владимир бежал в Швецию. В 980 г. он вернулся с 6000 воинов-варягов и занял Киев. Затем заманил Ярополка на мирные переговоры, где того и прикончили двое варягов. Княжение Владимира (980–1015 гг.) стало одним из самых значимых в русской истории. Оно положило конец норманнскому государству в Киевской Руси. В начале своего княжения Владимир ревностно поклонялся Перуну-громовержцу, но в 988 г. принял судьбоносное решение креститься в православие.

«Повесть временных лет» содержит довольно фантастический рассказ об обращении Владимира. В 987 г. князь отправил послов в разные страны с поручением все узнать о монотеистических религиях: иудаизме, исламе, римско-католической вере и православии. Иудаизм Владимир отверг из-за того, что евреи лишились своей земли, а значит, оставлены Богом. Ислам не подошел, потому что запрещает свинину и хмельное. Особенно последнее. Посланные в Германию узнать о католицизме без восторга описывали угрюмые храмы, зато посланцы в православный Константинополь пылко восхищались красотой богослужения, которое они посетили в величественном Софийском соборе. По их словам, они не могли понять, на земле они находятся или на небе. Впечатленный, Владимир согласился креститься в обмен на руку Анны, сестры императора Василия II. Насколько обрадовала Анну перспектива выйти за варвара, у которого, как говорили, уже было несколько жен и 800 наложниц, покинуть изысканный и комфортный Константинополь и отправиться в

деревянные терема Киева, неизвестно. Крестился Владимир в 988 г. в византийском городе Херсонесе, что на полуострове Крым. По возвращении в Киев он разрушил языческие капища, выбросил в Днепр идол Перуна и повелел всем подданным, начиная с 12 своих сыновей, креститься. Примечательно, что языком богослужения стал старославянский: явный знак того, что элита русов уже была славяноговорящей.

Греческие и арабские источники дают совсем другую и в целом более правдоподобную картину обращения Руси. В раннем Средневековье римско-католические миссионеры спорили с православными за души последних европейских язычников. Обратить русов в византийскую веру пытался еще патриарх Фотий в 860-х. Согласно «Повести временных лет», Аскольд и Дир крестились в 867 г., а в 874 г. новообращенных среди руси было довольно, чтобы патриарх дал им своего архиепископа. Христианство не скоро распространялось среди русов, но торговые соглашения с Византией 945 г. упоминают, что в Киеве существует многочисленная христианская община и по крайней мере один христианский храм. Предположительно в 957 г. киевская княгиня Ольга посетила Константинополь и крестилась в православие. Ее сын Святослав, однако, отказался креститься, полагая, что тогда утратит доверие дружины. Это говорит о том, что военная аристократия на тот момент в большинстве своем еще исповедовала язычество. Решение Владимира отречься от старой веры было продиктовано, вероятнее всего, политическими выгодами. В 987 г. в империи Василия II вспыхнул бунт, и император обратился к Владимиру за военной помощью. Владимир за это потребовал выдать за него Анну, но такой брак был невозможен, пока князь оставался язычником, так что он крестился и заставил последовать своему примеру подданных. Крещение

было ничтожной платой за союз с самым мощным государством Европы. Соглашение с Василием решило одну острую проблему Владимира. При нем все еще находились 6000 варягов, рекрутированных в Швеции для захвата власти, и у них накопилось недовольство, так как князю нечем было им платить. Отослав их воевать за Василия, Владимир избавился от потенциально дестабилизирующей силы в своем княжестве.

Варяжская гвардия

Василий II нашел Владимировым варягам хорошее применение: едва они прибыли в Константинополь летом 988 г., он почти сразу послал их усмирять мятежников. Их ярость в бою настолько впечатлила императора, что он решил учредить элитное подразделение личной охраны, где будут служить исключительно варяги, тем более что греческие телохранители зачастую оказывались склонны к измене. С тех пор варяжские наемники сражались во всех заметных военных кампаниях Византийской империи до самого захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Поначалу в византийскую императорскую стражу рекрутировались преимущественно шведы и русы, но к началу XI столетия в Константинополь долгими дорогами через Россию потянулись привлеченные щедрой платой даны, норвежцы и исландцы. Ценимые за безоговорочную верность, варяжские воины получали самое высокое среди всех наемников на службе Византии жалованье – от 0,6 до 1,135 кг золота в год, а еще третью часть всей военной добычи византийской армии и лично от императора драгоценные подарки и дорогие одежды. Они носили в свободные от службы часы шелковое платье, а тем временем в Скандинавии даже короли могли позволить себе лишь декоративные шелковые вставки на самых торжественных одеяниях. При такой щедрости император отбирал телохранителей придирчиво. Кандидат в варяжскую гвардию должен был доказать, что он состоятельный человек, уплатив солидный вступительный взнос, затем ему предстояло подтвердить свои воинские способности, послужив сначала в обычной армии, а уж потом его брали в

гвардию. Даже внешность имела значение: император предпочитал, чтобы его окружали высокие, хорошо сложенные мужчины, облик которых одновременно восхищал и устрашал.

Самым знаменитым из гвардейцев был Харальд Прекрасноволосый, будущий король Норвегии, служивший византийским императорам с 1034 по 1043 г. и участвовавший в походах на Сицилию, в Булгарию, Анатолию и Святую землю. Предание, скорее всего, преувеличивает милости, оказанные Харальду императором, чтобы польстить норвежской монархии хотя бы такими связями с византийским троном, но Харальд, безусловно, заработал на византийской службе довольно, чтобы оплатить успешный захват власти в Норвегии. Немногие так обогащались в гвардии, но и простой гвардеец вроде исландца Болли Болласона (умер около 1067 г.) мог по возвращении домой похвастаться богатством:

> «Болли уехал со своего корабля вместе с одиннадцатью спутниками, и все они были в пурпурных одеждах и сидели на позолоченных седлах. Все они были хороши собой, но Болли превосходил их всех. Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил король Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него была пика, как это принято в других странах. Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли и на его великолепие и на его сотоварищей».

Сага о людях из Лососьей долины[6]

Численность варяжского контингента составляла 6000 воинов, разбитых на полки по 500. Жесткую дисциплину обеспечивал полковой трибунал. Командующий гвардией, аколуф, обычно был греком. Статус командующего определялся статусом его элитного подразделения: в государственной иерархии он стоял на верхней ступени и на официальных торжествах шагал сразу позади императора. Изучение греческого варягами не поощрялось: скорее всего, императору был выгоден языковой барьер между личной охраной и его подданными – так что приказы отдавались через переводчиков. Главной задачей гвардии была защита императора, где бы он ни находился. Когда он присутствовал в Константинополе, гвардия также исполняла функции специальных полицейских сил, подавляя общественные волнения, арестовывая подозреваемых в измене, убивая, истязая и ослепляя их по воле императора. Варягам, не имевшим привязанностей среди местного населения, можно было спокойно доверять эти задачи, каким бы высокопоставленным людям ни приходились родней их жертвы. Если император вел армию в поход, часть гвардии непременно оставалась в Константинополе на случай обороны. В полевом лагере палатки варягов окружали шатер императора; если император оставался в городе, ключи от городских ворот хранились у варягов. В бою император держал варягов подле себя, в резерве, до наступления переломного момента. Варяги, сражавшиеся в пешем строю традиционным норманнским оружием и по традиционной норманнской тактике, служили отличной штурмовой командой. Их излюбленным оружием была двуручная секира, и за это их часто называли «императорские варвары с топорами» (а еще, за отчаянное пьянство,

«императорские варвары-винохлебы»). Свирепость, которой славились варяги, и их нечувствительность к ранам во время боя свидетельствуют о том, что многие из них, вероятно, были берсерками.

В 1071 г. в битве при Манцикерте (Малазгирт, Турция) византийская армия потерпела сокрушительное поражение от турок-сельджуков. Император Роман IV был ранен и попал в плен, большинство варяжских гвардейцев погибли, сохранив верность императору и не покинув поля битвы и после того, как войско почти поголовно бросилось спасаться бегством. Поредевшие полки гвардии пополнили частично воинами-англичанами, уплывшими в изгнание после нормандского завоевания. Но и для скандинавов служба в варяжской гвардии оставалась привлекательной карьерой. В 1103 г. датский король Эрик Добрый посетил Константинополь, и многие из его дружинников остались и вступили в гвардию. Так же было, когда здесь останавливался в 1110 г. на пути домой из крестового похода в Святую землю норвежский король Сигурд. В 1153 г. в Палестину отправился оркнейский ярл Рёгнвальд, и, едва его флот вошел в Средиземное море, шесть кораблей отделились и взяли курс на Константинополь, где их команда поступила на службу в императорскую гвардию. Гвардия существовала до 1204 г., когда Константинополь захватили крестоносцы. В последний час она показала себя не лучшим образом: варяги отказались сражаться против крестоносцев, пока им не было обещано значительное повышение платы. Английские и скандинавские наемники, называвшиеся варягами, служили в византийской армии и после 1204 г., но по положению не отличались от любых других наемников. Красноречиво об этом свидетельствовал статус аколуфа: с первой ступени государственной иерархии он опустился на 15-ю.

Ингвар Путешественник

К концу X столетия серебряные копи исламского мира стали иссякать, и текущий через Россию поток дирхемов мало-помалу сокращался. Все меньше скандинавских купцов отправлялось торговать на Восток, но память о баснословных богатствах Серкланда жила и вдохновляла новые поколения смельчаков. Около 1041 г. швед по имени Ингвар Путешественник отправился с товарищами на Восток заново открывать старые торговые пути, и где-то на Каспии экспедицию постигла катастрофа: Ингвар и большинство его спутников погибли. О походе Ингвара рассказывают 26 рунических камней, установленных в Центральной Швеции в память о мужах, «павших на Востоке». Сильно беллетризованный рассказ об экспедиции Ингвара сохранился в датированной XIII в. «Саге об Ингваре Путешественнике» (Yngvars saga víðförla), древнескандинавском переводе утраченного латинского оригинала, написанного в XII в. исландским монахом Оддом Сноррасоном. Согласно саге, Ингвар был воином на службе шведского короля Олафа Шётконунга (правил около 995–1022 гг.). Когда Олаф отказался даровать Ингвару королевский титул, тот отправился на Восток искать себе королевство. Сначала он явился ко двору киевского князя Ярослава Мудрого (правил в 1019–1054 гг.) и, пробыв у него три года, пустился на 30 кораблях по некоей неназванной реке на Восток. С этого момента приключения Ингвара становятся все фантастичнее и фантастичнее: он встречает великанов, драконов, ведьм и, конечно же, прекрасную королеву Гардарики Силькисив, которая воспылала к нему любовью. В конце Ингвар умирает от болезни, выкосившей отряд, и его тело привозят к

Силькисив, которая отправляет уцелевших спутников Ингвара домой с наказом прислать в ее страну христианских миссионеров. Согласно саге, Ингвар умер в 1041 г. в возрасте 25 лет; в таком случае, когда он покинул Швецию, ему было не больше шести.

Отделить факты от вымысла в «Саге об Ингваре» почти невозможно, но события, случившиеся в правление Ярослава, придают ей достоверный контекст. Ярослав был последним правителем Киевской Руси, сохранявшим тесные контакты со Скандинавией. Владимир поставил Ярослава, одного из своих многочисленных сыновей, управлять Новгородом. После смерти Владимира в 1015 г. старший брат Ярослава Святополк, убив трех других братьев, захватил власть в Киеве. Ярослав, придя с новгородским ополчением и варягами, в 1019 г. разбил Святополка и убил его, подчинив себе Киев. В том же году Ярослав женился на Ингигерде, дочери короля Олафа Шётконунга, вступив в союз со шведами. Когда его брат Мстислав заявил о притязаниях на киевский престол, Ярослав обратился за помощью к своему шурину, королю Анунду Якобу (правил в 1022–1050 гг.), который пришел из Швеции с армией варягов. Многие варяги, направлявшиеся на службу в Константинополь, останавливались при дворе Ярослава в Новгороде и на несколько лет поступали к нему в дружину, прежде чем продолжить путь в императорскую гвардию. Одним из таких был и Харальд Прекрасноволосый, перед поступлением в византийскую гвардию три года (с 1031 по 1034 г.) прослуживший Ярославу. Направляясь домой в Норвегию с намерением занять там королевский трон, Харальд в 1041 г. женился на дочери Ярослава Эллисив (Елизавете).

Скорее всего, Ингвар был одним из таких же солдат-наемников и, как Харальд, несколько лет служил Ярославу, а потом продолжил путь на Восток. Но куда

он отправился? Несколько рунических камней утверждают, что Ингвар и его люди погибли в Серкланде. Обычно так называли Арабский халифат, но в случае с Ингваром не исключено, что имеется в виду Грузинское царство. Грузинские хроники утверждают, что в 1042 г. в устье реки Риони на Черноморском побережье Грузии высадился отряд варягов, который присоединился к полкам царя Баграта IV (правил в 1027–1072 гг.), сражавшегося против некоего мятежного вельможи. Мятежники разбили Баграта и его варяжских союзников в Сасиретской битве в Кавказских горах. Поражение Баграта было столь сокрушительным, что он лишился половины своего царства, и варяги, должно быть, понесли в той битве тяжелые потери. Дата битвы настолько близка к дате гибели Ингвара, указанной в саге, что вполне вероятно, это и было то бедствие, которое стоило жизни ему и столь многим из его спутников. Впрочем, в саге говорится, что Ингвар умер от болезни. Такова была участь другого варяга, Анунда, сына короля Швеции Эмунда Старого (правил в 1050–1060 гг.), который, согласно Адаму Бременскому (умер около 1080 г.), был послан за моря «расширять владения». Анунд заболел и умер в «Земле амазонок», которую средневековые европейцы предполагали где-то в степях Северного Причерноморья и Прикаспия, попив из отравленного воительницами колодца. Были ли эти Ингвар и Анунд одним и тем же человеком или сага соединила истории двух злосчастных варяжских предводителей, пустившихся заново открывать торговые пути на Восток?

Угасание связей

Хотя контакты со Скандинавией были очень важны для Ярослава, совершенно очевидно, что особых отношений с ней в его дни уже не существовало. Для Ярослава не меньше значили связи, которые он развивал с другими странами: Византийской империей, Германией, Францией, Венгрией. После Ярослава контакты между Киевской Русью и Скандинавией пошли на убыль. Скандинавские добровольцы в византийскую гвардию стали ездить в Константинополь морем или через Германию и Венгрию, а не старым речным путем через Россию. Последний раз варяжские наемники сражались в сколько-нибудь существенном количестве на стороне русов в 1043 г. во время последнего и безуспешного похода на Константинополь под предводительством Владимира, сына Ярослава Мудрого. Точно как в 941 г., флот русов уничтожили дромоны, метавшие греческий огонь. Не в последнюю очередь ослабила скандинавско-русские связи перестройка мировой торговли. Новгород как главный западный форпост руси набирал все большую силу, но к XIII в. торговлю с ним взяли в свои руки германские коммерсанты из балтийских городов типа Любека, вытеснив скандинавов и установив свою монополию.

В конечном счете вклад викингов в развитие русской цивилизации оказался пренебрежимо малым. Показательно, что, несмотря на 200 лет тесного взаимодействия, в русский язык вошло меньше дюжины скандинавских заимствований. Не оставили викинги и четко просматривающегося в современном русском народе генетического следа. Видимо, заметнее всего они повлияли на Русь в аспекте урбанизации. К началу эпохи викингов многие славянские укрепленные

поселения уже начали превращаться в города, но появление норманнских коммерсантов, вне всякого сомнения, придало этому процессу мощнейший импульс: благодаря резкому расширению торговых связей между Западом и Востоком меньше чем за 100 лет малые поселения-крепости вроде Киева превратились в процветающие торговые города. Гораздо более важным для развития раннего русского государства было обращение князя Владимира в православное христианство: это событие открыло дорогу мощному влиянию византийской цивилизации. Византийская культура будет не одно столетие формировать Русь и, что не менее важно, воздвигнет идеологический барьер между ней и католическим Западом. Алфавит, искусство, архитектура, право, политика Киевской Руси имели, в сущности, византийское происхождение. Царьград (Город императоров), как русские стали называть Константинополь, считался на Руси культурной и религиозной столицей мира. Когда в 1453 г. Византия пала под натиском турок, русские с полным на то основанием сочли себя ее культурными и политическими преемниками.

Глава 8
Тингведлир, Братталид и Л'Анс-о-Медоуз
Скандинавы в Северной Атлантике, 835–1000



Свои мореходные умения викинги в полной мере проявили в Северной Атлантике. Будто перепрыгивая по камешкам через ручей, они двигались от острова к острову и постепенно осваивали океан, сначала доплыв из Норвегии до Шетландского архипелага, затем до Фареров, Исландии, Гренландии, пока, наконец, около 1000 г. не стали первыми европейцами, ступившими на Американский континент. В отличие от норманнской экспансии в Британию, Ирландию и Франкию, где целью был грабеж, или на Русь, куда скандинавы шли ради торговли, освоение Северной Атлантики с самого начала было поиском земель для заселения. Жизнеспособные колонии норманны основали на Фарерах и в Исландии, и это оказалось единственным территориальным приобретением, которое скандинавский мир сохранил после эпохи викингов. Во всех иных землях, где викинги оседали, они через несколько поколений растворялись в местном народе. А вот на Фарерах и в Исландии не было коренного населения, ассимилировать колонистов было некому, и

скандинавские культурные традиции там цвели и развивались.

Но хотя викинги и стали хозяевами Северной Атлантики, не они первыми взялись ее исследовать. Еще по меньшей мере за два столетия до эпохи викингов ирландские монахи уплывали в куррахах на поиски далеких островов, где можно было созерцать божественное начало в полном уединении и где тишину нарушали лишь крики чаек да рокот волн, набегающих на берег. У монахов сложилась традиция написания имрамов, сказаний о путешествиях, самым знаменитым из которых стали «Путешествия святого Брендана» (Navigatio sancti Brendani abbatis). Этот имрам повествует о путешествии, будто бы предпринятом святым Бренданом (умер около 577 г.) в поисках мифических Блаженных островов, которые, как считалось, лежат в океане где-то на западе. Имрамы определенно выдают знакомство с Северной Атлантикой – в «Путешествиях», например, содержатся описания, в которых узнаются айсберги, вулканы и киты, – но одновременно так изобилуют фантастическими и мифологическими элементами, что отделить правду от выдумки невозможно. Нередко встречающиеся утверждения, будто святой Брендан открыл Америку прежде викингов, ничем не подкрепляются, однако Фарерских островов и Исландии ирландские монахи, несомненно, достигли прежде норманнов. Торфяной пепел с обугленными ячменными зернами, обнаруженный в песчаных дюнах в А-Сондуме на острове Сандой, в южной части Фарерского архипелага, по данным радиоуглеродного анализа, образовался между IV и VI вв. Хотя никаких следов строений такого возраста пока не обнаружено, этот пепел, вероятнее всего, из домашних очагов, и в песок его сыпали, чтобы замедлить эрозию: так с ней в то время было принято бороться. В Скандинавии той эпохи

торфом не топили, зато он широко использовался для этого в Британии и Ирландии, значит, можно заключить, что ирландские монахи открыли Фарерские острова вскоре после крещения Ирландии. В Исландии в Новое время не обнаружено никаких физических следов пребывания ирландских монахов, но первые норманнские поселенцы рассказывали, что находили там епископские посохи и другие религиозные артефакты. На востоке острова есть два места с названиями, образованными от слова papar (см. главу 4), указывающего на ирландских монахов – Папос и Папей. Но монахи, мужчины, давшие обет безбрачия, нигде не основали постоянных самовоспроизводящихся сообществ: они были скорее путешественниками, чем колонизаторами.

Поселения на Фарерских островах

Экспансия викингов в Северную Атлантику стала продолжением походов на острова Шотландии и их колонизации, начавшейся в конце VIII в. На этих островах викинги встретились с ирландскими монахами и, предположительно, от них услыхали о существовании на севере других земель. В начале IX в. норманны лишь после двух суток плавания на северо-запад от Шетландского архипелага достигли Фарерских островов. Ирландский монах Дикуил около 825 г. писал, что из-за викингов отшельники больше не селятся на Фарерах. Норманны обнаружили на островах популяцию овец, вероятно завезенных монахами для собственного прокормления. От этих овец Фареры и получили свое название: fær øer, то есть «овечьи острова». Гористые, безлесные и ветреные, они тем не менее характеризуются довольно мягким для их широты климатом, там есть хорошие пастбища и много лугов с грубым травостоем. Это привлекало поселенцев из Западной Норвегии и с Гебридских островов, где скотоводство преобладало над земледелием. Огромные колонии морской птицы служили богатым сезонным источником мяса и яиц (хотя ко вкусу морской птицы нужно привыкнуть), а в море промышляли черных дельфинов.

По преданиям исландцев и фарерцев, первым викингом-колонистом на Фарерах был Грим Камбан. Он поселился у тихой бухты в Фуннингуре, на втором по величине острове архипелага, Эстурое. Поскольку прозвание Грима имеет гэльские корни (cambán по-гэльски значит «горбун»), он, вероятно, какое-то время жил на Гебридах. И был в этом далеко не уникален. Недавние исследования Y-хромосомы современных

фарерцев показали, что 87 % мужчин имеют скандинавскую родословную. Анализ митохондриальной ДНК, передаваемой только по женской линии, показывает, что 84 % современных фарерских женщин происходят из Британии или Ирландии. Выходит, что, как и на Гебридах, большинство норманнских поселенцев были одинокими мужчинами, находившими себе жен в походе. Численность первых колонистов неизвестна, но к концу эпохи викингов население островов предположительно составляло от 2000 до 4000 человек. Изолированные и малочисленные популяции подвержены болезням, вызываемым рецессивными генами. Одна из таких болезней, потенциально смертельная, первичный системный дефицит карнитина, встречается на Фарерах в 1000 раз чаще, чем где-либо еще в мире.

Открытие Исландии

Следующий шаг норманнов в Атлантику – открытие и заселение Исландии – одно из самых документированных событий эпохи викингов. Средневековые исландцы увлекались генеалогией не только потому, что как иммигрантам им хотелось знать, откуда вышли их семьи, но и потому, что генеалогические данные были необходимы для установления имущественных прав. Сначала семейные предания о переезде в Исландию передавались изустно из поколения в поколение, но в начале XII в. они воплотились в двух самых ранних письменных памятниках исландской истории – «Книге о заселении Исландии» и «Книге об исландцах», созданных на древнескандинавском языке. «Книгу об исландцах» (Íslendingabók), краткую хронику освоения острова от открытия до 1118 г., написал между 1122 и 1132 гг. Ари Торгильссон, священник из Снайфедльснеса. Ари черпал сведения из исторических преданий, а о недавних событиях – от очевидцев, но старался удостоверять надежность информаторов, приводил их имена, отбрасывал христианские предрассудки и сверхъестественные объяснения событий. Считается, хотя и не доказано, что Ари написал и «Книгу о заселении Исландии» (Landnámabók), где содержатся имена, родословные и описания земельных наделов сотен первых норвежских переселенцев в Исландии.

Первым викингом, посетившим Исландию, был Гардар Швед, около 860 г. отплывший из Дании, где жил, на Гебриды, чтобы вступить во владение землей, которую там унаследовала его жена. В проливе Пентленд-ферт, разделяющем Шотландию и Оркнейские острова, на Гардара налетела буря, и его

корабль унесло в открытый океан. Через какое-то время Гардар увидел на горизонте скалистый берег неизвестной земли. Выглядела она довольно неприветливо: суровое юго-восточное побережье Исландии представляет собой высокие утесы, обрывающиеся в море. Гардар, не растерявшись, двинулся вдоль берега на запад и так обогнул Исландию, установив, что это остров. Около года Гардар исследовал открытую им землю, перезимовав в Хусавике, на северном берегу. Отплывая весной восвояси, он бы вынужден бросить некоего человека по имени Наттфари, а с ним раба и рабыню, которых в небольшой лодке унесло в море. Эти трое спаслись и стали поневоле первыми постоянными обитателями Исландии. Гардар же, назвав открытую землю в свою честь Гардарсхольмом (остров Гардара), взял курс на восток в Норвегию, где принялся петь хвалы обнаруженной им новой стране.

Примерно в то же время Исландию по случайности посетил еще один путешественник, Наддод Викинг. Он шел из Норвегии на Фареры, но в пути попал в шторм, сбился с курса и оказался у Восточных фьордов. Наддод взобрался на вершину горы, чтобы увидеть признаки человеческого жилья, и, не обнаружив их, отчалил в самый разгар снежной бури. Он тоже с восторгом рассказывал о новой стране, которую решил назвать Снэланд (Снежная земля). Вскоре после возвращения Наддода норвежец по имени Флоки Виргердарсон отплыл из Ругаланна с намерением поселиться в Наддодовой Снежной стране. Флоки имел славу великого воина, но колонистом оказался неважным. Лето он провел за охотой на тюленей в Брейда-фьорде и не позаботился о заготовке сена, так что весь скот, привезенный им на остров, за зиму погиб от голода. Таким образом, попытка Флоки поселиться на острове провалилась, но и вернуться в Норвегию из-за пакового

льда во фьорде он не мог. Когда лед наконец разошелся, пускаться в дальний переход было уже слишком рискованно, и Флоки пришлось остаться в Исландии еще на одну зиму. В этот раз он зимовал южнее, в Боргар-фьорде. Глубоко разочарованный своим предприятием, Флоки решил переименовать остров в Исландию (Ледяная страна). Именно это название и закрепилось, хотя бывшие с Флоки люди отзывались о новой земле более благосклонно: самый восторженный из них, Торольф, клялся, что там с каждой травинки капает масло. За это он получил прозвище Торольф Масло.

Не иначе Торольф был неисправимым оптимистом. Исландия – крупный вулканический остров, лежащий непосредственно на Срединно-Атлантическом хребте, где магма, поднимаясь из мантии Земли, медленно раздвигает в разные стороны Европу и Америку. Несмотря на то что остров расположен почти на Полярном круге, влияние теплого Гольфстрима создает здесь достаточно мягкий для такой широты климат. Ледники и ледовые щиты на горах покрывают около 14 % поверхности острова, но остальные земли вечная мерзлота не затронула. Исландское сочетание огня и льда, должно быть, напоминало поселенцам норманнские космогонические мифы, в которых мир рождается из пустоты между огненным миром Муспелем и царством льда Нифельхеймом. В наши дни растительностью покрыто меньше четверти Исландии, оставшаяся свободная ото льда территория – это главным образом голые лавовые поля и пустыни вулканического пепла. Однако в момент открытия Исландии викингами 40 % ее земель покрывал лес из низкорослых редких берез и лозняка, так что остров выглядел далеко не так уныло, как сегодня. И все равно для европейских переселенцев Исландия оказалась

слишком суровой землей, и люди там сильно зависели от превратностей погоды и вулканической активности.

Проникнувшись рассказами о новой земле, два сводных брата, норвежцы Ингольф и Хьорлейф, в конце 860-х гг. отправились на разведку к Восточным фьордам – оценить возможности для поселения. Дома братья отдали все имущество в качестве компенсации ярлу Атли Гауларскому за убийство его сыновей и срочно нуждались в новом безопасном месте. Новая страна понравилась братьям, и они стали готовиться к эмиграции. Деньги на переезд были только у Ингольфа, так что Хьорлейф отправился сначала викингом в Ирландию. У норманнов даже освоение необитаемой земли не обходилось без насилия. В Ирландии Хьорлейф разжился драгоценным кладом, добытым из тайника в гэльской хижине, и десятью рабами, которых повез с собой на новое место. Согласно «Книге о заселении Исландии», Ингольф и Хьорлейф отплыли в Исландию в 874 г. Эта дата подтверждается исследованием слоев тефры, вулканического пепла. Один из этих слоев, так называемый ланднам, покрывающий почти всю Исландию, датируется 871–872 гг. Признаки вмешательства человека в экосистему обнаруживаются только выше этого слоя. Ингольф принес жертву богам и получил благоприятное знамение. Хьорлейф не стал затрудняться: он никогда не приносил жертв. Отплыли братья вместе, но, завидев исландский берег, разделились. Хьорлейф сразу же обосновался на южном побережье в Хьорлейфсхёфде (Голова Хьорлейфа). Ингольф, желая получить знак от богов, бросил за борт резные столбы от своего вождеского седалища, поклявшись поселиться там, где их выбросит на берег. Свои столбы он найдет только через три года.

Перезимовав в Хьорлейфсхёфде первую зиму, Хьорлейф задумал весенний сев. Так как бык у него был только один, тащить соху он заставил своих рабов.

Довольно скоро им это надоело: убив Хьорлейфа и его мужчин-домочадцев, рабы, забрав имущество и женщин, отплыли к группе островов, лежащих у юго-западного берега Исландии. По ним эти острова и стали именоваться Вестманнаэйяр (островами ирландцев). Вскоре после этого двое из рабов Ингольфа, обходивших берег в поисках его резных столбов, пришли в Хьорлейфсхёфд и обнаружили мертвые тела. Ингольфа весть об убийстве опечалила, и он сказал: «Но так и бывает с тем, кто не научен приносить жертвы богам». Ингольф предположил, что ирландцы уплыли на Вестманнаэйяр, и отправился туда. Напав на них неожиданно во время обеда, Ингольф перебил часть ирландцев, а остальные разбились, в паническом бегстве прыгнув с утеса.

Трижды перезимовав в Исландии, Ингольф наконец нашел свои брошенные в море столбы. Место, где их вынесло на берег, он назвал Рейкьявик – Бухта дымов – из-за множества парящих горячих источников. Сегодня это столица Исландского государства. Ингольф объявил своим владением весь полуостров Рейкьянес западнее реки Эхсарау и дал там земли своим компаньонам и рабам, сделав их арендаторами. Вскоре стали прибывать новые поселенцы. В «Книге о заселении Исландии» приводятся имена 400 пионеров-предводителей и более 3000 простых поселенцев (главным образом, мужчин), прибывших на остров в период освоения. Поскольку все эти поселенцы везли с собой жен, детей, домочадцев и рабов, примерно к 900 г. численность колонии вполне могла составлять около 20 000 человек. К XI в. население, видимо, достигло примерно 60 000 человек, хотя где-то после 930 г. новых поселенцев стало мало: все хорошие пастбищные угодья были уже разобраны. Большинство перечисленных в книге первопоселенцев приплыли из Западной Норвегии, но были также шведы и даны, и

заметную часть составляли жители норвежских колоний на Гебридах. Среди этих последних было много эмигрантов второго поколения, и кое-кто из них, например знаменитая Ауд Мудрая, уже исповедовали христианство, а другие, вроде Хельги Худого, который поклонялся одновременно Христу и Тору, обратились наполовину. Впрочем, новая религия в Исландии не прижилась, она исчезла уже в первом поколении колонистов. Даже Ауд Мудрую ее родичи похоронили в ладье по языческому обычаю. Были в числе первопоселенцев и потомки смешанных скандинавско-кельтских браков, притом двое из самых влиятельных колонистов, Дуфтак и Хельги Худой, объявляли себя потомками ирландского короля Кербалла мак Дунлайнге (правил в 842–888 гг.). Многие пионеры привезли, как Хьорлейф, немало ирландских и британских рабов.

Недавние исследования ДНК современных исландцев показали, насколько значительным было ирландско-британское участие в заселении острова. Анализ Y-хромосомы исландских мужчин показал, что 75 % имеют скандинавское происхождение, а 25 % – британское или ирландское. Анализ митохондриальной ДНК показал примечательный расклад: большинство исландок – 65 % – имеют британские или ирландские корни и только 35 % – скандинавские. Такой дисбаланс свидетельствует, что переселенцы-викинги были по большей части одинокими мужчинами относительно невысокого социального статуса, которые, скорее всего, не могли найти себе жен на родине из-за того, что не владели землей. Хотя численное преобладание скандинавов было минимальным, в общественной, политической и культурной жизни они господствовали безраздельно. Самый убедительный показатель этого господства – исландский язык, который, если не считать некоторых личных имен, почти не претерпел кельтского

влияния. Вследствие изоляции и культурного консерватизма Исландии современный исландский сохранил близкое сходство с dönsk tunga («язык данов»), общим древнескандинавским языком, на котором в эпоху викингов говорила вся Скандинавия.

Согласно преданиям, записанным в «Книге о заселении Исландии» и в «Книге об исландцах», а также в позднейших исландских семейных сагах, первопоселенцами Исландии и Фарерских островов стали беглецы от деспотии, установленной в Норвегии королем Харальдом Прекрасноволосым (умер около 930 г.) после военной победы над соперниками при Хаврсфьорде. Вряд ли это было так. Дата сражения неизвестна, но маловероятно, чтобы оно произошло ранее 885 г., а скорее всего, даже 900 г. Фареры к этому времени давно были заселены, а колонизация Исландии шла вовсю. Остров полностью заселили приблизительно к 930 г., так что правление Харальда могло поспособствовать продолжению колонизации, но никак не могло послужить ее первопричиной. Вместе с тем исландские предания, вероятно, транслируют некую более глубокую правду. Все предводители исландских первопоселенцев принадлежали к классу хэрсиров, местных князьков, низшей ступени аристократии: ни ярлов, ни королей среди колонистов не было. Хэрсиры больше всех проиграли от централизации власти, происходившей в Скандинавии в VIII и IX вв.: их местная автономия постепенно ограничивалась, и сами они превращались в служителей монархии. Людей из этого класса возможность переселиться в страну, куда не дотягивается королевская власть, должна была привлечь. Поселенцам, приплывшим с Гебридов, Исландия могла нравиться еще и тем, что там не было коренного населения и можно было спокойно

возделывать землю, не опасаясь ежеминутно, как на Гебридах, нападения гэлов.

Захват земель

Предводители колонистов, или lándnámsmenn («разбиратели земель»), приплывали в Исландию в основном на своих кораблях. Это были не *лангскипы* (длинные ладьи), а прочные торговые суда, называемые кноррами. Корпус кнорра шире, короче и глубже, чем у ладьи, и в движение его приводил только парус, а весел было всего два для маневров в гавани. В эпоху освоения Исландии такие суда, предположительно, могли нести 25–30 т груза; позже появились кнорры грузоподъемностью до 50 т. Морские испытания современных реплик показали, что кнорры были весьма мореходны. «Сага Сиглар», копия 16-метрового кнорра, так называемого малого скульделевского корабля, в 1984–1986 гг. обошла вокруг света (хотя потом и затонула в 1992 г. у испанских берегов). Путь в Исландию занимал две-три недели, как правило, с остановками на Оркнейских, Шетландских и Фарерских остовах. Такое плавание никак не могло показаться приятной прогулкой. Ведь кнорры представляли собой широкие открытые посудины без каких либо помещений, где команда и пассажиры могли бы укрываться от непогоды. В гавани над палубами растягивали шатры, но маловероятно, чтобы это допускалось в море, так как шатер ловит ветер, и судно может отклониться от верного курса. Скорее всего, чтобы согреться, людям приходилось вместе со скотиной забиваться под тюленьи кожи или промасленные кожаные накидки. Не было в открытом море и малейшего намека на горячую пищу. А вот кораблекрушение было реальной угрозой. Одним особенно несчастливым летом из 35 кораблей,

отправившихся в Исландию, цели достигли лишь восемь.

В первые годы колонизации на острове было много свободной земли и *ландднамсменнам* не нужны были институты, регулирующие права собственности. Главным было завладеть землей. Поселенцы брали ее столько, сколько считали необходимым для прокормления семьи, слуг и рабов. В числе самых известных колонистов была Ауд Мудрая, дочь знаменитого гебридского викинга Кетиля Плосконосого и вдова дублинского короля Олафа Белого. После смерти мужа Ауд покинула Дублин и поселилась с сыном Торстейном в Кейтнессе на севере Шотландии. Когда же Торстейн погиб в битве со скоттами, Ауд взяла в свои руки правление его людьми и решила уплыть в Исландию. В эпоху викингов в скандинавском обществе доминировали мужчины, но в том, что женщины обладали властью, не было ничего необычного, хотя формально никаких важных постов они не занимали. Социальная система была иерархической, и знатная женщина, пусть и стояла ниже знатного мужчины, всегда превосходила тех, кто ниже классом, равно и женщин и мужчин. Свободнорожденные женщины всех классов имели в Скандинавии более высокий правовой статус, чем в христианской Европе. Они наследовали собственность и сохраняли права на свое имущество после вступления в брак, а в христианских странах имущество жены переходило во владение мужу. Кроме того, если брак оказывался неудачным, в Скандинавии женщина могла развестись. Но с распространением христианства права женщин там постепенно ущемлялись, а законы приводились в соответствие с теми, что действовали в остальной Европе.

Гендерные роли распределялись четко. Мужчины пахали, охотились, рыбачили, торговали и сражались. Физически тяжелые ремесла, вроде кузнечного или

плотницкого, также были их уделом. Жизнь женщин ограничивалась главным образом домом и хозяйством: они пекли, квасили, пряли, ткали, шили, доили коров, сбивали масло, лечили больных и присматривали за детьми, а в богатых домовладениях распоряжались слугами и рабами. Как символ их домашней власти женщины носили при себе ключи от дома и от семейного сундука с деньгами. В отсутствие мужчин, уехавших торговать или на войну, на женщинах лежала вся ответственность за семейное имущество, а вдовы, если не выходили замуж вновь, занимали в обществе место мужей. Власть Ауд Мудрой, вдовы короля, над ее челядью и приверженцами была неоспорима. Но все же одной мужской обязанности – предводительствовать воинами – Ауд выполнять не могла, и несомненно именно это заставило ее принять решение уплыть в новую страну.

Ауд заняла несколько сотен квадратных километров земли по берегам Брейда-фьорда, поселившись в Хвамме, там, куда море выбросило столбы от ее вождеского седалища. «Сага о людях из Лососьей долины» описывает, как Ауд раздавала земли своим приверженцам:

> «Той же весной, когда Унн поселилась в Хвамме, Колль женился на Торгерд, дочери Торстейна Красного. Свадебный пир устроила Унн. Она отдала за Торгерд всю долину Лаксдаль (Лососья Долина), и Колль построил себе двор южнее реки Лаксы (Лососья Река). (…)
>
> После этого Унн еще многим раздала куски занятой ею земли. Хёрду она дала всю долину Хёрдадаль (Долина Хёрда) вплоть до речки Скрамухлаупсы (Прыгучая Река). Он жил в Хардабольстаде (Двор Хёрда) и был очень

видным человеком, и у него было хорошее потомство… Унн сказала своим людям:

– Теперь вы должны получить награду за ваши дела. Нет у нас недостатка в средствах, чтобы вознаградить ваши старания и добрую волю. Вам известно, что я дала свободу человеку по имени Эрп, сыну ярла Мельдуна, потому что я не хотела, чтобы он, человек такого высокого происхождения, носил звание раба.

Затем Унн дала ему Саудафелльсланд (Земля Овечьей Горы) между речками Тунгуа (Междуречная) и Мида (Средняя)… Соккольву она дала Соккольвсдаль (Долина Соккольва), и он жил там до старости. Имя одного из ее вольноотпущенников было Хунди. Он был родом из Шотландии. Ему она дала Хундадаль (Долина Хунди). Имя четвертого раба Унн Мудрой было Вивиль. Ему она дала Вивильсдаль (Долина Вивиля)»[7].

Ауд не единственная освободила рабов. Холодный климат Исландии не годится для интенсивного земледелия, и разумнее всего было использовать земли под пастбища с далеко разбросанными хуторами. В таких обстоятельствах уследить за рабами трудно, и было удобнее дать им волю и статус арендаторов. В итоге рабство в Исландии вскоре исчезло. Большинство ферм и деревень стояли у моря, а внутренние области острова, не считая юго-запада, самого населенного края страны, оставались – и остаются поныне – необитаемы.

Основой исландской экономики стало животноводство: в основном колонисты разводили крупный рогатый скот и овец, но выращивали и свиней. Долгими зимами скоту нужно находиться в помещении, а дойным коровам и овцам – еще и хорошо питаться.

Поэтому крайне важна была заготовка сена. Лошадей разводили и для работы, и на мясо. В укрытых долинах южного берега выращивали ячмень, но вообще-то зерно и мука оставались по большей части импортом и роскошью. Таким образом, диета исландцев была богата мясом и молочными продуктами, но почти не содержала хлеба и овощей. Рыбалка, промысел тюленей, морской птицы и водоплавающей дичи, сбор яиц, ягод и моллюсков, разделка выброшенных на берег китов помогали дополнить рацион. Изучение скелетов первых поселенцев показало, что при всей несбалансированности рациона население здесь было здоровым и упитанным. В Скандинавии основным строительным материалом служил лес, но в Исландии его почти нет. Поселенцы выходили из положения, выводя стены своих длинных домов из камня, обложенного дерном, так что жерди нужны были только для стропил (крылись крыши тем же дерном). Дерн давал отличную защиту от холода и ветра.

Учреждение альтинга

Чем больше поселенцев прибывало в Исландию, тем больше в ней творилось беззакония, так как возникавшие споры легко перерастали в затяжную кровавую вражду. Власть на местах присвоили *годи*, немногочисленный класс богатых вождей, которые оказывали землевладельцам покровительство в обмен на военную и политическую поддержку. Годи буквально означает «жрец», и в Скандинавии это слово бытовало именно в таком значении, но в Исландии годи представляли собой институт светской наследуемой власти. В то же время они не были закрытой кастой – этот статус можно было и заработать, и, если не повезет, лишиться его. Простой свободный земледелец едва ли мог бы удержать за собой землю без протекции годи, но это не значит, что вожди воспринимали лояльность приверженцев как данность. Если годи не слушал их мнения и пренебрегал их интересами, свободные общинники могли пойти служить другому господину, как часто и делали. В итоге исландские вождества были скорее политическими объединениями, чем территориальными единицами, а сторонники одного годи могли быть разбросаны по обширной территории.

В эпоху викингов главным государственным институтом после монархии в Скандинавии был тинг, собрание свободных граждан, на котором принимались новые законы, разбирались споры и уголовные дела. Этот институт викинги несли с собой всюду, где ни селились, и географические названия с элементом «-тинг» распространены, например, в Великобритании, в тех областях, где было много норманнских колонистов: это и Тинвальд на острове Мэн, и Тингуолл на

полуострове Уиррел, и Дингуолл в Росс-и-Кромарти, и Тингуоллы в Оркни и на Шетландских островах. В Исландии уже через несколько лет после появления первых колоний годи начали проводить местные тинги для разрешения частных споров. Вместе с тем к началу X в. стало ясно, что необходима какая-то более высокая власть, способная разрешать крупные конфликты, что оказалось не по силам местным тингам. Можно было обратиться к королю Норвегии, но это нанесло бы ущерб независимости Исландии, так что где-то около 930 г. годи согласились учредить всеисландское собрание, высокий тинг (альтинг). Однако прежде, чем собирать его, предстояло решить одну проблему: в Исландии не было национального закона. Поселенцы прибывали из разных мест со своими местными обычаями и правом, что неимоверно затрудняло разбор тяжб и споров. В порядке подготовки к учреждению высокого тинга человек по имени Ульвльот был послан в Норвегию на три года, чтобы изучить законы Западной Норвегии и приспособить их к исландским условиям.

В эпоху викингов своды законов в Скандинавии опирались не на общие принципы, а на определенные соответствия наказаний и проступков. Множество положений касались выплаты *маннбота* (компенсации, как правило, денежной) за увечья и убийства. Определенные суммы устанавливались, например, за утрату кисти, всей руки и пр. Сумма зависела не только от характера увечья, но и от общественного положения потерпевшего. Эту особенность исландцы не приняли: за всех свободных людей назначалась одинаковая плата. Что касается рабов, то за их убийство или причинение им увечий компенсацию выплачивали хозяину. Кража обычно каралась повешением: считалось, что штраф вору заплатить не из чего. Самое страшное наказание – объявление вне закона – полагалось тем, кто не признал решение суда или

отказался платить компенсацию. Такого преступника в прямом смысле слова лишали прав: любому дозволялось безнаказанно убить его. Объявленный вне закона мог внести за свою жизнь выкуп (обычно массивное серебряное кольцо), и тогда наказание заменялось трехлетним изгнанием, а кроме того в условленных местах преступник, если он собирался покинуть страну, мог три года по-прежнему пользоваться защитой закона. Если же по истечении этого срока он не уезжал, то статус изгоя становился безоговорочным и пожизненным, что означало полное отторжение обществом. Помогать такому чем-то, хотя бы просто накормить или пустить в дом, считалось преступлением, и даже за границей объявленный вне закона не был в безопасности. Нелегко приходилось и его семье. Имущество приговоренного изымалось, а его дети объявлялись незаконнорожденными и теряли права наследства. Такому полному изгою исландский закон оставлял единственную возможность реабилитироваться – убить другого изгоя. В этом был особый расчет: посеять среди отверженных обществом взаимное недоверие, чтобы они не объединялись в шайки.

В случаях оскорбления чести скандинавские законы предполагали разрешение спора не в суде, а поединком. В Исландии такой поединок назывался хольмганг (прогулка на остров), потому что обычно устраивали их на речных островах. Этим законом легко могли злоупотреблять искусные воины.

Тингведлир

Пока Ульвльот постигал норвежские законы, его брат Гримур Гетскер объезжал Исландию в поисках подходящего места для альтинга. Он выбрал место, именуемое Бласкогар, которое впоследствии стало зваться Тингведлир (равнина тинга), красивейшее урочище с ущельями и водопадами в долине реки Эхсарау на юго-западе Исландии. Тингведлир – удивительное место даже для страны, не знающей недостатка во впечатляющих пейзажах, и приятно было бы думать, что Гримур руководствовался эстетическими побуждениями. Но на самом деле мотивы выбора были абсолютно прозаичными: владелец этой земли недавно был объявлен вне закона за убийство, поэтому урочище можно было забрать, никому не платя. И поскольку место это лежит посредине самой густонаселенной части Исландии, большинству исландцев не пришлось бы далеко добираться на высокий тинг.

Тингведлир – это лавовая площадка, образовавшаяся точно над самым разломом, где расходятся Евразийская и Северо-Американская литосферные плиты. Движение тектонических плит растягивало площадку, и ее поверхность трескалась, образовались провалы и расселины: вот в одной из таких расселин и проходил высокий тинг. Он собирался раз в год на две недели, в июне, когда путешествовать легко, а солнце светит почти круглые сутки. Обсуждения проходили только под открытым небом. Граждане, приехавшие на тинг, жили во временных хижинах-полуземлянках, следы которых можно разглядеть еще сегодня, или в шатрах. Никаких постоянных построек здесь не было до XI в., когда на Тингведлире построили церковь. Самые важные

события альтинга происходили в двух местах – у Лодберга («скала закона»), природной трибуны для речей, и на ровной площадке под названием Неди-Ведлир, на западном берегу Эхсарау, где собирался законодательный совет – *логретта*.

Все свободные исландцы имели право присутствовать и говорить на тинге, но по сути это был институт аристократической и олигархической власти. Все судебные и законодательные функции были в руках 36 годи, и только они имели право голосовать в логретте (в 965 г. число этих представителей увеличили до 39, а в 1005 г. до 48). В Исландском свободном государстве (называвшемся также Исландским Содружеством) была только одна государственная должность – законоговоритель (Lögsögumaðr). В других скандинавских странах ничего подобного не знали, так что это исключительно исландский институт. Годи избирали законоговорителя в первый день альтинга на три года с возможностью продления срока, сразу же после того, как прежний законоговоритель открывал тинг. Законоговорителей обычно переизбирали по много раз: дольше всех остававшийся в должности Скапти Тородссон отбыл девять сроков подряд (1004–1030 гг.). Самой важной обязанностью законоговорителя было оглашать с Лодберга исландские законы. И пока они не были записаны (в 1117–1118 гг.), читать их приходилось по памяти: каждый год из своего трехлетнего срока законоговоритель должен был прочитывать третью часть всех законов. В случае сомнения он мог посоветоваться с пятью или более логменнами (знатоками законов), прежде чем возглашать. Также законоговоритель был председателем логретты, но никакой исполнительной власти не имел.

Хотя альтингом, в сущности, управляли годи, решения, как правило, принимались с общего согласия:

аристократам нужно было учитывать мнения своих *тингменов* (приверженцев). Иначе люди могли начать поддерживать другого вождя. Начиная примерно с 965 г. юридические споры, которые не смогли разрешить местные тинги, слушались на так называемых Четырех судах альтинга (fjórðungsdómar), ведавших делами четырех географических областей острова: Северной стороны, Восточной стороны, Южной и Западной сторон. Около 1005 г. учредили пятый суд – для рассмотрения дел, не разрешенных Четырьмя. В судах альтинга простых граждан должны были представлять их годи. Также предполагалось, что годи поможет обеспечить исполнение судебных решений, выносимых в пользу его людей, поскольку в исландском государстве не было специальных органов правоохраны. В обмен на заступничество и покровительство годи могли потребовать от своих людей вооруженной помощи в случаях распри с другими аристократами. И конечно, годи, у которых было много сторонников, имели на альтинге большее влияние. Впрочем, для многих приезжавших на тинг судебные тяжбы и законы отходили на второй план. Ни одно другое мероприятие не собирало в одном месте столько народу, и потому тинг был главным общественным событием года. Там люди встречались с друзьями и родней, совершали сделки и устраивали браки. На Тингведлир стягивались торговцы и артисты, готовые удовлетворить все запросы публики.

Крещение

Альтинг решал проблемы весьма успешно: не последним из его достижений был мирный переход Исландии в христианство в 999 или 1000 г. В 995 г. королем Норвегии стал Олаф Трюггвасон. Всего лишь годом ранее он обратился в христианство и теперь собирался убедить своих подданных в преимуществах новой веры не силой проповеди, а принудительным путем. Как и прочие христианские правители средневековой Европы, Олаф считал вполне нормальным притеснять язычников и не распространять на них законы дипломатии. В 995 г. с намерением насаждать христианство он вторгся в Оркни, и было ясно, что при первой же возможности поступит так же с Фарерами и с Исландией. К этому времени многие исландцы уже крестились, обращенные миссионерами.

Первым миссионером в Исландии был ее уроженец, молодой Торвальд Кодранссон по прозвищу Путешественник, который крестился в Германии. Он вернулся на родину около 981 г., но не особенно преуспел в своей миссии, за двойное убийство был объявлен вне закона и окончил свои дни в каком-то монастыре в России. Следом за ним явились новые, столь же свирепые миссионеры. В начале своего царствования король Олаф послал обращать исландцев еще одного крестившегося уроженца острова, Стефнира Торгилльсона. Он принялся разрушать языческие святилища, и в ответ альтинг призвал жителей страны преследовать любого, кто хулит старых богов. Стефнир не смог ничего добиться, и Олаф прислал буйного германского священника по имени Тангбранд, который кочевал по Исландии с небольшим отрядом новообращенных, проповедуя и убивая

всякого, кто осмеливался сказать слово против. Миссия Тангбранда тоже провалилась, и в 999 г. король Олаф перешел к экономическим санкциям и захвату заложников. Он закрыл для исландцев норвежские порты – тяжелый удар, поскольку Норвегия была главным торговым партнером Исландии, – и повелел схватить всех находившихся в Норвегии исландцев. Пленников Олаф пригрозил искалечить или убить, если Исландия не примет христианство.

Под таким мощным нажимом страна раскололась на два лагеря. Местные христиане угрожали учредить собственную систему тингов и судов, поставив Исландию на грань гражданской войны. Ситуация предельно обострилась к 1000 г., но кровопролития удалось избежать: на альтинге спор решили трактовать как кровную вражду, когда нужно вынести справедливое решение и примирить стороны. Представители сторон доверили вынести решение законоговорителю Торгейру Торкельссону. Торгейр был язычником, но имел близкие связи и среди христиан, так что его фигура устраивала обе стороны. Согласно изложению событий в «Книге об исландцах», Торгейр, обдумывая решение, пролежал сутки, с головой закутанный в плащ. Наконец, получив от обеих сторон заверения, что они подчинятся его решению, он объявил, «что все люди должны быть христианами, а те, которые здесь в стране были еще некрещеные, должны принять крещение»[8]. Кто хотел, мог приносить жертвы старым богам, но втайне, а за языческие обряды, совершенные при свидетелях, полагалось объявление вне закона. И хотя язычники преобладали численно, компромисс Торгейра приняли мирно, и даже после смерти короля Олафа, убитого в том же году, никаких волнений с призывами вернуться к язычеству не произошло. Возвратившись домой, обитавший на севере

острова Торгейр показал, что твердо следует решению альтинга, разрушив свое языческое святилище и выбросив идолов в водопад, с тех пор именуемый Годафосс (водопад богов). Через несколько лет, когда кризис благополучно миновал, языческие верования были запрещены окончательно.

Благодаря приверженности традициям в разрешении споров исландцы не только смогли избежать кровавой распри, но и не дали королю Олафу, который охотно вмешался бы, начнись в стране гражданская война, повода взять Исландию под власть норвежской короны. Более успешно Олаф управился с Фарерскими островами. В 1000 г. он отправил фарерского изгнанника, христианина Сигмундура Брестиссона, обращать островитян в новую веру и приводить под власть Норвегии. Вождем язычников на островах был Трондур из Готу, прилюдно проклявший христианство над молотом Тора. Однажды ночью Сигмундур со своими людьми ворвался в дом Трондура и предложил тому выбор: обращение или голова с плеч. Перед лицом столь убедительного богословского аргумента Трондур выбрал обращение, и другие фарерцы, поняв намек, последовали его примеру. Подобные методы убеждения вызывали у фарерцев ненависть, и в 1005 г. Сигмундура убили, но острова остались под властью норвежского короля.

Камни Гуннбьорна

После того, как скандинавы заселили Исландию, открытие Гренландии какими-нибудь заплутавшими норманнскими мореходами было уже только вопросом времени. Где-то между 900 и 930 гг. Гуннбьорн Улф-Кракусон, попавший в шторм и сбившийся с пути по дороге из Норвегии в Исландию, увидал в море к востоку от Исландии группу островов, которые потом в его честь называли Камнями Гуннбьорна. Принято считать, что это и был момент обнаружения европейцами Гренландии и, поскольку геологически остров принадлежит к Северной Америке, то и Американского континента. Точное местонахождение островов ныне неизвестно. Норвежский путешественник XIV столетия Ивар Бардарсон помещал их в двух днях плавания строго на запад от Снайфедльснеса, что на западном побережье Исландии. Если так, то, вероятнее всего, Камни – это архипелаг Сермилигаак, свободные ото льда острова напротив Тасилака, что на восточном берегу Гренландии, покрытом мощными ледниками. Гуннбьорн не высаживался на Камнях, и их открытие в его время не вызвало особого интереса, поскольку в Исландии оставалось довольно свободной земли: сам Гуннбьорн там и поселился. Однако население острова росло, и новым иммигрантам доставались все менее пригодные земли. В 975–976 гг. случилось холодное лето, трава росла плохо, и многие фермеры не смогли заготовить достаточно сена, чтобы скотина пережила зиму. Люди умирали от голода. Тогда исландцы заинтересовались Камнями Гуннбьорна, и в 978 г. Снебьорн Галти с 24 спутниками отправился на их поиски. Партия Галти построила на островах дом и провела там кошмарную

зиму, погребенная под слоем снега до марта. Заточение никому не прибавило легкости нрава: люди ссорились, доходило до драк, и после того, как самого Снебьорна убили в стычке, неудавшиеся колонисты уплыли в Норвегию.

Братталид

Первую успешную колонию в Гренландии основал рыжеволосый и рыжебородый Эрик Торвальдсон, более известный как Эрик Рыжий. Уроженец Норвегии, он еще ребенком оказался в Исландии: отца изгнали за кровную месть. Все лучшие земли на острове уже разобрали, так что семье Эрика пришлось поселиться на голом и льдистом юго-восточном берегу. Выросший Эрик не раз пытался занять землю получше, что оборачивалось спорами и распрями. Дело закончилось несколькими убийствами, так что в начале 980-х Эрика на три года объявили вне закона. Поскольку страну все равно пришлось бы покинуть, Эрик поплыл разыскивать Камни Гуннбьорна, пообещав вернуться, если найдет их. Он подошел к Гренландии с востока, недалеко от ледяного пика, позже прозванного Бласерк («голубая рубашка»): вероятно, это был Ригни-Бьерг, находящийся значительно севернее Полярного круга. Эрик двинулся вдоль неприветливого берега на юг и обогнул мыс Фарвель, самую южную точку Гренландии. Двинувшись вновь на север, он увидел фьорды, в укромных долинах которых обнаружились пастбищные земли и березовые леса. Берег был полностью необитаем, но Эрик нашел в нескольких местах остатки лодок и жилищ. Это были следы доисторических эскимосов (культура дорсет), столетием раньше покинувших те места из-за перемены климата. Скандинавская экспансия в Северную Атлантику совпала с началом Средневекового климатического оптимума, периода приблизительно между 900 и 1250 гг., когда климат в Североатлантическом регионе был теплее, чем в предшествующие и последующие века. Жизнь инуитов целиком зависела от охоты на морского зверя, которая

бывает удачнее всего в конце зимы-начале весны, когда зверь хорошо виден на морском льду. С потеплением восточные фьорды почти очистились ото льда, и инуиты ушли на север к лучшим охотничьим угодьям.

Три лета Эрик исследовал Гренландию, а затем вернулся домой, надеясь убедить людей отправиться с ним и основать на Восточных фьордах поселения. Одаренный рекламист, он решил назвать остров Гренландией, то есть Зеленой землей, «потому что люди захотят туда поплыть, если у страны будет привлекательное имя». Исландия недавно пережила голод, и поэтому многие семьи откликнулись на призыв Эрика, так что следующим летом он повел к Гренландии 25 кораблей. «Книга об исландцах» сообщает, что было это за 14 или 15 лет до обращения Исландии в христианство, то есть около 985–986 гг. Из 25 отправившихся в путь судов до Восточных фьордов добрались лишь 14: остальные либо вернулись назад, либо пропали в море. Торбьорн, друг Эрика, приплывший в Гренландию через несколько лет после первых поселенцев, привез с собой на корабле 30 человек. Если это типичная загрузка корабля, то значит, началась гренландская колония чуть более чем с 400 пионеров. Этого, тем не менее, оказалось довольно, чтобы основать два поселения: одно покрупнее, Восточный поселок (Eystrbyggð) на юге, в районе нынешнего Какортока, и меньшее, Западный поселок (Vestribyggð) в 480 км севернее, у Нуука. Позже, на полпути между Восточным и Западным, появился небольшой Средний поселок. Жизнь устраивалась по исландскому обычаю, с ежегодным тингом, на котором Эрик председательствовал как бы в роли законоговорителя.

Имение самого Эрика находилось в Братталиде («косогор»), примерно в 100 км от морского побережья в оконечности фьорда Тунулиарфик, который во

времена Эрика звался Эриксфьордом. Потомки Эрика жили в Братталиде до XV в. Археологи обнаружили там каменные фундаменты трех длинных домов и хозяйственных построек, предположительно определили площадку для тинга и кузню, нашли фундамент каменной церкви. Все каменные строения датируются приблизительно XIII или XIV в. По всей вероятности, жилище самого Эрика имело земляные стены, как тогдашние дома в Исландии, и его следы были уничтожены позднейшими постройками. Возле церкви располагалось кладбище, где насчитывается 144 захоронения, некоторые с каменными надгробьями: на одном из камней сделана короткая руническая надпись «Могила Ингибьорг». Примерно в центре кладбища археологи нашли следы совсем малой земляной церкви, внутреннее помещение которой было чуть больше 1,8 м в ширину и 3,4 м в длину. Земляные стены столь толсты, что внешние размеры церкви равняются примерно 3,7 м в ширину и 4,5 м в длину. Это здание напрямую связывают с женой Эрика Тьодхильд (еще одна исландка, которая прослеживала свое происхождение до Кербалла мак Дунлайнге). Около 1000 г. сын Эрика Лейф, посещая двор норвежского короля Олафа, крестился. Когда он собрался домой, король попросил его проповедовать в Гренландии новую веру и дал в попутчики священника, которому предстояло крестить и толковать учение. Эрик отнесся к обращению Лейфа прохладно и отказался принять чужую веру. А вот Тьодхильд сразу прониклась новым учением и построила на ферме небольшую церковь, где молилась сама и молились другие неофиты. Эрика обращение Тьодхильд раздосадовало еще больше: из-за его язычества жена отказала ему в близости.

Поначалу дела гренландской колонии шли отлично. Примерно к 1100 г. население ее выросло до 4000 душ. Восточный поселок насчитывал 190 домовладений и 12

приходских церквей, там были августинский мужской и бенедиктинский женский монастыри и кафедральный собор, хотя и скромный, в Гардаре (ныне Игалику). В Западном поселке было 90 домовладений и четыре церкви, а в Среднем – 20 домовладений. Основу хозяйства составляло разведение овец, коз и крупного рогатого скота, но в закрытых долинах даже удавалось выращивать немного ячменя. Колония не была экономически автономной, так как здесь не было леса, зерна и железа. Однако гренландцам повезло: только у них был доступ к ценным ресурсам, пользовавшимся высоким спросом в Европе: моржовому бивню и коже (она шла на корабельные канаты), тюленьей коже (непромокаемые плащи и сапоги), шкурам белого медведя и живым кречетам. Кречеты были самыми дорогостоящими из всех птиц, приручаемых для соколиной охоты, любимого развлечения средневековых королей. В исламском мире кречет стоил около 1000 золотых динаров – это эквивалент нынешних £120 000 ($186 000). Бивни нарвала стоили еще дороже: средневековые европейцы верили, что это рог мифического единорога, и ценили его выше, чем на вес золота. Все эти товары гренландцы добывали в ежегодных охотничьих экспедициях в Нордсетр, морскую территорию вокруг острова Диско, примерно в 400 км за Северным полярным кругом. Недавно следы, предположительно, скандинавского охотничьего лагеря были обнаружены в долине Тэнфилд на южном берегу Баффиновой земли, то есть, вероятно, гренландские колонисты ходили на промысел и в эту часть океана.

Навигация у викингов

Скандинавские поселения в Гренландии были самым дальним форпостом средневековой Европы. Чтобы достичь его, путешественникам с континента нужно было преодолеть почти 3200 км открытого океана. Дальше по океану в те времена ходили только малайцы в Индийском и полинезийцы в Тихом, но те плавали в теплых и более предсказуемых широтах. В исландских сагах норманнские мореходы предстают бесшабашно уверенными в своей способности бороздить моря, но в действительности навигация у викингов вовсе не была точной наукой. Понимая это, норманнские шкиперы старались по возможности держаться в виду берегов, сохраняя безопасную дистанцию, чтобы не натолкнуться на отмель или подводные камни, и ориентируясь по заметным объектам на суше. С наступлением темноты или если надвигалось ненастье, корабли викингов искали место для безопасной якорной стоянки, понимая, что при плохой видимости риск сбиться с курса или наскочить на рифы слишком высок. Даны и шведы, которые плавали в основном в Северном и Балтийском морях, крайне редко удалялись из видимости берега; у норвежцев же, ходивших на Шетландские острова, Фареры, в Исландию и Гренландию, выбора не было. Когда предстоял переход в открытом море, навигаторы прибегали к методу так называемого широтного плавания. Покинув порт, они шли на север или на юг вдоль берега до известного им места, лежащего на одной широте с конечным пунктом назначения. Здесь навигатор выжидал попутного ветра в нужном направлении и выходил в открытое море, стараясь идти строго на восток или строго на запад к нужному месту.

Норманнские судоводители располагали обширным, по крайней мере, в отношении европейских вод, корпусом мореходных знаний и лоций, передаваемых устно из поколения в поколение. Судовождение было особой профессией, и, как правило, лоцман (leiðsagnarmaðr) был единственным профессиональным моряком на судне. Это не значит, что он был капитаном: эта роль всегда принадлежала владельцу судна, независимо от его мореходной квалификации. Компетентные навигаторы умели определять состояние моря и погоду, толковать поведение животных, которые могли указать направление к земле, и точно определять широту места по расположению Солнца и звезд. Вместе с тем, как и другие судоводители до XVIII в., викинги могли определить долготу. Самое большее, что они умели, – оценить свое положение по направлению и скорости хода. Мы не знаем, как викинги измеряли скорость, поскольку никаких признаков использования корабельного лага до XV в. не обнаружено, но из сагических повествований явствует, что они делали это и довольно точно. В условиях плохой видимости даже опытного навигатора могла постичь *хафвилла* («смятение»), то есть полная потеря ориентации. Такое чаще всего происходило, если корабль попадал в долгий штиль и туман и дрейфовал, увлекаемый морскими течениями, в непредсказуемом направлении, уклоняясь от курса.

Самым надежным проводником судоводителю служила Полярная звезда, которая севернее тропиков всегда видна над горизонтом и всегда указывает строго на север. Кроме того, она служит верным показателем широты. Как у неподвижной точки, вокруг которой вращаются остальные звезды, наблюдаемая высота Полярной звезды неизменна всю ночь, а если смотреть из одной и той же точки, то и круглый год. Ночь за ночью навигатор определял высоту Полярной звезды

над горизонтом: если звезда оказывалась выше, чем накануне, значит, корабль уклонился к северу, если ниже – то к югу. В высоких широтах летом в белые ночи Полярную звезду не всегда видно. В такой ситуации навигатор полагался в определении направления на солнце, которое в полдень стоит точно на юге. Высота полуденного солнца тоже может указать широту места, только в этом случае чем выше светило, тем южнее находится наблюдатель, а чем ниже, тем он севернее. Посредством наблюдений такого рода скандинавские шкиперы установили, что мыс Фарвель в Гренландии (59º 46' с. ш.) находится примерно на той же широте, что и Берген, главный порт западной Норвегии (60º 4' с. ш.). Путевые указания, содержащиеся в одном из списков «Книги о заселении Исландии», советуют мореходу, направляющемуся в Гренландию, идти чуть севернее, приблизительно по 61º, чтобы миновать Шетландские острова, расположенные на одной широте с Бергеном. Корабль из Бергена сначала мог пройти вдоль берега на север до Хернара

(60º 36' с. ш.), а потом «плыть на запад, но держаться достаточно далеко от Шетландских островов: так чтобы в хорошую погоду они едва виднелись на горизонте. Держись южнее Фарерских островов, так чтобы их крутые и высокие горы только наполовину возвышались над горизонтом. Кроме того проходи южнее Исландии: так, чтобы вовсе не видеть земли, а только обитающих на берегу птиц. Когда достигнешь восточного берега Гренландии, следи за вехами на суше и иди по течению на запад вокруг мыса Фарвель к деревням на юго-западном мысу». Эти указания опираются не только на широтное плавание: навигатор должен знать важные вехи и понимать поведение морских птиц, которые могут сообщить, в каком направлении находится земля. В течение репродуктивного сезона (апрель-август), в целом

совпадающего с навигационным периодом у норманнов, морские птицы кормятся на воде, но регулярно возвращаются на сушу кормить птенцов и на ночлег. Разные виды птиц улетают на кормежку на разные расстояния. Моевки могут улетать кормиться за 150 км от земли и дальше, а вот птицы помельче, например тупики или кайры, редко удаляются больше чем на 10 км от берега. Наблюдение за миграциями птиц утром и вечером достоверно указывает, в каком направлении находится земля. При плохой видимости присутствие тупиков или кайр заблаговременно предупредит шкипера, что земля совсем близко. Некоторые навигаторы брали с собой птиц в клетках. Флоки Вилгердарсон, отправившись в Исландию, взял с собой трех воронов. Первый выпущенный ворон улетел в сторону Фарерских островов, где у Флоки была последняя остановка. Когда выпустили второго, тот покружил над морем и вернулся на корабль. Третий же сразу улетел вперед, и, держа курс в этом направлении, Флоки нашел землю.

В природе было множество других знаков для сведущего навигатора, умеющего их читать. Свои постоянные миграционные маршруты и кормовые угодья есть у китов. Например, одно из таких угодий лежит южнее Исландии, примерно на полпути между Фарерами и Гренландией. Формирование облака над горизонтом также может указывать на присутствие земли. Если в шторм море внезапно успокаивается, это может означать, что корабль оказался под защитой острова, невидимого в темноте, за пеленой дождя или тумана. Цвет и прозрачность воды тоже могут кое-что сообщить о положении судна. Реки несут песок и ил, нередко замутняя море на много километров от берега. А мореход, плывущий в Гренландию, должен был с приближением к ее берегам ожидать встреч с плавучими льдами.

Навигационные инструменты

Норманнские мореплаватели прекрасно сознавали все опасности своего занятия, и должно быть, для многих из них самым важным навигационным средством был амулет в форме молота Тора, поскольку бог-громовержец считался покровителем путешественников и моряков. Ни компаса, ни магнита викинги не знали, но возможно, все же применяли кое-какие простые приспособления. Одним из них был промерный лот, который норманны заимствовали у англичан уже в конце эпохи викингов. Он представлял собой просто веревку с грузом на конце, которую спускали за борт, чтобы измерить глубину моря. Лот особенно пригождался в неглубоких, обильных мелями водах Балтики и южной части Северного моря. Английские мореходы, двигаясь вдоль берегов, предпочитали всегда иметь под килем около 10 саженей (18,3 м) глубины.

Возможно, викинги применяли еще два навигационных инструмента: так называемый солнечный камень и солнечный компас. Первый упоминается в некоторых сагах: это, как предполагается, какой-то кристалл, с помощью которого определяли положение солнца на небе в пасмурный день. «Сказание о Рауде и его сыновьях» описывает применение солнечного камня на суше:

> «День был пасмурный и снежный, как и предсказывал Сигурд. Тогда король Олаф призвал Сигурда и Дагура к себе. Король велел людям посмотреть на небо, и никто не увидел в тучах никакого просвета. Потом король просил Сигурда сказать, где в тот час стояло солнце.

> Сигурд ясно показал. Тогда король велел принести солнечный камень, взял его и посмотрел, в каком месте из камня исходит свет, и таким способом точно подтвердил Сигурдово предсказание».

Считалось, что солнечный камень – это прозрачная кристаллическая форма карбоната кальция, так называемый исландский шпат, известный своими поляризационными свойствами. Вместе с тем современные опыты показали, что его поляризационный эффект недостаточно силен, чтобы можно было установить положение солнца за плотными тучами, а наблюдается только в ясный день или при легкой облачности, когда светило и так видно. Среди артефактов, связанных с викингами, ни одного солнечного камня не обнаружено, но такой кристалл найден на корабле елизаветинской эпохи, затонувшем в Ла-Манше возле острова Олдерни, хотя ничто не доказывает, что он применялся для навигации.

Свидетельства существования солнечного компаса еще менее убедительны. В 1948 г. при раскопках скандинавского монастыря в гренландском Нарсарсуаке на берегу фьорда Уунарток был обнаружен фрагмент небольшого, 7 см в диаметре, деревянного диска с отверстием в центре и равномерно расставленными рисками по краю. На целом диске таких насечек, вероятно, было 32. Также его поверхность была исчерчена кривыми, среди которых есть параболы. Именно из-за этих парабол возникло предположение, что диск служил частью солнечного компаса. Если в центре диска располагался гномон[9], параболические кривые могли показывать движение солнечной тени в течение дня. Такой инструмент просто изготовить, и он мог быть полезен при широтном плавании. Если в порту отбытия прочертить по диску ход тени, в пути широту

места легко можно определять, ежедневно замеряя длину тени в полдень. Если тень не достает до линии, значит, солнце стоит на небе выше, то есть корабль сместился на юг относительно исходной точки путешествия. Если тень пересекала линию, то солнце на небе ниже, чем в порту отбытия, и корабль уклонился на север. Поскольку высота солнца над горизонтом меняется не только с широтой места, но и со сменой сезонов, такой прибор мог быть абсолютно точен только в тот день, когда его изготавливали, и чем дольше продолжалось путешествие, тем менее надежным он становился, что ограничивало его применение. Другая проблема заключалась в том, что компас для считывания показаний нужно было устанавливать абсолютно горизонтально – непростая задача в качающемся на морских волнах суденышке. Дело можно решить, поместив компас в ведро с водой, но только в том случае, если удастся каким-то образом не дать его диску вращаться. Так что обнаруженный артефакт мог быть просто частью детской игрушки или «диском исповеди», подобным тем, которые применяли для подсчета исповедавшихся исландские священники. В любом случае, монастырь в Нарсарсуаке основали уже после эпохи викингов, и нет оснований считать, что солнечные компасы ими использовались, даже если этот диск служил частью такого компаса.

Зато есть вероятность, что к концу эпохи викингов норманнские мореходы получили в свое распоряжение письменные таблицы астрономических наблюдений. Некий исландец по имени Одди Хельгассон (ок. 1070 / 80–ок. 1140 / 50),

за широкие познания в астрономии получивший прозвище Одди Звездочет, составил таблицу, отразившую точное положение солнца на восходе и на закате в любой день года во всех портах Исландии. Эта таблица помогала судоводителям выбирать верный

курс. Весьма вероятно, что подобные знания передавались и устно, от поколения к поколению.

Путешествия в Винландию

Последним броском на маршруте викингов «по камешкам» через Атлантику был «перескок» с Гренландии на американский материк. История открытия скандинавами Америки содержится в двух «винландских сагах»: «Саге о гренландцах», написанной ок. 1200 г., и «Саге об Эрике Рыжем» (ок. 1265). Первую из них принято считать более надежным источником, и в общем на нее мы и будем опираться. «Сага об Эрике Рыжем», в которой на самом деле об Эрике сообщается не так уж много, содержит ряд фантастических эпизодов, вроде погони за Одноножкой (мифическое существо на одной ноге), которые подрывают доверие к ней.

Американского берега викинги тоже достигли случайно. В 986 г. исландский торговец Бьярни Херьюльфссон, вернувшись из поездки в Норвегию, обнаружил, что его отец уплыл вместе с Эриком Рыжим в Гренландию. Зная о Гренландии лишь то, что это скалистая страна, где есть ледники и нет деревьев и хороших пастбищ, Бьярни немедленно пустился в путь следом за отцом. Это был довольно легкомысленный поступок. На третий день пути переменилась погода: опустился туман, задул северный ветер, и много дней подряд Бьярни не мог определить свое местонахождение. Когда же, наконец, горизонт расчистился, он увидел, что находится вблизи холмистого берега, поросшего густым лесом. Это явно была не Гренландия, поэтому Бьярни повернул корабль на север и через два дня завидел новую землю, на сей раз лесистую и низменную. Спутники Бьярни хотели высадиться на берег, но он решил иначе и продолжил путь на северо-восток. Через три дня показалась

гористая, скалистая и покрытая льдом земля. Она показалась Бьярни слишком голой для Гренландии. Оставив и ее за кормой, он пошел на запад и через четыре дня наконец прибыл в Восточную колонию и нашел ферму отца в Херьюльфснесе.

Бьярни много упрекали за то, что он не поинтересовался открытыми им землями, но он был не первопроходцем, а коммерсантом. Когда Бьярни оставил торговлю, Лейф Эрикссон купил его судно и стал готовить экспедицию в открытые Бьярни земли. Это было вскоре после того, как Гренландия приняла христианство. Лейф отплыл с командой из 35 человек, среди которых был Тюркир-южанин, предположительно германец. Лейф предложил своему отцу на пару возглавить экспедицию, но тот отказался, сказав, что слишком стар. Лейф начал с того, что двинулся путем Бьярни вспять. Двигаясь на северо-запад, он обнаружил голый каменистый берег, покрытый льдом. Твердо намереваясь исправить ошибку предшественника, он пристал к берегу и дал земле имя – Хеллуланд (страна плоских скал). Двигаясь дальше на юг, экспедиция добралась до низменной лесистой суши с песчаными пляжами. Высадившись и осмотрев землю, Лейф назвал это место Маркландом (лесная страна). Затем он пошел дальше на юг и обнаружил землю, где рос дикий виноград и реки кишели лососем. Ее Лейф решил назвать Винландией (страна вина). Экспедиция построила себе дома в местности, позже получившей название Лейфсбудир (хижины Лейфа), и благополучно перезимовала. Морозов не было, и световой день длился много дольше, чем в это время года в Гренландии. Весной команда Лейфа загрузила корабль лесом и отправилась в обратный путь. В море Лейф спас со скал у Гренландского берега 15 норвежских моряков, потерпевших кораблекрушение. За это он получил прозвище Лейф Везучий, хотя повезло на самом деле

тем пятнадцати. А может, и не повезло: большинство из них, как и Эрика Рыжего, той зимой унесло моровое поветрие.

Точно идентифицировать открытые Лейфом земли вряд ли удастся. Данное у него описание Хеллуланда хорошо подходит под Баффинову землю в канадской Арктике, а Маркланд – почти несомненно Лабрадор. Значительно труднее идентифицировать Винландию. Южная граница распространения атлантического лосося – Гудзон, а северная граница ареала дикого винограда – река Св. Лаврентия. Таким образом, Винландия должна находиться в Новой Англии или в приморских провинциях Канады. С другой стороны, зимы в этих краях определенно не обходятся без морозов. Согласно «Саге о гренландцах», Лейф заметил, что в самый короткий день солнце вставало раньше 9 часов утра и не заходило до трех часов дня, но это время не соответствует нашему, ведь у викингов не было современных часов, и по этим сведениям мы не можем установить широту Винландии. При этом несомненно, что Лейф с командой были первыми европейцами, ступившими на Североамериканский континент.

Следующим путь Лейфа повторил его брат Торвальд. Он также зимовал в Лейфсбудире, а с наступлением лета двинулся исследовать побережье в северо-восточном направлении. В шторм его корабль выбросило на мель, и у него сломался киль. Команде пришлось на время ремонта обосноваться на берегу. Старый киль бросили на мысу, который Торвальд решил назвать Кьяларнес («килевой мыс»). Пройдя еще на восток, экспедиция высадилась на берег осмотреть устье некоего фьорда. Возвращаясь на корабль, норманны заметили на берегу три кочки, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении каяками, под каждым из которых пряталось по три человека. Такой была первая

встреча европейцев с обитателями Нового Света. И она прошла неладно. Американцы попытались убежать от чужаков, но люди Торвальда схватили и убили восьмерых, очевидно без всякой причины. К несчастью для Торвальда девятый уплыл в каяке и поднял тревогу. Вдалеке на берегу фьорда люди Торвальда разглядели невысокие бугры, которые сочли хижинами. Вскоре по фьорду к норманнам двинулся целый рой каяков. Сильно уступая противнику в числе, норманны укрылись за щитами, и американцы вскоре отступили, но успели смертельно ранить Торвальда стрелой. Он вскоре умер, став первым европейцем, похороненным в Новом Свете. Остальная команда благополучно вернулась в Гренландию.

Этническая принадлежность американцев, которым не повезло встретиться с Торвальдом, неясна: если Винландия действительно располагалась так далеко на юге, как о том говорится в сагах, это могло быть одно из многочисленных алгонкинских племен, обитавших до европейской колонизации между Чесапикским заливом и рекой Св. Лаврентия. В исландских источниках все аборигены Северной Америки и Гренландии именуются одним словом – *скрелинги*. Происхождение этого названия неясно. По одной версии оно значит «крикуны»: так их звали, потому что для скандинавов их язык был абсолютно непостижим. Но, видимо, более вероятно происхождение от древнескандинавского слова skrá, то есть «шкура»: аборигенов называли по их кожаной одежде, столь непохожей на тканую шерстяную, какую носили скандинавы.

Через несколько лет некто Торфинн Карлсефни отплыл из Гренландии с намерением основать в Лейфсбудире настоящее поселение. Он взял с собой жену по имени Гудрид, 60 мужчин и 5 женщин и много разного скота. Экспедиция провела в Винландии спокойную зиму, Гудрид тем временем родила сына

Снорри – первого европейца, появившегося на свет в Америке. Наступившей весной случилась первая встреча колонистов с аборигенами, которые пришли в Лейфсбудир продавать пушнину. Стальные орудия и оружие гренландцев, должно быть, притягивали индейцев, которые жили еще в каменном веке (использовались лишь небольшие изделия из самородной меди и метеоритного железа), но Карлсефни запретил своим людям продавать снаряжение скрелингам. Во время следующего торга в том же году один скрелинг пытался похитить у гренландцев что-то из оружия и был убит. Его спутники убежали, но вскоре вернулись отомстить. Ожидавший этого Торфинн устроил засаду и легко отбил нападение. Тем не менее весной Карлсефни покинул поселение в Винландии и вернулся в Гренландию. Позже он купил себе землю в Исландии.

«Сага об Эрике Рыжем» сообщает, что на обратном пути этой экспедиции корабль, принадлежавший Бьярни Гримольфссону, снесло далеко с курса, в ирландские воды. Корпус судна, проеденный древоточцами, прохудился. Спасательная лодка вмещала лишь половину команды. Бьярни решил, что определить, кому сесть в лодку, а кому остаться на тонущем судне, должен жребий. Самому Бьярни повезло, но когда он собирался спуститься в лодку, один молодой исландец спросил:

– Ты бросаешь меня здесь, Бьярни?

– Так это должно статься, – ответил Бьярни.

– Но не это ты мне обещал, когда я покинул отцовскую ферму в Исландии, чтобы поехать с тобой, – сказал исландец.

– Я не вижу иного выхода, – ответил Бьярни, – а что ты предлагаешь?

– Я предлагаю поменяться местами: ты взойди на корабль, а я сяду в лодку.

– Будь по-твоему, – сказал на это Бьярни. – Я вижу, ты всем силами цепляешься за жизнь и боишься смерти.

С этими словами Бьярни взобрался обратно на тонущее судно, а исландец занял его место. Уплывшие в лодке благополучно достигли берегов Ирландии. О Бьярни и прочих оставшихся на судне больше никто никогда не слышал: очевидно, никто из них не спасся. Бьярни имел полное право отказать исландцу и не уступать ему место в лодке, но тогда он неизбежно показал бы, что боится умереть. Исландец, вероятно, намеренно, поставил его перед трудным выбором. Бьярни мог спасти свою жизнь или свою честь, но не то и другое сразу. Для гордого человека, каким был Бьярни, решение оказалось нетрудным. Уступив другому место в лодке, он спас свою честь, обеспечил себе посмертную славу и память в будущих поколениях. Имени трусливого исландца не знает никто, он стал нидингом и до конца своих дней жил изгоем.

Вторую попытку колонизации Винландии предприняла единокровная сестра Лейфа Фрейдис, которая, если верить «Саге об Эрике Рыжем», первый раз побывала в Америке в составе партии Торфинна Карлсефни. Фрейдис позвала с собой двух братьев по имени Хельги и Финнбоги, но, по натуре жесткая и бескомпромиссная, она, похоже, с самого начала настроилась на ссору с ними. Всю зиму копилась взаимная неприязнь, и весной после дележки корабля Фрейдис послала своих слуг убить братьев и их сторонников. Никто из посланных не пожелал убивать бывших в той партии пятерых женщин, и тогда Фрейдис взяла секиру и завершила дело сама. Хотя Фрейдис под страхом смерти запретила слугам рассказывать о

совершенном ею злодеянии, слухи не могли не поползти. Лейф, который в тот момент был главой гренландской колонии, пришел от этих слухов в ужас, но наказать собственную сестру у него не хватило духу, и он лишь предрек, что за грехи Фрейдис несчастная судьба постигнет ее потомков.

Неудача Фрейдис положила конец попыткам скандинавов обосноваться в Америке. Расстояние все же было слишком велико, а небольшая гренландская колония не располагала ни ресурсами, ни избыточным населением, чтобы успешно колонизировать столь далекие земли. И хотя железное оружие давало скандинавам военное преимущество перед аборигенами, оно было не так велико, чтобы перечеркнуть численное превосходство скрелингов. На европейской истории обнаружение скандинавами Америки никак не сказалось. О существовании Винландии в Европе узнали, но все думали, что это еще один остров в океане, как Исландия и Гренландия, и никто не понимал масштабов открытия. В 1112 г. новую экспедицию в Винландию возглавил епископ Гардара Эрик Гнупссон, но о ее судьбе никаких письменных свидетельств не сохранилось. В 1115 г. в Гренландию прислали нового епископа, и значит, Эрик, по всей видимости, не вернулся и был объявлен погибшим. Интерес к Винландии со временем ослабел, и к тому моменту, когда о ней писались саги, за пределами Исландии и Гренландии мало кто вообще помнил о ее существовании. В частности, нет никаких признаков того, что о ней знал Колумб, отправляясь в 1492 г. через Атлантику на поиски Китая, которые обернулись открытием Америки.

Плавания из Гренландии в Маркланд и Хеллуланд продолжались по крайней мере до XIV в. Последнее из письменных свидетельств относится к 1347 г.: 17 гренландцев на небольшом судне сбились с курса,

плывя в Исландию из Маркланда, где они заготавливали лес. Что касается коренных американцев, то они будто и вовсе не заметили появления викингов: никакого культурного воздействия на развитие аборигенных культур пришельцы не оказали. При этом открытие скандинавами Северной Америки все же остается важной вехой в истории человечества: это был конец его путешествия, начавшегося 70 000 лет раньше в Африке. Потомки людей, вышедших с Африканского континента и мигрировавших на восток через Азию в Америку, наконец встретились с потомками тех, кто из Африки двинулся на запад. Мировой круг замкнулся.

Л'Анс-о-Медоуз

Первой археологической находкой, свидетельствующей о посещении скандинавами Северной Америки, был рунический камень, найденный в 1898 г. в Кенсингтоне, Миннесота. По крайней мере, именно так какое-то время считалось. Текст на камне будто бы описывал плавание восьмерых гётов (т.е. шведов) и 22 норвежцев из Винландии в Миннесоту по Великим озерам в 1362 г. При ближайшем рассмотрении оказалось, что надпись представляет собой смесь рун, использовавшихся в IX–XI вв., и неких произвольных символов. Язык надписи был несомненно шведско-норвежским диалектом, на котором в конце 1890-х гг. говорили скандинавские поселенцы в Миннесоте, а в записи даты использовалась арабская система счисления, не применявшаяся в Скандинавии XIV в. И хотя до сих пор есть люди, считающие камень подлинным, ученые быстро распознали в нем подделку, изготовленную, очевидно, местными скандинавскими поселенцами либо ради шутки, либо по соображениям национального престижа. С этого камня начинается своеобразная традиция обнаружения недостающих свидетельств, несомненно доказывающих, что саги о Винландии – не просто романтические сказки мореходов о несуществующих землях. Рунические надписи находили даже в Оклахоме.

Но настоящие археологические доказательства скандинавского присутствия в Северной Америке появились в 1961 г. после открытия норманнского поселения в Л'Анс-о-Медоуз на острове Ньюфаундленд. Л'Анс-о-Медоуз – это мелкая закрытая бухта на северной оконечности Ньюфаундленда. Она открывается на запад, и из нее хорошо видно холмы

Лабрадора, лежащего в 50 км, за проливом Белл-Айл. Хотя местность здесь представляет собой открытые луга, название бухты не имеет к этому отношения: это искаженное англичанами L'Anse-aux-Méduses – название, данное французскими поселенцами и означающее «бухта медуз». К моменту появления здесь скандинавов Л'Анс-о-Медоуз был необитаем, но первыми оценили его привлекательность не норманны: за тысячи лет это место несколько раз заселяли и покидали инуитские охотники на морского зверя.

Скандинавское поселение состояло из восьми строений, все они были земляными с деревянными балками внутри. Три здания представляли собой длинные дома, остальные, вероятно, служили хозяйственными постройками. Жить здесь могло около 90 человек. Длинный дом – типично норманнское жилище, но так строились не только норманны. Подобные дома были в ходу и у нескольких коренных народов Америки, в том числе у инуитов; строго говоря, остатки заброшенных инуитских жилищ в канадской Арктике не раз принимали за поселения викингов. Однако металлические артефакты, во множестве обнаруженные в раскопках Л'Анс-о-Медоуз, явно свидетельствуют о том, что здесь жили европейцы. Большая часть этих артефактов – кованые корабельные заклепки, а значит, одним из главных занятий обитателей поселения был ремонт судов. Делали заклепки, скорее всего, в небольшой кузне, построенной на некотором удалении от поселка – возможно, ради пожарной безопасности. Американские индейцы изготавливали небольшие орудия из метеоритного железа и путем холодной ковки из самородной меди, но не знали технологии выплавки железа. Кроме того, в Л'Анс-о-Медоуз найдена типично скандинавская бронзовая булавка. А находка стеатитового пряслица подтверждает то, что

рассказывалось в сагах: в винландских экспедициях участвовали женщины, ведь прядение было у скандинавов женским занятием. Обнаруженные в одном из строений каменные грузы могли быть частью ткацкого станка. Стеклянная бусина, сломанная костяная игла и брусок для заточки игл и ножей – также типичные артефакты, обнаруживаемые в скандинавских поселениях эпохи викингов. Радиоуглеродная датировка органических материалов показывает, что люди жили в Л'Анс-о-Медоуз примерно в 980–1020 гг., что согласуется с рассказанным в сагах.

Хотя саги утверждают, что первопроходцы везли с собой скот, в Л'Анс-о-Медоуз археологи не нашли никаких свидетельств животноводства и даже просто присутствия домашних животных. А вот охотились здешние поселенцы постоянно. В раскопках обнаружены кости оленя, волка, лисы, медведя, рыси, куницы, морского котика, кита и моржа, а также множества видов рыбы и птицы. Природа в Л'Анс-о-Медоуз мало похожа на Винландию. Зимы здесь суровые, а дикий виноград не растет, так что, если только Лейф не приукрасил прелести Винландии сверх всякой меры, что вполне возможно – отец объяснил ему всю пользу грамотной рекламы, – едва ли это Лейфсбудир. Больше похоже, что Л'Анс-о-Медоуз служил своего рода базой для экспедиций дальше на юг. А то, что они предпринимались, доказано наличием в пищевых отходах поселенцев серого ореха. Серый орех, американская разновидность грецкого, не встречается севернее южного Нью-Брансуика и низовьев реки Св. Лаврентия, что более чем на 800 км южнее Л'Анс-о-Медоуз.

В Соединенных Штатах на сегодня обнаружен лишь один скандинавский артефакт, подлинность которого общепризнана. Это истертый серебряный пенни, отчеканенный в правление норвежского короля Олафа

Тихого (правил в 1067–1093 гг.) и найденный в раскопках крупной индейской деревни в Годдард-пойнте, на побережье Мэна. Точные обстоятельства обнаружения монеты не документированы, и нельзя исключать возможность того, что ее подбросили в раскоп с целью подтасовки данных. На даже если ее нашли честно, сама монета еще не доказывает, что скандинавские мореходы посещали Мэн. В Годдарде обнаружено немало предметов, указывающих на то, что здесь было торговое место с обширными связями, протянувшимися до канадской Арктики. Поскольку гренландцы плавали на Лабрадор до самого XIV в., монету как экзотический сувенир мог вывезти какой-нибудь инуит, а затем она американскими торговыми путями попала в Мэн, сменив, по всей вероятности, множество хозяев.

Викинги и скрелинги в Арктике

Промысловые походы гренландцев к Нордсету продолжались еще долго после окончания эпохи викингов в ее узком понимании (ок. 1100 г.). Самая северная точка, посещение которой скандинавами не вызывает сомнений, – это Кингитторсак, скалистый островок примерно на 72º с. ш. Там в 1824 г. на небольшой пирамиде из валунов обнаружили плоский камень с рунической надписью, сделанной где-то во второй половине XIII в. тремя скандинавскими моряками: «Эрлин сын Сигвата, Бьярни сын Торда и Энриди сын, в день стирки [субботу] перед Вознесением [25 апреля] сложили этот холм и уехали...» Надпись заканчивается шестью уникальными рунами, предположительно шифровкой. Чтобы установить камень в такую раннюю пору года, когда морской лед еще не раздался, моряки должны были где-то поблизости перезимовать. Весьма вероятно при этом, что скандинавы заходили много севернее того рубежа. В 1876 г. британская океанографическая экспедиция обнаружила на острове Вашингтона Ирвинга, расположенного у берегов северной Гренландии приблизительно на 79° с. ш. и более чем в 1600 км к северу от Западного поселка, два древних рукотворных каменных столпа. Британцы разобрали их в поисках спрятанных в камнях посланий. Ничего не обнаружив и не зная ни о каких других европейцах, забиравшихся так далеко на север, они решили, что столпы сложили скандинавы. Если так, то это, вероятно, и было то место, где выдохлась норманнская экспансия, менее чем в 1300 км от Северного полюса. Современные ученые, осмотрев столпы, согласились, что они вряд ли были возведены инуитами.

Сначала скандинавы хозяйничали в Нордсете безраздельно, но около 1170 г. они столкнулись с протоинуитами туле, пришедшими в высокие широты Арктики с Аляски и сменившими более ранних дорсетских людей. Предки нынешних инуитов, люди культуры туле были идеально приспособлены к жизни в полярных широтах. Главным секретом их выживания была технология китовой охоты – люди ранних протоэскимосских культур умели добывать только китов, выброшенных на берег. Люди туле преследовали кита в море на умиаках, открытых лодках из шкур, длиной до 10 м, приводимых в движение веслами без уключин. Китов убивали гарпунами с поворотным наконечником. Такой наконечник отделяется от древка гарпуна и прочно застревает в теле кита. К наконечнику ремнем прикрепляется сшитый из шкур поплавок: эти поплавки не дают киту ни нырнуть, ни утонуть, когда он погибнет. С такой технологией люди туле обеспечивали себе куда более обильные ресурсы, чем были доступны ранним протоинуитам, зависевшим от тюленей. Кроме того, у туле был лук, которого их предшественники не знали.

О первых контактах скандинавов со скрелингами, как они называли инуитов, письменные источники не сообщают. Народы охотников и собирателей яростно защищали свои охотничьи участки от любых чужаков, и когда Торвальд приплыл в Винландию, норманны тоже слушались инстинкта сначала бить, а потом разбираться. Во многих инуитских становищах канадской Арктики и северной Гренландии обнаружены скандинавские артефакты, так что эти народы, вероятно, торговали, хотя этим находкам есть и другие объяснения. На сегодня больше всего предметов скандинавского происхождения обнаружено на Скрелинге, небольшом островке у берегов острова Элсмир, что примерно на 78º с. ш., где инуиты селились

несколько раз на протяжении более чем 5000 лет. Их привлекала близость острова к так называемой Северной полынье, обширной акватории в море Баффина (между Элсмиром и Гренландией), всегда свободной ото льда и богатой тюленями и китами. Люди туле пришли на остров Скрелинг в XIII в. и построили несколько зимних домов из камня, земли и китовых костей.

Среди скандинавских артефактов со Скрелинга встречаются клочки тканой шерстяной материи, железные корабельные заклепки, лезвия ножей и наконечники копий, плотницкий рубанок (без лезвия), шило, железные клинья (для расщепления бревен), фрагменты кольчуги, части от ящиков и бочек. В числе инуитских изделий гарпунные наконечники, фрагменты клинков из метеоритного железа и миниатюрная деревянная скульптура: голова человека с неэскимосскими чертами. Похожие резные изображения, называемые термином «кавдлунаит» (от инуитского слова «чужеземец»), обнаруживаются и на других эскимосских становищах. Некоторые описываются как фигуры в плащах и капюшонах европейского фасона: считается, что это инуитские портреты норманнов. Часть скандинавских артефактов, по данным радиоуглеродной датировки, относится к середине XIII в. К тому же периоду принадлежат подобные скандинавские артефакты, обнаруженные в инуитском становище на острове Руин, который находится примерно в 100 км от Скрелинга, близ гренландского берега пролива Нэрса.

Торговля или кораблекрушение?

Присутствие норманнских артефактов в инуитских поселениях обычно толкуют как свидетельство торговых отношений между инуитами и Скандинавией. Однако могло быть иначе. У инуитов были меха, шкуры и моржовая кость, необходимые скандинавам для сохранения торговых связей с Европой, но что скандинавы могли предложить в обмен? Драгоценным товаром в этих широтах была бы древесина, но гренландские скандинавы и сами страдали от ее дефицита. Можно было продавать железные орудия, но в колониях их тоже не хватало. У инуитов было метеоритное железо из северной Гренландии, обрабатывая которое холодной ковкой они изготавливали клинки. Скандинавское кованое железо было лучше, но ковать его без кузнечного горна труднее. Альтернативная теория объясняет присутствие скандинавских артефактов в инуитских становищах не торговлей, а тем, что все они попали на север с единственной скандинавской экспедицией, возможно, той самой, которая сложила столбы на острове Вашингтона Ирвинга. Корабельные заклепки попали в руки инуитов не новыми: они выглядят так, будто их вынули из корабельной обшивки. Норманны вряд ли стали бы торговать обшивкой собственного корабля, так что корабельные доски вместе с другими предметами, возможно, были доставлены с места кораблекрушения. А может быть, инуиты, обнаружив в своих водах чужаков, захватили и разграбили корабль. Для гренландских же колонистов это была еще одна экспедиция, пустившаяся через опасные арктические воды в Нордсет и сгинувшая.

Глава 9
Молдон, Лондон и Стэмфорд-бридж
Возвращение викингов в Англию, 978–1085



Год 973-й был выбран королем Англии Эдгаром Миролюбивым (правил в 957–975 гг.) для проведения пышных торжеств. Эдгар стал первым за полтора столетия английским монархом, при котором страну не тревожили нашествия викингов. За время его правления не случилось ни единого набега. В отсутствие угроз извне он спокойно занимался укреплением собственной власти и восполнением ущерба, причиненного викингами английской церкви. Но его амбиции простирались шире. Англия была крупнейшим, богатейшим и могущественнейшим из королевств Британии, и Эдгар видел себя не только ее правителем, но и владыкой всего острова. Поэтому первым торжеством 973 г. стала церемония коронации, проведенная ради прославления правления Эдгара, хотя к тому времени он сидел на троне уже 15 лет. Для коронации Эдгар не случайно выбрал древний римский город Бат: ассоциации с великой империей должны были добавить его титулу блеска. Позже он обозначил свои имперские притязания еще яснее, устроив дворцовый прием в Честере, бывшей крепости римских легионеров. Было организовано великолепное зрелище: Эдгар проплыл по реке Ди в ладье, где на веслах

сидели шесть или восемь (тут источники расходятся) британских королей, в том числе Кеннет II Шотландский, норманнский король с острова Мэн или с Гебридов по имени Маккус, Малькольм Стратклайдский и три (или пять) валлийских короля. Сам Эдгар сидел на руле. Символ был понятен всем: рука Эдгара правит всей Британией.

Триумф оказался преждевременным. Эдгар умер в 975 г. всего 32 лет от роду, и с этого момента и до самого окончания норманнского завоевания корона Англии никому не доставалась мирно. У Эдгара было два сына: старший Эдуард от наложницы и Этельред от жены Эльфтрит. Эдуарду было лет 13, Этельреду – семь. При других обстоятельствах Эдуард занял бы трон без всяких споров, но, поскольку он был незаконнорожденным, многие влиятельные люди хотели видеть на престоле Этельреда. Сторонники Эдуарда оказались сильнее, однако правил он всего три года и пал жертвой убийц, когда посещал Этельреда в замке Корф, что в Дорсете. После этого Этельред стал королем (правил в 978–1016 гг.), но подозрения, что он сам организовал убийство брата, сопровождали его до конца дней, смущая подданных и препятствуя утверждению его власти. Эдуарда, который при жизни был жестоким и свирепым, его сторонники объявили мучеником. Искупить вину в братоубийстве было непросто, тем более такому правителю, как Этельред, который не слушал советчиков, за что и получил прозвище Неразумный. Его положение усугублялось также тем, что в возрасте, когда королю положено вести свои полки в битвах, Этельред не выказывал абсолютно никакой склонности к войне. Вместе с тем он был умелым администратором, и будь тогда в Англии мир, вполне мог бы стать успешным правителем.

Битва при Молдоне

К несчастью для Этельреда и Англии, викинги всегда чувствовали, когда где-то политическая ситуация становилась нестабильной, и новая волна нашествий не заставила себя ждать. Этельред не процарствовал и двух лет, когда норманны напали на порт Саутгемптон, перебив множество горожан и угнав в рабство большинство уцелевших. В том же году набегу подвергся вечно беззащитный остров Танет в Кенте, а флот не то с Гебридов, не то из Оркни разграбил Чешир. Продлившийся четверть века мир для Англии кончился.

Первые набеги совершались, судя по всему, относительно небольшими отрядами: в Саутгемптон викинги пришли на семи ладьях, в Дорсет в 982 г. – на трех, но численность морских разбойников быстро росла. В 991 г. Олаф Трюггвасон, честолюбивый морской конунг с претензиями на норвежский трон, привел в Фолкстоун флот из 93 кораблей. Разграбив город и окрестности, Олаф пошел к Сэндвичу, пересек устье Темзы у Ипсвича и двинулся к Молдону, что в Эссексе. Там он разбил лагерь на острове Норти в устье реки Блэкуотер. Эссекский элдормен по имени Биртнот со своим войском и местным ополчением встал на берегу напротив острова. Олаф предложил эссексцам заплатить выкуп, обещав за это уплыть восвояси. Биртнот ответил, что будет платить викингам только остриями копий и клинками мечей.

Последовавшая за этим битва послужила темой одной из самых прекрасных древнеанглийских поэм – «Битва при Молдоне», проникновенно воспевающей воинскую доблесть, равно ценимую и англичанами, и норманнами. Остров Норти соединялся с берегом косой,

но пройти по ней можно было только в отлив. Когда он настал, викинги попытались перейти на берег и сразиться с англичанами, но всего лишь три английских воина успешно преградили им дорогу. Тогда норманны стали насмехаться над эссексцами, крича, что тем не хватает смелости сразиться на равных условиях на твердой земле. Тут Биртнот принял роковое решение отвести людей и позволить викингам перейти и построиться в боевой порядок на берегу. Численность сражавшихся армий неизвестна, но, учитывая размер норманнского флота, не будет слишком смелым предположить, что под началом Олафа было 3000–4000 воинов. Относительно численности войска Биртнота никаких указаний нет, но один из поздних источников, «Книга из Эли» XII в., сообщает, что англичан было меньше. Вскоре события на поле битвы обернулись не в пользу обороняющихся. Многие ополченцы (если не все) не были обучены и даже не знали, как правильно держать щиты и копья. Когда Биртнот, сражавшийся в первом ряду, получил смертельную рану, часть английских воинов дрогнула. Согласно поэме, первым бежал Годрик, оседлавший Биртнотова коня, – хотя, по обычаю того времени, сражался элдормен пешим, как и все английские воины, но на битву приехал верхом. Годрик галопом ускакал прочь, а за ним последовали его братья. Остальные, узнав коня, сочли, что Биртнот бросил своих людей, и тоже побежали. Только дружина элдормена не покинула поля боя и стояла насмерть над его телом. Поэма рассказывает, как в безнадежной битве эти воины ободряли друг друга. «Часто кричали мы, – говорит один из них, – за чашей меда, славой на лавах клялись-хвалились, в тех застольях стойкостью ратной пускай же каждый покажет свою отвагу»[10]. Они погибли все до единого.

Поэт, сочинивший «Битву при Молдоне», упрекает Биртнота в том, что тот дал викингам выйти на берег, приписывая это решение гордыне, то есть той страсти, за которую был изгнан из рая Сатана. Этот упрек вряд ли справедлив. Биртнот, должно быть, отдавал себе отчет в том, что, хотя его армия заслоняет от викингов Молдон и окрестности, корабли дают норманнам тактическое преимущество: они в любой момент могут поднять паруса и уплыть грабить другие, беззащитные города и веси. Рискнув начать сражение, Биртнот счел, что должен воспользоваться шансом разбить вражескую армию и защитить от грабежа всю страну. Принимая вызов Биртнота, Олаф рассчитывал примерно то же: если удастся разбить английское войско, можно будет свободно грабить где захочешь.

Этельред откупается от викингов

Поражение Биртнота обернулось для Англии самыми серьезными последствиями. Как условие мира Олаф потребовал от Этельреда выкуп в размере 4536 кг серебра. Архиепископ Сигерик посоветовал Этельреду заплатить, и, по крайней мере, в этот раз, король послушал совета. Чтобы собрать дань, *данегельд* (датские деньги), как это тогда называлось, королю пришлось ввести всеобщий налог и распродавать земли и привилегии. Выплата помогла избавиться от Олафа, но показала всем слабость Англии и привлекла новых разбойников. На следующий год в устье Темзы снова объявились норманнские ладьи. Этельред приказал собирать в Лондоне флот, чтобы отрезать викингов от моря. Командовать формированием флота он поставил хэмпширского элдормена Эльфрика, но тот предупредил викингов о готовящемся нападении, а потом и вовсе перешел на их сторону. Такие истории будут преследовать Этельреда до конца его правления: все попытки англичан дать отпор викингам будут срывать изменники.

В 994 г. набеги ужесточились. Олаф Трюггвасон вернулся в союзе с датским королем Свеном Вилобородым. Это был странный союз, ведь намерения Олафа напрямую угрожали датскому владычеству в Норвегии, установленному отцом Свена Харальдом Синезубым в 970 г. Тем не менее 20 сентября Олаф и Свен поднялись по Темзе на 94 судах и пошли на штурм Лондона, очевидно рассчитывая захватить богатый город без труда. Однако горожане отчаянно оборонялись и отбили викингов, нанеся им немалый урон. Свен с Олафом двинулись дальше и успели разграбить Кент, Эссекс, Сассекс и Хэмпшир, прежде

чем Этельред прибег к проверенному средству и откупился от врагов, на сей раз за 7257 кг серебра. Олаф перезимовал в Англии, где Этельред воздавал ему почести и стал его восприемником, когда епископ Уинчестерский крестил конунга в Эндовере. Олаф поклялся, что больше никогда не придет в Англию с войной, и эту клятву он сдержал. В 995 г. Олаф вернулся в Норвегию, где его признали королем. Свен, который уже был христианином, тоже вернулся домой и следующие пять лет был слишком занят тем, что пытался выманить Олафа из Норвегии в набег на Англию. Бездействие двух главных фигур позволило предводителям викингов не столь высокого звания грабить самостоятельно и составлять походные союзы вроде тех, что столь успешно практиковались викингами в IX в. Англичане терпели поражение за поражением, но не складывали оружия. В Этелингадене 23 мая 1001 г. викинги разбили хэмпширское ополчение. Англосаксонская хроника на сей раз дает цифры потерь, которые выглядят вполне правдиво. У англичан погиб 81 воин, в том числе пятеро дворян. Даны, согласно хронике, потеряли много больше, но первыми оставили поле боя все-таки англосаксы. Они потерпели поражение не от нехватки храбрости, а от недостатка слаженности. Этельред почти никак не руководил обороной, и каждое графство, похоже, могло полагаться только на свои силы. В эпоху, когда было принято, чтобы короли сражались в первых рядах своего войска, нежелание монарха идти на войну пагубно сказывалось на боевом духе армии. Впрочем, в глазах противников Этельреда поражения англичан объяснялись не отсутствием руководства: они были проявлением Господнего гнева за убийство Эдуарда.

Часть флотилий, нападавших на Англию, приплывали из Нормандии. Точно не известно, базировались ли они там с согласия герцога Ричарда

Доброго, но мать Ричарда была датчанкой, и с викингами его связывали многие другие нити (см. главу 4). Около 1001–1002 гг. Этельред отправил флот в неудачный поход на лагеря морских разбойников в Нормандии. Затем он попытался уничтожить их гнезда дипломатическим путем. В 1002 г. это обернулось династическим браком между Этельредом и сестрой Ричарда Доброго Эммой. Эмма родила от Этельреда двух сыновей: Эдуарда (впоследствии получившего прозвище Исповедник) и Альфреда. Похоже, что никаких краткосрочных выгод от этого брака Этельред не получил, а лишь тем более ослабил свой авторитет, что его новое потомство осложнило положение сыновей от первого брака. Вместе с тем через много лет династическая связь между Англией и Нормандией будет иметь для обеих важные и многосторонние последствия.

В 1000 г. Свен Вилобородый одолел Олафа Трюггвасона и восстановил датское владычество в Норвегии. Победа стоила немалых денег, и нужно было пополнить казну, так что в 1003 г. Свен вновь оказался в Англии. Будучи королем, он тем не менее не мог облагать подданных общим налогом и предпочел вместо этого паразитировать на эффективной административной системе Этельреда, систематически совершая набеги с целью грабежа и сбора дани. После того, как оговаривались условия откупа, английские королевские сборщики взимали с подданных Этельреда нужную сумму и передавали ее Свену. Армия Свена отличалась от норманнских полчищ, грабивших Англию прежде. Те орды представляли собой свободные объединения самостоятельных отрядов, нередко под совместным предводительством, и воины сражались за оговоренную долю добычи: все были партнерами в общем предприятии, хотя не все имели равный статус. У Свена же вся армия подчинялась ему одному, и воины

сражались за установленную плату: они были наемниками. Свеновы флотилии кажутся небольшими в сравнении с гигантскими норманнскими армадами IX в. – в 994 г. он привел 94 корабля, – но состояли они из драккаров, а это был новый тип судна: увеличенная длинная ладья с 60–80 гребцами, способная перевозить на короткие расстояния до 500 воинов. Постройка драккара обходилась так дорого, что оставалась привилегией королей и ярлов, и нередко ради того, чтобы подчеркнуть высокий статус владельца, эти суда пышно украшали. Другое отличие от морских разбойников IX в. состояло в том, что даны Свена Вилобородого, или, по крайней мере, большинство из них, были христианами: они массово начали обращаться в новую веру лет за 30 до того.

Резня в день святого Брайса

Аппетиты Свена относительно поборов с Англии, вероятно, разжег один из самых любопытных эпизодов правления Этельреда. В 1002 г. Англия подверглась жестокому разграблению и откупилась от викингов 10 866 кг серебра. После этого, как пишет автор «Англосаксонской хроники», король «приказал изничтожить всех находившихся в Англии датчан – и это было исполнено в день святого Брайса [13 ноября] – поскольку получил весть, что они замышляют предательски лишить жизни и короля, и всех советников, чтобы завладеть всем королевством». Этот приказ не мог относиться к населению Данелага хотя бы потому, что осуществить резню такого масштаба в один день физически невозможно. Вероятно, целью были датские воины на королевской службе, заподозренные в измене. Одним из таких был Паллиг, годом раньше не оказавший сопротивления норманнским разбойникам в Девоне. Паллиг обладал высоким статусом, был женат на сестре короля Свена Гунхильде, которая тоже погибла в резне. Хронист XII в. Генрих Хантингдонский писал, что в детстве говорил со стариками, помнившими резню. Они рассказывали, что Этельред разослал по городам письма с приказом напасть на данов точно в нужный день и час, чтобы нападение было полной неожиданностью для всех. Насколько точно были исполнены королевские приказы, неизвестно. Одним из городов, где произошла резня, был Оксфорд. В хартии 1004 г. Этельред упоминает датскую резню, объясняя, что городскую церковь Святого Фридесвайда нужно перестроить, потому что местные даны «пытаясь избежать гибели, ворвались в это Христово святилище, выломав двери и засовы, и

решили укрываться там и обороняться от горожан и вилланов; когда же преследовавшие их люди попытались, повинуясь необходимости, выгнать их наружу и не преуспели в этом, пришлось поджечь доски, отчего сгорела, кажется нам, вся церковь с ее драгоценностями и книгами».

Собственно резню Этельред назвал «справедливейшим изничтожением».

В 2008 г. раскопки на территории оксфордского колледжа Св. Иоанна обнаружили братскую могилу, в которой находилось от 34 до 38 скелетов крепко сложенных молодых мужчин, все со следами насильственной смерти. Многие из погребенных получили смертельные удары сзади, из чего следует, что их убивали, когда они пытались убежать. Несколько скелетов были обуглены, то есть перед захоронением тела сожгли. Радиоуглеродный анализ датировал кости периодом между 960 и 1020 гг., а химический анализ содержащегося в костях и зубной эмали коллагена показал, что убитые росли не в Британии, а в более холодном климате. Хотя точно знать невозможно, имеющиеся сведения позволяют заключить, что в могиле похоронены даны, убитые в день Святого Брайса.

В 2009 г. при производстве дорожных работ на холме Риджвэй, возвышающемся над портом Уэймаус в Дорсете, были обнаружены следы еще одного массового убийства того же периода. Братская могила в заброшенной римской каменоломне с 54 скелетами молодых мужчин, обезглавленных необычным способом – ударом меча по шее спереди, а не сзади, как то было принято. Головы были сложены отдельно от тел, и удалось обнаружить лишь 51 череп: вероятно, остальные головы были насажены на колья для всеобщего обозрения. Обычно мечом казнили только людей высокого звания, так что погребенные не были

обычными преступниками – тех обычно вешали. Химический анализ костей и зубов показывает, что казненные, как и люди из братской могилы в Оксфорде, выросли в холодном климате и, скорее всего, были викингами: один из них приплыл из-за полярного круга. Еще у одного из казненных были сделаны надпилы на передних зубах – болезненная процедура, – и есть предположение, что они были заполнены красящим пигментом для придания свирепого вида. Отец Свена Вилобородого Харальд Синезубый, возможно, получил свое прозвище после подобной косметической процедуры. Способ, которым были умерщвлены эти люди, описан в «Саге о йомсвикингах» (XIII в.), посвященной полумифическому братству элитных воинов, основанному Харальдом. Одного из йомсвикингов спросили перед казнью, что он думает о смерти. «Он ответил: "Я также безразличен к смерти, как мои сотоварищи. Но я не дам себя забить, как овцу. Я встречу удар лицом к лицу. Ударь прямо в лицо и гляди хорошенько, побледнею ли я..." Ему это позволили, Торкель [палач] стал с ним лицом к лицу и ударил его по голове. Тот не побледнел, но глаза его закрылись, когда смерть настигла его»[11].

Радиоуглеродный анализ относит кости к 980–1030 гг., но, как и в случае с оксфордским погребением, невозможно утверждать с той или иной степенью определенности, что в могиле на холме Риджвей лежат жертвы резни на день святого Брайса. Пожалуй, даже вероятнее, что это были викинги, захваченные во время неудачного набега. То есть англичане, возможно, одерживали верх над морскими разбойниками куда чаще, чем то готов был признать безжалостно мрачный автор «Англосаксонской хроники».

В 1003 г. Свен, вероятно, почти не встретил сопротивления. В Уилтшире против него собрали армию,

но в последний момент ее командующий, неверный элдормен Эльфрик, симулировал болезнь, и сражения не произошло. В 1004 г. Свен приплыл вновь и пошел в Восточную Англию, разорив важный город Норвич. Элдормен Ульфкайтель, предположительно, датского происхождения, пытался откупиться от Свена, но тот скоро нарушил перемирие. Ульфкайтель собрал, сколько смог, войска и вышел на битву. В сражении обе стороны понесли тяжкие потери, но победа вновь осталась за данами. «Англосаксонская хроника» обвиняет в поражении восточных англов, которые не оказали Ульфкайтелю необходимой поддержки. В 1005 г. голод вынудил Свена покинуть Англию, но следующим летом он явился вновь, грабил на юге страны и остался на зимовку на острове Уайт. Этельред запросил перемирия, начались переговоры, и в 1007 г. Свен получил колоссальный выкуп – 16 329 кг серебра. Удовлетворившись этим, он вернулся в Данию. Этельред использовал передышку для постройки новых судов и изготовления воинского снаряжения. Археологические находки также показывают, что в это время укреплялись защитные сооружения в городах, и много где валы с частоколами заменяли на каменные стены.

Торкелль Длинный

В 1009 г. новый флот, самый крупный из всех дотоле собиравшихся в Англии, стоял у Сэндвича в Кенте в ожидании новых датских набегов. Командование им взял на себя сам Этельред Неразумный. Датские флотилии редко шли в Англию напрямик через Северное море. Они предпочитали двигаться вдоль берегов Дании, Германии и Фризии до устья Рейна, а уж оттуда коротким броском достигать Кента. Таким образом Сэндвич был лучшим местом для сосредоточения флота, дающим возможность перехватить данов прежде, чем они высадятся. Однако на месте сбора вспыхнула распря между двумя крупными аристократами, Брихтриком и Вульфнотом Силдом. Обвиненный Брихтриком в каких-то непоименованных обидах, Вульфнот захватил 20 кораблей и отправился в грабительский набег на южное побережье Англии. Брихтрик с 80 кораблями бросился в погоню, но налетевший шторм разбросал и потопил его флотилию. Когда новость об этом бедствии достигла Сэндвича, король бежал оттуда, и оставшиеся моряки в растерянности отправились по домам. «И труд целого народа так легко пошел прахом», – сетовал хронист. Затем, в начале августа крупный датский флот без малейших помех разгрузился в Сэндвиче; вскорости к нему на подмогу пришла еще одна датская армада. Этой второй предводительствовал Торкелль Длинный. Он был сыном датского ярла и командиром в армии Свена Вилобородого, но на сей раз действовал самостоятельно. Возможно, он отправился в набег ради обогащения, но не менее вероятно, что Торкелль хотел использовать славу успешного вожака викингов, чтобы

захватить власть на родине после смерти Олафа Трюггвасона.

Появление Торкелля знаменовало собой закат правления Этельреда Неразумного. По версии «Англосаксонской хроники», дальнейшие события имели одного главного виновника: им был мерсийский элдормен Идрик Стреона. Расположение Этельреда Идрик заслужил тем, что по его приказу убил нортумбрийского элдормена Эльфхельма, поддержавшего не ту партию в дворцовой борьбе за влияние. В уплату за эту услугу король поставил Идрика править Мерсией, а это был один из самых важных постов в государстве. Там Идрик стяжал незавидную славу подлеца и предателя. Первый раз «Хроника» приписывает ему особенные злодеяния в записи о 1011 г. Английская армия под командованием самого Этельреда успешно отрезала данов от кораблей, и воины рвались в бой, но Идрик сумел убедить короля не наступать, и данам удалось уйти. Следующие два года Торкелль опустошал Уэссекс и Восточную Англию. Сопротивление англичан утрачивало последнюю слаженность. «Англосаксонская хроника» рисует картину полного хаоса:

> «Когда [даны] были на востоке, английское войско стояло на западе, и когда они были на юге, наша армия была на севере.
>
> Тогда к королю созвали всех советников и стали решать, как дальше оборонять страну. Но если что-то они и решили, то это не исполнялось даже месяца. Наконец не осталось предводителя, который мог бы собрать войско, все спасались, кто как мог, и даже соседние графства не помогали друг другу».

Убийство архиепископа Элфиджа

В сентябре 1011 г. Торкелль осадил Кентербери. Через три недели город пал: предатель открыл данам ворота. Торкелль захватил множество ценных пленников, в том числе Кентерберийского архиепископа Элфиджа. Этельред в конце концов запросил перемирия на зиму, а на Пасху Торкеллю выплатили контрибуцию: 21 772 кг серебра. Пусть английская оборона рухнула, но бюрократия по-прежнему функционировала исправно, и королевские сборщики даже такую огромную сумму собрали с его измученных подданных без особого труда. Впрочем, Элфиджа это не спасло. Даны запросили за его освобождение отдельный выкуп – еще 1361 кг, однако архиепископ не дал позволения собирать эти деньги, очевидно, чтобы избавить бедняков от новых поборов. В субботу после Пасхи (19 апреля 1012 г.) викинги, захватившие Элфиджа, напились допьяна и дали волю своей злобе против несговорчивого пленника. Они избили Элфиджа костями и бычьей головой, а потом один из них убил архиепископа ударом топора в темя. Похоже, что Торкелль пытался спасти пленника, обещав своим людям золото и серебро, если они пощадят его, но не преуспел. Убийство архиепископа даже в те суровые времена было из ряда вон выходящим злодеянием. На следующий день тело Элфиджа перевезли в Лондон и затем похоронили в соборе Св. Павла: архиепископа сразу признали мучеником. После получения и раздела контрибуции датское войско рассеялось. Большинство викингов отправились с добычей по домам, а вот Торкелль с 44 кораблями поступил на службу к Этельреду, обещав защищать его королевство за прокорм и одежду для себя и своих людей. Чтобы

покрыть эти расходы, Этельред учредил однолетний поземельный налог под названием *херегельд* (налог на армию). Как и многие другие временно устанавливаемые налоги, он закрепился, и официально его отменили только в 1052 г. Иногда решение Торкелля толкуют как раскаяние в убийстве Элфиджа, но поступление на наемную службу, вероятно, имело экономические мотивы: в 1014 г. Этельред заплатил ему 5443 кг серебра.

Тем временем в Дании король Свен, должно быть, тревожился, видя растущее влияние и богатство Торкелля. Что тот станет делать, если вернется на родину с кораблем, полным сокровищ, и армией верных воинов за спиной? Вряд ли он тихо удалится в свое поместье. Кроме того, Свен, вероятно, был хорошо осведомлен о плачевном состоянии английской обороны, и поскольку недостатка в опытных воинах после того, как большая часть армии Торкелля вернулась домой, не было, Свен решил, что пришло время ему самому вторгнуться в Англию. Но на этот раз он решил покорить ее.

В середине лета 1013 г. флот Свена прибыл в Сэндвич и двинулся вдоль берега на север, обогнул Восточную Англию, вошел в залив Хамбер, а оттуда поднялся по Тренту до Гейнсборо, где Свен устроил себе ставку. Нортумбрийцы и датские поселенцы из Данелага покорились ему и дали заложников. Их и корабли Свен оставил в Гейнсборо, поручив заботам сына Кнуда, сам же, взяв лошадей, двинулся на юг, грабя и разоряя все поселения на своем пути. Город за городом покорялись ему. Сопротивление оказал только Лондон.

Лондон обороняется от данов

Лондонцы уже отбились от Олафа Трюггвасона и от нескольких набегов Торкелля. На этот раз и Этельред, и Торкелль находились в городе, и армия Свена тоже не смогла одолеть городских стен. Лондон еще не стал столицей Англии – главный административный центр уэссекской династии располагался в Винчестере, Гэмпшир, – но уже был крупнейшим и самым процветающим городом страны. Хотя в IX в. викинги много раз грабили Лондон, они косвенным образом помогли ему превратиться в национальный оплот. Альфред Великий, захватив город в 886 г., восстановил там древние римские стены и разместил гарнизон. Построил новые улицы и пристани, а торговое поселение Люденвик (в Олдвиче) переехало под защиту городских стен. Около 915 г. на южном берегу Темзы в Саутуарке возникло еще одно укрепленное поселение. Вероятно, где-то в то же время построили и Лондонский мост – не только для связи двух поселений, но и для надзора за судоходством и защиты реки от вражеских кораблей. Таким образом Лондон стал ключевым звеном обороны королевства от викингов.

Получив отпор в Лондоне, Свен направился на запад в Бат, где ему покорилась уэссекская знать. Лондон, единственное место, еще не признавшее Свена королем, смирился с неизбежностью, принял датскую власть и отдал заложников. Вернувшись в Гейнсборо, Свен потребовал, чтобы англичане содержали и кормили его армию. Этельред с Торкеллем и его воинами нашли убежище в Гринвиче на Темзе. Затем Этельред перебрался на остров Уайт, где провел Рождество, прежде чем удалиться в изгнание в Нормандию, ко двору своего зятя герцога Ричарда. Свен

недолго наслаждался победой. Он заболел и на Сретение, 3 февраля 1014 г. умер в Гейнсборо. Датская армия признала королем Кнуда, но англичане призвали из изгнания Этельреда, написав ему, что «ни один владыка не мил им, как свой, законный, если он будет править ими справедливее, чем прежде».

На Пасху Кнуд по-прежнему стоял в Гейнсборо. Жители Линдси, населенной данами области Линкольншира, согласились дать ему лошадей и вступить в его войско. Однако Этельред действовал с небывалой для него решительностью и выступил на север, пока Кнуд еще не собрал силы. Кнуд с войском сел на корабли и уплыл, покинув жителей Линдси, которых ждало возмездие со стороны Этельреда. Кнуд уплыл на юг в Сэндвич, где высадил на берег заложников, взятых его отцом, но прежде им отрубили кисти рук, носы и уши. Вернувшись в Данию, Кнуд узнал, что королем сделали его брата Харальда. Харальд отказался разделить власть с Кнудом, но согласился помочь ему завоевать Англию.

Этельред скоро показал, что не будет править своим народом справедливее, чем прежде. В 1015 г. на ассамблее в Оксфорде элдормен Идрик убил Сигферта и Моркара, двух танов из Пяти бургов, лишь затем, чтобы король мог забрать себе их имущество. Но король не успел: его старший сын, Эдмунд Железнобокий, взбунтовался, женился на вдове Сигферта и стал хозяином его владений. Вероятно, целью Эдмунда было упредить младшего единокровного брата Эдуарда в притязаниях на трон. Пока шел этот спор, Кнуд вновь объявился в Сэндвиче с огромным флотом. Германский хронист Титмар Мерзебургский (умер в 1018 г.) оценил мощь флота в 340 кораблей, несущих по 80 воинов, что дает в сумме войско в 27 200 копий. Достоверных упоминаний о норманнских армиях такого размера, собиравшихся где бы то ни было, не встречается, но

даже при том, что цифры Титмара почти наверняка преувеличены, скорее всего армия Кнуда по меркам того времени была гигантской. К тому же на сей раз у него были мощные союзники: Эрик, ярл Ладе (умер ок. 1023 г.), самый могущественный из норвежских аристократов, и Торкелль Длинный: каждый из них мог собрать свою большую армию. Торкелль решил, что пришла пора уладить отношения с Кнудом, и зимой приплыл в Данию с предложением своей службы. Поскольку на кону стояла судьба целого королевства, в войско Кнуда стекались воины не только из Дании, но со всей Скандинавии.

В этот переломный момент Этельред вдруг заболел и окончательно лишил расколотое королевство какого-либо общего руководства. Эдмунд собирал войска на севере, а Идрик на юге. Они договорились действовать сообща, но не доверяли друг другу и разделились, еще не вступив в войну. После этого Идрик перешел на сторону врага, ушел к Кнуду и увел с собой отряд датских наемников. Усилия Эдмунда собрать силу против Кнуда оказались тщетны, потому что люди не соглашались идти на войну без короля во главе. Этельред же, все более слабевший, отказывался покидать безопасный Лондон.

Эдмунд Железнобокий

Этельред умер 23 апреля 1016 г., и его похоронили в соборе Св. Павла. Собравшиеся в Лондоне аристократы и горожане выбрали новым королем Эдмунда. Тот имел вкус к войне, которого так очевидно не хватало его отцу, и воодушевил англичан продолжить сопротивление. Спустя две недели после смерти Этельреда флот Кнуда поднялся по Темзе до Гринвича. Эдмунд спешно отправился в Уэссекс собирать войско, а лондонцы готовились к новой осаде. Вдовая королева Эмма во время всей осады оставалась с сыновьями в Лондоне, ободряя защитников. Миновать Лондонский мост даны не могли, поэтому они вырыли канал вокруг Саутуарка и перетащили свои суда на западную сторону моста, а потом окружили город рвом, чтобы никто не мог ни выйти оттуда, ни войти, но и это не сломило яростного сопротивления горожан. Присутствие Эдмунда в Уэссексе заставило Кнуда тоже отправиться туда, оставив держать осаду лишь малую часть войска. Эдмунд с Кнудом гонялись друг за другом по всей Южной Англии и до летнего солнцестояния успели дважды сойтись в кровопролитных сражениях: в Пенселвуде и в Шерстоне. Эти битвы, хотя и не стали решающими, позволили Эдмунду снять осаду с Лондона, и даны уплыли в море. Эдмунд победил в битве при Брентфорде, однако поражение данов было не столь сокрушительным, чтобы они не смогли снова напасть на Лондон, на сей раз и с суши, и с реки. Лондон вновь стойко оборонялся, и даны отошли, пустившись походом по большой петле сквозь южную Мерсию в Уэссекс и на восток в Кент. Эдмунд нагнал их в Отторде и нанес захватчикам новое поражение. По всему выходило, что Эдмунд сможет одолеть Кнуда.

Элдормен Идрик предсказуемо вновь сменил знамена, и Эдмунд вернул ему свою милость. «Величайшей глупостью было принять его», – сетует автор «Англосаксонской хроники», явно полагавший, что безопаснее было бы числить Идрика во врагах, чем в друзьях. Позднейшие хронисты, такие как Генрих Хантингдонский и Уильям Мальмсберийский, утверждали, что Идрик перешел на сторону Эдмунда по сговору с Кнудом, чтобы получить возможность нанести англичанам удар в спину.

Осенью армия Кнуда пришла в Эссекс. Эдмунд собрал свои полки и утром 18 октября вступил в битву с Кнудом в Эшдоне. Едва сражение началась, Идрик стал сеять панику и вместе с мерсийским ополчением бежал с поля боя. Но с таким предводителем, как Эдмунд, предательство Идрика не могло переломить ход битвы. Англичане не дрогнули и отважно сражались еще долго после наступления темноты, потеряв многих воинов, в том числе доблестного восточноанглийского элдормена Ульфкайтеля. Под покровом ночи Эдмунд смог отвести людей, сохраняя боевой порядок, и отступил в Олни, что в Глостершире. Тут вновь объявился Идрик, убеждая Эдмунда вступить с Кнудом в переговоры. После столь изнурительной кампании у Эдмунда, вероятно, не было особого выбора.

Переговоры закончились разделом Англии между Кнудом и Эдмундом. Эдмунд удержал за собой Уэссекс, Кнуду достались земли к северу от Темзы. Только теперь лондонцы покорились Кнуду и выплатили контрибуцию, размер которой нам неизвестен. Кнуд привел в Лондон свои корабли и остался там с армией на зиму.

Кнуд становится королем Англии

Всего лишь через несколько недель после раздела Англии, 30 ноября 1016 г., Эдмунд Железнобокий умер. Ни один из источников того времени не сообщает причину его смерти, но позднейшие хронисты, вполне предсказуемо, обвиняют Идрика. Тот якобы спрятал убийцу – по одной из версий, собственного сына – в яме королевского отхожего места. Когда Эдмунд собрался облегчить кишечник, убийца нанес смертельный удар снизу. После смерти Эдмунда Кнуд, согласно договору, стал королем всей Англии. Никто этому не возразил: английское сопротивление было сломлено и обезглавлено. Примечательно, что для коронации Кнуд выбрал Лондон, а не Винчестер или иное место, связанное с уэссекской династией. Уцелевшие наследники Эдмунда – его брат Эдвиг и двое малолетних сыновей Эммы от Этельреда, Эдуард (Исповедник) и Альфред – уплыли в изгнание в Нормандию. Эмма, вероятно, отправилась с ними. Идрик подстрекал Кнуда умертвить детей Эдмунда, младенцев Эдуарда (Изгнанника) и Эдмунда, но Кнуд отослал их на воспитание в Швецию, откуда они попали в Киев, а затем в Венгрию. Кнуд казнил нескольких крупных английских вельмож и некоторых из своих военачальников. И разделил Англию на четыре части. Оставив себе Уэссекс, отдал Мерсию Идрику, Торкелля Длинного наделил Восточной Англией, а ярла Эрика – Нортумбрией.

К концу 1017 г. Кнуд вполне утвердился на английском престоле и решил, что больше не нуждается в сомнительных выгодах от дружбы Идрика Стреоны. На Рождество Кнуд вызвал Идрика в Лондон. Тот ожидал от короля новых наград за помощь в

завоевании английского трона, но Кнуд порицал Идрика за предательство и приказал ярлу Эрику обезглавить его, «чтобы воины на этом примере поняли, что следует хранить верность своим королям, а не предавать их». Теперь Кнуду нужно было расплатиться с солдатами. Для этого он обложил англичан небывало тяжелой данью в 37 421 кг серебра, которую надлежало собрать к Пасхе 1018 г. Доля Лондона в этой дани составляла 4763 кг – признак того, насколько важным и богатым городом он стал. Многих своих военачальников Кнуд одарил землями и титулами, создав новую англо-датскую аристократию, но датской колонизации, сравнимой по размаху с той, что была в IX в., не случилось. Воины Кнуда были наемниками, сражавшимися за плату, и теперь, по окончании кампании, большая часть из них отправлялась домой. Сорок кораблей с воинами Кнуд оставил при себе как хускарлов (huskarlar), личную гвардию. Чтобы их содержать, по-прежнему взимался установленный Этельредом херегельд. Несмотря на всю тяжесть налогового бремени, правление Кнуда англичане не проклинали. Он мало вмешивался в традиционные политические институты Англии, и народ ценил мир и порядок, которые установились после стольких лет кровопролития и смуты.

После коронации Кнуд начал переговоры с Ричардом Нормандским, которые в 1018 г. окончились женитьбой Кнуда на королеве Эмме. Этим браком Кнуд прежде всего хотел предупредить возможный союз сыновей Этельреда с нормандцами против него, однако возможно, что и опыт Эммы в роли королевы Англии тоже казался ему преимуществом. За время кампании у Кнуда уже появилась одна английская супруга, Эльфгифу Нортгемптонская, успевшая родить ему двоих сыновей, Свена (Алфивасона) и Гарольда (Заячья Лапа). Хотя Кнуд удалил Эльфгифу от себя, чтобы

жениться на Эмме, он не перестал оказывать ей милости, и она до конца его правления сохраняла влияние при дворе. В том же 1018 г. умер брат Кнуда Харальд, и на следующий год Кнуд отплыл в Данию требовать корону. Однако он всегда понимал, что Англия – самое ценное из его владений, и скоро вернулся туда, оставив в Дании регента.

Внешняя политика Кнуда

В сравнении с любым из прежних правителей Англии Кнуд весьма увлеченно занимался внешней политикой. В 1026 и 1028 гг. он возвращался в Скандинавию, чтобы восстановить датское владычество в Норвегии, где после смерти Свена Вилобородого воцарился Олаф Харальдссон (Святой Олаф). К 1030 г. Кнуда признали своим властелином шведский король и оркнейские ярлы, сделав его, пусть только номинально, правителем почти всего скандинавского мира.

Мало что известно об отношениях Кнуда с Уэльсом и Ирландией: возможно, он помогал дублинским викингам в разграблении Уэльса в 1030 г. После нортумбрийского поражения в битве при Кархэме (1016 г.) Лотиан отошел скоттам. Нетвердый мир был установлен дипломатическими усилиями королевы Эммы и герцога Ричарда, но не продлился долго. В 1031 г. Кнуд вторгся в Шотландию, и хотя отвоевать Лотиан ему не удалось, он подчинил себе трех шотландских правителей, перечисленных в «Англосаксонской хронике» под именами король Малькольм II, Мэлбет (возможно, это Макбет, мормэр Морея) и Иемарк (вероятно, гэльско-скандинавский правитель с Гебридов).

Кнуда можно признать величайшим из всех королей-викингов, но, хотя корону он добыл как морской разбойник, правил как христианский европейский монарх. В Англии Кнуд прилежно исполнял первоочередные обязанности христианского правителя: издавал законы и поддерживал церковь пожертвованиями и привилегиями. В 1027 г. он совершил паломничество в Рим, где посетил коронацию императора Священной Римской империи Конрада II. Таким образом он не только показал свое благочестие,

но и заявил себя фигурой европейского значения. Кнуд тщательно взращивал дружеские отношения с Конрадом, чья империя была южным соседом Дании. Два правителя даже устроили династический брак: дочь Кнуда Гуннхильда вышла за сына Конрада, будущего императора Генриха III. Браку сопутствовало соглашение, по которому, в частности, Конрад признавал южной границей Дании реку Айдер.

Сколь бы внушительную империю ни собрал под своей державой Кнуд, ей не хватало внутренней прочности, и она развалилась сразу после смерти короля в 1035 г. Кнуд хотел, чтобы его старший сын от Эльфгифу Свен Альфивасон правил Норвегией. Около 1030 г. он провозгласил его норвежским королем, а мать назначил регентшей, но Эльфгифу своими попытками централизовать власть скоро вызвала в народе недовольство. Незадолго до смерти Кнуда или вскоре после нее норвежцы взбунтовались и призвали править страной Магнуса Доброго (правил в 1035–1047 гг.), сына Олафа Харальдссона. Свен бежал с матерью в Данию, где в начале 1036 г. умер. Хардекнуду, своему сыну от Эммы, Кнуд хотел оставить и английский, и датский трон, но в Англии Хардекнуда не приняли, и вместо него королем стал Гарольд Заячья Лапа, второй сын Кнуда от Эльфгифу. Королеву Эмму изгнали во Фландрию. Лишь после кончины Гарольда, умершего в Оксфорде в марте 1040 г., Хардекнуд смог занять английский трон. Однако сам он был бездетен, неженат и слабого здоровья и 8 июня 1042 г., перебрав хмельного на свадебном пиру в Лондоне, умер от удара. С его смертью исчезла династия Кнуда. Во исполнение договора 1036 г. королем Дании признали норвежского монарха Магнуса Доброго, англичане же предпочли пребывавшего в изгнании Эдуарда (Эдуард Исповедник, правил в 1042–1066 гг.), восстановив таким образом уэссекскую династию.

Правление Эдуарда было мирным, но у него не было детей, и когда он постарел и ослаб, вопрос о престолонаследии встал остро. Так начался последний акт драмы под названием «Эпоха викингов в Англии». К моменту кончины Эдуарда, умершего 4 или 5 января 1066 г. в новом Вестминстерском дворце (Лондон уже стал не только торговым, но и политическим центром Англии), главных претендентов на английскую корону было трое: Гарольд Годвинсон, могущественный англо-датский эрл Уэссекса, Вильгельм, герцог Нормандский, и норвежский король Харальд Суровый (правил в 1046–1066 гг.). Был еще Эдгар Этелинг, сын Эдуарда Изгнанника: как представитель уэссекской династии он имел больше всех оснований претендовать на трон, но ему было всего 14 лет, и его не поддерживал никто из влиятельных придворных. Гарольд вообще не имел королевской крови, но он много лет задавал тон при дворе и прославился воинской доблестью, совершив несколько успешных походов против Уэльса.

Вильгельм Нормандский свои притязания основывал на том, что трон ему якобы завещал сам король Эдуард. Не исключено, что так и было. Пребывая в Нормандии изгнанником, Эдуард сдружился с Вильгельмом и в дальнейшем неизменно симпатизировал Нормандии. Однако народ Англии не разделял вкусов своего короля. Нескольких нормандских вельмож Эдуард пригласил поселиться в Англии, но англичане скоро невзлюбили их за высокомерие и чванство. Харальд Суровый унаследовал претензии на английский трон от своего предшественника Магнуса Доброго (который это право получил по договору с Хардекнудом). Повидавший почти все ведомые викингам края, Харальд более чем заслужил репутацию величайшего воина своего времени, но, как и у Вильгельма, у него не было сторонников в Англии.

Гарольд Годвинсон имел перед соперниками то преимущество, что стоял у смертного одра короля Эдуарда. Поскольку никто при дворе не ратовал ни за Вильгельма, ни за Эдгара, ни за Харальда, у Эдуарда не было особого выбора, когда он, умирая, объявил своим наследником Гарольда. Наверное, Гарольд больше прочих устраивал англичан, однако все понимали, что дело так просто не решится. И появившаяся 24 апреля комета не могла быть добрым знаком. И Харальд, и Вильгельм начали собирать силы для вторжения в Англию и захвата престола. Оба славились как великие воины и полководцы: Харальда за его воинскую доблесть Адам Бременский называл «грозой севера», а Вильгельм, прославившийся многими победами, уже носил прозвище Завоеватель. Гарольд Заячья Лапа к концу лета собрал армию и ждал, не зная, кто из двоих ударит первым. Неожиданно первым напал младший брат Гарольда Тостиг, изгнанный в 1065 г. во Фландрию за неспособность править своим владением, Нортумбрией. С армией и 60 кораблями, предоставленными графом Фландрии Бодуэном, Тостиг прошел войной вдоль южного побережья Англии от острова Уайт до Кента, а затем поплыл на север в Нортумбрию, где потерпел поражение от местного ополчения. Бежав в Шотландию, Тостиг решил встать на сторону Харальда Сурового.

Битва при Стэмфорд-Бридже

Летом 1066 г. ветры упрямо дули с севера. Они заперли флот Вильгельма Нормандского в гавани, но донесли 300 кораблей Харальда Сурового из Нидароса (ныне Тронхейм) до Северных островов, а оттуда вдоль английского берега до Тайнмаута, где к ним присоединился фламандский флот Тостига. Поддержка Тостига весьма кстати добавила претензиям Харальда законности и веса. Из Тайнмаута Харальд пошел дальше на юг, вошел в Хамбер и, наконец, 16 сентября высадился в Риколле на реке Уз, 15 км южнее Йорка. Через четыре дня, 20 сентября, оставив охранять корабли сына-подростка Олафа и оркнейского ярла Паля, Харальд двинулся на Йорк, но у деревни Фулфорд-гейт путь ему преградила английская армия под началом эрлов Эдвина и Моркара. Харальд разбил их, англичане понесли серьезные потери. Зачем эрлы решили выйти Харальду навстречу, когда могли дождаться подмоги, запершись в Йорке, остается загадкой. Йорк немедленно сдался и согласился дать заложников, а также предоставить провиант и людей в войско Харальда. Дожидаясь того и другого, Харальд встал лагерем на реке Дервент, в Стэмфорд-Бридже, примерно в 11 км восточнее Йорка.

Гарольд Заячья Лапа, оповещенный о приближении Харальда, едва норвежский флот появился в виду английских берегов, уже двигался с войском на север, и 24 сентября достиг Тэдкастера, города, расположенного всего в 16 км юго-западнее Йорка. На следующий день он провел свою армию прямиком через Йорк в Стэмфорд-Бридж, где и застал Харальда Сурового врасплох. Дни для этого времени года стояли теплые, и большинство норвежцев, включая короля,

оставили свои доспехи на кораблях, в Риколле, в 20 км. Англичане смяли норвежцев на западном берегу Дервента, но на мосту в одиночку отбивался отважный норвежский топорщик, убивая всех подступавших к нему, что дало воинам на другом берегу время построиться в боевой порядок. Англичане перешли через реку лишь после того, как один из них спустился под мост и поразил топорщика копьем в спину. Яростная битва кипела несколько часов, но оставленные норвежцами доспехи сыграли роковую роль, и мало-помалу стена норвежских щитов стала отступать. Король Харальд пал, сраженный в горло стрелой, погиб и Тостиг. Позже в битву вступили норвежцы, остававшиеся при кораблях, и ненадолго приостановили наступление англичан. Но весь путь до Стэмфорд-Бриджа воины пробежали в полном снаряжении и настолько измотались, что долго сдерживать врага не смогли. Норманны бежали обратно к судам в Риколл, англичане преследовали их по пятам; многие норвежцы утонули, пытаясь переплыть реку. Англичане дорого заплатили за свою победу, но армия Харальда фактически перестала существовать. После победы король Гарольд позволил ярлам Олафу и Палю уплыть, забрав всех уцелевших воинов, и тем понадобилось лишь 20 из тех 300 кораблей, на которых войско Харальда Сурового пришло в Англию. Харальд потерпел столь сокрушительное поражение, что Норвегия оправилась от него лишь через поколение. Спустя несколько дней ветер, наконец, переменился, и 28 сентября в Певенси высадился Вильгельм Завоеватель. Гарольд поспешил на юг, навстречу поражению и гибели в битве при Гастингсе, произошедшей 14 октября. После его смерти английское сопротивление быстро сошло на нет, и в Рождество 1066 г. Вильгельма короновали в Вестминстерском аббатстве.

Нормандское завоевание гораздо сильнее сказалось на истории Англии, чем случившееся за полсотни лет до него датское. Вильгельм и многие из его сторонников имели, вероятно, норманнское происхождение, но к 1066 г. Нормандия и по языку, и по культуре была французским княжеством. Завоевание окончательно сдвинуло Англию с североевропейской орбиты, превратив в политического и культурного сателлита Франции. Следующий король, чьим родным языком был английский, появился в Англии только в конце XIV в. Английскую аристократию, уцелевшую в битвах 1066 г., за несколько лет истребили или вынудили бежать из страны, почти у всех землевладельцев отняли земли. Английских крестьян закрепостили. Завоеватели с таким размахом отнимали английскую собственность, что даже сегодня, спустя 950 лет, благосостояние англичан с фамилиями французско-нормандского происхождения в среднем на 20 % выше показателя в среднем по стране.

Конец эпохи викингов в Англии

Битву при Стэмфорд-Бридже многие считают событием, знаменующим конец эпохи викингов в Англии, но викинги на тот момент еще не оставили страну. Вильгельм оказался самым свирепым из всех английских правителей, и зверства, которые он обрушил на побежденных, были таковы, что даже в эту привычную к жестокости эпоху Европа содрогнулась. Спустя два года после воцарения Вильгельма по стране прокатилась волна яростных, но неслаженных восстаний, и, воспользовавшись этим, в Англию вернулись даны. После гибели Харальда Сурового в Стэмфорд-Бридже его права на английский трон унаследовал король Свен Эстридсен (правил в 1046–1074 / 6 гг.), и именно к нему обратились за помощью восставшие англичане, обещав принять его власть. В 1069 г. Свен отправил в Англию своего сына Кнуда с флотом из 240 кораблей. В сентябре Кнуд подошел к Дувру и поплыл на север, но особых военных успехов у него не было, пока он не пришел в Хамбер, где соединился с большим войском английских повстанцев. Датско-английская армия двинулась на Йорк и вырезала там нормандский гарнизон. Вильгельм действовал быстро и в декабре отбил город. За этим последовала кровавая карательная экспедиция, вошедшая в историю под названием «Опустошение Севера». Солдаты Вильгельма обходили деревню за деревней, сжигая дома, убивая людей и скот, и уцелевшие оставались нищими и бездомными. В «Книге Страшного суда»[12], составленной в 1086 г., сотни деревень на севере еще описаны как необитаемые и заброшенные, и стоимость их составляла лишь малую часть той, что была за 20 лет до того. Резня, устроенная Вильгельмом, имела

двойную цель: наказать восставших и оставить данов без продовольствия и фуража. Вильгельм в буквальном смысле превратил север Англии в пустыню и назвал дело своих рук замирением.

Весной 1070 г. король Свен пришел в Хамбер, где объединил силы с сыном, после чего даны двинулись в Уош на соединение с английскими мятежниками под предводительством Хереварда Будителя и вместе с ними заняли Питерборо. Свену, однако, не хотелось сражаться с нормандской армией в поле. Когда в Или появился нормандский отряд числом всего в 160 воинов, даны погрузились на ладьи. Английское сопротивление разваливалось, и Свен, договорившись с Вильгельмом, уплыл домой со своей добычей. Через пять лет Кнуд вернулся в Англию с 200 кораблями по призыву двух мятежных нормандских эрлов. Пока он плыл, мятеж уже прекратился, и Кнуду пришлось ограничиться разграблением Йорка. В 1080 г. Кнуд стал королем Дании (правил в 1080–1086 гг.) и вспомнил о своем праве на английский трон. В 1085 г. он заключил союз с фламандским графом Бодуэном, одним из французских врагов Вильгельма, и собрал большой флот для вторжения. Вильгельм подготовился к обороне, приведя дополнительные войска из Нормандии, обложив англичан новым налогом и опустошив прибрежные районы Англии, чтобы высадившимся данам нечем было кормиться. «Гнет народа в этом году был тяжек», – сокрушается автор «Англосаксонской хроники»: пребывать под защитой Вильгельма было много хуже, чем подвергаться грабежу норманнов. Страдания англичан были напрасны: угроза германского вторжения в Данию не дала Кнуду отправиться в поход, и к концу лета его флот рассеялся. Кнуд замышлял вторую попытку, но в июле 1086 г. его убили в Оденсе, а его наследник Олаф имел другие приоритеты. Со смертью Кнуда эпоха викингов в Англии завершилась

окончательно. Да, набеги оркнейских и норвежских морских разбойников продолжались до середины XII в., и уже в 1150-х гг. норвежский король Эйстейн, воспользовавшись гражданской войной в Англии, разграбил ее восточное побережье. Но все это были лишь слабые уколы, а угроза большого норманнского нашествия миновала для Англии навсегда.

Глава 10
Хедебю, Еллинг и Стиклестад
Скандинавские королевства до 1100 г.



Исторические труды, посвященные викингам, часто выстраиваются вокруг норманнского влияния на Европу и остальной мир. Нерассказанная история викингов – это влияние Европы на них. На заре эпохи викингов скандинавы пребывали в доисторическом языческом варварстве; к ее закату они в полной мере влились в культурный ландшафт римско-католической цивилизации. При всем их напоре и свирепости викинги не норманнизировали Европу – они сами подверглись европеизации. Процесс ассимиляции Скандинавии в христианскую Европу, который повторял, только в куда большем масштабе, ассимиляцию норманнских поселенцев в местные европейские сообщества, был неразрывно связан с кульминационным этапом становления государств, когда в Дании, Норвегии и Швеции сложились устойчивые монархии. Зарождение государств в этих странах дало толчок дальним походам и грабительским войнам викингов, и точно так же завершение формирования государств, а вовсе не более успешные стратегии обороняющихся, повлекло за собой закат эпохи разбоя. Обзаведясь эффективной административной системой, короли не давали своим подданным портить отношения с соседними странами и в то же время предлагали им альтернативные пути социального роста – государственную службу, так что

причин становиться морским разбойником у скандинава оставалось все меньше. У королей же появлялись новые источники дохода в виде налогов с торговли, и прежняя необходимость лично возглавлять грабительские походы отпадала. И как и во всех норманнских колониях, главным двигателем культурной ассимиляции было обращение в христианство.

Даны и Карл Великий

Дания, которой повезло иметь больше всех хороших пахотных земель, стала богатейшим и самым многонаселенным из скандинавских государств эпохи викингов. В то же время она была самым компактным из них, с хорошими внутренними связями. Тогдашнюю Данию составляли две крупные области на материке – полуостров Ютландия на западе и провинции Сконе и Блекинге (перешедшие в XVII в. под власть Швеции) на востоке, – а также лежащая между ними россыпь десятков низменных островов, скорее связанных, чем разделенных неглубокими закрытыми проливами. Обширных лесов и высоких гор, как в Швеции и Норвегии, в Дании не было: это позволяло путешествовать по суше без особых помех. Имеющая на юге сухопутную границу с Германией, Дания была теснее всех скандинавских стран связана с христианской Европой. Уже сама география предрасполагала к тому, чтобы Дания первой из скандинавских стран стала единым королевством, но помимо этого был еще и мощный внешний фактор, работавший на объединение страны, – могущественный христианский сосед, империя франков.

Согласно «Анналам королевства франков», при самых первых викингах королем данов был Сигфред, правивший, вероятно, примерно с 770 по 800 г. Об этом первом со времен Ангантюра датском короле, упомянутом в хрониках, кроме имени, не известно почти ничего. Например, происхождение – был ли он из потомков Ангантюра или принадлежал другой династии, и правил ли он всеми данами или только Ютландией. И все же это не мешает нам предположить, что, наблюдая неуклонное продвижение Франкской

империи к южным границам Дании, Сигфред немало тревожился. В 734 г. франки отправились на восток по берегу Северного моря и захватили Фризию. Затем в 773 г. император франков Карл Великий принялся покорять и обращать в христианство язычников-саксов, чьи земли непосредственно примыкали к Дании с юга. Даневирке, защищавшую границу данов с саксами, не построили бы, если бы отношения между этими народами всегда были безоблачными. Но при этом Сигфред, должно быть, понимал, что франки представляют собой гораздо более опасного врага, и потому помогал саксам бороться за сохранение независимости и предоставил убежище их вождю Видукинду.

Помощь Сигфреда не помогла остановить накат франкской машины, и к моменту, когда Сигфред упоминается в последний раз, в 798 г., Карл Великий поработил уже всех саксов, живших западнее реки Эльбы. К северу от Эльбы саксы сопротивлялись до 804 г., но и они покорились, после чего Франкская империя оказалась у датской границы. Захваченные земли Карл Великий не стал включать в свою империю, а отдал ободритам, союзному венедскому племени (венедами называли группу славянских племен, живших по балтийскому побережью от Ютландского перешейка до Вислы), показав тем самым, что не собирается сейчас же воевать с данами. Однако новый датский король Годфред вряд ли мог на это полагаться. Карл Великий пригласил его на переговоры: то ли уверить в своем миролюбии, то ли с иной целью. Чтобы продемонстрировать свою силу, Годфред привел к границе войско и флот, но дальше границы не пошел. Карл был воинствующим христианином, и на саксов он шел под предлогом их язычества и разбойных набегов против Франкской империи. Даны тоже были язычниками: а вдруг Карл потребует от Годфреда

креститься и обращать своих подданных? А если тот откажется, не увидит ли Карл в этом вполне достаточный casus belli, тем более что подданные Годфреда теперь совершали разбойничьи набеги на франкские земли? У Годфреда были все основания не верить императору.

В 808 г. Годфред напал на ободритов, взяв в союзники их врага, славянское племя вилетов (лютичей). Он захватил и разорил многие укрепленные города ободритов, обложил их данью и повесил одного из их вождей. Весьма вероятно, что Годфред принес его в жертву Одину, так как повешение было традиционным способом умерщвления людей, приносимых в жертву богам. Перед возвращением домой Годфред разрушил город Рерик, откуда начинался сухой торговый путь из Балтики к Северному морю. Где стоял этот город, точно неизвестно, но скорее всего он располагался в Гросс-Штремкендорф на берегу Висмарского залива: там археологи обнаружили обширное славянское поселение, выстроенное по четкому плану. Рерик находился под властью Годфреда и приносил ему немалый доход в виде таможенных и торговых пошлин, но теперь этот доход оказался под угрозой. Чтобы Рерик не достался ободритам, Годфред собрал всех торговцев и ремесленников и увез их с собой в Данию: на этих людей у него были свои планы.

Хедебю: город на пустоши

В ожидании франкского возмездия за набег на ободритов Годфред по возвращении в Данию занялся подновлением Даневирке. Одновременно он поселил торговцев и ремесленников из Рерика в Хедебю («город на пустоши»), на восточной оконечности Даневирке у истока фьорда Шлей, узкой, 42-километровой длины бухты с поросшими тростником берегами. Тревожившее Годфреда возмездие пало вместо данов на лютичей, а Хедебю быстро расцвел и вскоре стал важнейшим городом в Скандинавии эпохи викингов. Расположение Хедебю на самом Ютландском перешейке делало его естественным перекрестком торговых путей из Балтики и южной части Северного моря. Торговцы получили возможность вместо долгого и опасного плавания вокруг Ютландии выгружать товар в Хедебю и провозить его 15 км по суше до реки Трене. Там товар грузили на другое судно и по Трене шли в реку Айдер, а из нее в Северное море. Некоторые историки считают, что и сами корабли, возможно, переволакивались из моря в реку, как переволакивались из одной речной системы в другую суда русов, но веских доказательств этому нет.

Одновременно Хедебю лежал на Хервее («дороге воинов»), древнем пути с севера на юг, из Виборга на севере Ютландии до Гамбурга на Эльбе. Несмотря на название, это была прежде всего торговая и скотопрогонная дорога.

На пике расцвета в X столетии Хедебю занимал площадь примерно в 6 га, а его население составляло 1000–1500 душ. От нападения с суши город защищал полукруглый вал с частоколом около 1280 м длиной и более 3 м (и поныне) высотой. Сегодня этот вал –

единственное видимое свидетельство существования Хедебю. Со стороны воды стен не было, но вход в бухту закрывал частокол, забитый в дно неглубокого фьорда. В нем был оставлен проход, который в случае нападения перекрывался цепью или бонами из бревен. В эпоху викингов такие сооружения строились в Дании и Швеции для защиты от пиратских набегов. Но и сам фьорд Шлей был для города защитой: никакой разбойничий флот не смог бы пройти по нему незамеченным и застать горожан врасплох.

Построенный на низменном берегу фьорда Хедебю, вероятно, был сырым и болотистым местом. Город упорядоченно спланирован по обоим берегам небольшой речушки: он представлял собой сетку узких огражденных участков, выходящих на две главные улицы, которые были проложены вдоль берега бухты. Улицы, как и во многих других городах эпохи викингов, мостили горбылем, чтобы в сырую погоду они не становились непроходимыми. На улицах стояли одноэтажные дома, у них был каркас из бревен, стены из хвороста, обмазанные для тепла глиной, и соломенные крыши. Обычно в доме была одна комната, служившая одновременно и жилищем, и мастерской. Внутри царил сумрак, так как свет падал только сквозь дверной проем, и стоял чад. Обитатели домов жили и работали поближе к очагу, расположенному в центре помещения, дым от которого, поскольку печных труб не было, выходил в зазор между крышей и стеной или прямо сквозь соломенную крышу. В тесных огражденных дворах отхожие ямы и колодцы рыли недалеко друг от друга. Многие дома были выстроены в германском и славянском стиле, что указывает на многонациональное население. Эти строения не были долговечными – большинство приходилось полностью перестраивать через 10–20–30 лет. Вдоль берега стояли бревенчатые пирсы, некоторые из них уходили в залив

почти на 60 м. Пирсы строились капитально, и часто на них надстраивались склады или другие помещения. Раскопки показывают, что в Хедебю занимались многими ремеслами, в том числе обработкой металла, кости и янтаря, изготовлением стекла, гончарным делом и ремонтом судов. Примерно к 825 г. в Хедебю появился и монетный двор, где чеканили монеты, подобные франкскому серебряному денье, но с изображениями норманнских военных и торговых кораблей.

Кроме предполагаемой таможни и зала собраний никаких административных зданий в Хедебю пока не обнаружено. Управляли городом, скорее всего, из Флюсинга, административного центра, отстоящего от Хедебю примерно на 4 км и построенного на северном берегу бухты, недалеко от Шлезвига. Это поселение, по размеру в пять раз меньше Хедебю, носило выраженный военный характер и было организовано вокруг большого пиршественного дворца. Вероятно, здесь в 804 г. Годфред собирал свое войско. Поселение существовало до середины X в., когда дворец погиб в пожаре. Железные наконечники стрел, застрявшие в обугленных бревнах, говорят о том, что это был не несчастный случай, а вражеское нападение.

Главными торговыми партнерами Хедебю были восточная Прибалтика, Норвегия, Англия и бассейн Рейна. Известны рассказы двух купцов по имени Оттар и Вульфстан, посещавших Хедебю. Оба торговца побывали при дворе английского короля Альфреда, где секретари записали их рассказ о том, куда они ездили торговать. Вульфстан, предположительно, англичанин, из Хедебю плавал торговать в славянские порты по южному берегу Балтики. Оттар был из Холугаланда, что в полярной Норвегии, и каждое лето бил моржей в Белом море, а потом отправлялся на юг в Хедебю продавать добытую моржовую кость. Это была

выгодная коммерция: в раннем Средневековье торговые связи Европы со Средиземноморьем пришли в упадок, и настоящую, лучшую, слоновую кость было не достать. Другие коммерсанты совершали и более дальние поездки. Еврейский торговец из Кордовы по имени ат-Тартуши, побывавший в Хедебю в середине X в., счел город бедным и убогим, а особенное негодование вызвали у него песни местных, которые были для его слуха «хуже собачьего лая». Его родной город в эти годы был одним из крупнейших мегаполисов мира, с роскошными дворцами, мечетями, библиотеками и университетами, так что Хедебю в сравнении с ним выглядел жалкой деревней.

Непрочное королевство

Годфред не успел увидеть расцвет основанного им города. Карл Великий в ответ на разбойничий рейд Годфреда выстроил крепость Итцехо в северном течении Эльбы меньше, чем в 65 км от датской границы. В 810 г. Годфред отплатил походом во Фризию на 200 кораблях. Поход вышел удачным: даны взяли 45 кг серебра контрибуции и успели убраться восвояси, пока не подошло войско Карла Великого. После этого Годфреда, казалось бы, на самом пике славы и могущества убил один из его придворных. События последующих пяти лет наглядно показывают, насколько непрочным было раннее датское королевство. Наследник короны, племянник Годфреда по имени Хемминг, правил два года, за ним трон унаследовали братья Харальд Клак и Регинфред – после непродолжительной междоусобной войны, в которой пали два других претендента. Такие схемы в Скандинавии эпохи викингов не были редкостью: совместное царствование практиковалось, когда два или больше претендентов имели равную поддержку. В 813 г. за своей долей власти явился третий брат, еще один Хемминг. Он побывал на службе у Карла Великого и от этого, похоже, не вызывал доверия у данов, которые захотели призвать четверых сыновей Годфреда, находившихся в изгнании в Швеции. Хемминг поспешил обратно к франкскому двору, где ему обещали помощь в возвращении на датский трон. Упорная борьба между теми и этими братьями продолжалась примерно до 834 г., пока все претенденты, кроме одного, не умерли или не оказались в вечном изгнании. Единственным оставшимся был Хорик, младший из сыновей Годфреда.

С преемником Карла Великого Людовиком Благочестивым Хорик поначалу поддерживал добрососедские отношения и однажды даже схватил и казнил предводителя морских разбойников, грабивших Франкию. Главной заботой Хорика было упрочение собственной власти, и он не хотел, чтобы его подданные спровоцировали вторжение франков. Начавшаяся во Франкской империи после смерти Людовика (840 г.) гражданская война развязала Хорику руки. В 845 г. он послал большой флот разорять Гамбург, а двумя годами позже отверг требование императора Лотаря запретить датчанам грабить франкские земли. В любом случае у Хорика не хватило бы сил провести в жизнь подобный запрет. В 850 г. ему пришлось разделить королевство с двумя племянниками. А в 854 г. появился с притязаниями на свою долю власти и третий, по имени Гудурм. Это был воплощенный ночной кошмар любого скандинавского короля тех дней: удачливый предводитель викингов с королевской кровью в жилах, горой добычи и многочисленной верной дружиной, готовой драться за него. Появление Гудурма ввергло Данию в кровопролитную гражданскую войну, в которой погибли и Хорик, и большая часть его многочисленной родни, включая троих племянников. Еще почти 100 лет мир и порядок не вернутся в Данию.

О том, что происходило там во второй половине IX в., мы почти ничего не знаем. Германский историк монах Адам Бременский, автор «Деяний архиепископов гамбургской церкви», нашего основного источника сведений о ранних датских королевствах, резюмирует так: «Сколько на самом деле тогда было в Дании королей, или, вернее, тиранов, и правили ли какие-то из них одновременно или один за другим краткое время, неясно». Адам писал «Деяния» по поручению архиепископа Адальберта Гамбургского (умер в 1072 г.)

и пользовался широким кругом документов, в том числе архивами Гамбургско-Бременской епархии, которая руководила христианизацией Скандинавии. В 1068–1069 гг. Адам даже побывал в Дании и встречался с королем Свеном Эстридсеном (правил в 1047–1074 гг.), которого называет в числе своих главных информаторов. И если Адам не понимал, что происходило в Дании в конце X в., вряд ли понимал кто-то другой.

Приблизительно к 890 г. по крайней мере часть Дании перешла под власть шведского короля Олафа. В Хедебю обнаружены два рунических камня, увековечивающих Сигтрюгга, внука Олафа: вероятно, здесь был главный административный центр этой династии. В руки данов Хедебю вернулся в середине 930-х гг., после того, как Сигтрюгга сверг другой загадочный правитель по имени Хардекнуд Свенссон. В сагической традиции Хардекнуд считается внуком легендарного викинга Рагнара Кожаные Штаны, но Адам Бременский пишет, что этот король пришел из Нортмании, имея в виду не то Нормандию, не то север Ютландии. Хардекнуд больше всего прославился как отец человека, которого датчане считают подлинным основателем Датского королевства, Горма Старого (умер ок. 958 г.). Скорее всего, такое прозвище досталось Горму не потому, что он оказался долгожителем – дату его рождения мы не знаем, но потому, что был предком средневековых датских королей. Размеры королевства, которым владел Горм, неизвестны, но определенно он правил не всеми данами: первым королем, объединившим под своей властью весь народ, был сын Горма, Харальд Синезубый (правил ок. 958–987 гг.), севший на престол после смерти отца.

Укрепление королевской власти

За пределами своих поместий ранние датские короли правили опосредованно, через подвластных им местных вождей. Таким образом, королевская власть была по определению слабой, а в каких-то областях страны – чисто номинальной. Кем бы ни провозглашали себя датские короли, местные князьки в удаленных от административных центров землях правили фактически независимо. Заслуга Харальда в том, что он утвердил королевскую власть на всей территории Дании. И вряд ли это происходило мирно: самым заметным материальным следом Харальдовой власти стала цепочка из шести или семи крепостей, пересекающая страну от края до края: Фюркат и Аггерсборг в Северной Ютландии, Ноннебаккен на острове Фюн, Треллеборг и Борреринг (иначе называемый Валле Боргринг) на острове Зеландия и Треллеборг и (возможно) Боргебю в Сконе. В Южной Ютландии, где Харальд правил полновластно, крепостей не было.

Построенные Харальдом крепости устроены почти одинаково и, очевидно, возводились по проекту. Все они представляют собой правильные окружности, имеют по четверо крытых ворот, расставленных на равном расстоянии и точно по сторонам света. Две перекрещивающиеся улицы делили территорию крепости на четыре равных сектора. В Фюркате и Треллеборге (на Зеландии) в каждом секторе стояли квадратом четыре деревянных здания с выгнутыми стенами и тремя внутренними помещениями, а в Аггерсборге, диаметр которого составлял более 240 м, что вдвое больше, чем у остальных крепостей, сектор вмещал 12 строений, организованных в три квартала. В центре каждого квартала помещалось еще одно

небольшое строение. Вдоль оборонительного вала внутри шла кольцевая дорога, а снаружи вал был укреплен частоколом, чтобы на него труднее было взобраться. Все крепости окружал еще и защитный ров. Нигде в Европе крепостей, в точности подобных Харальдовым, нет, но не исключено, что они устроены по образцу круглых фортов, возведенных франками в IX в. для защиты от норманнских набегов. Изучение зданий в Фюркате показало, что какие-то из них были жилыми помещениями, но большинство – мастерскими, складами и конюшнями. На кладбище за оборонительным валом обнаружены погребения не только мужчин, но и женщин и детей, то есть крепости, вероятно, служили не только для усмирения местного населения, но и для размещения административных органов и сбора налогов. Дендрохронология показывает, что деревья, использованные для постройки Фюрката и Треллеборга, срубили ок. 980 г., то есть уже ближе к концу царствования Харальда. Крепости были обитаемы не больше 20–30 лет: нужда в них отпала после того, как даны приняли централизованную королевскую власть.

Дания становится христианской

Харальд также начал и культурное преобразование Дании, обратившись в 965 г. в христианскую веру. Согласно позднейшему преданию, креститься Харальда убедил германский миссионер Поппо, предположительно, из Вюрцбурга, доказавший верховенство христианского бога тем, что брал в руки раскаленное железо и не получил никаких увечий. Миссионеры весьма нескоро преуспели в Дании. После Виллиброрда, пытавшегося обратить Ангантюра в 720 г., никто не проповедовал датчанам христианское учение до 822 г., когда Людовик Благочестивый послал архиепископа Реймса Эббона в первую (из трех) датскую миссию. Попытки Эббона, как и Виллиброрда, успехом не увенчались. В 826 г. датский король Харальд Клак, посещая двор франкского императора, обратился в христианство из подобострастия перед Людовиком Благочестивым, чью поддержку в борьбе против сыновей Годфреда он хотел получить. Обратно в Данию Людовик отправил с Харальдом монаха Ансгара. Годом позже сыновья Годфреда, язычники, изгнали Харальда, Ансгар перебрался в Швецию, где король Бьорн позволил ему построить церковь в торговой фактории Бирка на озере Меларен. Миссию в Швеции Ансгар препоручил своему родственнику Готберту, чтобы самому заняться данами. В 831 г. он стал первым епископом Гамбурга, а на следующий год – папским легатом в Скандинавии и у славян. Далее Ансгара ждал ряд крупных неудач. Через несколько лет Готберта выгнали из Бирки, а набег данов на Гамбург весьма помешал деятельности миссионеров. В 851–852 гг. Ансгар возглавил вторую миссию в Скандинавию, построил церкви в датских Хедебю и Рибе и

восстановил храм в Бирке. За свои старания он удостоился именования «Апостол Севера», но все же ему не удалось создать сколько-нибудь существенной христианской общины ни в Дании, ни в Швеции. После этого христианских миссий в Скандинавии не было, покуда германский король Генрих Птицелов вскоре после прихода к власти не вторгся в Данию и не разбил короля Горма. Победа Генриха открыла дорогу архиепископу Гамбургско-Бременскому Унни, который послал в Данию новых миссионеров. Горм встретил их враждебно, но молодой Харальд, если верить Адаму Бременскому, оказался дружелюбнее: «Унни настолько обратил его ко Христу, что Харальд, хотя сам не принял таинство крещения, разрешил открыто исповедовать христову веру, ненавистную его отцу».

К 948 г. христиан на Ютландии было уже столько, что пришлось разделить ее на три епархии: в Хедебю, в Рибе и в Орхусе. Все они находились в управлении Гамбургско-Бременского архиепископа. В 965 г. Харальд наконец решился и крестился вместе с женой и сыном Свеном (Вилобородым), он стал активно поощрять своих подданных переходить в новую веру, тем самым показав, что его обращение искренне.

Каковы бы ни были духовные преимущества новой религии – а она определенно несла гораздо более понятное учение, чем скандинавское язычество, – дальновидный правитель Харальд несомненно понимал, какие политические выгоды можно извлечь из крещения. И первейшей из них была возможность улучшить отношения с могущественным южным соседом, германским императором Священной Римской империи Отто I. Из опыта общения прежних норманнских вождей с правителями других стран – Франкии, Англии и Ирландии – Харальд должен был знать, что не может рассчитывать на нормальные дипломатические отношения с христианскими

королями, пока не крестится сам. Помимо этого многие аспекты христианского учения наверняка были удобны для построения монархического государства. А множество ветхозаветных историй о царях, побеждавших врага благодаря помощи Бога, видимо, добавляли христианству привлекательности в глазах короля-воина. Вполне очевидным для укрепления статуса монархии, надо полагать, был и потенциал христианской доктрины о божественной природе власти. А еще церковь привела с собой грамотных людей, знавших толк в управлении, которые могли быть полезны королю при создании правительства. Ревнивая в отношении власти над душами, церковь понимала, что сильное правительство поможет ей привлекать неофитов и даст защиту клирикам и церковному имуществу, так что обычно короли вполне могли рассчитывать на поддержку духовенства. Христианству сопутствовала интернациональная культура католической Европы, в том числе романское искусство и архитектура, латинский язык и алфавит, классическая римская литература. С распространением и укоренением новой религии это наследие постепенно становилось культурой элит, вытесняя местные традиции, пропитанные язычеством.

Королевский Еллинг

И Горм, и Харальд правили Данией из своего поместья Еллинг (ныне крупная деревня), расположенного в холмистой местности в 130 км к северу от Хедебю, в Средней Ютландии, на старом Хервее. Возможно, для королевской резиденции Еллинг выбрали потому, что он уже был отмечен как древнее место силы – там находился погребальный курган бронзового века. Ко второй половине X в. Горм и Харальд общими усилиями обставили Еллинг изрядным числом монументов: это внушительная каменная ладья 335-метровой длины, значительно крупнее всех других известных нам, два высоких кургана, два рунических камня, деревянная церковь и несколько больших пиршественных дворцов, все внутри частокола, ограждающего около 12 га земли. Все вместе эти памятники воплощают историю перехода Дании от язычества к христианству и становления ее как прочного королевства, имеющего четко очерченные границы.

Два кургана высотой почти 9 м даже сегодня возвышаются над Еллингом. Традиционно считается, что это могилы короля Горма (южный курган) и его жены Тюре (северный курган), но археологические раскопки обнаруживают несколько более сложный сюжет. Северный курган насыпан как раз в середине каменной ладьи, так что, вероятно, сооружены они были одновременно. Курган насыпали над более ранним, относившимся к бронзовому веку: в него частично врезана бревенчатая погребальная камера нового. По данным дендрохронологии, деревья, из которых она сложена, были срублены осенью 958 г. Однако в самой погребальной камере ничего не

обнаружилось. Раскопки показывают, что примерно во время обращения Харальда в христианство курган вскрывали, и тела из камеры вынесли вместе с погребальными дарами. Один из немногих оставленных в камере артефактов – часть деревянной повозки. В повозках обычно хоронили знатных женщин. Таким образом подтверждается связь кургана с королевой Тюре, умершей незадолго до Горма. Однако в южном кургане, который связывали с самим Гормом, как оказалось, вообще никогда не было погребений. Если Горма похоронили в Еллинге, то, скорее всего, в северном кургане. Южный насыпан над каменной пирамидой, которая, вероятно, представляла собой *хорг*, место жертвоприношений. При всей своей языческой природе курган, предположительно, был насыпан уже после крещения Харальда, и его назначение остается непонятным: может быть, это своеобразное почетное погребение старых языческих обычаев, которые следовало предать забвению.

Сегодня между двумя курганами располагается каменная церковь XII в., но раскопки, проводившиеся в 1970-х гг., показали, что прежде на этом месте стояла основательная деревянная. В церкви обнаружено погребение: частично сохранившийся скелет крепкого мужчины. При жизни он был ростом 1,67 м и к моменту смерти, которая настигла его в возрасте до 50 лет, страдал от остеоартрита поясничного отдела позвоночника. В королевской церкви могли хоронить лишь самых знатных людей, но личность этого не выяснена. Было принято считать, что скелет принадлежит Горму: предполагалось, что Харальд после крещения эксгумировал тела своих родителей, погребенных в северном кургане, и перезахоронил их в освященной земле, но если это было так, то скелет Тюре нигде не обнаружен. Вместе с тем хоронить язычников в церкви запрещает христианская

догматика, не признающая посмертного обращения. Если Горма и Тюре в самом деле похоронили в северном кургане, Харальд мог эксгумировать их лишь затем, что не хотел языческих могил в такой близости от своего христианского святилища.

К югу от церкви стоят два рунических камня. Меньший и старший из них воздвиг король Горм в память о королеве Тюре. Очевидно, Горм нежно любил жену: в надписи на камне он называет ее «украшением Дании». Надпись, однако, ценна не только как лирическое высказывание: это первое известное употребление слова «Дания» (*tannmarkaR*) в качестве названия страны данов. Старые надписи на еллингских монументах позволяют заключить, что этот камень изначально стоял на вершине северного кургана, и на нынешнее место его перенесли в относительно недавнем прошлом. Второй, более крупный, камень – однозначно христианский монумент, установленный королем Харальдом в память об обоих родителях и в ознаменование его собственных успехов в объединении и христианизации данов. На одной из граней есть руническая надпись, гласящая: «Король Харальд приказал поставить этот камень в память Горма, своего отца, и в память Тюре, своей матери; тот Харальд, что завоевал под свою власть всю Данию и Норвегию и крестил данов во Христову веру». На другой грани выбит стилизованный лев, сражающийся со змеей, а на третьей – распятый Христос в обрамлении орнамента из веток и листьев. Изображая распятие таким образом, резчик, вероятно, сознательно уподоблял Христа Одину, прибившему себя к Иггдрасилю, чтобы узнать секрет рун. Мельчайшие следы краски указывают на то, что изначально камни были ярко раскрашены.

Главным средоточием государственной власти Еллинг оставался недолго. Оказавшийся на западном краю объединенного королевства, он стал неудобным

местом для пребывания правителя, и в 980-х гг. Харальд перебрался в Роскилле, что всего в нескольких километрах от старинного административного центра Лейре, в средней части страны, на острове Зеландия.

Изгнание и смерть

Власть Харальда не ограничивалась Данией. Вступив в союз с ярлом Ладе (ныне пригород Тронхейма) Хаконом Сигурдссоном, он около 970 г. сверг норвежского короля Харальда Серая Шкура, захватив юг страны, а север отдав Хакону. Кроме того, Харальд установил свою власть над венедским портом Юмной (Йомсборгом) – предположительно, это нынешний польский порт Волин в устье Одера. В X в. Йомсборг представлял собой мощно укрепленный торгово-ремесленный город с обширной бухтой. Много путешествовавший кордовский торговец ат-Тартуши считал его более красивым и благоустроенным, чем Хедебю. Множество типично скандинавских артефактов, таких как амулеты в виде молота Тора, норвежские чаши из мыльного камня и рунические надписи, указывают на то, что в этом славянском городе постоянно существовало скандинавское сообщество. Возможно, отсюда и пошла легенда о йомсвикингах, элитном отряде норманнских наемников, которые, согласно романтическим исландским сагам, квартировали в Йомсборге.

Несмотря на все достижения Харальда, его царствование окончилось худо. Первый удар он получил в 975 г., когда германцы захватили Хедебю. Годом раньше датские викинги прошли набегом по Северной Германии, и, справедливо или нет, но император Отто II счел Харальда виновником и в ответ вторгся в Данию. Харальд попытался с помощью ярла Хакона остановить германцев на Даневирке, но в конце концов отступил. Ему пришлось отдать Хедебю с его доходами Отто, который для обороны завоеванного построил в близлежащем Шлезвиге крепость и посадил там

гарнизон. Под нажимом Отто Харальд пытался и в Норвегии насаждать христианство. К несчастью для него, это не понравилось убежденному язычнику ярлу Хакону, который, взбунтовавшись, установил свою власть по всей стране.

В 982 г. Отто II потерпел крупное поражение во время итальянской кампании. Это была слишком удобная возможность, чтобы не воспользоваться ею, и датская армия под предводительством Свена Вилобородого отбила у германцев Хедебю, а тесть Харальда Мстивой тем временем сжег Гамбург. Однако к этому времени Харальд нажил немало врагов дома. С усилением королевской власти местные вожди утрачивали свою традиционную автономию, а истые язычники были недовольны насаждением христианства. В 987 г. Свен поднял мятеж против отца, и Харальд бежал в Йомсборг, где вскоре умер от ран, полученных в сражении. Свен, если верить Адаму Бременскому, никогда не принимал свое крещение всерьез и захватил власть при поддержке возмущенных язычников. Но хотя Свен смог обратить их недовольство к своей выгоде, он вряд ли отрекся от христианства. Есть все свидетельства того, что Свен продолжил отцовскую политику христианизации страны, построил за годы своего правления немало церквей, и если бы он был по-настоящему враждебен христианам, то вряд ли позволил бы сторонникам отца привезти тело Харальда из Йомсборга и похоронить в церкви, которую тот заложил в Роскилле.

В действительности недовольство Адама объясняется, видимо, тем, что Свен не признавал власти гамбургско-бременских архиепископов. В средневековой Европе привычного нам разделения церкви и государства не знали. Короли ждали от епископов всяческой помощи в управлении

государством и неизменно пытались влиять на назначения церковных

иерархов. В годы Харальда датская церковь и ее епископы подчинялись архиепископам Гамбурга и Бремена, которых назначали германские императоры. Ни один средневековый король не был бы доволен таким положением дел: это прямое ограничение его власти. И часто бывало так, что светская власть шла туда, куда вела церковь. Очевидно, Харальд принимал эту ситуацию ради того, чтобы замириться с императором, пока будет укреплять монархию в Дании. Свен же низверг отца, вероятно, именно потому, что ясно видел: верховенство Германии над датской церковью может в конце концов обернуться притязаниями Германии на власть в датском государстве. Все годы своего царствования Свен избегал контактов с Гамбургско-Бременской епархией и священников, когда в них возникала нужда, привозил из Англии.

Захват власти Свеном совпал с новой волной норманнского морского разбоя, связанного, главным образом, с Англией, которая превратилась под властью слабого короля Этельреда Неразумного в легкую добычу. Свен понимал, что предводители викингов, возвращающиеся из-за моря с добычей и славой, могут бросить вызов королевской власти, и потому старался отодвинуть их в тень, лично возглавляя походы за данью (см. главу 9). Вероятно, больше всего Свена тревожили два вождя: изгнанный из Норвегии морской конунг Олаф Трюггвасон и датский аристократ Торкелль Длинный. Саги говорят, что Торкелль был сыном ярла Зеландии Струта-Харальда и братом Сигвальда, легендарного предводителя йомсвикингов. Иначе говоря, Торкелль принадлежал к тому классу, который больше всех пострадал от централизации королевской власти, осуществленной Харальдом. В

1011 г. Торкелль получил от Этельреда колоссальную контрибуцию в 21 772 кг серебра, а затем поступил к нему на службу и сражался за него против Свена. Королевской крови у Торкелля не было, и потому он был не так уж страшен Свену. Да, это был необыкновенно могущественный человек, но претендовать на датский трон вместо Свена он вряд ли мог бы и в конце концов нашел себе место при новой расстановке сил (при сыне Свена Кнуде). С Олафом Трюггвасоном дело обстояло иначе. На доходы от набегов на Англию в 991–994 гг. он в 995 г. предпринял успешный захват власти в Норвегии. Между тем Свен тоже провозглашал себя законным правителем Норвегии по праву наследования от отца, Харальда Синезубого. Таким образом, война между ними была неизбежна.

Харальд Прекрасноволосый объединяет Норвегию

Притязания Дании на власть над Норвегией имели давнюю историю. В 813 г. франкские хроники сообщали, что короли Харальд Клак и Регинфред сражались в Вестфолде, что к западу от Осло-фьорда, пытаясь навязать свою власть не желавшим ее норвежцам. Об исходе сражения хроника умалчивает, но скорее всего королям не удалось надолго покорить эти земли. Через 20 лет в самом центре Вестфолда, в Осеберге, две знатные женщины, одна пожилая, другая средних лет, были похоронены в кургане с богатыми погребальными дарами. Поскольку подобного погребения удостаивались только полновластные королевы, ясно, что Вестфолд находился в центре независимого королевства. Неизвестно, которая из двух погребенных женщин была королевой, а которая – рабыней, принесенной в жертву, чтобы сопровождать госпожу за гробом (обе были в богатом облачении), но предание сохранило имя королевы: Оса, а в сагической традиции она считается бабкой Харальда Прекрасноволосого, первого короля, правившего всей Норвегией.

При всей важности Харальда для норвежской истории мы точно не знаем, когда он на самом деле жил. Самый полный рассказ о его жизни содержится в «Круге земном»[13] (Heimskringla) – эпической саге о норвежских королях, написанной в XIII в. исландцем Снорри Стурлусоном, но она, несомненно, содержит немало легендарного. Согласно Снорри, Харальд происходил из протоисторической шведской династии Инглингов, а через них – от бога плодородия Фрейра. Отец Харальда, Хальфдан Черный, был сыном Осы и ее мужа короля Гудреда Вестфолдского. Корону

Вестфолда Харальд унаследовал в 10 лет, когда его отец утонул, провалившись в полынью на замерзшем озере. Маловероятно, чтобы это произошло много раньше 870 г. Харальд мечтал править всей Норвегией и поклялся, что не будет ни стричь, ни причесывать волос, пока не добьется своей цели, за что и получил прозвище Прекрасноволосый (hárfagri).

Норвегия никогда не стремилась к единству. Сложная топография и протяженное побережье затрудняли внутренние коммуникации и способствовали разобщенности: в начале эпохи викингов почти в каждой долине был свой вождь или князек. Но две области особенно располагали к формированию местных центров власти. Во-первых, Викен на юго-востоке страны – земля по берегам закрытого Осло-фьорда, в которой располагалось и королевство Харальда, Вестфолд. Викен лежит в дождевой тени Центрального норвежского хребта, и его относительно сухой и солнечный климат способствует пахотному земледелию. Другая область – Трёнделаг, плодородные земли вокруг Тронхеймс-фьорда, более чем в 500 км к северу и за горами. Здесь правил Хакон Гьотгардссон, ярл Ладе, чья родословная была не менее впечатляющей, чем у Харальда. После периода вялой вражды Харальд и Хакон стали союзниками, король признал автономию северного ярла в обмен на его помощь в войне против десятков местных царьков. Около 885 г. (трудно определить сколько-нибудь точно) Харальд разбил в морском бою в Хаврсфьорде коалицию семи вождей и ярлов, и на том сопротивление его власти прекратилось. Исландское предание гласит, что уцелевшие в той битве враги Харальда бежали на Шетландские острова, откуда потом совершали набеги на Норвегию. Харальд отправился походом на запад, чтобы подчинить острова

Норвегии, и учредил Оркнейское графство под властью своего союзника Рёгнвальда из Мёре.

Тирания Харальда

Исландские исторические предания, собранные Снорри Стурлусоном, изображают Харальда Прекрасноволосого тираном. После победы при Хаврсфьорде Харальд, согласно преданию, отнял у всех свободных земледельцев право собственности на землю, насильно превратив их в своих арендаторов, и обложил народ тяжелыми налогами. Средневековые исландцы вроде Снорри верили, что их предки поселились в Исландии только ради спасения от гнета Харальда Прекрасноволосого. Вместе с тем никаких подтверждений тому, что Харальд отнимал у крестьян земли, нет: низведение большинства свободных земледельцев до положения арендаторов – это явление, современное самому Снорри. Также несомненно, что заселение Исландии началось до того момента, когда произошло сражение при Хаврсфьорде. Некоторые историки сомневаются и в том, что Харальд бывал на Оркнейских островах, потому что графство Оркни было основано до того, как он стал норвежским королем (см. главу 4). Таким образом, исландцы, вероятно, сочинили эту историю, чтобы объяснить, почему такое множество первопоселенцев прибыло не из Норвегии, а из Оркни. На деле монархия Харальда была далеко не абсолютной. Ярлы Ладе правили Тронхеймом и Халогаландом практически независимо и уступали королю единственно лишь титулом. Харальд, безусловно, низвел многие локальные королевства до графств, но вместе с тем и век спустя после Харальда в Норвегии оставались еще десятки «долинных королей». И то единство, которого добился Харальд, не удержалось после его смерти, случившейся где-то между 930 и 940 гг.

За свою долгую жизнь – считается, что погиб он в возрасте 80 лет – Харальд произвел на свет более 20 сыновей от не менее чем восьми разных женщин. Снорри Стурлусон пишет, что за три года до смерти Харальд разделил королевство между сыновьями, верховным королем назвав любимого сына Эрика (Кровавую Секиру). Это не обрадовало остальных братьев, которые считали, что как обладатели королевской крови они достойны полновесных корон. Едва Харальда не стало, его сыновья, вполне предсказуемо, принялись делить власть в местных королевствах, которые были ему покорны. При таком зловещем прозвище – полученном за жестокое правление, а не за воинские подвиги – Эрик, вероятно, самый известный из норманнских конунгов. Почти столь же знаменитой, по крайней мере, в сагах, была и его жена Гуннхильда, слывшая вёльвой, то есть прорицательницей. Ее еще при жизни Харальда обвиняли в том, что она навела смертельную порчу на Эрикова единокровного брата Хальфдана. Не обладавший государственными талантами Эрик пытался удержать единство страны силой оружия. Подстрекаемый Гуннхильдой, он успел изрядно проредить своих братьев, прежде чем норвежцы возмутились и призвали его юного брата по отцу Хакона Доброго (умер в 960 г.) из Англии, где тот воспитывался у короля Этельстана, занять трон. Ярл Ладе Сигурд Хаконссон оказал Хакону поддержку, и в Трёнделаге того объявили королем Норвегии. Когда Хакон двинулся на Викен, Эрик внезапно лишился всех сторонников и бежал в Оркни. Оттуда он принялся совершать разбойничьи походы и этим добыл себе в 948 г. королевскую корону в Йорке, а шестью годами позже встретил смерть в битве при Стейнморе (см. главу 2).

Язычество торжествует

Вернувшийся домой Хакон мало что мог знать о своем королевстве. Он не бывал в Норвегии с тех пор, как отец еще младенцем услал его в Англию. Так что положение его всегда оставалось непрочным: не хватало местных связей, друзей и авторитета, которые обязательно были бы, вырасти Хакон на родине. Во многих отношениях он оказался слабым монархом и напрямую правил только на западе Норвегии. Племянники Хакона Гудред Бьорнссон и Трюггви Олафссон правили как полновластные короли Вестфолдом и Остфолдом, а ярл Сигурд совершенно автономно распоряжался Трёнделагом и Холугаландом. Король Этельстан воспитал Хакона в христианской вере, и в начале своего царствования тот надеялся распространить ее на родине. Хотя никаких письменных свидетельств о миссионерской деятельности в Норвегии того времени нет, благодаря ее устойчивым связям с Англией и Ирландией многие норвежцы, должно быть, уже успели познакомиться с христианской доктриной. Скорее всего, в стране было немало христианских невольников, а у многих норвежцев были знакомые христиане в колониях на Британских островах. Среди воинов, возвращавшихся из походов, многие номинально были христианами, крестившись из прагматических соображений во время службы в наемниках у христианских правителей или ради облегчения переговоров о выплате контрибуции. Вместе с тем, кроме нескольких крестов с надписями, археологи не обнаружили никаких признаков существования христианских общин в Норвегии до Хакона Доброго.

Хакон призвал на помощь монахов из Англии. Крещение приняли некоторые воины его дружины, но больше ради верности предводителю, чем по убеждению, и большинство норвежцев соглашались терпеть новую веру короля, лишь покуда это оставалось его частным делом. Гром грянул, когда Хакон на собрании фростатинга в Трёнделаге объявил, что норвежцам следовало бы оставить языческую веру и креститься. Это вызвало немедленный бунт свободных земледельцев, которые всерьез боялись, что земля перестанет родить, если они не смогут совершать традиционные жертвоприношения. Большинство местных вождей тоже воспротивились крещению, отчасти из страха утратить имеющийся у них статус и власть: в скандинавском язычестве не было института жрецов, и все священные ритуалы исполняли вожди. Поддержанные, судя по всему, ярлом Сигурдом, свободные крестьяне выдвинули ультиматум: они выберут иного правителя, если Хакон не принесет жертву богам, как то делал его отец. В том же году на празднике урожая в Ладе король попытался предложить компромисс, прикоснувшись губами к поднесенному мясу жертвенного коня через льняную холстину, но это никому не понравилось. В области Мёре четыре местных вождя принялись истреблять священников и жечь построенные Хаконом церкви, а другие сговорились принудить короля участвовать в зимнем жертвоприношении, Юле, угрожая в случае отказа насилием. Под мощным нажимом Хакон в конце концов сдался и съел кусочек конской печени. Это символическое жертвоприношение, судя по всему, вполне удовлетворило язычников, Хакон же после этого унижения оставил попытки обращения Норвегии ко Христу.

Скоро он столкнулся с более серьезной угрозой. После смерти Эрика Кровавой Секиры (954 г.) его

сыновья уплыли в Данию и заручились поддержкой Харальда Синезубого против Хакона в войне за норвежскую корону. Хакон оказался способным военачальником и нанес сыновьям Эрика серию поражений. В 960 г. трое из этих сыновей, Харальд Серая Шкура, Гамле и Сигурд, тайно высадились в Холугаланде и внезапно напали на Хакона, находившегося во дворце в Фитъяре. Хакон отбил нападение, и братья бежали на корабли, но это была его последняя победа: в бою его ранили стрелой в руку, и вскоре он умер от потери крови. Хотя Снорри утверждает, что Хакон до последней минуты оставался христианином, он мог, по крайней мере, номинально, обратиться в язычество: только ради сохранения мира в стране. Несомненно одно: придворные похоронили его по языческому обряду в кургане, и королевский скальд Эйвинд Погубитель Скальдов в «Речах Хакона», поэме, сложенной на смерть короля, рассказывает, как Хакона принимают в Вальгалле: как истинного воина-язычника, павшего на поле брани. При всем противодействии его религиозной политике в сагах Хакон описан как справедливый правитель, принесший мир и добрые урожаи и своими правовыми реформами повысивший представительность и эффективность местных тингов.

Поскольку наследников мужского пола Хакон не оставил, трон занял, при поддержке Харальда Синезубого, Харальд Серая Шкура, старший сын Эрика Кровавой Секиры. Этот Харальд, как и его братья, во время пребывания в Англии крестился, и, в отличие от своего дядьки, братья не колеблясь обращали силу против тех, кто сопротивлялся новой вере. Они разрушили множество языческих святилищ и низвергали идолов, чтобы показать их бессилие, но даже под угрозами норвежцы крайне неохотно принимали крещение. Харальд замышлял забрать под свою прямую власть всю Норвегию и безжалостно

подавлял любое сопротивление. Он ясно понимал, что главное препятствие для его замысла – ярл Сигурд, и потому сблизился с недовольным братом Сигурда Грьетгардом. Они тайно сговорились: Грьетгард поможет Харальду свергнуть Сигурда, а за это сам станет ярлом вместо брата. После жатвы 962 г. Грьетгард сообщил Харальду, что Сигурд с весьма немногочисленной свитой будет пировать во дворце в Агло, на севере Трёнделага. Путем, указанным Грьетгардом, Харальд прошел при свете звезд Тронхеймс-фьорд и поздно ночью, никем не замеченный, причалил в Агло. Люди Харальда подожгли дворец, где пировал Сигурд со свитой. Все, кто там был, сгорели. Вскоре после этого Харальд организовал убийства Гудреда Бьорнссона и Трюггви Олафссона, но истребление главных соперников не помогло ему укрепиться на троне.

Норвегия переходит под датское владычество

Народное недовольство действиями Харальда дало возможность вмешаться в норвежские дела Харальду Синезубому. Ярла Сигурда любили подданные, и после его убийства жители Трёнделага встали под знамена его сына Хакона Сигурдссона. После трех лет опустошительной войны Харальду пришлось признать Хакона ярлом Ладе с той же самой автономией, какой пользовался его отец. Мир продлился недолго, и в 968 г. Хакон бежал в Данию, где сговорился с Харальдом Синезубым свергнуть Харальда Серую Шкуру и поделить Норвегию. Датский Харальд заманил норвежского к себе, посулив земли, но едва тот сошел с корабля в Халсе, на берегу Лим-фьорда в Северной Ютландии, на него напали и убили. Покончив с Харальдом, Хакон и Харальд Синезубый привели в Викен большой флот и разделили Норвегию между собой. Хакон вернул себе земли предков на севере, где правил совершенно независимо, и получил области Рогаланд, Хордаланд, Согн, Мёре и Ромсдаль на западном побережье, которыми управлял как вассал Харальда Синезубого. А тот правил остальной Норвегией, кроме Вестфолда и Агдера, которые он отдал Харальду Гренландцу, сыну убитого короля Гудреда Бьорнссона.

Хакон поначалу честно держался соглашения с Харальдом и в 975 г. выставлял воинов и суда для обороны Дании от вторжения императора Отто II. Пока Хакон был в Дании, Харальд заставил его креститься и взять с собой в Норвегию нескольких монахов, чтобы они начали обращать народ. Убежденный язычник, Хакон крестился лишь для вида и вовсе не собирался

помогать Харальду крестить Норвегию. Он взял на корабль монахов, как потребовал Харальд, но едва задул попутный ветер, высадил их на берег и поспешил восвояси, по пути грабя датские земли. Озабоченный германской угрозой, Харальд не смог помешать Хакону захватить власть над всей страной, после чего добрый десяток лет Хакон правил Норвегией в одиночку. В конце правления Харальда Синезубого или в начале правления Свена Вилобордого (источники разноречивы, и ни один из них нельзя признать достаточно убедительным) даны попытались вновь завладеть Норвегией, отправив в Ладе флот из 60 кораблей. Саги рассказывают, что возглавляли экспедицию знаменитые йомсвикинги, но корабли до цели так и не добрались. Обманутые плененным проводником-пастухом, близ Хьёрунгавага в Суннмёре даны неожиданно натолкнулись на гораздо более многочисленный норвежский флот и потерпели сокрушительное поражение в битве, разыгравшейся под сильным ливнем и градом. Спастись удалось лишь половине датских кораблей.

Саги рассказывают, что после победы при Хьёрунгаваге Хакон стал деспотичным и в конце концов обложил крестьян такими непомерными налогами, что лишился всякой популярности. Он сделался настолько не мил народу, что, когда в Норвегии неожиданно высадился Олаф Трюггвасон (995 г.), недавний триумфатор английской кампании, его немедленно признали королем. Хакон бежал и скрывался, но вскоре был убит кем-то из приближенных, когда прятался в свинарнике, и в его отсеченную голову, выставленную Олафом на всеобщее обозрение, разъяренные бонды (землевладельцы) швыряли камни. Сыну Хакона Эрику Хакорнсону удалось скрыться, и, как многие изгнанники до него, он стал предводителем флотилии викингов.

Народный восторг от Олафа скоро поутих. Воспитание сделало его человеком безжалостным даже по меркам безжалостного века. Он был малым ребенком, когда убили его отца, короля Трюггви Олафссона, и мальчику с матерью пришлось бежать из страны. По пути в русские земли их корабль в Балтийском море захватили эсты, и Олаф попал к работорговцу по имени Клеркон. К счастью для мальчика, купили его добросердечные хозяева, которые хорошо с ним обращались и воспитывали (Клеркон выменял Олафа на дорогой плащ). Когда Олафу исполнилось восемь, его разыскал кузен Сигурд, выкупил и отвез в Новгород. Там девятилетний мальчик вновь столкнулся с Клерконом и расколол ему голову ударом топорика. Подростком Олаф уже служил в дружине Владимира Великого, но в 18 лет покинул службу, чтобы стать викингом. Как обладатель королевской крови он, несмотря на юные лета, без труда набрал войско и, как то было в обычае, с этого момента стал звать себя королем. Оставалось только захватить какое-нибудь королевство. Восемь лет непрерывных походов по Балтике и Англии принесли ему все необходимое для такого шага: богатство, славу и верное войско. Было ему при этом всего 27 лет от роду.

Крещение или смерть

В 994 г. в Англии Олаф крестился, причем таинство над ним совершил архиепископ Кентерберийский Элфидж, в 1012 г. принявший мученическую смерть от рук данов. Поэтому языческое сопротивление христианизации Олаф решил сломить раз и навсегда. Он не был терпеливым человеком и, похоже, с самого начала решил, что сила быстрее даст нужные плоды. Насаждать новую веру он начал с Викена, где мог рассчитывать на поддержку отцовской родни. Противника Олаф не щадил: убивал, калечил, изгонял. Тех, кто практиковал древнюю магию сейд, он топил в море, в отлив привязывая к скалам. Народу Викена такие методы показались убедительными, и к началу 997 г. большинство его жителей были крещены. Летом Олаф пошел в западные области Норвегии, взяв большое войско, чтобы подавлять любое недовольство. Но недовольных не нашлось – отчасти благодаря материнской родне Олафа, которая все влияние употребила на то, чтобы смягчить антихристианское сопротивление. Осенью Олаф пришел в Трёнделаг, по-прежнему поголовно языческий, и сжег святилище в Ладе. Местные жители решили, что это уже слишком, и взялись за оружие, вынудив Олафа на зиму уйти в Викен. Но это было временное отступление. На следующий год он вернулся в Трёнделаг. Сначала Олаф занял примирительную позицию, обещав поглубже изучить языческие верования, но это было лишь уловкой, чтобы усыпить бдительность трёнделагцев, которые почувствовали себя в безопасности. На местном тинге люди Олафа убили главу языческой общины Ярн-Скегги прямо в храме Тора. И хотя язычники пришли в полном боевом облачении и с

оружием, потеря предводителя подорвала их боевой дух, и они безропотно согласились креститься.

Чтобы еще укрепить свою власть в слишком независимом Трёнделаге, Олаф построил на мысу близ устья Нидельвы, омываемом с одной стороны рекой, а с другой водами фьорда, дворец и христианскую миссию. Почти полностью окруженное водой, это место было хорошо защищено, и оттуда имелся прямой выход в море. Кроме того, оно было всего на 3,5 км удалено от Ладе, центра местной независимой власти, теперь перешедшего под контроль короля. Новое поселение Олаф назвал Каупанген («место торга»), возможно, для привлечения коммерсантов, а с ними – налогов и таможенных сборов, но оно скоро стало известно под названием Нидарос («устье Нидельвы»). С XIX в. оно стало носить название Тронхейм – ныне это третий по величине город Норвегии.

Упрочить свои позиции в этих краях Олаф также пытался за счет женитьбы на дочери Ярн-Скегги, Гудрун. Это оказалось большим просчетом, едва не стоившим Олафу жизни: Гудрун была не из тех, кто легко прощает обиды, и в брачную ночь попыталась заколоть жениха. Далее сага лаконично резюмирует: «Гудрун больше не ложилась в постель с королем». Весной 999 г. Олаф завершил крещение прибрежных областей Норвегии, отправившись в Халогаланд, лежавший за полярным кругом, но сначала разбив силы халогаландцев в морском сражении. Примерно в то же время под нажимом Олафа исландский альтинг принял христианство как официальную религию страны.

Христианизация была лишь одним из путей, которыми Олаф надеялся упрочить королевскую власть. Для средневековых монархов важным способом обретения славы и расширения власти была чеканка монеты. Олаф устроил в Тронхейме монетный двор и выпустил первую норвежскую монету. А еще он учредил

институт провинциальных наместников. Однако новому королю не суждено было править долго. После нескольких лет успешных кампаний на Балтике в Данию вернулся Эрик Хаконсон, радушно встреченный Свеном Вилобородым. В союзе со шведским королем Олафом Шётконунгом (правил ок. 995–1022 гг.), который имел виды на определенные области Норвегии, эти двое замыслили свержение Олафа. Удобная возможность явилась в 1000 г.: Олаф поплыл через датские воды на юг грабить венедские земли на южном берегу Балтики.

Саги говорят, что к этому набегу Олафа подстрекала новая жена, Тюре, сестра Свена Вилобородого. Брак Олафа и Тюре не был дипломатическим: Тюре против воли брата покинула мужа-язычника, венедского короля, и вышла за Олафа. Теперь она потребовала, чтобы Олаф отнял у венедов имущество, которое ей пришлось бросить, убегая от прежнего мужа. По преданию, приближенные не советовали Олафу это делать, но он послушал жену. Более вероятно, что Олаф решил успешным набегом залечить раны от насильственной христианизации и укрепить лояльность военной аристократии. А венеды, как язычники, казались ему законной добычей.

Битва в море

Кампания Олафа прошла вполне благополучно, однако за всеми его перемещениями пристально следили шпионы Свена Вилобородого. И в сентябре, когда Олаф поплыл домой, у Свольдера его подстерег большой флот Свена с союзниками. Свольдер не удалось отождествить ни с одним местом. Некоторые историки высказываются в пользу немецкого острова Рюген в Балтийском море, другие считают, что это Эресунн, узкий пролив между Швецией и Данией. Флагман Олафа, 64-весельный позолоченный драккар «Длинный змей», был одной из самых больших в истории длинных ладей, но с ним шло всего 11 судов, а у противника их было 70, и это предопределило исход сражения.

Подробностей битвы мы не знаем, но, скорее всего, поединков корабль на корабль не было. Морские сражения в эпоху викингов обычно происходили так же, как и сухопутные, только полем боя служили корабли. Ладьи выстраивали в линию носами к противнику. Самые большие всегда ставились в середине строя. Перед боем снимали мачты и паруса, чтобы освободить палубы для сечи, и все маневры выполнялись только на веслах. Обороняющаяся сторона, которой у Свольдера был флот Олафа, нередко связывала корабли с помощью мачт и рей, чтобы получилась единая прочная платформа, по которой воины могли быстро перебегать с края на край туда, где они нужнее. Атакующие тоже прибегали к такому приему, но только после того, как вступят в контакт с противником. Тактика была проста. Первым делом нужно было зацепиться за вражеские суда баграми и кошками, а потом высадиться на них. Корабль, освобожденный после рукопашной схватки от

вражеских воинов, отцепляли и отгоняли прочь. При такой войне размеры корабля важнее и скорости, и маневренности. Чем крупнее корабль, тем многочисленнее на нем команда и тем больше он возвышается над водой. Судно с высокими бортами лучше защитит экипаж от метательных снарядов, и взять на абордаж его труднее.

Битву у Свольдера Эрик Хаконсон вел со своего флагманского драккара «Железная птица», который размером и роскошью мог поспорить с «Длинным змеем» Олафа. Автор «Круга земного» в саге об Эрике пишет, что тот «стал бок о бок с крайним из судов короля Олафа, очистил его от людей и, перерубив канаты, отпустил в свободное плавание. После этого привалил к следующему кораблю и дрался, пока тоже не освободил. Теперь все воины, бывшие на мелких судах, стали перебегать на большой корабль, а ярл отвязывал их один за другим и отпускал в море, освободив от команды. В конце концов без команды остались все корабли Олафа, кроме "Длинного змея", где собрались все, кто еще мог держать оружие. "Железная птица" стала к борту борт, и бой продолжался на мечах и топорах».

Соотношение сил сказалось: Олаф с горсткой воинов вынужден был отбиваться от врага на корме «Длинного змея». Предвидя неминуемую гибель или плен, король в полном снаряжении прыгнул за борт и камнем ушел на дно. Норвежцы, однако, не захотели смириться с его гибелью, и Олаф превратился в «короля под горой», как английский Артур, германский Фридрих Барбаросса и множество других, которые, когда пробьет урочный час, явятся, чтобы вернуть себе свои королевства. Вскоре после гибели Олафа пошли слухи, что он под водой переплыл на другой корабль и на нем бежал к венедам, откуда ушел в Святую землю. Но, как говорит об этом Снорри Стурлусон, правда то или нет, а «король Олаф

Трюггвасон так и не вернулся в свое норвежское королевство».

Годы под властью данов

После смерти Олафа Норвегию поделили между собой Свен Вилобородый, Эрик и Олаф Шётконунг. Свен забрал себе Викен, Эрик, ставший ярлом Ладе, правил на правах Свенова вассала большей частью севера и западом. Король Олаф получил центральные области Средней Норвегии, но передал их своему зятю, брату Эрика Свену Хаконсону, в вассалитет. Пребывая в изгнании, Эрик с братом, вероятно, крестились, но даже если так, они не пытались распространять христианство среди подданных, и многие норвежцы вернулись к языческим верованиям. Восстановив в Норвегии датское владычество, Свен Вилобородый оставшиеся годы своего царствования провел, добывая средства к укреплению датской монархии грабежами в Англии, и в итоге в 1014 г. завоевал весь остров. На датском троне наследником Свена стал его старший сын Харальд II (правил в 1014–1018 гг.), на английскую же корону притязал младший, Кнуд. За это наследство ему пришлось воевать, но Англия была таким ценным призом, что Кнуд привлек на помощь и старинного врага своего отца Торкелля Длинного, и ярла Ладе Эрика, передавшего свои земли сыну Хакону. Воспользовавшись отсутствием Эрика, другой норвежец королевского рода, Олаф Харальдссон (правил в 1016–1028 гг.), вернулся в страну, восстановил ее независимость и продолжил начатое Олафом Трюггвасоном крещение народа.

Олафу Харальдссону суждено было стать мучеником и святым, и потому его жизнь, без сомнения, документирована лучше, чем жизнь любого другого скандинавского правителя эпохи викингов: о нем охотно писали и авторы житий, и составители

королевских жизнеописаний. В позднейших сагах о нем сохранились скальдические поэмы, сложенные во время его жизни и первые годы после гибели. Вместе с тем предполагаемая святость героя подразумевает известный недостаток объективности: кто в Средние века позволил бы себе скептически отозваться о святом? Готовясь писать сагу о святом Олафе, самую длинную из всех саг «Круга земного», Снорри Стурлусон изучил множество ранних источников и намеренно отсеял те, которые счел слишком фантастичными. Но он тоже был человеком своего времени, и даже его относительно трезвое повествование местами напоминает житие.

Олаф родился около 995 г., уже после смерти своего отца, Харальда Гренландца, короля Вестфолда и Агдера, и прямым потомком Харальда Прекрасноволосого. Предположительно, во время христианизации Норвегии Олафом Трюггвасоном Олаф еще в детстве был крещен вместе с матерью Астой Гудбрандсдоттер и отчимом Сигурдом Сюром, королем Рингерике, однако нормандский хронист Гильом Жюмьежский (ум ок. 1070 г.) утверждает, что Олафа крестил в 1013 г. во время его поездки в Нормандию архиепископ Руанский. Олаф, как и Олаф Трюггвасон, развивался не по годам быстро и в 12 лет получил от отчима корабль и дружину для разбойничьих морских походов. Таким образом Олаф стал королем, хотя пока без королевства. Сегодня нам трудно представить, чтобы взрослые мужчины шли в бой под началом 12-летнего мальчика, но таков был магнетизм королевской крови. В походах, которые довели его от Балтики до Испании, Олаф более чем оправдал веру в него. По большей части он сражался в Англии – то в союзе с Торкеллем Длинным, то на службе у короля Этельреда – и стяжал огромное состояние контрибуциями с побежденных и жалованьем за наемную службу.

Вскоре после того как ярл Эрик отправился на помощь Кнуду в Англию, Олаф вернулся в Южную Норвегию и при поддержке отчима и коалиции местных вождей был провозглашен королем. Узнав об этом, Свен Хаконсон собрал в Трёнделаге флот и поплыл на юг сразиться с Олафом. Свен и Олаф сошлись в морском бою у Несъяра в Осло-фьорде на Вербное воскресенье 25 марта 1016 г. Свен потерпел поражение и бежал к своему тестю в Швецию, где вскоре умер. Узнав о поражении дяди, Хакон тоже бежал в Англию, где Кнуд, ставший королем, радушно принял его и сделал графом Вустерским. Олаф, чью власть в Норвегии больше никто не оспаривал, решил продолжить курс Олафа Трюггвасона на укрепление государства и христианизацию народа и, как тот Олаф, устроил свой двор в Нидаросе, чтобы самая вольнолюбивая область королевства была все время у него на глазах. Даже при некотором откате в язычество в годы правления ярлов Ладе в приморских землях христианство укоренилось прочно, так что Олаф сосредоточился на горных краях, где христиан было пока еще немного. Строго говоря, методы христианизации король избрал еще более жесткие, чем его предшественник. Обратившиеся получали королевские милости, упорствующих ждала смерть, истязания, калечение и ослепление. Многие из «долинных королей» лишились своих уделов и отправились в изгнание, иные без некоторых частей тела. По совету английского епископа Гримкетеля (или Гримкелля) Олаф сделал первые шаги к формированию в Норвегии духовных институтов и к христианизации языческих правовых норм. В 1024 г. на Мостерском тинге в Западной Норвегии он провозгласил новый свод законов о религиозных обрядах. Соблюдение христианских постов и праздников и крещение всех здоровых младенцев вменялось в обязанность. Устанавливались христианские законы о браке.

Содержание церквей и священства возлагалось на общество. Введение христианского календаря означало, что повседневная жизнь выстраивалась теперь в соответствии с ним. Списки Мостерских законов, как их стали называть, читались на всех местных тингах, которым было приказано одобрить их.

Закономерно Олаф многих настроил против себя, особенно среди местных вождей, которым, вероятно, в равной степени досаждали и религиозные реформы, и централизация монаршей власти. Многие из этих вождей мечтали о возвращении слабой монархии, когда король жил где-то далеко. После недолгой вражды Олаф замирился со шведским королем Олафом Шётконунгом, женившись на его дочери Астрид, но Кнуда, присоединившего после смерти брата (1018 г) к своим владениям Данию, так просто с дороги было не убрать. Кнуд считал, что Норвегия по праву должна принадлежать ему, и писал Олафу письма, предупреждая, что, если тот не хочет войны, ему следует приплыть в Англию и признать власть Кнуда над собой. Олаф отказался и, чтобы упредить вторжение в Норвегию, соединив силы с зятем, новым шведским королем Анундом Якобом (правил в 1022–ок. 1050 гг.), первым напал на Данию. Союзники ожидали неизбежного ответного удара на реке Хельгеон (Святая река) в Сконе. Когда Кнуд вошел в реку со своей англо-датской армадой, Олаф и Анунд взломали дамбу из бревен и земли, сооруженную выше по течению, и мощная волна разметала флот Кнуда, многие корабли перевернулись, и сотни воинов утонули. Кнуду все-таки удалось восстановить какой-то боевой порядок и избежать кровавой бойни, но к концу дня ему пришлось уступить поле боя противнику. Впрочем, для Олаф и Анунда бой на Хельгеоне оказался пирровой победой: они понесли такие тяжелые потери, что не смогли продолжать войну, и их союз распался: каждый

поспешил домой, опасаясь, как бы Кнуд не оказался там первым.

Их опасения были не напрасны. Через четыре года Анунд оказался у Кнуда в вассалах, а Олафа уже не было в живых. Вернувшись из датского похода, он обнаружил, что в Норвегии у него заметно поубавилось сторонников, и понял, что из всех крупных аристократов он может полагаться лишь на четверых. Но, как выяснилось, и тут он просчитался. В 1028 г. Кнуд привел к берегам Викена англо-датский флот из 50 кораблей, и вся страна восстала против Олафа, который бежал с немногими верными царедворцами сначала в Швецию, а оттуда – ко двору князя Ярослава на Русь. Кнуд восстановил Хакона Эрикссона на его родовом престоле в Ладе и назначил его регентом всей Норвегии. Но этот порядок установился ненадолго. В 1029 г., возвращаясь из Англии от Кнуда, Хакон утонул при кораблекрушении. Весть об исчезновении ярла Хакона быстро достигла Олафа, и в 1030 г. он отправился отвоевывать свой трон, оставив на попечении Ярослава пятилетнего сына, незаконнорожденного Магнуса.

Битва при Стикластадире

В Норвегию Олаф вернулся через Швецию, где, согласно Сторри Стурлусону, собрал войско в 3600 копий. Он прошел через нагорье Хьёлен прямо в Трёнделаг. Придворный скальд Олафа Сигват Тордссон писал уже после событий, что, если бы король был посвободнее в средствах, он собрал бы армию больше. Однако многочисленное войско было бы непросто прокормить во время долгого похода через малонаселенное высокогорье. Известия по торговым путям викингов летят быстро, и враги Олафа успели хорошо подготовиться к его появлению. Спускаясь по долине реки Вердальсельвы к Тронхеймс-фьорду, у фермы Стикластадир он встретил местное ополчение, превосходившее числом его армию. Армия Олафа состояла в основном из профессиональных воинов, включая его личных дружинников, но и землевладельцы, преградившие ему дорогу, были вооружены не косами и вилами. В эпоху викингов в Скандинавии все свободные граждане должны были иметь снаряжение для воинской службы, так что у каждого были по меньшей мере щит и копье плюс умение с ними управляться, а богатые бонды могли позволить себе много больше. Сражение произошло, предположительно, 29 июля 1030 г. и началось, когда солнце уже поднялось высоко над горизонтом. Олаф пытался решить дело стремительной атакой вниз по склону, надеясь, что удастся разорвать боевой порядок ополченцев, после чего те растеряются и побегут. Ополченцы отступили, но не разорвали рядов и не побежали – слишком многие помнили свирепое правление Олафа, чтобы так легко сдаться, – и вскоре их численное превосходство стало сказываться. Как

пишет Снорри Стурлусон, Олаф в отчаянной рубке был ранен в ногу, затем получил удар копьем в живот от предводителя ополченцев Торира Собаки и, наконец, смертельный удар мечом в шею. С гибелью Олафа его войско рассыпалось и побежало: бой длился всего около полутора часов. Среди бежавших был 15-летний брат Олафа по матери Харальд (Суровый). Он получил рану, но некий крестьянин, сжалившись, спрятал его у себя в доме, вылечил и помог бежать в Швецию. Оттуда Харальд направился на Русь, а затем в Константинополь, в варяжскую гвардию.

После битвы местные крестьяне, верные Олафу, укрыли его тело от врагов и тайно похоронили на берегу Вердальсельвы. И хотя Олаф лишился и королевства, и жизни, он по-настоящему добился мира в Норвегии, переломив хребет языческому сопротивлению. Когда в 1028 г. Олаф бежал из страны, при столь же воинствующем христианине Кнуде отката к язычеству не произошло. Ополченцев в Стикластадире напутствовал перед боем датский епископ: если кто и молился о победе Одину, то тайно. Пути назад не было: Норвегия уверенно двинулась в сторону римско-католической христианской цивилизации.

Норвежский святой король

Вскоре поползли слухи о чудесах, происходящих на могиле Олафа, и все больше верующих утверждали, что обращенные к нему молитвы имеют силу. Через год после его гибели епископ Гримкетель перенес останки Олафа в ограду церкви Св. Климента в Нидаросе. При этом обнаружилось, что тело короля не тронуто тлением – неоспоримый для средневековых христиан признак святости, – и Гримкетель тут же объявил Олафа святым. Хотя в Риме его официально так и не канонизировали, культ святого Олафа быстро распространился в Норвегии, чему способствовало недовольство народа датской властью и череда неурожаев, которую молва объясняла Господним гневом за убийство короля Олафа. Это не означает, что Норвегия к тому моменту стала полностью христианской. Языческие верования и воззрения сохранялись еще не одно поколение. Церковь понимала это – так было со всеми новообращенными территориями – и всюду, где могла, включала или приспосабливала к христианской доктрине ранние верования, чтобы неофитам было легче освоиться с новым культом. В роли святого Олаф усвоил многие черты бога плодородия Фрейра и популярного бога-громовержца, губителя великанов Тора. Земледельцы молились святому Олафу о хорошем урожае, как некогда Фрейру, а в народных сказках множились сюжеты о том, как он побеждает троллей и великанов.

Свободные общинники ожидали, что правление Кнуда будет легче, но скоро им пришлось оставить эти упования. В Норвегии не нашлось вельможи, сопоставимого по рангу с утонувшим ярлом Хаконом, так что Кнуду не оставалось ничего иного, как

попытаться править Норвегией более или менее напрямую, не полагаясь, в отличие от отца и деда, на неформальный раздел власти. С этой целью Кнуд посадил на норвежский трон своего несовершеннолетнего сына Свена, а регентшей при нем поставил его мать, англичанку Эльфгифу Нортгемптонскую. Эльфгифу оказалась столь суровой правительницей, что годы ее регентства, или «время Альфивы», как их называли норвежцы, стали образцом деспотизма. Свирепость самого Олафа скоро позабылась, и он, напротив, превратился в символ национального единства. В 1034 г. два норвежских местных вождя, вставших на сторону Кнуда против Олафа, Кальв Арнесон и Эйнар Тамбарскельфир, так разочаровались в датской власти, что отправились на Русь, чтобы привезти в Норвегию сына Олафа Магнуса. Когда Магнус объявился в стране, вспыхнуло народное восстание, вынудившее Свена и Эльфгифу бежать в Данию. Там Свен вскоре умер.

Кнуд скончался в 1035 г., и его англо-скандинавская империя тут же распалась. Гарольд Заячья Лапа, второй сын Кнуда от Эльфгифу, стал королем Англии, а Хардекнуд, сын Кнуда от Эммы Нормандской, сел на датский престол. Хардекнуд тут же признал Магнуса королем Норвегии, и два правителя договорились: кто из них проживет дольше, будет властвовать над обеими странами. Соответственно, когда в 1042 г. Хардекнуд умер, Магнус стал королем Дании, а править ею в качестве регента посадил Свена Эстридсена, племянника Кнуда. Фамилию Свен взял, что необычно, от матери, сестры Кнуда, Эстрид, чтобы подчеркнуть связь с королевским родом и отгородиться от отца, ярла Ульва, которого Кнуд казнил за предательство. По материнской линии Свен был законным претендентом на датский трон, и он взбунтовался против Магнуса, а на тинге в Виборге, что в Северной Ютландии, даны

оказали ему почести, подобающие королю. Магнус тут же ответил, нагрянув в Данию с большим флотом. Свен бежал к шведскому королю Анунду.

Даны остались верны Магнусу, потому что он показал себя успешным защитником страны. Больше двух столетий скандинавы совершенно безнаказанно грабили венедские племена, жившие на южном побережье Балтики. Однако к началу XI в. венеды освоили норманнские судостроительные технологии и принялись сами совершать набеги на Скандинавию, причем особенно уязвимыми оказались датские острова. Летом 1043 г. Магнус переплыл Балтику и взял венедскую крепость Юмну – норманнский Йомсборг. В том же году он разбил венедов, высадившихся на Ютландии, в битве при Хлюрскогсхейде, что к северу от Хедебю. Написанная около 1190 г. неизвестным автором норвежская хроника «Обзор саг о норвежских конунгах» рассказывает, что ночью накануне битвы Магнусу явился в видении его отец, пообещавший победу над язычниками-венедами и научивший, как построить войска для сражения. То, что он сын святого, только добавляло Магнусу великолепия.

Пока Свен Эстридсен обдумывал в Швеции следующий шаг, объявился только что покинувший ряды византийской императорской гвардии Харальд Суровый – с притязаниями на норвежский трон, полным сундуком серебра и устрашающей славой великого военачальника. Свен и Харальд сразу заключили союз, но Магнус тут же его развалил, предложив Харальду часть Норвегии. В 1047 г. Магнус в возрасте всего лишь 24 лет заболел и умер, не оставив наследников. На смертном одре он объявил свою волю: Харальд должен унаследовать Норвегию, но Дания остается у Свена. Свен был доволен, но запросы Харальда одной Норвегией не ограничивались. Следующие четыре года он старался выбить Свена из Дании, каждое лето

совершая туда большие походы и в конце концов разграбив в 1050 г. Хедебю. Это должно было заметно урезать доходы Свена, но значение Хедебю по сравнению с былыми днями значительно уменьшилось. Большим судам, входившим в употребление в XI в., все труднее было достигать Хедебю, и после того, как в 1066 г. город в очередной раз подвергся разорению, теперь от венедов, обитатели покинули его, уйдя в Шлезвиг, построенный на другом берегу бухты Шлей, у более глубокого места.

Харальд побеждал Свена во всех сражениях, но решающая победа ускользала от него. Поражения не останавливали Свена, а его человечность снискала ему любовь подданных. Так, в 1050 г. во время морской погони за Харальдом Свен, имея все преимущества, бросил преследование, чтобы спасти пленных, выброшенных Харальдом в море, хотя и понимал, что дает своему смертельному врагу скрыться. Для финансирования своих походов Харальд обложил норвежцев тяжкими налогами, а прозвище свое он получил за свирепость, с которой подавлял любое несогласие. Дания получила 10 лет передышки, пока Харальд воевал со шведами на границе, но в 1060 г. он снова пришел к данам с войной. В бою на реке Ниса (ныне Ниссан) около Хальмстадта в Халланде, длившемся всю ночь, Харальд уничтожил датский флот. Свену едва удалось спасти свою жизнь, но даже это поражение не сломило датского сопротивления. Тем временем подданные Харальда стали роптать, и в 1064 г. он наконец заключил со Свеном мир, признав того королем Дании. Это стало вехой для обоих королевств: дальше каждое из них развивалось своим путем. К 1380 г., когда династические браки вновь объединили две страны под властью одной короны, каждая из них уже обладала неотъемлемой национальной идентичностью.

Харальд Суровый и после датской неудачи не захотел более спокойной жизни, которой, очевидно, так ждали его подданные. В 1066 г. умер король Эдуард Исповедник, и Харальд, вспомнив свое призрачное право на английский престол, унаследованное от Магнуса Доброго, собрал войско и отплыл в Англию навстречу поражению и гибели в битве при Стэмфорд-Бридже. После Харальда в Норвегии сначала правили сообща два его сына – Магнус II и Олаф III. Магнус умер молодым в 1069 г., и единственным королем остался Олаф (правил в 1067–1093 гг.), который отказался от завоевательной политики отца, заключил мир с Англией и Данией и все годы своего долгого владычества провел дома в Норвегии, совершенствуя ее государственное устройство. Благодарный народ запомнил его как Олафа Тихого (Кюрре). Именно при Олафе Тихом норвежские законы были впервые записаны, и он ввел в Норвегии систему гильдий, составлявшую важнейшую часть городской цивилизации в средневековой Западной Европе. Со времен Олафа Святого епископы в Норвегии были придворными-царедворцами, а Олаф Тихий создал систему епархий с кафедрами в Нидаросе, Осло и недавно основанном городе Бергене. Умер Олаф Тихий в 1093 г., успев превратить Норвегию в полноценное во всех отношениях средневековое европейское королевство.

То же самое мы видим к моменту смерти Свена Эстридсена (ок. 1074 г.) и в Дании. Не последним признаком приобщения самого Свена к культуре христианской Европы было то, что он стал первым скандинавским королем, умевшим читать и писать. Хотя Свен заявлял о притязании на английский трон, поддержав, без особого рвения, в 1069–1070 гг. английское восстание против нормандцев, после замирения с Харальдом его правление было преимущественно мирным, а главной заботой стало

налаживание дружественных отношений с императором Священной Римской империи Генрихом III и с папским престолом. В отношениях с папами Свен, увлеченный храмостроитель, преследовал две главные цели, которых после него сумели достичь его сыновья. Во-первых, он хотел, чтобы в датской церкви появился собственный архиепископ и она стала независимой от германской Гамбургско-Бременской епархии. Этот замысел Свена воплотился в жизнь при его сыне Эрике Великодушном (правил в 1095–1103 гг.) с превращением лундской епархии в архиепархию, ответственную за всю Скандинавию (Норвегия и Швеция получат своих архиепископов в 1152 и 1164 гг. соответственно). Вторым устремлением Свена была канонизация его прапрадеда Харальда Синезубого, активно насаждавшего в Дании христианство: датской монархии для пущей сакральности нужен был свой святой. Это исполнил, лично заместив позицию, другой сын Свена, Кнуд Святой (правил в 1080–1086 гг.).

Последний датский король-викинг

Кнуд занял датский трон после недолгого правления его брата Харальда III (1074 / 6–1080 гг.). Популярный в народе и оставшийся в истории реформатором и законодателем, Харальд приблизил конец эпохи викингов, учредив, по сути дела, патент на морской разбой и поставив вне закона викингов, не отдающих установленную долю добычи в королевскую казну. Кнуд юношей совершал набеги на венедов и возглавил два похода в Англию, в 1069 и 1074 гг., когда его отец заявлял права на английскую корону. Став правителем, он положил конец зависимости королевской казны от военных трофеев, повысив доходы от налогов и сборов, и ввел десятину – обязательную уплату десятой части дохода на содержание церкви. А еще он преследовал самочинных викингов и повесил за разбой Эгиля Рагнарссона, ярла Борнхольма. Неудивительно, что эти преобразования не снискали ему популярности в народе. Недовольство подданных усугубилось в 1085 г., когда Кнуд ввел подушный налог на финансирование похода в Англию за английской короной. Флот Кнуда собирался в Лим-фьорде, однако угроза вторжения германцев задержала короля в Шлезвиге, и к концу лета его войско распалось, а недовольные воины пошли по домам убирать урожай. В 1086 г. Кнуд объявил новый сбор флота, но тут на Ютландии вспыхнул мятеж. Кнуд бежал в Остенде, где 10 июля вместе с братом Бенедиктом и 17 сподвижниками пал от рук мятежников перед алтарем в монастыре Св. Албана. С тех пор ни один датский король больше не собирал флота для похода на Англию.

К моменту гибели Кнуда Дания 120 лет была официально христианской страной, однако события, вызванные его смертью, показывают, что языческие верования не были полностью изжиты. Наследовал Кнуду его брат Олаф Голод (правил в 1086–1095 гг.). При нем в Дании случилось подряд несколько неурожайных лет, бескормица и голод – отсюда и незавидное прозвище. Для данов было несомненно, что бедствия – Божья кара за святотатственное убийство Кнуда в священном месте. Умер Олаф в августе 1095 г. при весьма странных обстоятельствах. Согласно историку Саксону Грамматику, он «добровольно отдал себя, чтобы спасти страну от несчастий, и молил, чтобы вся вина [за убийство Олафа] пала только на него. Так он отдал жизнь за свой народ». В этом таинственное объяснение отчетливо перекликается с историей полулегендарного шведского конунга Домальде, которого после двух лет неурожаев принесли в жертву, чтобы задобрить богов (см. главу 1). Могло ли случиться, что Олафа сделали жертвенным агнцем за всех данов? Или, возможно, он, пытаясь искупить их вину, совершил самоубийство (поступок вполне антихристианский)? Формулировка Саксона Грамматика несомненно предполагает, что Олаф принял смерть по своей воле и что она не была естественной, но речь не шла об убийстве. Таинственности добавляет и то, что место погребения этого короля неизвестно. Предание гласит, что его тело рассекли на части и развезли по разным концам страны, рассчитывая, что это как-то поможет вернуть земле плодородие. Однако далее события развивались в рамках христианской парадигмы. Преемник Олафа Эрик Великодушный убедил папский престол признать Кнуда мучеником, и в 1102 г. того канонизировали. Эрик тем временем уже начал строить недалеко от места мученичества Кнуда собор в панъевропейском романском стиле, чтобы там

погрести его останки. В крипте этого собора поныне можно видеть скелеты Кнуда и его брата Бенедикта: кости весьма красноречиво свидетельствуют о том, какую злую смерть принял последний датский король-викинг.

Королевство шведов

В Швеции формирование единого государства завершилось позже других скандинавских королевств, и о ранних стадиях его развития известно, по сравнению с Данией и Норвегией, относительно немного. Шведы почти не участвовали в заселении Исландии, так что средневековых исландских историков и авторов саг, столь широко осведомленных о норвежских королях, Швеция интересовала мало. А в западноевропейских хрониках того времени шведы тоже появляются нечасто, потому что походы они совершали в основном на Восток.

Самый ранний из шведских королей, о котором что-то известно, – Эрик Победоносный (правил ок. 970–995 гг.). Проследить его происхождение сложно: данные путанны и противоречивы. По имеющимся сведениям, ни Эрик, ни его ближайшие потомки не причисляли себя к династии Инглингов, а сагическое предание объявляет его потомком Сигурда Кольцо, победившего в битве при Бровалле и основавшего около середины VIII в. новую уппсальскую династию. Сам Эрик прославился победой над своим племянником Стирбьёрном Сильным и его датскими союзниками в битве на Фирисвеллире, произошедшей в болотистой низменности недалеко от Уппсалы где-то в 980-х гг. По-настоящему достоверного описания тех событий не осталось, но оно упоминается в нескольких исландских сагах и у датского хрониста Саксона Грамматика. Кроме того, с этим событием, вероятно, связаны два рунических камня, установленных в Сконе (ныне это Швеция, а в то время – Дания) в память о воинах «не побежавших в Уппсале», и камень на острове Эланд на могиле датского вождя, предположительно умершего

по пути домой от ран, полученных при Фирисвеллире. Еще более убедительно свидетельствует о битве рунный камень в Хёгби, в провинции Эстергётланд, увековечивший Асмунда, «павшего в Фёри» (то есть в Фирисе), предположительно, за Эрика.

Точно очертить границы Эрикова королевства мы не можем. В эпоху викингов «настоящая» Швеция состояла из современного региона Свеаланд, в центре которого находятся Уппсала и озеро Меларен, и крайней южной части Норрланда (это современные провинции Естрикланд и Хельсингланд). Северные земли, уходящие за полярный круг, были населены в основном охотниками-саамами и вошли в состав Швеции уже в позднем Средневековье. Шведы торговали с саамами и воевали с ними, чтобы отнимать пушнину в виде дани. Между Швецией и датскими провинциями Сконе и Блекинге простиралась Гёталанд, земля гётов (в «Беовульфе» упоминаются как гауты). Несмотря на то что это был, очевидно, многочисленный народ, занимавший большую территорию, о жизни гётов в эпоху викингов не известно почти ничего. Никаких археологических находок, свидетельствующих о политической централизации, сравнимых с королевскими центрами в Еллинге и Уппсале, не обнаружено, так что гёты, предположительно, были раздроблены на множество местных вождеств или мелких королевств. Гёты крайне редко упоминаются в сагах и не встречаются в письменных свидетельствах о походах норманнов, и даже авторы, лично посещавшие Балтику, такие как Римберт (биограф святого Ансгара) и купец Вульфстан, почти ничего о них не сообщают. Возможно, это объясняется тем, что их неверно идентифицировали: либо гёты ни по культуре, ни по языку не отличались от шведов, либо, что скорее, находились под их владычеством. Предания и легенды, сохраненные, например, в «Беовульфе»,

недвусмысленно говорят о войнах между шведами и гётами, и некоторые гётские короли, в частности Алрик, правивший, согласно надписям на руническом камне из Спарлёсы, около 800 г. в Вестергётланде, принадлежали к шведским королевским династиям. Также от Швеции зависел крупный балтийский остров Готланд, жители которого, хотя и не были подвластны шведской короне, платили ей дань в обмен на право свободного передвижения и свободной торговли. В состав Швеции остров вошел только в XIII в., когда эпоха викингов уже окончилась.

Бирка

В эпоху викингов Швеция выигрывала от близости важных торговых путей через Балтику на Русь и дальше, в исламские государства и Византийскую империю. Политическим и духовным центром шведского государства была Уппсала, но главным торговым городом – Бирка, на острове Бьёркё, возле устья озера Меларен, примерно в 30 км к западу от Стокгольма. Бирка возникла около 800 г., заменив эмпориум вендельского периода в Хельгё, что примерно в 8 км на юго-восток. Бирка покрывала площадь в 7 га, а ее постоянное население, предположительно, составляло от 700 до 1000 человек. В X в. Бирку обнесли защитным валом, построили небольшую крепость, а вход в бухту частично загородили частоколом. Дальше в проливах тоже устроили частоколы и барьеры из камней, чтобы разбойничьи ладьи не могли быстро подплыть к городу. Это было необходимо: множество островов и бухт в окрестностях Бирки славились как пиратские гнезда. Тамошние разбойники ограбили и святого Ансгара, плывшего с миссией в Бирку в 829 г., отняв у него все имущество.

Насыщенный органикой культурный слой Бирки, известный как *Svarta Jorden* (черная земля), имеющий толщину до 1,8 м, исключительно богат информацией об устройстве и повседневной жизни города. Усадьбы горожан отделялись друг от друга проездами со сточными канавами по обочинам. Каждая усадьба состояла из одного-двух домов и хозяйственных построек: амбаров и мастерских. Дома имели бревенчатый каркас и глинобитные стены, крыши крыли соломой, дранкой, иногда дерном. Многие обитатели города были торговцами, но жили здесь и

ремесленники: мастера по металлу, ювелиры, резчики по кости и рогу и меховщики, а также Воины – вероятно, небольшой постоянный гарнизон для защиты города и поддержания порядка. Большое количество арабских монет подтверждает, что основную торговлю Бирка вела с Востоком, особенно после 900 г., но вместе с этим обнаружены керамика из долины Рейна, стекло и клочки шерстяной ткани из Фризии. Бирку окружают кладбища, где обнаружены больше 3000 могил, из которых около 1100 вскрыты и изучены. В результате выяснилось, что в Бирке жили не только скандинавы, но и иностранцы. Скандинавских захоронений большинство – это сожженные прахи, погребенные под небольшими курганами или под камнями, расставленными в виде ладьи или треугольником. В этих могилах обнаруживаются богатые погребальные дары – предметы исключительного качества, в том числе привозные стеклянные изделия, оружие, украшения и посуда. Нескандинавские могилы – это захоронения тел в гробах или каменных склепах без погребальных даров. Они располагались ближе к дальнему краю кладбищ и, как предполагается, принадлежали христианским и мусульманским торговцам и ремесленникам и членам их семей. Адам Бременский писал, что ежегодно в Бирку приходят торговать датские, норвежские, венедские и «скифские» (вероятно, русские) суда. Часть таких могил, возможно, принадлежала и местным скандинавам, обратившимся в христианство, – они в Бирке встречались.

Католический миссионер святой Ансгар, посещавший Бирку в 829–830 и 851–852 гг., встречался здесь со шведскими королями, но никаких признаков королевской резиденции на острове не обнаружено. Возможно, Биркой управляли из королевского поместья в Ховгордене, что на соседнем острове Адельсё,

примерно в 3,5 км, так же как Хедебю управлялся из королевского имения Флюсинг. В одном из пяти больших ховгорденских курганов, известных как кунгсхогар (королевские курганы), 100 лет назад проводились археологические раскопки, и выяснилось, что под ним погребен знатный мужчина, кремированный в корабле вместе с лошадьми, скотиной и собаками где-то около 900 г. Судя по всему, жители покинули Бирку внезапно во времена правления Эрика Победоносного. Полное отсутствие англосаксонских монет позволяет заключить, что город опустел до того, как Этельред Неразумный в 900-х гг. принялся выплачивать викингам огромные суммы *данегельда*: в Скандинавии обнаружены тысячи его монет, и хотя бы какие-то из них обязательно оказались бы в Бирке, если бы город оставался обитаемым. Ничто не указывает на катастрофический конец Бирки, так что, видимо, торг просто переехал в новый город Сигтуна, основанный Эриком около 980 г. на северном берегу озера Меларен, примерно в 25 км от Уппсалы.

Объединение шведов и гётов

Более полно в письменных источниках история Швеции освещена начиная с царствования Олафа Шётконунга (прозвище означает «король сокровищ»), сына Эрика. Это царствование чрезвычайно важно, ведь Олаф был первым крещеным королем Швеции, и он первым правил и шведами, и гётами, заложив тем самым основы средневекового шведского королевства. Хотя, надо сказать, основы эти были еще весьма шаткими, и лишь к середине XII в. Швеция превратилась во вполне христианское и действительно единое королевство. Скудость источников времен эпохи викингов в Швеции не позволяет узнать, каким образом Олаф стал правителем обоих народов. Можно предполагать, что между шведами и гётами уже существовали какие-то династические связи, и не исключено, что и прежде были короли, правившие сразу двумя этими народами. И уж точно нет причин полагать, что достижение Олафа не имело прецедентов, или думать, будто он покорил гётов силой оружия, а не был избран ими на тингах в Вестергётланде и Эстергётланде. Притом объединение двух народов под властью Олафа не было окончательным: многие из позднейших шведских королей не имели власти над гётами. Бывало, гёты избирали себе своих королей, а бывало, обходились вовсе без монарха, живя под властью вождей и законоговорителей. В Швеции установить прочное династическое правление было труднее, чем в Дании и Норвегии, потому что здесь на трон избирали не только тех, у кого в жилах текла королевская кровь. Эпоха викингов уже осталась далеко в прошлом, когда шведы

и гёты наконец объединились навек, в 1173 г. при короле Кнуте Эрикссоне (правил в 1167–1196 г.).

Неустойчивость шведской монархии замедляла христианизацию страны. В Дании и Норвегии языческое сопротивление огнем и мечом сломили короли, но шведским монархам приходилось действовать с осторожностью. Короли-язычники не противились деятельности миссионеров в открытую. Те правители, с которыми встречался в Бирке Ансгар, посоветовавшись с местным тингом, разрешили ему проповедовать и крестить, но сами креститься не пожелали, а без примера со стороны монарших особ Ансгар так и не смог создать полноценной христианской общины. Его старания продолжил другой Гамбургско-Бременский архиепископ, Унни, но успел он не много и умер в Бирке в 936 г. Новый толчок христианизации Швеции дало крещение данов Харальдом Синезубым. В царствование Эрика датский миссионер, архиепископ Одинкар Хвите-старший, стал проповедовать у гётов, обосновавшись в Скаре, что в Вестергётланде. Адам Бременский считал, что Одинкар так преуспел потому, что был даном и «мог легко убедить варваров во всем, что касается нашей веры». Сам Эрик крестился в Дании в 980-х или в начале 990-х, но Адам пишет, что, вернувшись в Швецию, король тут же отрекся от христианства. Олафа Шётконунга, по преданию, крестил в 1008 г. в Хусабю, неподалеку от Скары, святой Сигфрид, английский монах-миссионер из Гластонбери. Вероятно, эта дата слишком поздняя: христианские символы Олаф чеканил на своих монетах в новом городе Сигтуне с самого начала своего царствования, так что крестился он, скорее всего, до того, как стал королем. Возможно, он сделал это одновременно с отцом, но оказался более восприимчив к новому учению. Похоже, что в «Господней Сигтуне», как называл Олаф свой город на монетах, от самого ее основания была заметная доля

христианского населения, поскольку на обширных городских кладбищах обнаружено не много языческих погребений. Не исключено, что по замыслу Олафа Сигтуна должна была стать христианским противовесом расположенному неподалеку языческому культовому центру в Уппсале, для чего он и построил в городе несколько церквей. Олаф всерьез взялся за устройство формальных институтов духовной жизни и в 1014 г. основал в Скаре епархию, но языческие воззрения были еще так сильны, что он не рисковал обращать шведов силой оружия. Однако даже его ненавязчивые способы распространения христианства возмущали ярых язычников, и под конец царствования Олафу пришлось разделить власть с сыном Якобом, который после смерти отца в 1022 г. унаследовал престол. Язычники ненавидели библейское имя нового монарха и заставили его после коронации взять подлинно шведское – Анунд.

Смена имени была уступкой, дальше которой Анунд заходить не собирался. И он, и его наследники продолжили помогать церкви, поощрять миссионерскую деятельность и строить епархиальную систему. К 1080 г. язычество среди гётов уже отмирало, и миссионеры разъезжали по стране, разрушая капища и низвергая идолов. А вот шведы упорно сопротивлялись крещению. Епископы-миссионеры считали, что язычества в Швеции не одолеть, пока не разрушен языческий храм в Уппсале, но шведские короли отказывались применять силу. Когда в 1030-х толпа язычников изрубила топорами рьяного английского миссионера по имени Уилфрид, демонстративно повергшего идол Тора в Уппсале, Анунд не стал никого наказывать. А 30 лет спустя король Стенкиль (правил в 1060–1066 гг.) не позволил новоназначенному епископу Сигтуны Адальварду разрушить святилище в Уппсале, опасаясь мятежа язычников. И опасался он не напрасно.

Сын Стенкиля Инге Старший, коронованный около 1080 г., оказался более ревностным христианином, но когда на тинге в Уппсале он попытался запретить язычество, его забросали камнями, после чего королю пришлось бежать в Вестергётланд. На место Инге шведы посадили его шурина Блот-Свена (Свен Приносящий Жертвы), который согласился восстановить в правах язычество и совершать традиционные жертвоприношения. Тут же заклали коня, разрубили на части для общего угощения, а кровью смазали священное дерево. Но правил Свен всего лишь около трех лет. Изгнанник Инге собрал небольшое конное войско и вторгся в Свеаланд, захватив Свена врасплох ранним утром во дворце. Окружив дворец, люди Инге подожгли его. Тех немногих, кому удалось вырваться из горящего здания, воины Инге тут же изрубили. Гибель Свена сломила языческое сопротивление в Швеции. Вернувшись на трон, Инге возобновил свой крестовый поход против язычников и вскоре разорил святилище в Уппсале, поставив на его месте церковь. К моменту смерти Инге в 1105 г. Швеция была в основном христианской. Столь давно предсказанная гибель прежних богов наконец случилась.

Глава 11
Палермо, Иерусалим и Таллин
Из викингов в крестоносцы



В начале XII в. скандинавские королевства уже мало отличались от остального католического мира. Замки, романские церкви и соборы изменили пейзаж, как не смогли никакие постройки викингов.

Европейский стиль преобладал в декоративных искусствах и в одежде, а языком высокой культуры стала латынь. Военная знать обучалась кавалерийскому бою и сражалась верхом. Люди по большей части стали христианами не по принуждению, а по убеждению, и разделяли воодушевление и религиозный пыл крестовых походов. Скандинавские короли, относительно недавно приобщенные к христианской цивилизации и в стараниях укрепить свою власть всецело опирающиеся на христианскую концепцию монархии, в числе первых оценили достоинства крестовых походов с точки зрения политической и религиозной. К тому же, хотя мотивы были иными, зачастую объяснить разницу между крестовым походом скандинавов и старым добрым нашествием викингов было непросто.

Крестовые походы стали ярким показателем растущей уверенности католического Запада в своих силах. После столетий обороны католический мир принялся расширяться. В круг христианских стран вошли Скандинавия, Польша и Венгрия, в Испании

полным ходом шла Реконкиста – изгнание мусульман-мавров.

Укрепление государственности принесло в христианские страны политическую стабильность, там росло население, оживлялась торговля, началось культурное возрождение. Впервые за несколько сотен лет западноевропейские народы не были всецело поглощены только заботой о выживании. Запад расцветал, а тем временем Византийская империя, не один век остававшаяся величайшим из христианских государств, после ряда катастрофических поражений от турок-сельджуков постепенно приходила в упадок. В 1095 г. византийский император Алексей I обратился к папе Урбану II с просьбой о военной помощи против турок. Он подразумевал отправку наемных воинов, которые встанут под императорские знамена и будут сражаться в византийской армии. Урбан же призвал к священной войне за освобождение Иерусалима от неверных – мусульман, занимавших его более 450 лет, – и его возврат в лоно христианского мира. Для поощрения добровольцев Урбан объявил, что всякий, отправившийся в поход, освобождается от епитимьи за совершенные грехи, что было широко, хотя и неверно, понято как обещание немедленного попадания в рай в случае гибели. По сути, крестовый поход был великим вооруженным паломничеством.

На призыв папы откликнулись десятки тысяч: от великих вельмож вроде герцога Роберта Нормандского до скромных землепашцев, вовсе не имевших воинской подготовки. Военная знать откликнулась особенно охотно: многие годы церковь осуждала ее за жестокость и насилие, и вот наконец у рыцарей появилась возможность заняться своим делом во имя Господа. Большинство участников первого крестового похода составили рыцари из Франции и Священной Римской империи, но, несомненно, были среди них и

скандинавы – например, знатный датчанин по имени Свен с французской женой Флориной и многочисленной дружиной. Несмотря на то что крестоносцы тысячами умирали в пути от голода, жажды, болезней и усталости, а также гибли в сражениях – именно такая участь постигла Свена, – поход оказался победоносным: в 1099 г. после недолгой осады Иерусалим пал. Однако рыцарское Иерусалимское королевство, основанное после победы крестоносцев, не могло выжить без постоянной военной поддержки извне. В последующие 200 с лишним лет церковь объявляла восемь крупных и несколько десятков мелких крестовых походов, но в конце концов и они не помешали мусульманам отвоевать Святую землю. Первый крестовый поход был настолько успешен, что по этому принципу тут же начали собирать экспедиции против любых врагов Господа, кем бы они ни были и где бы ни жили. Клятву крестоносца можно было исполнить, сражаясь с маврами в Испании, с язычниками славянами и балтами на Балтике, православными еретиками на Руси и в Византии, еретиками-катарами на юге Франции. Хотя в первом походе короли не участвовали, вскоре они поняли, что, став крестоносцем, можно враз обрести славу защитника христианских народов.

Всего через три года после падения Иерусалима датский король Эрик Великодушный первым из всех католических монархов отправился в Святую землю. Покинув Данию вместе со своей королевой Боедил и многочисленной дружиной, Эрик двинулся старинным варяжским путем через русские земли. Это был не крестовый поход, а паломничество: так Эрик каялся в убийстве четверых царедворцев, совершенном в пьяной ярости. Из Константинополя Эрик на кораблях, предоставленных императором Алексеем, поплыл в Пафос на Кипре, где они с Боедил занедужили. В июле

1103 г. Эрик умер в Пафосе, а Боедил успела добраться до Иерусалима, где в том же году тоже умерла.

Через четыре года после смерти Эрика 17-летний норвежский король Сигурд I (правил в 1103–1130 гг.) стал первым монархом, возглавившим крестовый поход. Вероятно, его вдохновил пример норвежского аристократа Скофте Огмундссона, поплывшего в Святую землю с флотом из пяти ладей в 1102 г., тогда же, когда отправился в свой злополучный поход король Эрик. Сам Скофте добрался лишь до Рима, где и умер, но его люди дошли до Святой земли, а затем до Константинополя, и в 1104 г. уже вернулись домой с рассказами об удивительных приключениях, выпавших им в пути. Сигурд был вторым сыном Магнуса Босоногого и после смерти отца в 1103 г. правил совместно со старшим братом Эйстейном, так что решение пуститься в крестовый поход касалось не его одного. Эйстейн не возражал, чтобы Сигурд отправился в Иерусалим, и он, очевидно, считал, что крестовый поход – выгодное предприятие, от которого выиграет все королевство, потому что согласился также разделить расходы. Готовясь к кампании, братья договорились о генеральной перестройке правительства и отменили несправедливые законы и тяжкие налоги, чтобы походу сопутствовало Божье благоволение. Поход вызвал в народе большое воодушевление, и принуждать к участию никого не приходилось.

Сигурд решил плыть водой до самой Святой земли, и осенью 1107 г. во главе флота из 60 боевых ладей отправился в путь. В зависимости от размера кораблей его армия могла насчитывать от 3000 до 5000 воинов. Учитывая неизбежные трудности с пропитанием войска в долгом походе, меньшая цифра представляется более вероятной. Навигация уже заканчивалась, и сначала Сигурд доплыл только до Англии, где перезимовал у

короля Генриха I. Весной он продолжил путь, но к осени добрался лишь до паломнического города Сантьяго-де-Компостела в испанском христианском королевстве Галисия, где и собрался зимовать. Местный правитель обещал устроить рынки, где норвежцы смогут покупать провиант, но с продовольствием было туго, и после Рождества рынки закрылись. Поняв, что злоупотребили гостеприимством галисийцев, норвежцы взяли штурмом местный замок, разграбили его продовольственные запасы, после чего, несмотря на неблагоприятный сезон, подняли паруса и двинулись вдоль побережья мусульманской Испании на юг. С этого момента крестовый поход превратился в христианизированный набег викингов, тем более увлекательный, что Бог, по убеждению участников, безусловно одобрял каждую рану, нанесенную неверным. Сначала Сигурд столкнулся с мавританскими пиратами, промышлявшими у берегов Португалии, и захватил у них восемь галер. Затем норвежцы взяли мавританскую крепость в Куларише, вырезали гарнизон, отказавшийся принять христианство, и присоединились к графу Генриху Португальскому, осадившему Лиссабон. Союзники вошли в город, захватили богатую добычу, но не смогли взять цитадель, так что скоро Лиссабон был снова в руках мавров: лишь в 1147 г. их оттуда выбьют английские, фризские и фламандские крестоносцы. Переплыв устье Тахо, норвежцы разграбили еще один мавританский город, Алкасер-ду-Сал, истребив там столько народу, что он опустел на долгие годы. Затем Сигурд продолжил грабить побережье, а после нового сражения с мавританским флотом прошел Гибралтаром в Средиземное море. Острова Форментера, Ибица, Минорка, все на тот момент принадлежавшие маврам, по очереди подверглись разграблению. Поздней весной 1109 г. Сигурд прибыл в Палермо на Сицилии, где его

радушно принял 12-летний нормандский граф Роже II (правил в 1105–1154 гг.).

Нормандская Италия

Граф Роже был внуком мелкого нормандского феодала, барона Танкреда де Готвиля (ум. в 1041 г.). О происхождении Танкреда никаких точных сведений нет, но, согласно историку Гоффредо Малатерра (ум. в 1099 г.), предком барона был викинг из войска Ролло по имени Гиаллт, от которого и пошло название деревни Готвиль. Гоффредо был вхож в графский дворец на Сицилии и, вероятно, записывал семейные предания Готвилей. Но Гиаллт, видимо, все же фигура вымышленная: можно не сомневаться, что Готвиль (Hauteville) – это просто «высокая долина». При этом было бы достойно удивления, если бы Готвили, принадлежавшие к нормандской военной знати, не имели бы в родословной викингов. Танкред был дважды женат и оставил не меньше 12 сыновей, 8 из которых, включая отца графа Роже, Роже I, покинув Нормандию, отправились искать счастья в Южную Италию. Ситуация в Нормандии в начале XI в. не сильно отличалась от начала эпохи викингов в Скандинавии. Нормандские герцоги укрепляли свою власть, и соперничество за земли и влияние между аристократами было напряженным и нередко кровавым. Мелкая феодальная знать, вроде Готвилей, опасалась за свое положение. Кроме того, бароны видели, что у них остается все меньше средств, чтобы обеспечить достойное наследство всем сыновьям. Таким образом, в Нормандии оказалось немало молодых людей почти или вовсе без земельных наделов и без видимой возможности приобрести или расширить их. Все они, воспитанные в благородных семействах, получали рыцарскую военную подготовку, и многие отправлялись служить наемниками к иноземным владыкам.

Самой популярной у нормандских эмигрантов была дорога в Южную Италию, где в начале XI в. шла война между лангобардами, Византийской империей и арабами. Первыми нормандцами, отправившимися туда служить, были 40 воинов, в 1017 г. вставших под знамена лангобардского княжества Беневенто в войне против Византии. Поначалу нормандцы служили за обычную плату, но в 1030 г. неаполитанский герцог Сергий даровал предводителю нормандских наемников Раннульфу титул графа Аверского. И когда нормандцы закрепились в Италии как постоянная диаспора, к тем, кто там осел, поехали новые и новые родственники – явление, известное под названием «цепная миграция». В 1047 г. в Италию прибыл один из братьев Готвиля Роберт Гвискар (умер в 1085 г.). Он обосновался в Калабрии, куда к нему затем приехали младшие братья Роже (умер в 1101 г.) и Ричард (умер в 1078 г.). Вместе они к 1072 г. завоевали Лангобардское княжество, выбили из Италии всех византийцев и на Сицилии отбили у арабов Мессину и Палермо. После падения Палермо Роберт объявил Роже графом Сицилии и оставил ему самому завоевывать остальную территорию острова, что тот и сделал к 1091 г., а сам вернулся в Италию. Наследником Роже стал восьмилетний сын Симон, а после его ранней смерти в 1105 г. – самый младший из сыновей, Роже, которому тогда было лет десять. По малолетству графа правила Сицилией мать-регентша, так что у Роже было много времени, чтобы развлекать Сигурда. В своей саге о крестовом походе Сигурда Снорри Стурлусон пишет, что тот даровал Роже королевский титул. Может быть, это вымысел, но Роже было предначертано судьбой, став взрослым, объединить под своей властью нормандские княжества в Италии, и в 1130 г. с папского благословения короноваться королем Сицилии. Пышность его двора в Палермо, эклектичная смесь латинско-итальянских,

нормандских, арабских и византийских мотивов, в полной мере воплощенная в изумительной дворцовой часовне, ничем не напоминала примитивные корабельные лагеря викингов Ролло. Эта культурная эклектика свидетельствует о том, что нормандцы и викинги отличались некоторым общим свойством: и те и другие хорошо умели смешивать. В исторической перспективе нормандцы почти не оказали влияния на аборигенное итальянское население. И те и другие были христианами-католиками, так что беспрепятственно вступали в смешанные браки, и местное большинство мало-помалу ассимилировало нормандцев. Нормандское владычество в Италии продолжалось до 1190–1194 гг., когда Сицилийское королевство завоевал германский император Генрих VI.

На Иерусалим

При дворе Роже Сигурду весьма понравилось, и он продолжил свой поход только в 1110 г. Отплыв от Сицилии, прошел через Греческий архипелаг и в конце лета или ранней осенью прибыл в Святую землю, высадившись в Акко. В пути Сигурд потерял лишь один корабль, затонувший у берегов Бретани. Из Акко норвежцы торжественно прошли в Иерусалим, где их радушно встретил король Балдуин. Сигурд посетил все священные места и съездил с королем Балдуином на реку Иордан. Затем в Иерусалиме Балдуин одарил Сигурда множеством реликвий, в том числе драгоценнейшей щепкой от Святого Креста Господня. Балдуин не хотел, чтобы норвежцы уплывали домой. После первого крестового похода большинство уцелевших крестоносцев, исполнив свои клятвы, вернулись на родину, а защищать завоеванное остались лишь немногие. В итоге королевству хронически не хватало воинов. Балдуин умолял Сигурда задержаться «на малое время, дабы помочь в насаждении и прославлении Христовой веры. А уж порадев о славе Христовой, поплыли бы в свою землю, вознося щедрые хвалы Господу» (Фульхерий Шартрский). В море на христианские корабли часто нападали мусульмане, и Балдуин задумал разорить занятый неверными порт Сидон (территория нынешнего Ливана), где гнездились мусульманские пираты. Сигурд в обмен на содержание его людей согласился своими кораблями окружить Сидон с моря, пока армия Балдуина будет осаждать его с суши. Осада продолжалась всего семь недель. Видя, что надежды на спасение нет, 5 декабря 1110 г. гарнизон начал переговоры о сдаче Сидона Балдуину под гарантию беспрепятственного выхода, и, порадев

таким образом о славе Христовой, Сигурд через Кипр и Грецию поплыл в Константинополь.

В Константинополе Сигурда с дружиной радушно принял император Алексей, но, судя по всему, там Сигурд долго не задержался и скоро продолжил путь, но уже по суше – через Болгарию, Венгрию, Священную Римскую империю и Данию, где король Нильс дал ему корабль доплыть до Норвегии: Сигурд не был дома больше трех лет. Свои корабли он перед отъездом из Константинополя подарил императору Алексею, а воинам разрешил, если кто захочет, завербоваться в варяжскую гвардию. У норвежцев были все возможности поговорить с византийскими варягами и узнать, в какой роскоши те живут, так что, вероятнее всего, большая часть сигурдова войска осталась, а он продолжил путь лишь с малой дружиной. Поход Сигурда внес скромный, но важный вклад в укрепление христианства на Востоке и, что было для самого Сигурда ничуть не менее важно, заметно поднял статус норвежской монархии как в стране, так и в мире. Дома Сигурда встречали восторженно, как народного героя, а в историю он вошел как Юрсальфар, то есть «путешественник в Иерусалим». Слава этого похода была столь громкой, что правление Сигурда вспоминали как золотой век, когда Бог улыбался Норвегии. «Время Сигурда было хорошо, – писал норвежский хронист, – обильными урожаями и многими иными добрыми вещами, за вычетом одного лишь того, что в старости он стал подвержен припадкам неудержимой ярости. Но все же его почитали как самого великолепного и знаменитого из всех королей, и в особенности за его поход. А еще он был очень хорош собой и высок ростом, как его отец и предки по мужской линии. Сигурд любил свой народ, а народ любил его» («Обзор саг о норвежских конунгах»).

Венедский крестовый поход

В 1144 г. турки отбили у крестоносцев важнейший сирийский город Эдессу. Это поражение подвигло папу Евгения III объявить второй крестовый поход, по размаху сопоставимый с первым, увенчавшимся взятием Иерусалима в 1099 г. Главная кампания, которой предводительствовали французский король Людовик VII и германский Конрад III, велась против турок (и закончилась катастрофическим поражением), но Евгений расширил цели похода, предложив такую же духовную награду северогерманским рыцарям, которые выступят против язычников-венедов, живущих на южном берегу Балтики. Таким образом войну против неверных приспособили для территориальной экспансии Германии в Восточную Европу. Объявление крестового похода против венедов вызвало воодушевление среди датчан, которые уже больше века страдали от опустошительных нашествий венедских пиратов, освоивших тактику викингов. Прибрежные земли в Дании опустели, церкви строились как крепости, где люди могли укрыться от нападения, а заливы и бухты перегораживались частоколами, чтобы не могли зайти пиратские суда: венедские невольничьи рынки славились изобилием датских рабов. Редкие ответные экспедиции датчан не могли изменить положения, и многие датские острова откупались от венедских пиратов данью.

Венедский поход с самого начала не задался из-за присутствия двух предводителей, и если германская армия достигла некоторого успеха, датчане потерпели поражение. Разгромить венедов им удалось только в 1159 г.: молодой Вальдемар Великий (правил в 1157–1182 гг.), пробуя силы, совершил успешный набег на

венедский остров Рюген. Видя успех Вальдемара, могущественный саксонский герцог Генрих Лев решил, что тот может стать полезным союзником, если они вместе ударят по венедам: Генрих с суши, а Вальдемар с моря. Но после побед, одержанных Генрихом и Вальдемаром над венедами в 1160 и 1164 гг., союзники заспорили о разделе добычи, и альянс распался: с тех пор Генрих и Вальдемар стали соперниками. Впрочем, к тому времени в помощи Генриха Вальдемар уже не нуждался. В войне против венедов он держался, по сути, тактики викингов. Датчане на длинных ладьях неожиданно высаживались на вражеский берег и, пока венеды пытались организовать сопротивление, грабили окрестности и возвращались на суда. Отступлением от традиционной норманнской тактики было присутствие в каждой ладье четырех лошадей: в набегах участвовали рыцари в полном снаряжении. Хотя датчанам не удалось взять мощно укрепленные венедские города, они поставили венедов на колени путем экономического удушения: сжигая деревни и поля, угоняя скот и пленников, перехватывая в море торговые суда. Эта стратегия обладала большим преимуществом: она оказалась весьма прибыльной. Для защиты от венедского ответного удара в стратегических местах на побережье строились замки, а море патрулировали сторожевые суда, чтобы заметить пиратский флот издалека. В большинстве походов Вальдемара сопровождал Абсалон, воинственный епископ Роскилле, ныне известный в первую очередь как основатель Копенгагена. Он с великим удовольствием рушил кумирни венедских богов, чтобы показать их бессилие, но для Вальдемара не вера была главной заботой: прежде всего он хотел захватить земли и добычу и положить конец разбойничьим нападениям на Данию.

Решающий военный успех пришел к Вальдемару в 1168 г., когда он разорил и сжег святилище верховного

венедского бога Свентовита на вершине утеса в Арконе (остров Рюген). Потрясенные рюгенцы сдались на милость победителя, приняли датскую власть и согласились креститься. В 1170 г. датчане, теперь уже с рюгенским флотом на своей стороне, разрушили оплот лютичских пиратов – крепость Дзивнув на острове Волин в устье Одера, устранив еще одну угрозу своим берегам. Еще через два года датчане разбили венедский флот в морском бою у острова Фальстер, и с тех пор венедские пираты в датских водах больше не появлялись. К 1185 г. датская тактика опустошительных рейдов вынудила лютичей и поморян уступить датчанам все балтийское побережье от Рюгена до устья Вислы. Завоевание, однако, не сопровождалось военной оккупацией или колонизацией. Датчане только обложили венедов данью, рассчитывая удержать их в повиновении угрозой карательных походов.

Ливонские походы

Новый импульс крестовые походы на Балтике получили в 1193 г., когда папа Целестин III призвал к походу против ливонцев – группы племен, обитавших на территории нынешних Латвии и Эстонии. Папа замышлял не просто обратить язычников, но предупредить уход этих земель в сферу влияния еретической, как ее называли, православной церкви. С самого начала в этом походе тон задавали германские рыцарские ордена, такие как Ливонский орден, Тевтонский орден и Орден меченосцев, но датский король Вальдемар II (правил в 1202–1241 гг.) увидел возможность расширить свои владения и в 1218 г. добился полного благословения папы на захват Эстонии. На следующий год в июне Вальдемар привел в эстонский торговый порт Линданисе (нынешний Таллин) флот из 500 ладей. Такой тип судна к тому времени окончательно устарел, и вероятно, это был последний случай его столь массового боевого применения на Балтике. Не считая использования хвостового руля вместо менее удобного бокового, конструкция ладьи со времен викингов почти не изменилась и давно исчерпала потенциал развития. Германские крестоносцы ходили по Балтике на коггах: этот тип судна возник в эпоху викингов, предположительно, во Фризии. В отличие от длинной ладьи когг не имел весел и приводился в движение только одним квадратным парусом. Хотя они безнадежно уступали длинным ладьям в скорости и маневренности, когги были прочными и остойчивыми, с широким и глубоким корпусом и высокими бортами, а в постройке легче и дешевле. Изначально когги строились для перевозки крупных грузов – даже самые малые из них поднимали

40 т, в два раза больше, чем норманнские кнорры, – но оказались удивительно удобными для войны. Особенно если их оснащали деревянными настилами на носу и корме: когги возвышались над норманнскими ладьями, давая команде явное преимущество в морском бою. В XIII–XIV вв. технологически консервативных скандинавов в роли главной военно-морской и торговой державы на Балтике потеснила быстро освоившая когги Ганза – союз преимущественно немецких торговых городов. Скандинавы строили длинные ладьи для морского ополчения, охранявшего берега, до начала XV в., но к тому времени слабость ладей в бою против коггов была доказана не раз.

Вальдемар предположительно встал лагерем на Тоомпеа, крутом холме с плоской вершиной, возвышающемся на 30 м над Таллинской гаванью: оттуда открывается великолепный вид и на море, и на низменное побережье. Этот холм был не просто удобной оборонительной позицией, но и священным местом для эстов, которые считали его погребальным курганом мифического героя Калева. Очевидно, устрашенные мощью датского флота, эстские вожди покорились Вальдемару, а некоторые даже согласились креститься. Однако это была хитрость, чтобы усыпить бдительность датчан, и нападение эстов несколько дней спустя застало датский лагерь врасплох. В датском историческом предании битва при Линданисе получила легендарный статус как событие, когда с небес упал датский национальный флаг, даннеборг – ободрение воинам и призыв сражаться стойко и одолеть язычников. Некоторые историки пытаются дать легенде рациональное объяснение, предполагая какие-то необычные небесные явления, но скорее всего это чистый вымысел. Корни легенды не прослеживаются глубже XVI столетия, а самое раннее применение датского флага датируется только 1397 г., что почти на

200 лет позже сражения при Линданисе. После победы Вальдемар выстроил на Тоомпеа замок, который еще недостроенным выдержал в 1223 г. осаду эстов. Название города Таллина происходит от этого замка: Taani-linn и означает «замок данов». Множество раз перестроенный, теперь он служит резиденцией эстонского парламента. После окончательной победы Вальдемара над эстами (1224 г.) возле замка построили каменный собор, и Тоомпеа стал главным центром датского государственного и духовного правления в Эстонии. Таллин, располагающий самой удобной бухтой на всем эстонском побережье, вскоре привлек германских торговцев, которые стали селиться на низменном участке между Тоомпеа и гаванью, выстроив там торговый Нижний город. В 1285 г. Таллинн, в Германии называемый Ревель, вступил в Ганзейский союз, и немецкое господство в его экономике продолжалось до XX в. За пределами Таллина большую часть земель победитель роздал не датчанам, а саксонским аристократам, которые платили датскому королю земельный налог.

То, что за военной победой не последовало захвата и колонизации, обрекло балтийскую империю датчан на скорый распад. Стремительно устаревающий датский флот был уже не в состоянии господствовать на морских дорогах, на суше Дания тоже не могла тягаться с Германией. Земли, приобретенные после венедских крестовых походов, еще при жизни Вальдемара захватили германские князья, а в 1346 г. после восстания коренного населения Дания продала Эстонию Тевтонскому ордену.

Шведские крестоносцы

Участие Швеции в крестовых походах, если о нем вообще можно говорить, обернулось еще более бесстыдным, чем у датчан, захватом новых земель. Швеция, как и Дания, страдала от пиратских набегов, только здесь морскими разбойниками были эсты с острова Сааремаа (у шведов – Эзель), финны из Карелии (Восточная Финляндия) и куршцы, с территории современной Латвии – все язычники. Шведы в ответ сами плавали к их берегам: грабили, брали контрибуции, точно как век за веком делали в эпоху викингов. Кроме того Швеция спорила за сферы влияния с Новгородом, где находился главный центр высокодоходной меховой торговли. Шведов, как и любых иноземцев, с радостью ждали в Новгороде, но лишь для торговли; город был достаточно силен, чтобы защитить свои земли и не позволить чужакам вторгаться и забирать пушнину в виде дани, как делали шведы в эпоху викингов. Теперь шведы решили отнять у Новгорода часть меховых доходов за счет господства в Финском заливе, который обеспечивал Новгороду «окно в Европу», и путем грабежа новгородских судов, как в 1142 г., когда шведский флот захватил три торговых корабля новгородцев, и шведы истребили 150 плывших на них купцов. Чтобы удержать выход к заливу, новгородцы принялись покорять и обращать в православную веру карельских финнов и отвечать шведам набегами на берега озера Меларен. После одного из таких набегов новгородцы увезли к себе в Новгород церковные ворота из королевского города Сигтуны. Шведы противостояли распространению новгородского влияния в Карелии, начав свое завоевание и крещение Финляндии, которое

оправдывали в риторике крестовых походов. Католическая церковь, стремившаяся ограничить влияние православия, одобряла финские походы шведов, но так и не дала им папского благословения, каким освятила походы в Святую землю, а также ливонские и венедские, так что шведские завоеватели остались без духовной награды крестоносцев.

Позднейшее предание гласит, что первый шведский крестовый поход возглавил около 1157 г. король Эрик IX (правил в 1155–1160 гг.). Считалось, что он установил шведское владычество на всем юго-западе Финляндии и крестил всех финнов на захваченных землях. Возвращаясь из похода, Эрик оставил в Финляндии миссию во главе с епископом Уппсальским Генрихом, который позже принял от рук финнов мученическую смерть. Эрик вполне мог воевать в Финляндии, но историю о крестовом походе, вероятно, сочинили, когда вокруг фигуры Эрика, убитого заговорщиками на выходе из церкви после праздничной службы на Вознесение (18 мая) 1160 г., стал складываться культ. Швеция на тот момент оставалась единственным скандинавским королевством, не имевшим своего святого из королевского рода, поэтому наследники Эрика охотно поощряли его почитание как мученика. Завоевание Финляндии Швецией началось, скорее всего, задолго до правления Эрика – географические названия подсказывают, что шведы колонизировали юго-западное побережье Финляндии вокруг Турку (по-шведски Або) уже в середине XI столетия – это был длительный процесс, включавший в себя череду военных походов, многие из которых обернулись поражением. Даже в конце XII в. шведские завоевания на юго-западе Финляндии не были прочны. Папа Александр III (был на престоле с 1159 по 1181 гг.) в письме к шведскому архиепископу сетовал, что «финны всегда обещают быть верными христианами, когда им

угрожает вражеское войско… когда же войско уходит, они отрекаются от веры, глумятся над священниками и жестоко травят их».

За постоянное отступничество папа Григорий IX объявил против финнов настоящий крестовый поход, однако шведы не отозвались на папский призыв, а вместо этого в 1240 г. напали на Новгород, где и были разбиты князем Александром в Невской битве. В конце концов шведское владычество в Финляндии закрепили так называемые второй и третий шведские крестовые походы. Второй шведский крестовый поход (ок. 1248–1250 гг.), возглавленный крупным вельможей ярлом Биргером, твердо установил шведскую власть в области Тавастия, что в Средней Финляндии, а третий поход (1292–1293 гг.), бесстыдно нацеленный на христианский Новгород, окончился завоеванием Карелии, прекращением там деятельности православных миссионеров и основанием города Выборг (ныне российского). Из Выборга шведы надеялись продолжить завоевание и, выйдя к устью Невы, отрезать Новгород от Финского залива. Последовали годы новых походов и ответных ударов Новгорода, и в 1323 г. Ореховский мир установил, наконец, границу между шведской Финляндией и Новгородом, оставив за новгородцами господство над Невой. Шведы в конце концов добились своей цели «оседлать» Неву и отрезать Россию от Финского залива в 1595 г., но уже в 1702 г. Петр Великий, заложивший Санкт-Петербург, отвоевал выход к морю. Не в пример мимолетным датским завоеваниям на Балтике шведские военные успехи в Финляндии имели долго сказывавшиеся последствия. В значительной степени потому, что у шведов завоевание сопровождалось колонизацией. Вслед крестоносцам во множестве шли шведские крестьяне, бежавшие от устанавливаемого на родине крепостного права, и селились в Южной Финляндии. И хотя в 1809 г.

Финляндия перешла от Швеции к России, там до сих пор есть шведскоязычная часть населения.

Глава 12
Ларгс, Рейкхольт и Хвалси
Закат викингов



Если в Скандинавии укрепление государства положило конец эпохе викингов к 1100 г., то в тех краях, где королевская власть была слабой или не существовала вовсе, ее закат догорал еще долго. В Оркни и на Гебридах скандинавские и скандинавско-гэльские вожди по-прежнему пополняли казну за счет морского разбоя, а в Исландии и Гренландии общество сохраняло прежний уклад: местные вожди и свободные землевладельцы, как встарь, принимали законы и разрешали споры на народных собраниях – тингах. И тем не менее уже к 1200 г. эти общества стали аномалией среди все более централизующихся европейских королевств и дни их были сочтены.

Наследие Магнуса Голоногого

Царствование Магнуса Голоногого знаменовало собой пик норвежской власти на северных островах и Гебридах. Походы Магнуса с лихвой окупились богатой добычей, а завоевания обещали хороший источник доходов и много солдат для норвежской короны, но при одном важном условии – если их удастся удержать надолго и расходы не будут чрезмерными. Сам Магнус мог подчинить острова королевской власти, только пребывая там лично, с армией и флотом. Такую ситуацию нельзя удерживать бесконечно. Расквартировать на островах армию было бы недопустимо дорого, к тому же и в самой Норвегии еще многое предстояло сделать для должного укрепления монархии, что уж говорить о далеких островах у шотландских берегов. Успех Магнуса, таким образом, оказался эфемерным, и завоевания ненадолго пережили короля, павшего в бою в Ирландии в 1103 г. Для укрепления королевской власти в Оркни Магнус за время своего краткого правления предпринял лишь одно – он сверг правивших сообща оркнейских графов Паля и Эрленда и в 1098 г. посадил на их место своего восьмилетнего сына Сигурда. В 1102 г. Магнус добавил к номинальному владению Сигурда Королевство Мэна и островов. Если бы это образование удержалось, возможно, оно заложило бы традиции лояльности к норвежской монархии, но Сигурд не собирался тратить на это время. После смерти отца он отправился в Норвегию требовать свою долю норвежского королевства у брата Эйстейна и на острова больше не возвращался. Сигурд ходил в крестовые походы, а Эйстейн целиком сосредоточился на строительстве государственных институтов и процветании Норвегии,

так что обитателям островов пришлось самим заботиться о себе. Сигурд умер в 1130 г. (после смерти Эйстейна в 1123 г. он правил Норвегией единолично), и в королевстве вспыхнула междоусобная война – при законах о престолонаследии, действовавших в эпоху викингов, претендентов на трон зачастую оказывалось слишком много. В результате в следующие 150 лет норвежские короли лишь дважды посещали свои западные колонии. В их отсутствие монаршая власть предсказуемо ослабла, и заполнить образовавшийся вакуум в сложившейся ситуации было некому. Безусловно, шотландские короли хотели бы забрать все острова вокруг Шотландии под свою державу, но даже в материковой части страны еще оставались области, такие как Аргайл, Кейтнесс и Гэллоуэй, которые лишь номинально считались частью королевства, но фактически не подчинялись шотландским монархам. Англия находилась слишком далеко, а ирландские короли были целиком поглощены войнами за верховенство и не думали о покорении северных островов. Через несколько лет после смерти Магнуса графство Оркни и Королевство Мэна и островов вернули себе традиционную автономию, однако ни одно из двух государств не оказалось в силах заставить местных скандинавских и гэльско-скандинавских вождей прекратить пиратский промысел, продолжавшийся еще не одно десятилетие. И даже монахи, несмотря на распространение христианства, не могли спать спокойно: скандинавские морские разбойники грабили Айону и в 1240 г.

Святые графы

Отправляясь в крестовый поход, король Сигурд отдал графство Оркни Хакону Пальссону (правил в 1105–1126 гг.), сыну свергнутого графа Паля. К Хакону вскоре присоединился его кузен Магнус Эрлендссон (правил в 1105–1116 гг.), сын графа Эрленда. Графство вернулось в руки династии, владевшей им изначально. Графы Хакон и Магнус сначала правили Оркни и Шетландскими островами вполне согласно: они хранили закон, захватили и казнили многих викингов, тревоживших их берега. Однако в 1114 г. союз двух правителей разладился. Хотя мы не знаем, что послужило причиной, но части оркнейских вождей не нравилось совместное правление двух графов, и они нашли подход к Хакону. В апреле 1116 г. графы решили встретиться на оркнейском острове Эджилсей, чтобы договориться о примирении. По уговору каждый мог взять с собой не больше двух ладей с людьми, и когда Магнус увидел, что Хакон привел восемь, то сразу понял: тот задумал убийство. Сначала Магнус попытался спрятаться, но потом сдался и хотел спасти свою жизнь согласием на изгнание и даже на заточение. Вожди, однако, требовали радикального решения и настаивали на смерти одного из графов. «Тогда лучше убейте его, – сказал им Хакон, – я не хочу умирать так рано, я хочу править народом и землей». Магнус считался набожным правителем – он был с Магнусом Голоногим в день битвы в проливе Менай, но отказался сражаться, поскольку не был в ссоре ни с кем из участников битвы, и вместо этого читал псалмы – и к казни он готовился со всей скромностью и хладнокровием человека, знавшего, что ему суждено стать святым. Магнус просил палачей убить его ударом

топора в темя, потому что не подобает человека такого рода обезглавливать как простого преступника. Память о Магнусе вскоре превратилась в культ, но даже при том, что в 1135 г. его объявили святым, репутацию Хакона убийство Магнуса ничуть не запятнало. В «Саге об оркнейцах» он описан как популярный правитель и способный администратор, установивший прочный мир и писавший умные законы. Видимо, оркнейцам это казалось идеальным раскладом: один граф на небесах заботится об их душах, другой на земле дает им защиту и разумный порядок. Хакона, однако, тяготила вина за убийство, и в поздние годы своего правления он совершил долгое покаянное паломничество в Иерусалим.

В 1137 г. племянник Магнуса Рёгнвальд Кали Кольссон (правил в 1137–1158 гг.), рожденный и воспитанный в Норвегии, сверг сына и наследника графа Хакона, Паля Безмолвного. В нынешнем мире Рёгнвальд стал бы прекрасным специалистом по связям с общественностью: при рождении ему дали имя Кали, а Рёгнвальдом он назвался, чтобы напрямую ассоциироваться с прежними графами Оркни, из которых так звались двое. Среди обещаний, которые он дал оркнейцам, чтобы завоевать расположение народа, была постройка каменного храма, самого великолепного во всем Оркни, и перенесение туда мощей Магнуса. Он немедленно приказал начать строительство в Керкуолле, поставив управлять работами своего отца Коля. Церковь строилась в тяжеловесном нормандском стиле из местного красного и желтого песчаника каменщиками, которые учились ремеслу на стройке Даремского собора в Северной Англии. Стилистические сходства между двумя этими зданиями бросаются в глаза. Примерно через 15 лет собор освятили, и хотя он еще далеко не был достроен, водворили в нем останки святого Магнуса.

Общепризнано, что расколотый ударом череп, обнаруженный в саркофаге в стене собора в 1917 г., принадлежит ему.

Рёгнвальдом двигало не только почтение к святому, но и прагматические соображения. Канонизация графа Магнуса ставила Оркнейское графство на одну ступень с датским и норвежским королевством: строя собор, не уступающий ни одному другому в скандинавском мире, Рёгнвальд громко заявлял о собственном высоком статусе.

Повторил он скандинавских государей и в том, что в 1151 г. возглавил собственный крестовый поход в Святую землю на 15 кораблях, тем самым заявив себя фигурой европейского масштаба. В Оркни Рёгнвальд вернулся как раз к Рождеству 1153 г., однако увиденное дома, вероятно, стало ему досадным напоминанием о том, что он все-таки не король. Рёгнвальд оставил страну на попечение второго графа, юного Харальда Маддадссона, внука Хакона Пальссона (правил в 1139–1206 гг.), совместно с которым благополучно правил графством с 1139 г. Пока Рёгнвальд был в походе, Эйстейн II первым из норвежских королей со дня смерти Магнуса Голоногого посетил Оркни по пути к восточным берегам Шотландии и Англии, куда он плыл грабить. В Оркни Эйстейн прознал, что граф Харальд уплыл в Кейтнесс всего на одном корабле и находится в Терсо. Эйстейн отправил три ладьи захватить Харальда: тот, ни о чем не подозревая, даже не сопротивлялся. Платой за свободу Харальда был выкуп в золоте и присяга на верность норвежской короне. Еще хуже стало, когда свою долю графства потребовал кузен Харальда Эрленд Харальдссон, разжегший многосторонний династический спор, который разрешился только с убийством Эрленда в 1161 г. Рёгнвальд не увидел развязки событий: в 1158 г. он погиб в Кейтнессе в стычке с разбойниками и был погребен в Киркуоллском

соборе, им же и заложенном. Вскоре после этого пошла молва о разных чудесах, и в 1192 г. Рёгнвальда признали вторым оркнейским святым.

Последний викинг

Смута, начавшаяся в Оркни из-за династического спора, оказалась весьма удобной возможностью для одного из последних классических норманнских викингов, Свейна Аслейфсона, оркнейского вождя с мелкого острова Гейрсей. За более чем 30 лет разбоя Свейн грабил берега Шотландии, Уэльса и Ирландии, захватывал корабли в открытом море, разорял деревни и (несмотря на то, что был христианином) монастыри. Как и для ранних викингов, пиратство было для Свейна сезонным занятием, вписанным в годовой сельскохозяйственный цикл:

> «Вот каким был образ жизни Свейна. Зиму он проводил дома на Гарексее, где с ним постоянно находились 80 человек. Зала для пиров была такая большая, что никакая другая на Оркни не могла с ней сравниться. Весной у него появлялось множество дел – он сеял поле, за которым потом тщательно присматривал. После этого он уходил в викингский поход на Южные острова или в Ирландию, и это он называл „весенним походом“. Потом возвращался домой в середине лета, где оставался, пока не созреет зерно, и он не снимет урожай и не сложит аккуратно запасы. Затем он вновь отправлялся в поход, и никогда не возвращался до окончания первого зимнего месяца. Это он называл „осенним походом“».
>
> *«Сага об оркнейцах» (пер. с англ. Т. Н. Джаксон).*

Дружина Свейна из 80 воинов делала его заметной силой в Оркни, но, похоже, у него не было никаких политических амбиций, кроме сохранения собственной независимости. Когда между графами начался спор, Свейн встал на сторону Эрленда, чтобы законно грабить Оркни и Шетландские острова, захватывать корабли, принадлежащие Харальду и Рёгнвальду, и отбирать их налоги и ренту. После смерти Эрленда Свейн довольно легко примирился со своими прежними врагами. В конце концов, он мог оказаться полезным, а разделаться с ним графы были не в силах, так что удобнее было дружить. Иногда графы давали ему корабли для похода за долю в добыче, а если им нужно было кого-нибудь убить, Свейн обычно с удовольствием оказывал им эту услугу, хорошо понимая, насколько это обязывает. Около 1170 г. граф Харальд уговаривал Свейна оставить морской разбой, сказав ему, что «все смутьяны рано или поздно лишаются головы, если не остановятся по своей воле». Хорошо понимая, что лишь постоянным грабежом сможет поддержать свой статус, Свейн не послушался и в 1171 г. предсказуемо нашел свой конец, присоединившись к злополучной экспедиции изгнанного остманского короля Дублина Аскульфа Рёгнвальдссона, решившего отбить город у англо-нормандцев.

Правление графа Харальда стало медленным закатом Оркнейского графства. В 1194 г. Харальд поддержал неудачное восстание против норвежского короля Сверрира и был принужден вновь присягнуть норвежской короне. В наказание за бунт Сверрир взял Шетландские острова под свое прямое правление. На владения Оркни в материковой Шотландии, Кейтнесс и Сатерленд, все упорнее посягали шотландские монархи. За счет смешанных браков скандинавской и шотландской знати в Оркни незаметно росло шотландское влияние. Сам Харальд был рожден в таком

браке, заключенном между дочерью эрла Хакона Пальссона и мормэром Атолла Матадом, от которого Харальд унаследовал кровь шотландских королей. Ради семейных связей Харальда его притязания на трон поддержал шотландский король Давид I. Наследники Давида тоже использовали родовые распри в Оркни для укрепления собственного влияния. В 1201 г. король Вильгельм Лев Шотландский с большими силами вторгся в Кейтнесс под предлогом разрешения спора о правах кейтнесской епархии. Харальд удержал провинцию за собой, но с тех пор отдавал королю Вильгельму четверть получаемого с нее дохода. Так готовилась почва для окончательного шотландского завоевания Кейтнесса и Сатерленда, которое произошло после убийства в 1231 г. в Терсо сына и наследника Харальда Йона Харальдссона. Смерть Йона положила конец линии скандинавских правителей Оркни (его жена и дети после убийства отплыли в Норвегию и погибли в море). В 1236 г. Хакон IV (правил в 1217–1263 гг.) поставил править Оркни кейтнесского мормэра Магнуса мак Гилле Бригте. По материнской линии Магнус происходил от скандинавских эрлов, но по культуре был шотландским гэлом. Всю свою оставшуюся историю графство Оркни управлялось только шотландскими родами, хотя по языку, культуре и территориальной принадлежности оставалось норвежским.

Скандинавы и гэлы

Что творилось сразу после смерти Магнуса Голоногого южнее, в Королевстве Мэна и островов, совершенно не ясно, поскольку наш главный источник Cronica Regum Mannie et Insularum («Хроника королей Мэна и островов») хронологически недостоверен. Вместе с тем, вероятно, что остров был под властью Ирландии, пока в 1114 г. не вернулся из английского изгнания Олаф Гудредссон (правил ок. 1114–1153 гг.) и не восстановил при поддержке Генриха I норвежское правление. Олаф укреплял свое положение путем династических браков: все соседние правители были заинтересованы в ограничении власти шотландских монархов. Его первой женой была Ингибьорг, дочь оркнейского графа Хакона Пальссона, а одну из своих дочерей от Ингибьорг, Рагнхильд, он выдал за Сомерледа, гэльско-скандинавского короля Аргайла. Вторым браком Олаф был женат на Аффрайк, дочери гэллоуэйского короля Фергюса и некой незаконной дочери английского короля Генриха I. Широкие связи Олафа обеспечили его королевству мир и прочность. В мэнской летописи Олаф изображен как «миролюбивый муж… столь тесно связанный с ирландскими и шотландскими королями, что при его жизни никто не отваживался посягать на Королевство островов».

В 1152 г. Олаф отправил своего сына Гудреда в Норвегию засвидетельствовать почтение королю Инге. Пока Гудреда не было, три сына Харальда, брата Олафа, изгнанного в Дублин, собрали флот и вторглись в Мэн, чтобы потребовать от дяди половину королевства. Олаф согласился встретиться с племянниками в Рэмси, чтобы обсудить их претензии.

Предложение о встрече, однако, было ловушкой: ни о чем не подозревавшего Олафа захватили и обезглавили. Но Харальдссоны не нашли в народе поддержки и правили островом недолго. На следующий год вернувшийся Гудред собрал на Гебридах большое войско и захватил братьев, двоих из которых ослепил, а третьего умертвил. Хроника Мэна сообщает, что, расправившись со всеми противниками, Гудред стал править как тиран. Его популярности наверняка не способствовал и неудачный поход на Дублин, и другие безуспешные попытки вмешательства в ирландскую политику. В 1155 г. могущественный скандинавско-гэльский вождь с Гебридов по имени Торфин Макоттар предложил Сомерледу посадить его младшего сына Дугалда на престол вместо Гудреда. Сомерлед послушно отдал сына Торфинну, который добросовестно провез его по всем островам, подчиняя их власти нового правителя и забирая заложников. Когда весть о мятеже Торфина достигла Гудреда, тот не мешкая снарядил флот и, хотя стояла середина зимы, отплыл на Гебриды. Сомерлед собрал флотилию из 80 кораблей и напал на Гудреда в ночь на Крещение (5–6 января) 1156 г. Где произошел бой, неизвестно, но с высокой долей вероятности это было у западного берега острова Айлей. Бились яростно, но исход оказался неопределенным. С наступлением дня два предводителя договорились, что Гудред уступает Сомерледу все Гебриды, кроме островов Скай, Харрис и Льюис. Но Сомерледу этого было мало. Через два года он пришел в Рэмси, что на острове Мэн, на 53 ладьях и вынудил Гудреда бежать в Норвегию. Хотя номинально он сражался под знаменем своего сына, Сомерлед, похоже, забрал все Королевство Мэна и островов под свою личную власть и стал подавать себя как Rex Insularum – «король островов». С победы Сомерледа началась заключительная стадия ассимиляции

гебридских скандинавов коренным гэльским населением.

Сомерледа считают своим прямым предком несколько крупных горских кланов в Шотландии, в том числе Макдугаллы, Дональды, Макрори и Макалистеры, и позднейшие предания кланов рисуют его защитником гэлов как от скандинавов, так и от шотландской феодальной монархии. На самом деле Сомерлед был типичным для своей эпохи и страны мелким властителем, защищавшим свой удел и при возможности грабившим соседей, все равно, будь они скандинавы или гэлы: его имя происходит от древнескандинавского Sumarliði, что значит «летний воин» – распространенная замена слову «викинг». Ирландские летописи и позднейшие клановые предания сохранили несколько взаимоисключающих версий происхождения Сомерледа, но современные генетические исследования достаточно убедительно показывают, что его предки по отцовской линии происходили из Скандинавии. Пять вождей из разных ветвей клана Дональдов, прослеживающих свою родословную до Сомерледа, обладают особым генетическим маркером M-17, представляющим собой подгруппу в гаплогруппе (т. е. неповторимую последовательность генов) Y-хромосомы, которая наследуется только по мужской линии. Этот маркер обычен в Норвегии, но редко встречается у коренных британцев и ирландцев. Тот же маркер есть у 40 % мужчин по фамилии Макалистер, 30 % Макдугаллов и 18 % Макрори: очевидно, у Сомерледа было множество отпрысков. Хотя сам Сомерлед происходил из Скандинавии, его род прошел весь путь до полной интеграции в местное гэльское население еще за несколько поколений до его рождения, так как и отец и дед Сомерледа уже носили гэльские имена. По

культуре, языку и сознанию Сомерлед был гораздо больше гэлом, чем скандинавом.

Как Сомерлед стал правителем Аргайла, неизвестно, но, должно быть, к моменту женитьбы на дочери Олафа Гудредссона (ок. 1140 г.) он уже обладал высоким статусом. Шотландские короли считали Аргайл, центральную область первого гэльского королевства Дал Риады, частью своих владений, но с первых упоминаний Сомерледа в хрониках ясно, что он полагал себя суверенным владыкой. Чем Сомерлед занимался после завоевания Мэна, неизвестно до самого 1164 г., когда он вторгся в Шотландию и поднялся по Клайду с флотом из 160 кораблей, собранным в Аргайле и Дублине, на Гебридах и в Мэне. Мотивом Сомерледа, вероятно, была оборона: незадолго до этого король Малькольм IV сверг Фергюса Гэллоуэйского, так что Сомерлед, видимо, хотел предупредить подобное развитие событий в Аргайле. В Ренфрю навстречу Сомерледу вышла наскоро собранная армия скоттов, и в яростном бою он погиб. Гэльско-скандинавские воины Сомерледа бросились бежать на суда, а тем временем шотландский монах отсек убитому голову и вручил ее епископу Глазго. Тело Сомерледа позже отдали родным, и его похоронили на острове Айона. Морское королевство Сомерледа с его гибелью распалось. Согласно гэльскому обычаю раздельного наследования, его земли поделили многочисленные сыновья, а тем временем вернулся из изгнания Гудред и с помощью норвежцев вернул себе Мэн, Льюис и Харрис. Вместе с тем остальные Гебриды навсегда остались подвластны потомкам Сомерледа, которые, хотя и провозглашали себя королями, признавали норвежских монархов своими сюзеренами.

Конец скандинавскому влиянию на Гебридах и Мэне в итоге положила укрепившаяся шотландская монархия. Около 1200 г. скотты захватили остров Бьют

и построили в Ротси великолепный замок, заявив таким образом о своем намерении влиять на Мэн. Шотландский король Александр II (правил в 1214–1249 гг.) вступил в переговоры с Хаконом IV (правил в 1217–1263 гг.) с намерением выкупить Гебриды у Норвегии. Они, однако, зашли в тупик. После многих лет междоусобных войн Хакон восстановил в Норвегии мир и порядок и приступил к собиранию земель, вознамерившись, в первую очередь, вернуть под свою державу все североатлантические колонии: разбрасываться территориями не входило в его планы. Раздосадованный Александр в 1249 г. решил отнять Гебриды силой, но поход закончился, не начавшись: король заболел и умер на острове Керрара, у побережья Обана. Его наследник Александр III (правил в 1249–1286 гг.) в 1260 г. вторично предложил Норвегии продать острова, но получил отказ и послал графа Росса захватить остров Скай. Другая шотландская армия захватила Арран. Жуткие рассказы о зверствах скоттов и воцарившемся на островах безвластии убедили Хакона, что пора вмешаться лично и восстановить королевскую власть в колонии. Очевидно пребывающий на пике своего могущества – норвежской короне только что покорились Исландия и Гренландия, – Хакон в июле 1263 г. отплыл на Гебриды с самым мощным, как говорили, флотом, когда-либо снаряжавшимся в Норвегии. На острове Скай Хакона радостно приветствовали король Мэна Магнус Олафссон и Дугалд Макрори, чьи земли опустошали скотты. Другие вожди и царьки, равно не любившие ни шотландскую, ни норвежскую власть, не проявили особого воодушевления и покорились Хакону лишь после того, как его солдаты принялись разорять их земли. К концу лета Хакон основательно умиротворил Гебриды и привел свой флот в залив Ламлаш, что у острова Арран в устье Клайда, откуда удобно было

нанести удар по центральным областям шотландского королевства. Александр III отправил к Хакону парламентеров, нескольких доминиканских монахов, но это было сделано лишь затем, чтобы выиграть время. Скотты затягивали переговоры, внося заведомо неприемлемые предложения и дожидаясь осени, которая заставит Хакона уплыть восвояси. Некоторые норвежские воины от скуки вырезали рунами на стенах местной пещеры свои имена. Наконец Хакон потерял терпение и отрядил 60 кораблей идти в озеро Лох-Лонг к Аррохару. Там норвежцы перетащили свои ладьи через узкий перешеек в Лох-Ломонд, берега которого грабили несколько недель. Оставшиеся корабли Хакона стояли возле Кумбрийских островов, у побережья Айршира.

Битва при Ларгсе

В конце сентября погода испортилась. В бурю затонули десять кораблей, возвращавшихся из рейда в Лох-Ломонд, а в ночь на 1 октября один транспорт и одну длинную ладью выбросило на берег материковой Шотландии в Ларгсе, где ныне находится небольшой курортный городок. С рассветом шотландцы попытались захватить выброшенные суда, но команда отбивалась, пока не подошли главные силы норвежцев и не отогнали противника. На следующее утро Хакон сошел на берег, чтобы организовать спасение выброшенных судов. Тем временем нагрянуло большое шотландское войско, и разгорелся яростный бой: шотландцы хотели окружить высадившихся норвежцев на холме над морем. Уступавшие в числе норвежцы в беспорядке побежали к судам, неся большие потери, но потом все же сумели перегруппироваться и перейти в атаку. От неожиданности скотты отступили, и норвежцы успели достичь судов и отойти в море. Ночь они простояли на якоре, а утром собрали тела погибших и отправились домой. Бой в Ларгсе был, по сути дела, просто небольшой стычкой, но в ретроспективе выглядит как решительное поражение норвежцев.

По пути домой, проходя через Гебриды, Хакон, должно быть, осознал, что его великий поход не привел ни к чему. Хитрость короля Александра, тянувшего время, удалась превосходно: Хакон не достиг никакого соглашения, ограничивающего вмешательство Шотландии в дела Островов, и ему пришлось уйти, даже не вступив в настоящую битву с врагом.

Должно быть, понял он и другое: его власть над вождями Мэна и островов продлится не дольше, чем он будет плыть до Норвегии. По прибытии в Оркни Хакон

заболел и, отправив основную часть флота домой, остался зимовать в епископской резиденции в Керкуолле. Ему становилось все хуже, и вскоре он слег. Умирая, Хакон собрал у своего одра тени предков-викингов. Он не мог спать и, чтобы скоротать долгие зимние ночи, просил прислужников читать ему все саги о норвежских королях, начиная с Хальфдана Черного, отца Харальда Прекрасноволосого. Вскоре после того, как ему дочитали сагу о его деде, короле Сверрире, Хакон лишился речи и три дня спустя, ранним утром 16 декабря, умер в возрасте 59 лет. Он был последним королем, ходившим с войной к британским берегам.

Через несколько месяцев после смерти Хакона Александр пришел с флотом на остров Мэн и принудил короля Магнуса Олафссона присягнуть на верность ему. После смерти Магнуса в ноябре 1265 г. из наследников остался только его незаконный сын по имени Гудред, и власть норвежской короны над Мэном закончилась. Александр же послал флот грабить и жечь Гебриды. Наследник Хакона, его сын Магнус VI (правил в 1263–1280 гг.), справедливо заключил, что отстаивать свою власть над Мэном станет ему слишком дорого. По Пертскому договору 1266 г. Магнус отказался от всех притязаний на Королевство Мэна и островов взамен на единовременную выплату 4000 шотландских марок (это около 9 т серебра), ежегодную ренту в 100 марок и признание норвежской власти над Оркнейскими и Шетландскими островами. Считается, что скандинавский язык перестал звучать в королевстве вскоре после покупки его шотландцами.

Но держать Гебриды в покорности шотландским королям оказалось не легче, чем норвежским. В 1275 г. шотландцы легко подавили Мэнский мятеж под предводительством Гудреда Магнуссона, однако в 1290 г. остров Мэн захватили англичане. После этого он несколько раз переходил из рук в руки и в 1399 г.

окончательно отошел к английской короне. На Гебридах гэльские вожди не желали замирения, и в XIV и XV вв. острова были, по сути, суверенным королевством под властью династии лордов Макдональдов, правивших из замка Финлагган на острове Айлей. Власть Макдональдов опиралась на флот галер, так называемых *бирлиннов*, прямых потомков норманнской длинной ладьи, отличавшихся от нее только применением хвостового руля вместо рулевого весла. Правление лордов закончилось в 1493 г., но мир на Гебридах не настал, и только в 1745 г. после разгрома Якобитского восстания на островах прочно утвердилось владычество шотландской короны. Король Яков VI (правил в 1567–1625 гг.) в видах насаждения государственной власти на Гебридах даже подумывал, не вырезать ли все их население.

После передачи Мэна и островов Шотландии Оркни и Шетландский архипелаг остались последними скандинавскими колониями в Британии. Хотя островами с 1236 г. правили шотландские эрлы, культура и обычаи там оставались скандинавскими. В 1380 г. после династического союза Норвегия с ее атлантическими владениями перешла под датскую корону. Датчане не особо интересовались островами, пока король Кристиан I в 1468 г. не сговорился с шотландским королем Яковом III выдать за него свою дочь Маргарет. Обедневший датский король не мог дать за дочерью приданого и потому просил у Якова заем в 50 000 рейнских гульденов, предложив в залог Оркнейские острова. Через год Кристиан добавил к предложению и Шетландские острова под новый заем в 8000 гульденов. Король твердо намеревался выкупить их, так как его договор с Яковом предусматривал гарантии сохранения норвежского закона и обычаев, но так и не уплатил долг, и острова остались за Шотландией. В 1471 г. король Яков упразднил графство и присоединил их к

коронным владениям. На следующий год епархия Оркни перешла из ведения Нидароса в Сент-Эндрюсский диоцез. Мало-помалу жизнь и нравы на островах становились все больше похожими на шотландские. В 1611 г. там отменили норвежский закон, а местный скандинавский диалект, норн, окончательно вымер в XVIII в., вытесненный английским языком.

Тяжелые времена в Исландии

Скандинавские колонии в Исландии и Гренландии, хотя не утратили культурного своеобразия, но под давлением укрепившейся монархии лишились политической независимости. Из-за эпидемий, экономической изоляции и климатических изменений в обеих странах произошла сильная убыль населения, для Гренландии оказавшаяся фатальной. Около 1250 г. климат в Северной Атлантике стал портиться: Средневековый климатический оптимум подошел к концу. К 1350 г. средние температуры понизились до значений существенно ниже наших сегодняшних, в Северной Америке и Европе началось время чрезвычайно морозных зим и холодных лет, известное в истории как Малый ледниковый период. Продолжался он примерно до 1850 г., и Темза в эти столетия зимой промерзала так крепко, что лондонцы устраивали на льду ярмарки и даже жгли костры, венецианцы катались по лагуне на коньках, а один раз в Стамбуле замерз Босфор, и можно было пешком перейти из Европы в Азию. Холодные лета раз за разом оборачивались неурожаями, и миллионы людей голодали. Одна из причин, почему черная смерть, опустошавшая Европу в 1347–1351 гг., унесла столько жизней (погибло до 50 % населения), состояла в том, что эпидемия обрушилась на ослабленную популяцию.

Малый ледниковый период тяжко ударил по Исландии, но это было лишь полбеды. Средневековым исландцам пришлось переживать не только ухудшение климата, но и последствия крупных вулканических извержений, а также серьезные экологические неприятности, сотворенные собственными руками. Воздействие человека на природу Исландии было

сильным и стремительным. К концу эпохи, описанной в «Книге о заселении Исландии» (примерно 930 г.), на строительство и топливо вырубили большую часть лесов, а выбивание пастбищ коровами и овцами не давало травостою восстановиться. От этого началась ветровая и дождевая эрозия почв. Хуже всего пришлось высокогорным районам, где огромные территории превратились в ледяную пустыню, но к 1300 г. эрозия почвы уже началась и в низинах; она продолжилась и в Новое время, так что истощение пастбищ вызвало значительный упадок сельскохозяйственного производства. Этот процесс удалось обратить вспять только в последние десятилетия с помощью масштабной программы восстановления лесов. Извержения тоже плохо сказывались на производительности крестьянского труда: они засоряли пастбища пеплом и вызывали разрушительные наводнения после таяния льдов, покрывавших склоны многих вулканов. Одно из самых катастрофических извержений в 1362 г. растопило ледовую шапку вулкана Ватнайёкюдль, отчего потоки воды, хлынувшие со склонов, подчистую смывали деревни и хутора, и похоронило сотни квадратных километров земли под слоем пепла по колено глубиной. Последствием этих бедствий стал голод, к XV в. вдвое сокративший население Исландии.

К этому времени остров уже утратил независимость. Альтинг обеспечивал Исландии устойчивое правительство, и все годи находились примерно в одном статусе, но в начале XIII в. политическая система не смогла предупредить появление главных вождей, шести *сторгоди* («великие вожди»). Эти семьи, соперничая за верховенство, подчиняли себе мелких вождей, пытались создавать локальные королевства и облагали своих последователей тяжким гнетом налогов и военной повинности. Страну раздирали кровавые

распри и гражданские войны, которые в конце концов уничтожили свободное государство. Чтобы усилить свои позиции, многие годи искали поддержки норвежского короля Хакона IV, собирателя земель, и за это становились его вассалами и поддерживали его притязания на власть над Исландией. Хакон мало-помалу распространял в стране свое влияние, и в 1263 г. альтинг проголосовал за вхождение в состав Норвегии. Король упразднил правление годи, и хотя альтинг продолжал ежегодно собираться в Тингведлире до самого 1798 г., членов Логретты теперь назначал норвежский монарх, а их решения без монаршего одобрения не имели силы. Вместе с политической независимостью Исландия утратила и хозяйственную самостоятельность. По окончании периода заселения исландцы для поддержания торговых связей все больше и больше нуждались в иностранцах. Отсутствие леса, пригодного для строительства судов, означало, что сгнившие корабли первых поселенцев не удалось заменить новыми, и поэтому торговлей с Исландией завладели сначала норвежские, затем немецкие и английские коммерсанты, диктовавшие свои условия. Исландия будет одной из беднейших европейских стран, пока вновь не обретет независимость в 1944 г.

В XIII столетии на фоне политического упадка Исландия создает свое главное культурное сокровище – саги. Пожалуй, именно они, как ничто другое, способствовали формированию вокруг викингов – при всей неприглядности их нравов и обычаев – романтической легенды. Не будь саг, викинги, вероятно, так и остались бы затерянной в истории кучкой варваров, вроде вандалов или готов. На исландском слово saga означает «сказанное», так что сагическая литература, видимо, возникла из устного фольклора, весьма помогавшего исландцам занимать себя долгими зимними вечерами. Материал саг

разнообразен: это мифы и легенды, любовные история, жития. Но два главных жанра – это Íslendingasögur («саги об исландцах») и королевские биографии konungasögur («саги о королях»). Анонимные саги об исландцах – это исторические романы в жанре семейных историй, основанные на событиях из жизни реальных людей, случившихся в Исландии в эпоху викингов. Эти истории стали мощным ответом на бедственные времена, они предлагали бегство в «золотой век» героического прошлого, одновременно обращаясь к заботам современности. Неудивительно, что у общества, настолько раздираемого распрями, сквозной темой многих саг была кровная вражда и ее трагические последствия, сказывающиеся через поколения. В «Саге о Ньяле», которую многие специалисты считают лучшей из всех саг об исландцах, кровное родство, личная привязанность и дружба неизбежно втягивают Ньяля, доброго и миролюбивого человека, в чужие раздоры и доводят в конце концов до гибели от чужой руки, когда враги подстерегают его и заживо сжигают в доме. Хотя авторы саг пишут о путях судьбы, герои повествования редко оказываются беспомощными жертвами, они сами выбирают свою участь и, если погибают, то из-за каких-то изъянов характера или ошибок в суждениях. Этот захватывающий психологический реализм придает сагам удивительно современное звучание, особенно на фоне модных в тогдашней Европе рыцарских романов с их шаблонными персонажами и зачастую сверхъестественными и фантастическими сюжетами.

Наверное, самая увлекательная из саг об исландцах на все времена – это «Сага об Эгиле», рассказывающая о жизни скальда X в. по имени Эгиль Скаллагримссон. Насколько Эгиль из саги напоминает исторического Эгиля, установить невозможно, но это символический герой, сочетающий в одной личности все

противоречивые грани эпохи викингов, показанный по очереди воином, торговцем, земледельцем и поэтом, человек безжалостно жестокий и в то же время способный сочинять глубоко сентиментальные стихи на смерть своих детей. Имя автора «Саги об Эгиле», как и всех саг об исландцах, неизвестно, но распространено мнение, что, судя по стилю, ее написал Снорри Стурлусон (ок. 1179–1241 гг.), крупнейший представитель исландской средневековой литературы. Снорри, как и Эгиль, был человеком многих талантов: поэт, историк, законник, политик и аристократ из могущественного клана Стурлунгов, господствовавшего в западной части Исландии. В три года Снорри усыновил Йон Лофтссон из Одди, самый влиятельный вождь Южной Исландии. Это оказалось самым значимым событием в судьбе Снорри. Одди был главным культурным центром Исландии, а Йон, сам ученый человек, позаботился о том, чтобы Снорри получил хорошее образование, изучая теологию, право и латинскую словесность. Когда ему было 19, сводный брат Сэмундр устроил Снорри выгодный брак с Хердис, единственной дочерью Берси Богатого, и через нее Снорри в 1202 г. унаследовал первый вождеский титул. В последующие годы Снорри приобрел еще множество титулов и превратился в одного из самых могущественных *сторгоди*. Снорри трижды избирали в законоговорители, и юридические знания помогали ему преследовать свои цели и оказывать протекцию друзьям, но великие амбиции закономерно настроили многих против него. Снорри не был жестоким человеком, и многие современники считали его трусоватым. К несчастью для него, в Исландии XIII в. политик не мог позволить себе чураться насилия.

Рейкхольт

В 1206 г. Снорри поселился в своем угрюмом имении Рейкхольт в Западной Исландии и принялся обустраивать новое жилище. Он провел канал от недальнего горячего источника, наполнявший купель во дворе, и – знак времени – возвел вокруг дома нешуточную оборонительную стену из бревен и дерна. Бревна в усадьбе Снорри давно сгнили, земляные стены осыпались, превратившись в низкие насыпи, и не дают никакого представления о большом доме-замке, каким рисуют нам жилище Снорри археологические исследования. Осталась только выложенная камнем купель. Здесь, в Рейкхольте, Снорри создал свои главные творения – «Круг земной» и «Младшую Эдду»[14], или «Эдду», которые, каждое в своем ключе, многое рассказывают нам об эпохе викингов.

«Круг земной» – это монументальная история норвежских королей от легендарных времен до гибели Магнуса IV в 1177 г., написанная в виде серии из 16 саг. Опираясь на множество источников, родословных и скальдических стихов (он цитирует более 70 скальдов), Снорри создал для Норвегии захватывающий эпос, который поддерживал национальное единство норвежцев в столетия иностранного владычества, но достоверность этого повествования остается спорной. Яркие батальные сцены и живые диалоги по большей части авторский вымысел. По примеру античных историков, которых он читал в молодости, Снорри использовал диалог как выразительный прием, показывая мотивы и характеры персонажей, так что их речи нельзя воспринимать буквально. Немногие современные историки верят в документальность скальдической поэзии так, как верил Снорри, – она была

скорее пропагандой, чем историей, – но в его творениях видно глубокое проникновение в человеческую психологию. А упорное нежелание автора прибегать к сверхъестественным объяснениям делают «Круг земной» одним из самых выразительных, непротиворечивых и надежных сочинений средневековой историографии: при всех его недостатках специалисты по эпохе викингов во многом полагаются на этот источник.

Снорри составил также уникальное руководство по норманнскому искусству сочинения скальдических стихов. Речь идет об особом жанре аллитерационного стиха для публичного исполнения, в котором скальды восхваляли деяния своих высокородных покровителей. Лучшие скальдические поэмы заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение, и так сохранялась посмертная слава их героев – а такие вещи всегда волновали норманнских королей. Обычно скальды одновременно были воинами. Они участвовали в сражениях и прямо в гуще боя слагали стихи, чтобы вдохновить товарищей на доблестные подвиги. Таким образом, скальдические стихи зачастую оказываются самым непосредственным отчетом о битве, какой только нам доступен. Во времена Снорри Стурлусона скальдические стихи уже умирали. Молодые поэты не понимали отсылок к языческой мифологии, которая собственно и придавала этому жанру энергию и колорит. С намерением возродить забытое искусство Снорри и задумал «Эдду» (смысл заглавия неясен), которая давала читателю полное представление о скандинавской мифологии: от сотворения мира до Рагнарёка, гибели богов, а также о поэтических приемах и инструментах, таких как метр, аллитерация и кеннинг (художественное уподобление). Чтобы предупредить обвинения в ереси, Снорри предпослал своему сочинению христианское оправдание языческих

культов, представив старых богов просто обожествленными героями древних времен. Как и с историческими работами, Снорри опирался на широкий круг устных преданий и письменных текстов, часть которых вошла в сборник мифологических и героических песен, так называемую «Старшую Эдду»[15]. Самые важные из них – «Прорицание вёльвы» (Voluspá), которую Снорри цитирует в «Эдде», описывая сотворение мира и Рагнарёк, и «Речи высокого» (Hávamál), собрание коротких изречений, суммирующих житейскую мудрость о поведении в норманнском обществе и дополненных заклинаниями и хвалами верховному богу Одину. Снорри Стурлусону не удалось возродить скальдическую поэзию – вскоре после его смерти исландцы принялись читать и писать рыцарские романы, которые он столь явно не одобрял, – но без его «Эдды» наши знания о скандинавском язычестве были бы значительно беднее.

По иронии судьбы Снорри сыграл заметную роль в падении исландского свободного государства: посещая Норвегию в 1220 г., он стал первым *сторгодаром*, присягнувшим на верность норвежскому королю, и принял от Хакона IV рыцарский титул. Снорри бесстыдно льстил юному монарху и могущественному ярлу Скули Бардарсону, сочинял о них скальдические поэмы. Ярл Скули был так доволен, что осыпал Снорри дорогими подарками, среди которых имелся и корабль. Перед отплытием домой Снорри получил от короля напутствие использовать все свое влияние на альтинге, чтобы привести Исландию под власть норвежской короны. Последствия оказались предсказуемо драматическими. В стараниях укрепить свою власть Снорри довел дело до гражданской войны, и в 1237 г. ему пришлось бежать в Норвегию. Хакон вовсе не был рад видеть его: Снорри открыл норвежской монархии

путь в Исландию, но теперь он перестал приносить пользу. Вместо него Хакон сделал ставку на Гицура Торвальдссона, вождя из рода Хёйкадалюров, соперника Снорри. Король запретил Снорри возвращаться в Исландию, на что имел, как его сюзерен, все права. Снорри, однако, стремился домой, чтобы продолжить свои дела, и в 1239 г. с помощью друга, ярла Скули, бежал в Исландию. Дружба со Скули оказалась для Снорри роковой. В том же году ярл попытался захватить норвежский трон, после чего Хакон приказал Гицуру убить Снорри Стурлусона. Кто-то из доброжелателей Снорри прислал ему зашифрованное предупреждение о готовящемся убийстве, но тот не смог его прочесть и не принял никаких мер предосторожности. В ночь на 23 сентября 1241 г. Гицур с 60 воинами ворвался в Рейкхольт. Застигнутого врасплох Снорри загнали в подвал и убили. Верный своей природе, он не оказал сопротивления. Убийство вызвало возмущение и в Исландии, и в Норвегии, но оно показало, сколь велико было на острове влияние норвежского короля.

Война продлилась еще 20 лет, но это была уже не борьба за независимость Исландии, а соперничество кланов за господство на острове, присоединенном к Норвегии. Когда-то викинги переселялись в Исландию, спасаясь от королевской власти, но в итоге их потомки пали жертвой той же центростремительной силы. Борьба за власть расколола общество, и восстановить мир могло уже только королевское правление: в 1263 г. тинг проголосовал за принятие норвежского владычества.

На Гренландию опускается тьма

В Гренландии даже в Средневековый климатический оптимум условия были слишком суровыми для европейской колонизации, а Малый ледниковый период поставил скандинавскую колонию на грань исчезновения. Ухудшение климата было чревато для колонистов многими последствиями. Около 1300 г. инуиты туле стали мигрировать на юг и занимать жизненно важные для Гренландии охотничьи угодья в Нордсете. Без добываемых там ценных товаров, привлекавших европейских купцов, торговые связи гренландцев с Европой пришли в упадок. Между тем к XIII в. эти связи и так уже ослабли из-за появления торговых путей через Сахару, что обеспечивало европейских ремесленников слоновой костью, качеством значительно превосходившей арктическую моржовую кость. Хлеб, железо и соль в средневековой Европе входили в число предметов первой необходимости, но в Гренландии, должно быть, постепенно превратились в мало кому доступную роскошь. В 1261 г. гренландцы признали власть норвежской короны в обмен на гарантированный ежегодный приход торгового корабля из Бергена. Для судов, еще ходивших в Гренландию, попасть туда становилось все труднее из-за усилившегося льдообразования. В 1341 г. Ивар Бардарссон, священник, посланный в Гренландию, писал, что старая дорога в гренландские поселения, через камни Гуннбьорна, из-за паковых льдов больше не используется. Приходилось спускаться далеко на юг и огибать мыс Фарвель. Кроме того, паковый лед лишил колонию, и без того страдавшую от дефицита древесины, плавника, выбрасываемого морем. Плавание

в Маркланд в 1347 г. (см. главу 8), вероятно, было попыткой изменить ситуацию. Без возможности строить свои суда гренландцы попадали в полную зависимость от большой земли.

Похолодание неблагоприятно сказалось и на сельском хозяйстве колонии: кости из помоек показывают, что гренландцы все больше зависели от добычи диких оленей и тюленей. Человеческие останки из погребений свидетельствуют о распространении болезней, вызываемых плохим питанием, таких как хронические инфекции внутреннего уха, и о сокращении продолжительности жизни. Благополучие колонии целиком зависело от сена. Зимы стали длиннее, а значит, скот дольше оставался в хлевах, и нужда в сене увеличивалась, а заготавливать его становилось все труднее. Если лето выдавалось холодным, трава росла плохо, заготовленного сена не хватало на всю зиму, скот голодал и погибал, а за ним вскоре погибали и люди. Археологические данные говорят, что в Саннесе (Западная колония) в середине XIV в. от голода вымерла целая община. В конюшне тамошнего вождя обнаружены кости девяти охотничьих собак, разделанных на мясо. На такое могло толкнуть лишь подлинное отчаяние. Дома в общине опустели, но даже ценнейшие деревянные балки остались на месте. При остром дефиците дерева в Гренландии это говорит о том, что здесь никто не выжил. Ивар Бардарсон в 1340-х гг. застал Западную колонию полностью необитаемой. Примерно к 1380 г. обезлюдел и Средний поселок.

Хотя археологические свидетельства не подтверждают этого, Ивар Бардарсон считал, что Западную колонию уничтожили инуиты. Причины для конфликта, конечно, были – например, охотничьи угодья, – а инуиты, не имевшие домашних животных, могли счесть скот гренландцев законной добычей для

охоты. Какие-то столкновения между скандинавами и эскимосами определенно имели место, но понять, насколько заметную роль этот фактор сыграл в исчезновении гренландской колонии, уже невозможно. Исландская хроника гласит, что в 1379 г. скрелинги убили 18 гренландцев и забрали в рабство двух мальчиков. Народные сказки инуитов, собранные датскими миссионерами в XIX в., рассказывают и о стычках со скандинавами, и о дружеских отношениях. В одной из сказок говорится о том, как инуиты отомстили скандинавам за нападение на деревню. Прикрываясь белыми шкурами, чтобы лодки казались плавучим льдом, они незамеченными подплыли к скандинавскому хутору. Когда все насельники хутора собрались на ночлег в доме, инуиты обложили его вязанками можжевельника и подожгли. Пытавшихся бежать убивали, едва они выскакивали из дома, стрелами, остальные погибли в огне. В то же время другая сказка рассказывает, как инуиты согласились помочь скандинавам отбиться от морских разбойников, грабивших колонии. Когда разбойники вернулись, инуиты спасли пять женщин и двоих детей. Потом обнаружилось, что всех остальных жителей колонии пираты забрали в рабство, и тогда инуиты приняли спасенных в свое сообщество. В XV в. английские, германские и мавританские пираты нападали на Исландию, захватывая людей для продажи на невольничьих рынках Варварского берега, а в одном из папских посланий упоминается пиратский набег на Восточный поселок, случившийся в 1418 г., так что сказка частично отражает историческую правду. Рейд пиратов-работорговцев обернулся бы для скандинавского сообщества в Гренландии куда более разрушительными последствиями, чем любая стычка с инуитами.

Свадьба в Хвалси

В конце XIV в. контакты между Гренландией и Норвегией стали случайными и редкими. В 1367 г. королевский торговый корабль потерпел крушение в море, и нет никаких свидетельств того, что король послал другой взамен затонувшего. В 1378 г. умер епископ Гардара Альфур, но известие об этом достигло Норвегии лишь в 1385 г. Надлежащим образом назначили нового епископа, но он так и не добрался до своей кафедры. Один из последних кораблей, по данным летописей, посетил гренландскую скандинавскую колонию в 1406 г. – он сбился с курса по пути из Норвегии в Исландию. Из-за паковых льдов во фьорде корабль четыре года не мог продолжить путь. За это время капитан корабля Торстейн Олаффсон успел обвенчаться с Сигрид Бьорнсдоттир в небольшой каменной церкви в Хвалси, что в Восточной колонии. Венчание состоялось 16 сентября 1408 г. и собрало много гостей. Перед венчанием имена вступающих в брак три субботы подряд оглашались публично, а после церемонии священник Паль Халлвардссон вручил счастливой паре брачное свидетельство: это единственный дошедший до нас документ, написанный в гренландской колонии.

В то время дела в Восточном поселке шли пока еще неплохо. Это было вполне жизнеспособное средневековое европейское сообщество, где церковь заботилась о соблюдении христианской морали. Всего лишь за год до свадьбы Торстейна человека по имени Колгрим сожгли на костре, признав виновным в применении черной магии для обольщения некой вдовы. Возможно, именно этим объясняется удивительное нежелание скандинавских гренландцев

перенимать знания и умения инуитов. Инуитские охотничьи технологии далеко превосходили скандинавские, но, даже когда колонистам пришлось все больше и больше зависеть от тюленьего мяса (изотопный анализ скелетов показывает, что к тому времени оно составляло до 80 процентов их рациона), они не обратились к инуитскому опыту. Одежда инуитов отлично приспособлена для выживания в арктических условиях, но предметы одежды, обнаруженные на кладбище в Херъёлфснесе (Восточная колония), показывают, что скандинавы носили шерстяные одежды европейского фасона. Наверное, христианский образ жизни был так важен для колонистов, что любое приобщение к обычаям скрелингов воспринималось как отказ от собственной идентичности.

После отплытия Торстейна с женой в Норвегию в 1410 г. документировано лишь несколько контактов с гренландской колонией. Около 1420 г. Гренландию посетил датский картограф Клавдий Клавус, доплывший до Нордсета и встретивший инуитов, и, вероятно, именно он доставил в большой мир вести о пиратском набеге 1418 г. В 1426 г. гренландец по имени Педер прибыл в Норвегию, и неизвестно, возвратился ли он домой. Одежды, обнаруженные в херъёлфснесских погребениях, говорят о том, что приблизительно до 1450 г. в Гренландии следовали европейской моде, но никаких сведений о внешних контактах, датированных этим временем, не сохранилось. К концу XV в. скандинавская колония в Гренландии стала уже давнишней историй. В 1484 г. в Бергене не нашлось ни одного морехода, знавшего дорогу туда. В 1492 г. папа Александр VI писал о Гренландии как об утраченной земле:

> «У людей там нет ни хлеба, ни вина, ни масла, они живут сушеной рыбой и молоком. Из-за льдов они почти не плавают по морю, это возможно только в августе, когда лед растает. Считается, что уже 80 лет туда не заходили корабли, и все это время там не было ни епископа, ни священника. За отсутствием священников многие тамошние люди, бывшие католиками, отреклись от святого крещения, и ничего не осталось у них, напоминающего о христианской вере, кроме показываемого раз в году священного алтарного облачения, которым 100 лет назад пользовался для совершения мессы последний тамошний священник».

По иронии судьбы папа Александр писал это в том же году, когда Христофор Колумб завершил свое первое трансатлантическое путешествие. Европа уже обладала технологиями, позволявшими совершить то, что оказалось не по силам норманнским предкам гренландцев, – колонизировать Америку.

Судьбу последнего гренландского колониста мы вряд ли когда-то узнаем в подробностях, но вполне вероятно, что к тому времени, когда папа Александр писал о Гренландии, колонии уже опустели и вымерли. Мореходы, посещавшие Гренландию в XVI в., определенно встречали там только инуитов. Романтично представить себе последних гренландцев, обреченных заложников собственного культурного консерватизма, упорно старающихся жить по-европейски, когда ледники каждую зиму спускаются все ниже в долины. Забытые и брошенные большим миром, они умирают один за другим, пока не погибает последний, а может быть, оставшаяся горстка, отчаявшись, уходит к инуитам и умоляет принять их к себе. Однако на самом деле судьба колонии была,

вероятно, не такой трагичной. В гренландских погребениях, относящихся к XV в., нет женщин детородного возраста. В средневековой Европе смерть в родах случалась очень часто, так что это отсутствие, вероятно, знаковое. У Сигрид Бьорнсдоттир родня жила в Исландии, и там Сигрид в итоге осела, покинув Гренландию с мужем. Перед лицом усугубляющейся общественной и экономической изоляции, когда альтернативой тюленьему мясу становилась только смерть от голода, была ли Сигрид единственной молодой женщиной, которая, увидев открывшийся выход, воспользовалась им? Кладбища подсказывают, что это не так. Это часть классической схемы оттока сельского населения по всему миру. Молодые мужчины, которым предстояло унаследовать дом и землю, задерживались дольше, но когда на старом месте не оставалось потенциальных невест, и они мало-помалу мигрировали: например, записываясь в команды тех редких кораблей, что еще заходили в Гренландию. Никуда не уезжали лишь те, кому было слишком поздно начинать жизнь на новом месте, и с оттоком молодых вымирание колонии становилось вопросом времени. Последний форпост норманнского мира, вероятно, просто угас от старости.

Хронология

ок. 1800 г. до н. э. – Начало скандинавского бронзового века.

ок. 500 г. до н. э. – Начало доримского железного века (продлился приблизительно до 800 г.).

ок. 320 г. до н. э. – Пифей из Массалии посещает Фулу.

ок. 1–400 гг. – Возникновение военной знати в Южной Скандинавии.

ок. 400–800 гг. – Формирование первых королевств в Дании, Норвегии и Швеции.

425–500 гг. – Миграция англосаксов из Дании и Германии в Британию.

ок. 528 г. – Поход норманнов к низовьям Рейна под предводительством Хигелака, короля гётов.

ок. 725 г. – Св. Виллиброрд возглавляет первую христианскую миссию в Скандинавию.

737 г. – Завершен первый этап строительства Даневирке.

ок. 750 г. – Шведы поселяются в Старой Ладоге.

ок. 789 г. – Норвежские викинги разоряют Портленд в Дорсете.

793 г. – Викинги грабят нортумбрийский монастырь Линдисфарн.

795 г. – Первые попавшие в хроники набеги викингов на Шотландию и Ирландию.

799 г. – Викинги грабят Аквитанию.

800 г. – Карл Великий организует оборону берегов от норманнских морских разбойников.

810 г. – Датский король Годфред разоряет Фризию.

822–823 гг. – Архиепископ Эббон Реймсский отправляется с миссией в Данию.

ок. 825 г. – В Хедебю отчеканены первые датские монеты.

ок. 825 г. – Викинги вытесняют с Фарерских островов ирландских монахов.

826 г. – Датский король Харальд Клак принимает крещение в Майнце. Святой Ансгар предпринимает первую миссию в Данию.

829–830 гг. – Первая миссия св. Ансгара в Бирку к шведам.

832 г. – Ирландская Арма подвергается трем норманнским набегам за один месяц.

834–837 гг. – Порт Дорестад на Рейне подвергается разграблению ежегодно.

ок. 835 г. – Корабельное погребение в Осеберге.

ок. 839 г. – Русь приходит в Константинополь.

841 г. – В Дублине основан норманнский лонфорт.

843 г. – Верденский договор о разделе Каролингской империи.

844 г. – Армия викингов терпит поражение в испанской Севилье.

845 г. – Даны грабят Гамбург и Париж.

851–852 гг. – Вторая миссия св. Ансгара в Данию и Швецию.

859–862 гг. – Поход Хастейна и Бьорна Железнобокого в Средиземноморье.

ок. 860 г. – Гардар Швед исследует побережье Исландии.

860 г. – Константинополь отбивает первое нападение русов.

862 г. – Король западных франков Карл Лысый распоряжается построить на реках укрепленные мосты для защиты от викингов.

ок. 862 г. – Рюрик становится правителем Новгорода; Аскольд и Дир захватывают Киев.

865 г. – «Великое полчище» данов вторгается в Англию.

867 г. – Даны захватывают Йорк.

870 г. – Даны покоряют Восточную Англию.

ок. 870–930 гг. – Викинги заселяют Исландию.

ок. 870 г. – Рёгнвальд из Мёре учреждает Оркнейское графство.

874–914 гг. – «Сорокалетняя передышка»: перерыв в норманнских набегах на Ирландию.

876–879 г. – Начало заселения данами Восточной Англии.

878 г. – Альфред Великий разбивает данов в Эдингтоне.

ок. 882 г. – Олег объединяет Новгород и Киев.

ок. 885–890 гг. – Харальд Прекрасноволосый побеждает в битве при Хаврсфьорде, объединяя большую часть норвежских земель.

885–886 гг. – Неудачная осада викингами Парижа.

891 г. – Король восточных франков Арнульф разбивает викингов на реке Диль.

ок. 900 г. – Начинается норвежское заселение Северо-Западной Англии.

902 г. – Ирландцы изгоняют викингов из Дублина.

ок. 900–905 гг. – Гокстадское корабельное погребение в Норвегии.

907 г. – После неудачного похода на Константинополь русь заключает с Византийской империей торговое соглашение.

911 г. – Ролло становится графом Руанским, что знаменует собой появление Нормандии.

912–954 гг. – Уэссекс покоряет Данелаг.

914–936 гг. – Викинги оккупируют Бретань.

917 г. – Викинги под водительством Ситрика Каэха отбивают Дублин.

930 г. – Учрежден исландский альтинг.

934 г. – Вторжение германцев под предводительством Генриха Птицелова в Данию.

937 г. – Англичане разбивают скандинавско-шотландское войско в Брунанбурге.

948 г. – В Рибе, Орхусе и Хедебю (Шлезвиге) учреждены первые скандинавские епархии.

954 г. – Последний норманнский король Йорка Эрик Кровавая Секира погибает в битве при Стейнморе.

964–971 гг. – Походы Святослава Киевского против Булгарии, Хазарии и Византии.

965 г. – Датский конунг Харальд Синезубый принимает крещение.

ок. 965 г. – Истощение серебряных копей на Востоке приводит к тому, что торговля скандинавов с исламским миром постепенно прекращается.

974–981 гг. – Германцы занимают Хедебю.

ок. 980 г. – Харальд Синезубый строит в Дании треллеборгские укрепления.

ок. 986 г. – Эрик Рыжий начинает колонизацию Гренландии.

988 г. – Византийский император Василий II учреждает варяжскую гвардию.

988 г. – Киевский князь Владимир Великий принимает православие.

991 г. – Олаф Трюггвасон разбивает англичан в битве при Молдоне.

995 г. – Олаф Трюггвасон захватывает власть в Норвегии и разворачивает политику насильственной христианизации.

995 г. – Олаф Шётконунг становится первым королем, властвующим над гётами и шведами.

1000 г. – Олаф Трюггвасон погибает в битве у Свольдера.

1000 г. – Исландцы принимают христианство.

ок. 1000 г. – Начинаются плавания в Винландию.

1002 г. – Резня в День св. Брайса: истребление живущих в Англии данов.

1014 г. – Датский король Свен Вилобородый захватывает Англию.

1014 г. – Верховный король Ирландии Бриан Бору разбивает союзное войско скандинавов и Лейнстера при Клонтарфе.

1015 г. – Олаф Харальдссон (св. Олаф) становится королем Норвегии.

1016 г. – Кнуд становится королем Англии.

ок. 1027 г. – Первая в Дании каменная церковь построена в Роскилле.

1030 г. – Олаф Харальдссон погибает в сражении при Стикластадире.

1030–1035 г. – Сражение при Тарбат-Несс: Торфинн Могучий, граф Оркни, захватывает господство над Северной Шотландией.

1042 г. – Конец датского правления в Англии.

1043 г. – Магнус Добрый разбивает венедов в битве при Хлюрскогсхейде.

1066 г. – Харальд Суровый погибает в битве при Стэмфорд-Бридже. С битвы при Гастингсе начинается нормандское завоевание Британии.

1075 г. – Последнее датское вторжение в Англию.

1079 г. – Битва при Скайхилле. Гудред Крован объединяет остров Мэн и Гебриды.

1086 г. – Датский король Кнуд Святой откладывает поход в Англию и погибает от рук убийц.

1098 г. – Магнус Голоногий приводит Гебриды и остров Мэн под власть Норвегии.

1103–1104 гг. – В Лунде учреждается первая скандинавская архиепархия.

1107–1011 гг. – Норвежский король Сигурд Юрсальфар возглавляет крестовый поход в Святую землю.

1122–1132 гг. – Ари Торгильссон пишет «Книгу об исландцах».

1147 г. – Датчане участвуют в крестовом походе против венедских язычников.

1156 г. – Сомерлед отвоевывает Южные Гебриды у Гудреда II Мэнского.

1171 г. – Англо-нормандцы захватывают и казнят Аскульфа, последнего скандинавского короля Дублина.

1241 г. – Убит исландский историк и поэт Снорри Стурлусон.

1261 г. – В гренландской колонии устанавливается прямое правление норвежских королей.

1263 г. – Исландия переходит под власть Норвегии.

1263 г. – Скотты наносят поражение норвежцам Хакона IV в Ларгсе.

1266 г. – Норвегия уступает Мэн и Гебриды Шотландии.

ок. 1340 г. – Инуиты захватывают Западную колонию в Гренландии.

1397 г. – Кальмарская уния объединяет Данию, Норвегию и Швецию.

ок. 1450–1500 гг. – Исчезновение скандинавской колонии в Гренландии.

1469 г. – Дания уступает Шотландии Оркни и Шетландские острова.

Норманнские короли и правители ок. 800–1100 гг.

Короли Дании

Ранние короли

ок. 720 г. – Ангантюр
ок. 777 г. – Сигфред
ум. 810 г. – Годфред
810–812 гг. – Хемминг
812–813 гг. – Харальд Клак
812–813 гг. – Регинфред
813–854 гг. – Хорик
819–827 гг. – Харальд Клак (восстановлен на престоле)
854–857 гг. – Хорик II
ок. 873 г. – Сигфред
ок. 873 г. – Хальфдан
ум. ок. 900 г. – Хельги (возможно, легендарный)
ок. 900–936 гг. – Дом Олафа (шведы) (Олаф, Гнупа, Герд, Сигтрюгг)
ок. 936 г. – Хардегон

Еллингская династия

ок. 936–958 гг. – Горм Старый
958–987 гг. – Харальд Синезубый
987–1014 гг. – Свен Вилобородый
1014–1018 гг. – Харальд II
1019–1035 гг. – Кнуд Великий (король Англии с 1016 по 1035 гг.)
1035–1042 гг. – Хардекнуд
1042–1046 гг. – Магнус Добрый (король Норвегии с 1035 по 1046 гг.)

Династия Свена Эстридсена

1046–1074 гг. – Свен Эстридсен
1074–1080 гг. – Харальд III
1080–1086 гг. – Кнуд Святой
1086–1095 гг. – Олаф Голод
1095–1103 гг. – Эрик Великодушный

Короли Норвегии

ум. ок. 880 г. – Хальфдан Черный
ок. 880–930 гг. – Харальд Прекрасноволосый
ок. 930–936 гг. – Эрик Кровавая Секира (низложен, король Йорка в 948, 952–954 гг.)
ок. 936–960 гг. – Хакон Добрый
ок. 960–970 гг. – Харальд Серая Шкура
995–1000 гг. – Олаф Трюггвасон
1015–1028 гг. – Олаф Харальдссон
1030–1035 гг. – Свен Альфивасон
1035–1046 гг. – Магнус Добрый
1045–1066 гг. – Харальд Суровый
1066–1069 гг. – Магнус II
1067–1093 гг. – Олаф Тихий
1093–1095 гг. – Хакон Магнуссон
1093–1103 гг. – Магнус III Голоногий

Короли шведов

ок. 829 г. – Бьёрн и Анунд
ок. 850 г. – Олаф
ок. 935 г. – Ринг, Эрик Рингссон, Эмунд Эрикссон
ок. 980–995 гг. – Эрик Победоносный
995–1022 гг. – Олаф Шётконунг
1022–1050 гг. – Анунд Якоб
1050–1060 гг. – Эмунд Старый
1060–1066 гг. – Стенкиль Рёгнвальдсон
1066–1067 гг. – Эрик и Эрик
1066–1070 гг. – Хальстен
ок. 1070 г. – Анунд из Гардарики
1070–? гг. – Хакон Рыжий
?–1080 гг. – Инге I (низложен)
1080–1083 гг. – Блот-Свен
1083–1110 гг. – Инге I (восстановлен на престоле)

Короли Дублина

853 – ок. 871 гг. – Олаф
863–867 гг. – Асл
ок. 871–873 гг. – Ивар I
873–875 гг. – Эйстейн Олафссон
877–881 гг. – Бард
883–888 гг. – Сигфред
888–893 гг. – Ситрик I (низложен)
893–894 гг. – Сигфред ярл
894–896 гг. – Ситрик I (восстановлен)
896–902 гг. – Ивар II
917–921 гг. – Ситрик Каэх (король Йорка в 921–927 гг.)
921–934 гг. – Гутфрит (король Йорка в 927 г.)
934–941 гг. – Олаф Гутфритссон (король Йорка в 939–941 гг.)
941–945 гг. – Блакайр
945–980 гг. – Олаф Ситрикссон (король Йорка в 941–944 гг. и в 949–952 гг.)
980–989 гг. – Йаркне Олафссон
989–1036 гг. – Ситрик Шелковая Борода
1036–1038 гг. – Эхмарках мак Рагнайлл (низложен)
1038–1046 гг. – Ивар Харальдссон
1046–1052 гг. – Эхмарках мак Рагнайлл (восстановлен) (король Мэна в 1052–1054 гг.)
1052–1070 гг. – Мурхад мак Диармат
1070–1072 гг. – Домналл мак Мурхада или Диармайт мак Маэл
1072–1074 гг. – Гофрайд
1074–1086 гг. – Муйрхертах Уа Бриайн
1086–1089 гг. – Энна мак Диармайт или Доннхад мак Диармайт

1091–1094 гг. – Гудред Кровaн (король Мэна в 1079–1095 гг.)

1094–1118 гг. – Домналл мак Муйрхертах Уа Бриайн

Короли Йорка

876–877 гг. – Хальфдан
ок. 883–895 гг. – Гутфрит
ок. 895 г. – Хардекнуд
ок. 895–901 гг. – Сигфрид
ок. 900–902 гг. – Кнуд
ум. в 903 г. – Этельвольд
902–910 гг. – Хальфдан II
902–910 гг. – Эовилс
902–910 гг. – Ивар
ок. 911, 919–921 гг. – Рагнальд
921–927 гг. – Ситрик Каэх (король Дублина в 917–921 гг.)
927 г. – Гутфрит (король Дублина в 921–934 гг.)
927–939 гг. – Этельстан (король Уэссекса в 924–939 гг.)
939–941 гг. – Олаф Гутфритссон (король Дублина в 934–941 гг.)
941–944 гг. – Олаф Ситрикссон (король Дублина 945–980 гг.)
943–944 гг. – Рагнальд Гутфритссон
944–946 гг. – Эдмунд (король Англии в 939 г.)
946–948 гг. – Эдред (король Англии в 946–956 гг.)
948 г. – Эрик Кровавая Секира (низложен, король Норвегии ок. 930–936 гг.)
949–952 гг. – Олаф Ситрикссон (восстановлен на престоле)
952–954 гг. – Эрик Кровавая Секира (восстановлен на престоле)

Короли Мэна

ок. 971 г. – Маккус мак Аральт (Магнус Харальдссон)

ум. в 989 г. – Гофрайд мак Аральт (Гудред Харальдссон)

ум. в 1004–1005 гг. – Рагналл

ум. в 1014 г. – Бродир?

1052–1064 гг. – Эхмарках мак Рагнайлл (король Дублина в 1036–1038, 1046–1052 гг.)

ок. 1066–1075 гг. – Гудред Ситрикссон

ок. 1075–1079 гг. – Фингал Гудредссон

1079–1095 гг. – Гудред Крован (король Дублина в 1091–1094 гг.)

1095–1096 гг. – Лагманн Гудредссон

1096–1098 гг. – Домналл мак Муйрхертах Уа Бриайн (король Дублина в 1094–1118 гг.)

1098–1103 гг. – Магнус Голоногий (король Норвегии в 1093–1103 гг.)

Ярлы Ладе

ум. ок. 885–890? гг. – Хакон Гротгардссон
ум. ок. 963 г. – Сигурд Хаконссон
ок. 963–995 гг. – Хакон Сигурдссон
1000–1015 гг. – Эрик Хаконссон
1015 г. – Свен Хаконссон
1028–1029 г. – Хакон Свенссон

Графы Оркни

ок. 870 г. – Рёгнвальд из Мёре
ум. ок. 892 г. – Сигурд Могучий
ок. 893 г. – Гутторм
ок. 894 г. – Халлад
ок. 895–910 гг. – Турф-Эйнар
ум. в 954 г. – Арнкель
ум. в 954 г. – Эрленд
ум. в 963 г. – Торфинн Крушитель Черепов, Арнфинн Торфиннссон, Хавард Торфиннссон, Льот Торфиннссон, Хлодвер Торфиннссон
ок. 985–1014 гг. – Сигурд Могучий
1014–1018 гг. – Сумарлиди
1014–1020 гг. – Эйнар Криворотый
1014 – ок. 1030 гг. – Бруси
ок. 1020–1065 гг. – Торфинн Могучий
1037–1046 гг. – Рёгнвальд
1065–1098 гг. – Паль
1065–1098 гг. – Эрленд
1098–1103 гг. – Сигурд (король Норвегии в 1103–1130 гг.)

Герцоги Нормандии

911–ок. 928 гг. – Ролло
ок. 928–942 гг. – Вильгельм Длинный Меч
942–996 гг. – Ричард I
996–1026 гг. – Ричард II
1026–1027 гг. – Ричард III
1027–1035 гг. – Роберт Великолепный
1035–1087 гг. – Вильгельм Завоеватель (король Англии в 1066–1087 гг.)
1087–1106 гг. – Роберт Куртгёз

Князья Киевской Руси

ок. 860–879 гг. – Рюрик (полулегендарный правитель Новгорода)
ок. 879–913 г. – Олег
913–945 г. – Игорь
945–972 г. – Святослав
972–980 г. – Ярополк
980–1015 г. – Владимир
1015–1019 г. – Святополк
1019–1054 г. – Ярослав Мудрый

Московская ветвь династии существовала до 1598 г.

Список иллюстраций

1. Три главных норманнских языческих божества (Werner Forman / Getty Images).

2. Реконструкция длинного дома вождя из Борга, Лофотенские острова, Норвегия. (John Haywood).

3. Корабли бронзового века: петроглифы из Танумсхеде, Швеция (John Haywood).

4. Погребальные курганы Вендельского периода в Гамла Уппсале (Jose Hernandez / Flickr).

5. Гокстадская ладья (Museum of Cultural History, University of Oslo, Norway).

6. Норманнский шлем X в. из Гьёрмундбю, Норвегия (Museum of Cultural History, University of Oslo, Norway).

7. Король Восточной Англии Эдмунд принимает мученическую смерть от рук язычников-данов (John Haywood).

8. Ирландская монастырская круглая башня в Глендалохе (Shutterstock).

9. Золотые ворота Киева (John Swift).

10. Руины Луни на Лигурийском побережье (John Haywood).

11. Укрепления Константинополя (John Haywood).

12. Современная реплика кнорра (Viking Ship Museum, Roskilde, Denmark).

13. Традиционная заготовка сена на Фарерских островах (John Haywood).

14. Тингведлир, Исландия (Ullstein Bild / Getty Images).

15. Реконструкция скандинавского поселения в Л'Анс-о-Медоуз (Wolfgang Kaehler / Getty Images).

16. Вид сверху на Хедебю (Archäologisches Landesamt Schleswig-Holstein).

17. Вид сверху на Треллеборг, Свеаланд (Thue C. Leibrandt /Wikimedia Commons).

18. Король Кнуд и его английская супруга Эльфгифу (The British Library Board, Stowe 944, f.6).

19. Мифический волк Фенрир и мировое древо Иггдрасиль из «Эдды» (Árni Magnússon Institute for Icelandic Studies).

20. Развалины церкви в Хвалси (Wolfgang Kaehler / Getty Images).

Иллюстрации



1. Три главных норманнских языческих божества (слева направо): одноглазый Один; Тор, вооруженный молотом, и бог плодородия Фрейр; гобелен XII в. из Скуга, Швеция



2. Реконструкция длинного дома вождя из Борга, Лофотенские острова, Норвегия. Типичное жилище эпохи викингов, в котором люди и скот помещались под одной крышей



3. Предшественники норманнской длинной ладьи, корабли бронзового века с командой на борту: петроглифы из Танумсхеде, Швеция



4. Признаки формирования государства: погребальные курганы Вендельского периода в Гамла Уппсале, Швеция, по преданию, связанные с протоисторической династией Инглингов



5. Гокстадская ладья 23-метровой длины, построенная ок. 895–900 гг.; на ней могли совершать дальние морские походы до 65 воинов



6. Норманнский шлем X в. из Гьёрмундбю, Норвегия, сохранившийся лучше всех доселе найденных. Нет никаких подтверждений тому, что у норманнских шлемов были рога



7. Король Восточной Англии Эдмунд принимает мученическую смерть от рук язычниковданов в 869 г.; роспись церкви в Пикеринге, Северный Йоркшир



8. Ирландская монастырская круглая башня в Глендалохе; в эпоху викингов в Ирландии были построены десятки таких башен, служивших одновременно колокольнями, сокровищницами и убежищами в случае опасности



9. Золотые ворота Киева, построенные князем Ярославом Мудрым в 1017–1024 гг. как парадный въезд в столицу Руси. Были реконструированы в 1982 г.



10. Руины Луни на Лигурийском побережье: город был разграблен в 860 г. Хастейном, который будто бы принял его за Рим



11. Возведенные в V в. мощные укрепления Константинополя, защитившие город от нападения русов в 860, 907, 941 и 1043 гг.



12. Современная реплика кнорра, торгового корабля для дальнего плавания, с поднятым парусом: на подобных судах скандинавские мореходы пересекали Атлантику



13. Традиционная заготовка сена на Фарерских островах. Норманнские поселенцы в Северной Атлантике были скотоводами, и для благополучной зимовки скота нужно было много сена



14. Тингведлир, Исландия. В этом закрытом ущелье приблизительно с 930 по 1798 г. проходило исландское народное вече, альтинг



15. Реконструкция скандинавского поселения в Л'Анс-о-Медоуз на о. Ньюфаундленд, старейшего из известных европейских поселений в Америке



16. Вид сверху на Хедебю, крупнейший в эпоху викингов город Скандинавии и важнейший центр международной торговли



17. Вид сверху на Треллеборг, Свеаланд: здесь был один из нескольких круглых фортов, построенных Харальдом Синезубым для утверждения королевской власти на территории Дании



18. От предводителя пиратов до покровителя церкви: король Кнуд и его английская супруга Эльфгифу дарят Гайдскому аббатству золотой крест в 1031 г.



19. Сохранение языческих преданий: мифический волк Фенрир и мировое древо Иггдрасиль из «Эдды» Снорри Стурлусона, издание XVII в.



20. Развалины церкви в Хвалси. Состоявшееся здесь в 1408 г. венчание было одним из последних записанных событий в истории скандинавской колонии в Гренландии

---

notes

Сноски

1

Пер. А. Корсуна.

2

Пер. Г. Стратановского.

3

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Эксмо, 2014.

4

Пер. Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухина.

5

В русском переводе: «Там виноградник и сад [такой], что был милостыней для бедных, а если и осталось там [что-нибудь], то только лист на стебле. Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма». (Пер. Т. М. Калининой по: Ибн Хаукал, 1938–1939. С. 393–394.)

6

Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

7

Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

8

Пер. Т. Ермолаева.

9

Гномон – древнейший астрономический инструмент, вертикальный предмет, позволяющий по длине и направлению его тени определять австрономический полдень, направление на север, широту места. – *Прим. ред.*

10

Пер. В. Тихомирова.

11

Пер. с англ. А. Северянина и А. Щавелева.

12

«Книга Страшного суда» – свод материалов всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 гг. по приказу Вильгельма Завоевателя. – *Прим. ред.*

13

Стурлусон С. Круг земной. – М.: Наука, 1980.

14

Стурлусон С. Младшая Эдда. – М.: Вита Нова, 2012.

15

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Эксмо, 2014.